

Харуки Мураками

1Q84

Книга третья

Октябрь-Декабрь

Перевод
с японского на украинский
Иван Дзюб
с украинского на русский
Юрий Калмыков

MURAKAMI

1084

BOOK THREE

三

Харукі

Муракамі

1Q84

 FOLIO

КНИГА III

Глава 1 . Усикава

Что тревожит край сознания

- Господин Усикава, вы могли бы не курить? - сказал невысокий человек.

Некоторое время Усикава смотрел на собеседника по ту сторону стола, а потом бросил взгляд на сигарету «Seven Stars», зажатую между его пальцами. Сигарета не горела.

- Извините - чрезвычайно вежливо добавил гость.

Обескураженное выражение лица Усикавы будто говорило:

«И чего это я её держу в руке?»

- О, действительно это никуда не годится. Конечно, сигарета не зажжена. Рука двигалась сама, машинально.

Мужчина дергал подбородок вниз и вверх, но своего взгляда ничуть не изменял – внимательно смотрел в глаза Усикавы. Тот сунул сигарету в пачку, а пачку положил в ящик.

У порога стоял, чуть прислонившись к косяку, высокий мужчина и смотрел на Усикаву, словно на пятно, проступающее на стене. «Неприятные типы», - подумал Усикава.

С этой парой он встречался и беседовал в третий раз, но всегда чувствовал одинаковое беспокойство.

Невысокий мужчина сидел за единственным столом в офисе Усикавы, напротив него. Его обязанность была в том, чтобы вести переговоры. Хвостатый же постоянно сохранял молчание. Неподвижный, как сторожевой каменный пёс на входе в синтоистский храм, он только следил за Усикавою.

- Уже прошло три недели, - сказал Лысый.

Усикава взял в руки календарь на столе и, проверив записи в нем, кивнул.

- Это правда. От предыдущей встречи именно сегодня прошло три недели.

- За то время вы ни разу нам ничего не доложили. Как я, кажется, говорил в прошлый раз, положение критическое - медлить нельзя. Господин Усикава, времени уже не осталось.

- Я это хорошо понимаю, - вместо сигареты перебирая пальцами золотистую зажигалку, сказал Усикава. - Терять времени нельзя. Я с этим полностью согласен.

Лысый ждал продолжения его рассказа.

- Только мне не нравится копаться в отдельных мелочах - то в одной, то во второй, - продолжал Усикава. - Я хотел бы выяснить всю правду, когда вырисовывается общая картина того, как различные события и люди связаны между собой. А свежее испеченный и неполный доклад может породить только лишние хлопоты. Может это дерзость, но именно таким способом, господин Онда, я собираюсь действовать.

Лысый мужчина по фамилии Онда поглядывал на Усикаву холодными глазами. Усикава знал, что не производит на него приятного впечатления. Однако особенно на это не обращал внимания. Насколько он помнил, с самого рождения он ни разу ни на кого не производил приятного впечатления. Для него, так сказать, это было привычное состояние. Он не нравился ни родителям, ни братьям, ни учителям, ни одноклассникам, ни жене, ни детям. И если бы кто-то проявил к нему добрые чувства, может быть, он немного удивился бы. А так он чувствовал себя спокойно.

- Господин Усикава, если бы была возможность, мы хотели бы уважать ваш подход к делу. И действительно мы уважали. До сегодняшнего момента. А вот на этот раз ситуация совершенно иная. К сожалению, у нас нет времени ждать, пока откроются все факты.

- Господин Онда, я вас понимаю, но, думаю, вы же не сидели, сложа руки, и спокойно ждали моего звонка, - сказал Усикава. - Наверное, параллельно со мной стали что-то делать, не правда ли?

Онда на это не ответил. Губы держал поджатыми. Выражение его лица не изменилось. Но по его реакции Усикава понял, что своим замечанием не промахнулся. Пожалуй, в последние три недели, подняв на ноги всю свою организацию, они разыскивали одну женщину другим способом, чем Усикава. Но никакого результата не смогли достичь. Вот почему эта неприятная пара снова пришла сюда.

- Как говорится, рыбак рыбака видит издалека, - раскрыв обе ладони, сказал Усикава, будто открывая приятную тайну. - Не скрою, что я - именно такой рыбак. Внешностью неказистый, но нюх у меня хороший. Могу быстро проникнуть вглубь, почувствовав слабый запах. Во всяком случае, только своим способом и темпом могу

справиться с работой, потому издавна привык к роли такого рыбака. Я хорошо понимаю ценность времени, но, пожалуйста, еще немного подождите. Если не потерпите, все потеряете.

Онда терпеливо наблюдал, как Усикава крутит зажигалку в руке. Потом поднял голову.

- Вы можете хоть частично объяснить, что до сих пор узнали? Нам известна сложность дела, но начальство нас не поймет, если вернемся без малейших конкретных результатов. Мы, лично, в трудном положении. Да и вы, господин Усикава, не можете жить со спокойной душой.

«И эти типы загнаны в тупик» - подумал Усикава. Их выбрали на роль охранников лидера, опираясь на славу об их высокой способности к рукопашному бою. Тем не менее, на их глазах лидер был убит. Нет, прямых доказательств об убийстве не осталось. Несколько врачей их религиозной организации обследовали труп, но нигде не смогли заметить чего-то похожего на раны. В их амбулатории они пользовались простейшей аппаратурой и, кроме того, не было времени. Если бы проводилась полная судебно-медицинская экспертиза с участием соответствующих медицинских специалистов, может быть, что-то удалось бы открыть. А сейчас уже было поздно. Труп лидера втайне уничтожили на территории секты.

Во всяком случае, положение этих двух мужчин стало деликатным из-за того, что они не сумели уберечь лидера. Им приказали разыскать женщину, перевернув все вверх ногами. И на надежный след они все еще не вышли. У них были определенные знания о средствах безопасности и охраны, но не обладали наработками, как выследить человека, где и как он скрывается .

- Понятно, - сказал Усикава. - Расскажу немного о том, что выяснилось на сегодня. Не все, а только часть.

Онда на минутку прищурился. Затем кивнул.

- Хорошо. И нам кое-что известно из того, что вы уже знаете или не знаете. Поэтому обменяемся знаниями.

Усикава положил зажигалку и сцепил пальцы обеих рук на столе.

- Молодую женщину по фамилии Аомамэ пригласили в гостиницу «Окура» размять мышцы лидеру. Это было поздно вечером, в начале сентября, когда в центре Токио случилась страшная гроза. После того, как женщина, выполнив в течение часа лечебную

процедуру в отдельной комнате, ушла, лидер спал. Она велела дать ему поспать в той же позе часа два. Вы так и сделали. Однако лидер не спал. Он тогда уже был мертв. Ран на нем не осталось. Казалось, с ним случился сердечный удар. Однако сразу после того женщина исчезла. Заранее выехала из квартиры, которая опустела, словно сброшенная скорлупа. На следующий день она уволилась и с работы в спортивном клубе. И так, все делалось планоно. А если так, то получается, что это не простой несчастный случай. Приходится считать, что эта Аомамэ нарочно убила лидера.

Онда кивнул. Возражения до этого не имел.

- Ваша цель состоит в том, чтобы докопаться до правды. А для этого вам - надо ее найти. Надо узнать, действительно ли женщина по фамилии Аомамэ убила его, и если да, то по какой причине и при каких обстоятельствах.

Усикава обратил взгляд на свои десять пальцев, сцепленных на столе. Смотрел на них будто на что-то незнакомое. Потом поднял глаза на собеседника.

- Надеюсь, вы уже проверили отношения в семье к Аомамэ, не правда ли? Все родственники ревностные сторонники «Братства свидетелей». Родители все еще активно привлекают людей к своей секте. Ее тридцатичетырехлетний старший брат работает в штаб-квартире секты, в Одавара, женат, имеет двоих детей. Его жена также пылкая сторонница «Братства свидетелей». И только Аомамэ в этой семье отдалась от секты и, как говорят они, став отступницей, порвала с ними связь. Нет никаких признаков того, что на протяжении последних двадцати лет эта семья хоть как-то контактировала с Аомамэ. Поэтому нельзя подумать, что они ее прячут. В одиннадцатилетнем возрасте она покинула семью и с тех пор жила, полагаясь целиком на собственные силы. Временно находилась на иждивении своего дяди, а когда стала учиться в старших классах, фактически стала самостоятельной. Незаурядная женщина. С сильной волей.

Лысый ничего не сказал. Видимо, и он обладал такой информацией.

- Нельзя считать, что «Братство свидетелей» как-то причастно к убийству. Его члены известны своим пацифизмом и непротивления

злу насилием. Трудно себе представить, что они намеревались лишить лидера жизни. Вы согласны со мной?

Онда кивнул.

- «Братство свидетелей» не связано с этим событием. Это понятно. Для верности я поговорил с ее старшим братом. Так сказать, с *исключительным вниманием*. Однако он ничего не знает.

- С *исключительным вниманием* сдирали ногти? - спросил Усикава.

Онда пренебрег этим вопросом.

- Конечно, это - шутка. Никудышная шутка. Но не пугайтесь. Во всяком случае, брат ничего не знал ни о поведении, ни о месте пребывания Аомамэ, - сказал Усикава. - Я совсем не пацифист и хотя не прибегал к грубой силе, уверен, чтоб Аомамэ не поддерживает никаких связей ни с семьей, ни с «Братством свидетелей». Но, как ни крути, этот ее поступок не поступок одиночки. Она сама не могла бы сделать ничего такого сложного. Она хладнокровно, в определенном заранее порядке, выполнила искусно подготовленный план. А ее исчезновение - просто чудо. Сюда привлекались другие люди и большие деньги. За плечами Аомамэ стоял кто-то или организация, по какой-то причине очень заинтересованные в смерти лидера. А потому подготовка была всесторонней. Вы можете согласиться со мной на этот счет?

Онда кивнул,

- В основном - да.

- Однако о какой организации идет речь, совершенно неизвестно, - сказал Усикава. - Конечно же, вы выяснили, с кем Аомамэ дружила?

Онда молча кивнул.

- Но, увы, она не поддерживала ни с кем дружеских отношений, достойных внимания, - сказал Усикава. - Кажется, у неё не было ни подруг, ни любовника. На работе с людьми общалась, но вне ее ни с кем конкретно не дружила. По крайней мере, мне не удалось найти следы того, что она с кем была в дружеских отношениях. И чего это она, молодая, здоровая, с неплохой внешностью женщина так себя вела?

После этих слов Усикава посмотрел на мужчину с «конским хвостом», стоявшего у порога. За это время его поза и выражение лица ничуть не изменились. Его лицо никогда не имело выражения. И

не могло меняться. «И вообще есть ли у него имя?» - подумал Усикава. Даже если и нет, то не стоит особенно удивляться.

- Только вы вдвоем действительно видели Аомамэ в лицо, - сказал Усикава. - И какое ваше впечатление? Замечалось в ней нечто особенное?

Онда слегка отрицательно покачал головой.

- Как вы сказали, она *по-своему* очаровательная молодая женщина. Но не красавица, способная привлекать к себе человеческое внимание. Спокойная, уравновешенная. Вроде, твердо уверенная в своём профессиональном мастерстве. А кроме этого, ничем другим не привлекала. Впечатление от ее внешности какое-то невнятное. Невозможно подробно вспомнить черты ее лица. Просто удивительно, да и только!

Усикава снова взглянул на Хвостатого у двери. Подумал, что, возможно, тот что-то хочет сказать. Но он не собирался открывать рта.

Усикава взглянул на лысого.

- Конечно, вы сумели проанализировать реестр телефонных разговоров Аомамэ на протяжении последних нескольких недель, не так ли?

Онда покачал головой.

- Нет. Этого мы еще не сделали.

- Советую сделать. Обязательно, - улыбаясь сказал Усикава. - Человек звонит в разные места и принимает звонки отовсюду. Анализ реестра его телефонных разговоров сам собой открывает образ его жизни. Не является исключением и Аомамэ. Заполучить реестр телефонных разговоров некоего лица не просто, но вполне возможно. Потому, что ни говорите, всегда найдется свой человек.

Онда молча ждал продолжения рассказа.

- Так вот, когда я вчитался в реестр телефонных разговоров Аомамэ, то выяснил несколько фактов. С женщинами такое бывает крайне редко, а вот Аомамэ, кажется, не любила вести телефонных разговоров. Говорила нечасто и не очень долго. А если иногда попадались длинные разговоры, то они были исключением из правила. В основном она звонила на работу, но так как индивидуально работала также с отдельными клиентами, то ,в обход конторы спортивного клуба, по телефону договаривалась с клиентами

непосредственно о занятиях. Таких звонков насчитывалось немало. Насколько я могу судить, они не вызывают подозрения.

Усикава сделал на этом паузу и, осматривая следы никотина на пальцах, думал о сигарете. Мысленно зажигал ее, вдыхал и выдыхал дым.

- Однако при этом есть два исключения. Первый - двукратный звонок в полицию. Но не на общий номер вызова 110, а в районный отдел дорожного движения столичного управления полиции в Синдзюку. Оттуда также несколько раз звонили к Аомамэ. Она не имеет собственного автомобиля, а полицейские вряд ли тренируются индивидуально в элитном спортивном клубе. Поэтому, наверное, в этом полицейском отделе она имеет знакомого человека. Кто этот человек, неизвестно. Еще одно, другие звонки меня заинтересовали - продолжительные разговоры с неизвестным телефонным номером. Звонки были односторонними. Аомамэ ни разу не звонила. Узнать нечто о загадочный номере мне не удалось. Конечно, есть номера, которые благодаря определенным техническим хитростям хранятся в тайне. Но и к ним можно добраться, если приложить усилия. Однако кто за этим номером скрывается, я не успел узнать. Обычным способом замок в этом деле не отпирается.

- Выходит, тот ее собеседник может сделать нечто необычное.

- Именно так. Бесспорно, к этому причастен профессионал.

- Еще один рыбак, - заключил Онда.

Усикава потер ладонью сплюснутую лысую голову и насмешливо улыбнулся.

- Именно так. Еще один рыбак. И достаточно сильный.

- Во всяком понемногу стало ясно, что она якобы связана с профессионалом, - сказал Онда.

- Конечно. За спиной Аомамэ стоит организация. И в ней работают не любители.

Прищурив наполовину глаза, некоторое время Онда поглядывал из-под век на Усикаву. Затем, обернувшись, переглянулся с Хвостатым торчащим у дверей. А тот, словно подавая знак, что все понял, легонько кивнул. Онда снова перевел взгляд на Усикаву.

- Что дальше? - спросил Онда.

- А дальше моя очередь спрашивать, - ответил Усикава. – У вас есть какие-нибудь догадки относительно организации или группы, которая могла спланировать уничтожение вашего лидера?

Онда нахмурил длинные брови. На носу образовалось три морщины.

- Господин Усикава, и вы хорошо подумайте. Мы - всего-навсего религиозная организация, стремящаяся к душевному покою и духовным ценностям. Живя в согласии с природой, проводим дни в работе на поле и аскетизме. Собственно, кто может считать нас своим врагом? И какую выгоду он получит, если поступит так?

Усикава чуть натянуто улыбнулся.

- Везде в мире найдется фанатик. И что такой человек сделает - никто не знает, разве не так?

- Никаких догадок у нас нет, - презрев иронию, скрытую в словах Усикавы, спокойно ответил Онда.

- А как дела с группой «Акебоно»? Ее останки все еще бродят возле вас?

Онда еще раз, теперь решительно, отрицательно мотнул головой. Мол, это исключено. И они безжалостно разбиты. Возможно, и следа от них не осталось.

- Значит, и у вас нет никаких догадок. Но на самом деле какая-то организация забрала жизнь вашего лидера. Искусно, ловко, а сама исчезла, развеявшись как дым. Это же неопровержимый факт.

- И нам надо выяснить обстоятельства, при которых это произошло.

- Без помощи полиции.

Онда кивнул.

- Это наша проблема, а не правосудия.

- Хорошо. Это ваша проблема, а не правосудия. Мне все понятно, - сказал Усикава.

- И еще одну вещь я хотел бы спросить.

- Пожалуйста, спрашивайте, - сказал Онда.

- Сколько человек в вашей религиозной организации знает о смерти лидера?

- Мы оба знаем, - сказал Онда. - И еще двое других людей, которые помогали перевозить покойника. Они - наши подчиненные. В верховном руководстве знает пятеро. Всего - девять человек. Трем

жрицам еще неизвестно, но рано или поздно они узнают. Они обслуживали покойника, а потому долго скрывать от них не удастся. А еще вы, господин Усикава, знаете.

- Вместе - тринадцать человек.

Онда не сказал ничего.

Усикава глубоко вздохнул.

- Можно прямо сказать вам свое мнение?

- Пожалуйста, - ответил Онда.

- Наверное, сейчас уже поздно об этом говорить, но вам нужно было немедленно обратиться в полицию, как только стало ясно, что лидер умер, - сказал Усикава. - Обязательно следует было сообщить о его смерти. Этот важный факт не удастся скрыть навсегда. Тайна, о которой знают более десяти человек, уже перестает таковой быть. И вы тогда не загнали бы себя в безвыходное положение.

Выражение лица Лысого не изменилось.

- Судить об этом - не наша задача. Мы только выполняем приказ, который нам дали.

- А, собственно, кто должен судить?

Ответа не было.

- Человек, который заменяет лидера?

Онда все еще хранил молчание.

- Хорошо, - сказал Усикава. - По приказу тех, кто сверху отдал вам приказ тайно уничтожить труп лидера. В вашей организации приказ сверху - прежде всего. Однако с юридической точки зрения такое действие, очевидно, квалифицируется как надругательство над трупом. Как тяжкое преступление. Понятная вещь, вам это известно, не так ли?

Онда кивнул.

Усикава снова глубоко вздохнул.

- Как я уже говорил, если, в крайнем случае, в это дело вмешается полиция, то, пожалуйста, считайте, что я ничего не знал о смерти лидера. Не хочу, чтобы меня привлекли к уголовной ответственности.

- Господин Усикава, мы вам об этом ничего не рассказывали, - сказал Онда. - Вы только разыскивали женщину по фамилии Аомамэ по нашей просьбе, как посторонний исследователь. Ничего незаконного вы не совершили.

- Хорошо. Значит, я ничего от вас не слышал, - сказал Усикава.

- Конечно, мы не хотели сообщать вам как постороннему человеку об убийстве лидера. Но тем, что вы, господин Усикава, начали расследовать биографию Аомамэ, вы уже стали причастными к этому делу. Нам нужна ваша помощь в розыске Аомамэ. И вы обязаны хранить молчание.

- Хранить тайну - главный принцип моей работы. Я не проговорюсь об этом ни одним словом.

- Но если проговоритесь и станет ясно, что источник информации - это вы, то вам беды не миновать.

Усикава опустил глаза на стол и снова рассматривал свои приземистые пальцы с таким выражением лица, будто удивлялся, открыв, что они принадлежат ему.

- Беды не миновать, - подняв голову, повторил он слова собеседника.

Онда чуть прищурился.

- То, что лидер умер, надо было во что бы то ни стало скрыть. Ради этого средств нельзя было выбирать.

- Я буду соблюдать тайну. В этом отношении будьте совершенно спокойны, - сказал Усикава. - Пока что мы с вами успешно сотрудничали. Я для вас конфиденциально проделал несколько дел, которые вам не удавалось бы открыто сделать. Иногда это была тяжелая работа, но я за нее получал хорошее вознаграждение. Так что держал рот на двойном замке. Я совсем не правочерный человек, но покойному лидеру во многом лично обязан. А поэтому не пожалею своих сил, чтобы разыскать Аомамэ. Постараюсь выяснить обстоятельства, которые стоят за ее поступком. Уже подступил к самому важному. Поэтому, по-любому, пожалуйста, наберитесь терпения и подождите. Вскоре, надеюсь, смогу принести вам хорошие новости.

Онда чуть изменил позу на стуле. Словно откликаясь на это, Хвостатый у дверей перевел центр тяжести своего тела с одной ноги на другую.

- Это вся информация, которую вам уже удалось собрать? - спросил Онда.

Усикава на мгновение задумался. Потом ответил:

- Как я уже говорил, Аомамэ дважды звонила в районный отдел дорожной службы столичного управления в Синдзюку. И оттуда ей

несколько раз звонили. Фамилия собеседника неизвестна. Поскольку речь идет о полиции, то на прямой запрос никто ответа не даст. Однако тогда в моей непутевой голове блеснула мысль. Вроде что-то я помнил о районном отделе дорожного движения в Синдзюку. Я долго думал. Собственно, что именно помню? На краю моей скудной памяти нечто вроде зацепилось. Чтобы вспомнить, я потратил много времени. Старость - не радость. С возрастом ящик памяти плохо отодвигается. Когда то что-либо моментально из нее выскакивало. И вот наконец за неделю я всё же вспомнил, что это было.

После этих слов Усикава умолк и, по-театральному улыбаясь, взглянул на Лысого. А тот терпеливо ждал продолжения рассказа.

- В сентябре этого года молодую женщину-полицейского районного отдела дорожной службы в Синдзюку кто-то задушил в гостинице для любовников в квартале Маруяматьо в районе Сибуя. На ней, совсем голой, были наручники, которые использует полиция. Конечно, поднялся небольшой скандал. Интересно, чтоб Аомамэ разговаривала с кем-то из этого отдела полиции на протяжении нескольких месяцев перед тем, как произошел этот несчастный случай. А вот после него ни одного разговора по телефону уже не было. Как вы думаете, это не нечто большее, чем случайное совпадение?

Некоторое время Онда молчал. Потом сказал:

- Итак, вы хотите сказать, чтоб Аомамэ поддерживала связь с убитой женщиной-полицейским?

- Эту женщину звали Аюми Накано. Ей было двадцать шесть лет. На лицо достаточно привлекательна. Происходит из полицейской семьи: и отец, и старший брат - полицейские. Старательная на работе, способная к обучению. Конечно, полиция отчаянно искала преступника, но пока так и не нашла. Может, неуместно спрашивать, но вы тем ни менее ничего об этом не знаете?

Онда взглянул на Усикаву такими холодными глазами, что можно было подумать, что они сделаны изо льда айсберга.

- Я не совсем хорошо понимаю ваши слова, - сказал он. - Господин Усикава, возможно, вы думаете, что мы причастны к этому случаю. Мол, кто-то из наших людей завел женщину-полицейского в сомнительный отель и, заковав в наручники, задушил?

Крепко сжав губы, Усикава замотал головой.

- Да нет, в любом случае так не думаю. Просто спросил, нет ли у вас каких-то догадок. Вот и все. Ибо для меня важен любой мелкий след. Сколько не ломаю голову, а никак не могу установить связь между убийством женщины-полицейского в отеле Сибуя, и вашего лидера.

Некоторое время Онда будто мерил какой-то меркой Усикаву, а затем медленно выдохнул воздух, что собрался в легких.

- Понятно. Эту информацию передадим начальству, - сказал он. И, добыв блокнот, записал в нем: - Аюми Накано. 26 лет. Отдел дорожного движения в Синдзюку. Возможно, связана с Аомамэ.

- Именно так.

- А еще?

- А еще я обязательно хотел бы спросить одну вещь. Наверное, кто-то из ваших людей впервые произнес фамилию Аомамэ. Мол, она - чрезвычайно способный спортивный инструктор. Как вы мне раньше велели, я расследовал биографию этой женщины. Не хочу хвастаться, но я со всей душой, тщательно всё проработал. Однако ничего удивительного, подозрительного не заметил. Она оказалась абсолютно чистой. И вы пригласили ее в номер-люкс отеля «Окура». А что произошло потом, сами знаете. Собственно, кто ее вам порекомендовал?

- Не знаю.

- Не знаете? - переспросил Усикава с видом ребенка, который чего-то не понимает. - Следовательно, вы не можете вспомнить, кто из ваших предложил Аомамэ, не правда ли?

Не меняясь в лице, Онда ответил:

- Именно так.

- Странно, да и только, - действительно удивленно сказал Усикава. Онда молча глядел на собеседника.

- Что-то невероятное. Кто-то когда-то назвал ее фамилию, и дело само собой развивалась. Вы это хотите сказать?

- На самом деле эту фамилию настойчиво предлагал сам лидер, - внимательно подбирая слова, сказал Онда. - Хотя среди руководства организации была мысль, что, возможно, опасно довериться человеку неизвестного происхождения. Конечно, и мы, охранники, также с этой мыслью соглашались. Однако лидер не принимал этого во

внимание. Даже наоборот - сам твердо настаивал на осуществлении этого плана.

Усикава снова взял в руки зажигалку и, открыв ее крышку, будто бы для пробы, зажег. А потом сразу погасил огонь.

- А я считал, что лидер чрезвычайно осторожен, - сказал он.

- Это правда. Был крайне внимательным и осторожным.

После этого наступила полная тишина.

- Хотелось бы спросить вас еще об одном, - сказал Усикава. - О Тэнго Кавана. Он поддерживал связь с Кёко Ясуда, старше его замужней женщиной. Один раз в неделю она приходила к нему на квартиру, чтобы провести с ним интимные часы. Ну, с молодыми такое бывает. И вот однажды вдруг позвонил ее муж и передал, что она больше не сможет приходить. И на этом их связь оборвалась.

Онда нахмурил брови.

- Я не совсем понимаю, куда повернула разговор. Разве Тэнго Кавана имеет некоторое отношение к убийству?

- Нет, этого я не знаю. Только эта история уже давно не выходит у меня из головы. Что не говорите, при любых обстоятельствах женщина обязательно бы позвонила. Поскольку отношения между ними были глубокими. Однако неожиданно, не сказав ни слова, она просто исчезла. Бесследно. Я не люблю застревать долго на одном деле, а потому для определенности лишь спрашиваю: вы случайно не имеете каких догадок по этому поводу?

- По крайней мере, я лично ничего не знаю об этой женщине, - спокойным голосом ответил Онда.

- Кёко Ясуда. Поддерживала связь с Тэнго Каваной. Замужняя женщина, старше его на десять лет.

Онда записал ее фамилию в блокнот.

- И это передадим начальству.

- Хорошо, - сказал Усикава. - Кстати, где находится Эрико Фукада?

Онда поднял голову и посмотрел на Усикаву, словно на скособоленную раму картины.

- А зачем нам знать местонахождение Эрико Фукада?

- Вас не интересует, куда она делась?

Онда кивнул головой.

- Куда она уехала и где находится, нас не касается. Она вольна делать, что ей хочется.

- И Тэнго Кавана вас не интересует?

- С этим человеком нас ничто не связывает.

- А какое-то время назад вы интересовались ими обоими, - сказал Усикава.

На минутку Онда прищурился. А потом ответил:

- Сейчас наша заинтересованность сосредотачивается на Аомамэ.

- С каждым днем заинтересованность меняется?

Онда чуть скривил губы. Ответа не было.

- Господин Онда, вы читали книгу «Воздушный кокон», которую написала Эрико Фукада?

- Нет, в нашей религиозной организации запрещено читать то, что не касается вероучения. Даже в руки брать нельзя.

- А про *Little People* вы слышали?

- Нет, - сразу ответил Онда.

- Хорошо, - сказал Усикава.

На этом разговор закончился. Онда медленно поднялся со стула и поправил воротник пиджака. Отступил от стены на шаг и Хвостатый.

- Как я недавно говорил, время по этому делу - чрезвычайно важный элемент, - поглядывая сверху на Усикаву, который все еще сидел на стуле, сказал Онда. - Надо скорее установить место пребывания Аомамэ. Конечно, мы приложим к этому все усилия, но и вам со своей стороны придется поработать. Если Аомамэ НЕ найдется, нам всем беды не миновать. Потому, что ни говорите, вы - один из тех, кто знает важную тайну.

- Важные знания ведут за собой особую ответственность.

- Вот именно, - спокойным голосом сказал Онда.

Потом повернулся и, не оглядываясь, вышел. За Лысым из комнаты вышел Хвостатый и бесшумно закрыл дверь.

Когда они покинули офис, Усикава, отодвинув ящик, выключил магнитофон. Открыв его, вынул кассету и на этикетке шариковой ручкой, неуместно аккуратными цифрами, написал дату и час. Затем достал из ящика пачку «Seven Stars» и, взяв в рот сигарету, закурил от зажигалки. Глубоко вдохнув дым, выпустил его вверх. Повернув лицо

к потолку, на время закрыл глаза. Затем открыл их и посмотрел на настенные часы. Его стрелки показывали половину третьего.

«Вот неприятные типы!» - снова подумал Усикава.

Если Аомамэ не найдется, нам всем беды не миновать, - сказал Лысый.

Усикава дважды побывал в штаб-квартире «Сакигаке» и тогда своими глазами видел и огромный мусоросжигатель в глубине леса по территории секты - высокотемпературную печь, в которой и от человеческого трупа не осталось бы даже костей, если его туда бросить. Он знал, что тела нескольких человек там оказались. Видимо, и труп лидера был одним из них. Поэтому, естественно, Усикава не хотел такой судьбы. Если же придется умереть, то желал, по возможности, намного более спокойной смерти.

Конечно, Усикава несколько фактов от них скрыл. Не привык показывать все свои карты, что имел в руках. Слабые карты мог на миг показать, а вот козырные никому не открывал. Во всем обязательно страховался. Как, скажем, магнитофонной записью тайной беседы. На таких играх хорошо он хорошо поднаторел. В отличие от молодых охранников лидера Усикава имел большой опыт.

Усикава узнал фамилии людей, с которыми Аомамэ как инструктор клуба проводила индивидуальные занятия. Если, не жалея сил и времени, вооружиться определенным ноу-хау, то в целом можно раздобыть информацию. Он в основных чертах выяснил биографические данные двенадцати клиентов Аомамэ - восьми женщин и четырех мужчин - людей с высоким общественным и финансовым состоянием. И среди них не нашел никого, способного приложить руку к убийству человека. Но его внимания привлекла богатая женщина семидесяти с небольшим лет, которая предоставляла убежище женщинам, которые вынуждены были покинуть свой дом в результате домашнего насилия. В двухэтажном здании рядом с ее просторной усадьбой она поселила этих несчастных женщин.

Сам по себе это замечательный поступок. Ничего подозрительного в этом не было. Однако что-то тревожило край его сознания. А когда что-то тревожило его, то он имел привычку искать, что это такое. Имел звериный нюх, и больше всего доверял своей интуиции. Благодаря этому уже не раз спасался от неминуемой гибели.

Возможно, и в этот раз слово «насилие» стало для него ключевым словом. Эта старая дама была чувствительной к *проблеме насилия*, а потому охотно приняла под свою защиту его жертв.

Усикава решил посмотреть на это убежище, стоявшее на холме в престижном жилом районе Адзабу. Дом оказался старым, но по-своему привлекательным. Сквозь щели в решетчатых воротах перед парадной дверью с резным стеклом виднелась замечательная клумба и просторный травянистый двор. На землю падала тень большого дуба. В последнее время такие дома стали редкостью.

И, в противовес мирному облику здания, средства его охраны поражали необычайной строгостью. Каменная ограда с колючей проволокой сверху. Наглухо запертые крепкие железные ворота, за ними - немецкая овчарка, которая неистово лаяла, когда кто-то приближался. Несколько наблюдательных видеокамер. По улице мимо дома почти никто не проходил, а поэтому надолго останавливаться не годилось. В этом спокойном жилом квартале содержалось несколько иностранных посольств. Если бы такой действительно подозрительный человек, как Усикава, здесь слонялся, то на него сразу кто-нибудь обратил бы внимание.

«Однако охрана чрезмерная. Вряд ли она должна быть такой, даже если речь идет о приюте для жертв насилия. Надо узнать побольше о нем, - думал Усикава. - Какой бы ни была охрана, сквозь нее надо пробиться. Тем более если она такая суровая. Для этого придется придумать какой-то способ. Хорошо поломать голову».

Потом он вспомнил про *LittlePeople* в разговоре с Ондой.

- А про *LittlePeople* вы слышали?

- Нет.

Ответ был очень быстрым. Если бы Онда раньше о них ни разу не слышал, то по крайней мере на мгновение задумался бы перед тем, как ответить. «*LittlePeople?*» - мысленно проверил бы звучание этого слова. А уже потом ответил бы. Такова реакция обычного человека.

Значит, этот человек уже слышал слово *LittlePeople*. Понимает ли его содержание и реальную суть - неизвестно. Во всяком случае, слышит его не впервые.

Усикава потушил окурок, немного задумался и после того зажег еще одну сигарету. Он уже давно начал беспокоиться об угрозе рака

легких. Но чтобы сосредоточенно думать, нуждался в помощи никотина. Как сложится судьба в ближайшие два-три дня - совсем не пустяк. Так стоит ли беспокоиться о здоровье в последующие пятнадцать лет?

Пока Усикава курил третью сигарету, ему в голову пришла одна идея. «Может, теперь-то удастся », - подумал он.

Глава 2 . Аомамэ

Одна-одинешенька, но не одинока

Когда вокруг темнело, она садилась на стул балкона и глядела на детский парк через дорогу. Это было ее важнейшим ежедневным заданием, смыслом ее жизни. Она неустанно следила всегда - когда стояла хорошая погода, хмурилось или падал дождь. С наступлением октября заметно похолодало. И такими вечерами она тепло одевалась, покрывала колени пледом, пила горячее какао. До половины одиннадцатого следила за детской горкой, затем, медленно разогревшись в ванне, ложилась в постель спать.

Конечно, Тэнго мог прийти и днем, засветло. Но, так уж получается, не приходил. Если он появится в этом парке, то только тогда, когда стемнеет и засветится уличный фонарь, а на небе отчетливо засияют две Луны. Наскоро поужинав и одевшись так, чтобы могла выбежать во двор, она поправляла волосы и, усевшись на садовый стул, сосредоточивала внимание на детской горке в вечернем парке. Под рукой всегда должен был находиться автоматический пистолет и бинокль фирмы «Nikon». Опасаясь пропустить появление Тэнго, бегая в туалет, Аомамэ пила только какао.

Целыми днями она неутомимо высматривала Тэнго. Книг не читала, музыки не слушала, а прислушиваясь к внешним звукам, не спускала глаз с парка. Даже позы почти не меняла. Лишь иногда поднимала голову - если вечер был безоблачным - и, поглядывая на небо, убеждалась, что там висят две Луны. А потом снова немедленно вглядывалась в парк. Аомамэ наблюдала за парком, а Луны - за Аомамэ. Однако Тэнго не появлялся.

В вечерний парк наведывалось немногие. Иногда показывались пары молодых влюбленных. Они садились на лавочку и, сжимая друг другу руки, как пара птиц, нервно и коротко целовались. Но поскольку парк был слишком маленьким, а освещение слишком ярким, они чувствовали себя там беспокойно, а потому вскоре переходили куда-либо. Случалось, что некоторые заходили в парк, чтобы воспользоваться общественным туалетом, но, увидев, что его заперли, разочарованно (или и сердито) уходили вон. Среди

заходивших в парк были и служащие фирм, которые по дороге домой садились на скамейку и, наклонив голову, пережидали, когда выветрится хмель. А возможно, не хотели сразу возвращаться домой. В полночь там прогуливал собаку одинокий старый старичок. И собака, и старичок - молчали – они, казалось, потеряли всякую надежду.

И почти всегда в вечернее время людей не было видно. Даже ни один кот мимо не проходил. Безликое свет ртутного фонаря выхватывал из темноты только качели, детскую горку, песочницу и замкнутый общественный туалет. Насмотревшись продолжительное время на такой пейзаж, Аомамэ иногда волновалась - ей казалось, что она осталась на безлюдной планете. Как в фильме, в котором описан мир после атомной войны. Какое же его название?... «На берегу».

Однако Аомамэ и дальше сосредоточено наблюдала за парком. Как часовой моряк, что, выбравшись на высокую мачту, выслеживает рыбные косяки или зловещий вражеский перископ в морских просторах, ее внимательная пара глаз выискивала только одного - Тэнго Кавана.

Возможно, Тэнго, живя в другом районе, в тот вечер случайно проходил рядом. Если это правда, то надежды на то, что он снова навестит этот парк, почти нет. «А впрочем, может, это не так», - думала Аомамэ. Одежда и поведение Тэнго, который сидел тогда на детской горке, почему подсказывали, что он просто вышел на обычную вечернюю прогулку, на небольшое расстояние. И по дороге, зайдя в парк, поднялся на детскую горку. Возможно, чтобы посмотреть на Луну. Если это так, то к его жилищу отсюда можно пойти пешком.

В квартале Коендзи непросто найти место, чтобы созерцать Луну. Здесь ровная земля и почти нет высоких зданий, на которые можно было подняться. А вот детская горка в вечернем парке вполне годилась для такой цели. Здесь тихо и никто не помешает. Если Тэнго захочет смотреть на Луны, то обязательно снова придет сюда. Так предположила Аомамэ. Но тотчас подумала: «Ну, нет, возможно, так просто не получится. Может, он уже нашел лучшее место на крыше высотного здания, чтобы смотреть на два месяца ».

Аомамэ коротко кивнула. «Нет уж, не надо предполагать лишнего. У меня нет другого выбора, как просто верить, что Тэнго

когда-то придет в парк, и дальше настойчиво ждать. Я не могу уйти отсюда, пока этот парк - единственная точка соприкосновения, которая нас обоих объединяет.

Аомамэ не нажала на спусковой крючок пистолета.

Это было в начале сентября. Она стояла на аварийной остановке столичной скоростной автострады номер три во время пробки и, освещенная ослепительными лучами восходящего солнца, с воткнутым в рот черным дулом пистолета фирмы «Heckler und Koch». В костюме от Дзюнко Симата и туфлях на высоких каблуках от Шарля Журдана.

Окружающие люди в автомобилях, не догадываясь, что произойдет, примагнитились к ней своими взглядами. И женщина средних лет в серебристом «Mercedes-Benz coupe», и загорелые водители на высоких сиденьях трейлеров. У них перед глазами Аомамэ собиралась сокрушить мозг пулей калибра девять миллиметров. Другого способа, кроме укорочения собственной жизни, она не имела, чтобы исчезнуть из 1Q84 года. Зато она сможет спасти жизнь Тэнго. По крайней мере, так обещал лидер, когда клялся, попросив собственной смерти.

Аомамэ особо не жалела, что должна умереть. «Кажется, все уже определилось после того, как я оказалась в мире 1Q84 года. Я достигла выполнения своего плана. Поэтому, какой смысл жить одной в этом мире с непонятной логикой, где на небе две Луны, а человеческой жизнью распоряжаются *LittlePeople*? » Но, в конце концов, она не нажала на гашетку пистолета. В последний момент ослабила указательный палец правой руки и вытащила изо рта дуло пистолета. И, как человек, наконец вынырнувший из глубокого моря, сильно вдохнула и выдохнула воздух - так как полностью изменила его в организме.

Аомамэ не ушла из жизни потому, что услышала далекий голос. Тогда, когда напрягла палец на крючке, окружающий шум полностью исчез и наступило безмолвие. Ее окружала глубокая тишина, как на дне бассейна. Там смерть не была чем-то темным и страшным. А, очевидно, чем-то естественным, как околоплодная жидкость для эмбриона. «Неплохо», - подумала Аомамэ. И почти улыбнулась. И именно тогда она услышала голос.

Казалось, этот голос доносился из далекого места и далекого времени. Раньше она его не слышала. Видно, обогнув не один крутой поворот, он потерял свой первоначальный тембр и особенности. А осталось от него только пустое, лишенное смысла эхо. Однако в этом голосе она почувствовала родное тепло. Казалось, голос звал ее по имени.

Аомамэ расслабила палец на спусковом крючке пистолета, прикрыла глаза и прислушалась, пытаясь разобрать слова, которые выдавал голос. Но едва-едва услышала (а может, ей лишь показалось, что услышала) только собственную фамилию. Остальные показались ей завыванием ветра в пещере. Затем голос удалился, еще больше потерял смысл и утонул в безмолвии. Исчезла пустота, которая ее окутывала, мигом вернулся окружающий шум, словно пробку вынули из уха. Очнувшись, она почувствовала, что намерение умереть уже ее покинул.

«Возможно, я еще раз смогу встретить Тэнго в этом маленьком парке, - подумала Аомамэ. - А умереть можно и позже. Еще только один раз воспользоваться шансом. Жизнь - это все же возможность встретиться с ним. *Хочу жить* », - твердо решила она. Это было странное ощущение. Такого она ни разу еще не испытывала. Аомамэ отпустила спусковой крючок, поставила пистолет на предохранитель и сунула его в сумку. Выпрямившись, нацепила на нос темные очки и двинулась в противоположном направлении к такси, на котором прежде ехала. Люди в автомобилях молча смотрели на то, как она широким шагом, в туфлях на высоких каблуках, идет скоростной автострадой. Долго идти не пришлось, ее прежнее такси, подвигаясь медленно вперед, уже было близко.

Аомамэ постучала в окно рядом с таксистом, и тот опустил стекло.

- Опять повезете?

Водитель заколебался.

- Кажется, вы там пистолет в рот вставляли.

- Да.

- Настоящий?

- Да что вы! - скривив губы в усмешке, ответила Аомамэ.

Водитель открыл дверцу, и она села в такси. Сняв сумку с плеча, положила на сиденья и вытерла губы платочком. Во рту остался запах металла и смазки.

- Так что, нашлись аварийная лестница? - спросил водитель.

Аомамэ отрицательно покачала головой.

- Это и не удивительно. Я вообще никогда не слышал, чтобы в таком месте они были, - сказал он. - Ну что, сойдете в Икедзири, как было первоначально оговорено?

- Да, - ответила она.

Высунув руку из открытого окна, водитель перестроился перед большим автобусом на правую полосу. Показания счетчика не изменились после того, как Аомамэ сошла с такси.

Опершись на спинку сиденья и спокойно дыша, она бросила взгляд на хорошо знакомый рекламный щит фирмы «Эссо». Тигр, повернувшись к ней профилем, держал, улыбаясь, в лапах заправочный шланг. «Впустите тигра в свой бензобак», - извещала реклама.

- Впустите тигра в свой бензобак, - прошептала Аомамэ.

- Что? - Спросил водитель, глядя на нее в зеркальце заднего вида.

- Да ничего. Просто пробормотала себе под нос.

«Еще немного поживу на этом свете и посмотрю, что произойдет. Умереть никогда не поздно. Все может случиться», - подумала она.

На следующий день, после того как Аомамэ передумала покончить с собой, позвонил Тамару и она ему сообщила, что ее планы изменились.

- Я решила, что не уеду отсюда. Не буду менять фамилию, и не буду делать пластическую операцию, - сказала она.

На том конце телефонной линии Тамару замолчал. Среди этой тишины он перебирал в своей голове различные версии.

- Значит, вы не хотите переезжать в другое место?

- Да, не хочу, - коротко ответила Аомамэ. - Хочу еще некоторое время побыть здесь.

- Там нет условий, чтобы человек мог скрываться долгое время.

- Если я закроюсь в квартире, и не буду выходить на улицу, меня никто не заметит.

- Не стоит пренебрегать теми типами, - сказал Тамару. - Они все подробно разнюхают и, думаю, кинутся по следам за вами. Опасность угрожает не только вам, но и близким к вам людям. Да и я окажусь в щекотливом положении.

- Мне, конечно, несколько неудобно перед вами, но я хотела бы еще некоторое время пожить именно здесь.

- Твою ж мать! Еще некоторое время!- вырвалось у Тамару - Извините, но по-другому я не мог сказать.

На минутку Тамару задумался. Видно, в звучании ее голоса почувствовал решительность Аомамэ.

- Для меня мое нынешнее положение - превыше всего. *Почти* все. Вы меня понимаете? - сказал он.

- Кажется, понимаю.

Тамару снова замолчал. Потом сказал:

- Хорошо. Просто я хотел, чтобы между нами не было недопонимания. Из ваших слов видно, что вы имеете для этого соответствующую причину.

- Имею, - ответила Аомамэ.

На том конце телефонной линии Тамару коротко откашлялся.

- Как я уже говорил, мы придумали план и подготовились, чтобы переправить вас куда-нибудь далеко, в безопасное место, замести за вами следы, изменить лицо и фамилию. Сделать вас если не полностью, то почти полностью другим человеком. И в этом мы, кажется, договорились.

- Конечно, я это знаю. И против упомянутого плана не возражаю. Но со мной произошло одна неожиданная вещь. И мне надо еще чуть дольше здесь остаться.

- Я не могу вам ничего определенного ответить, - сказал Тамару. И в его горле что-то прохрипело. - Чтобы ответить, нужно некоторое время.

- Тогда я побуду здесь, - сказала Аомамэ.

- Хорошо, - согласился Тамару и положил трубку.

Около девяти на следующее утро зазвенел телефон - сначала трижды, затем, после короткого перерыва, еще раз. Наверняка, звонил Тамару. Без всякого приветствия он начал:

- И мадам обеспокоена тем, что вы там долго задержитесь. В таком случае не удастся гарантировать полной безопасности. Это для вас лишь промежуточный пункт. Наше общее мнение такое, что вам надо как можно скорее перебраться куда-нибудь далеко, в безопасном месте. Вы это понимаете?

- Хорошо понимаю.

- Вы - хладнокровный, решительный, осторожный человек, и не сделаете фатальной ошибки. В целом мы полностью вам доверяем.

- Спасибо.

- Если вы настаиваете остаться в этой квартире *еще немного*, то, значит, имеете для этого соответствующую причину. Я не знаю, какую, но, думаю, это не просто прихоть. А поэтому мадам считает, что в таком случае готова согласиться с вашим пожеланием.

Аомамэ молча слушала.

- Вы можете здесь остаться до конца этого года. Но не дольше.

- То есть, как только этот год кончится, мне придется переселиться куда-нибудь в другое место?

- Да. Но мы постараемся наиболее полно уважать вашу волю.

- Понятно, - сказала Аомамэ. - Итак, до конца года я побуду здесь, а затем переселюсь в другое место.

Однако в действительности думала она иначе - не собиралась никуда ехать, пока не увидится с Тэнго. И если бы она сейчас такое сказала, то дело бы усложнилось. До конца года еще есть определенная отсрочка. А что делать дальше, она подумает позже.

- Значит, договорились, - сказал Тамару. - Один раз в неделю вам будут доставлять продукты и товары повседневного спроса. В час дня каждый вторник будут навещать поставщики. Они сами будут заходить, потому что у них есть свой ключ. Кроме кухни, они не будут никуда заглядывать. А вы в это время оставайтесь в дальней спальне и запирайте дверь на ключ. Лицо не показывайте. Голоса не подавайте. Выйдя из квартиры в коридор, поставщики один раз позвонят. И тогда можете выйти из спальни. Если вам что-то нужно еще, говорите сейчас. Включу это в следующей партии товаров.

- Была бы благодарна за комнатный спортивный тренажер для тренировки мышц, - сказала Аомамэ. - Потому как упражнений без него и просто разминанки недостаточно.

- Настоящего, как в спортивном клубе, не обещаем, но если вам подойдет для домашнего обихода такой, который не занимает много места, то можем приготовить.

- Достаточно простой, - сказала Аомамэ.

- Велотренажером и несколькими вспомогательными снарядами для укрепления мышц обойдетесь?

- Обойдусь. И если можно, не забудьте также металлическую softball-биту.

На несколько секунд Тамару замолчал.

- Битой по-разному пользуются, - сказала Аомамэ. - Просто когда она под рукой, у меня настроение спокойное. Так как я выросла вместе с ней.

- Понятно. Приготовим, - ответил Тамару. - Если вспомните, что вам еще что-то нужно, напишите на бумаге и оставьте на кухонном столе. В следующий раз вам доставят.

- Спасибо. Сейчас мне ничего особенно не нужно.

- Книг или видеофильмов не хотите?

- Ничего особенного не приходит в голову.

- А не подойдет вам «В поисках утраченного времени» Пруста? - спросил Тамару. - Если не читали, то, возможно, получите хорошую возможность прочитать.

- А вы читали?

- Нет. Я никогда не сидел в тюрьме и нигде долго не скрывался. Говорят, что этот роман трудно читать, когда нет такой возможности.

- А кто-то из ваших знакомых читал?

- Среди моих знакомых есть люди, которые длительное время находились за решеткой, но Пруст их не заинтересовал.

- Ладно. Попробую, - сказала Аомамэ. - Если эта книга вам попадется, передайте в следующий раз с поставщиком.

- Признаюсь, я уже приготовил, - ответил Тамару.

Точно в час пополудни во вторник прибыли "поставщики". Как велел Тамару, Аомамэ замкнулась на ключ в дальней спальне и затаила дыхание. Услышала, как щелкнул замок и несколько человек зашло в квартиру. Аомамэ не знала, что это за люди, которых Тамару называл «поставщиками». По топоту их ног она примерно догадалась, что их было двое, но их голоса совсем не услышала. Они принесли

несколько узлов и, не разговаривая друг с другом, их разложили. Было слышно, как они помыли продукты водой из крана и положили в холодильник. Видимо, заранее договорились, кто и что будет делать. Слышно, как они что-то распаковывали, а коробки и бумажную обертку бросали в кучу. Кажется, забрали из кухни мусор. Аомамэ не могла спускаться с пакетами мусора на нижний этаж к мусоросборнику. А потому пришлось ждать, чтобы кто-то другой это сделал.

Поставщики работали живо и результативно. Без лишнего шума и топота ног. За минут двадцать закончив работу, они открыли дверь и вышли. Слышно было, как они запирали из коридора замок и дали условный знак, нажав на кнопку звонка. Для верности Аомамэ подождала пятнадцать минут, вышла из спальни и, убедившись, что никого нет, заперла дверь изнутри на засов.

Крупногабаритный холодильник содержал продукты на целую неделю. На этот раз это были не стерилизованные продукты, которые можно было наскоро готовить на электроплитке, а в основном совсем свежие. Разнообразные овощи и фрукты. Рыба и мясо. Тофу, морская капуста и натто. [1] Молоко, творог, апельсиновый сок. Дюжина яиц. Чтобы не оставлять лишнего мусора, все было выложено из коробок и аккуратно обернуто целлофановой пленкой. Они довольно точно знали, в каких продуктах Аомамэ нуждается ежедневно. Как об этом узнали?

У окна стоял велотренажер. Небольшой, но высокого качества. Его экран показывал скорость движения, пробег и количество затраченной энергии. А также количество оборотов в минуту и пульс. Стояло скамеечный спортивный снаряд для тренировки мышц живота, спины и плеч. С помощью прилагаемых инструментов все можно было просто складывать и разбирать. Аомамэ умела ими пользоваться. Модели тренажеров были простые, но полностью ее удовлетворяли. Их двух хватило, чтобы обеспечить Аомамэ нужной нагрузкой.

Лежала и металлическая бита в мягкой упаковке. Аомамэ вынула ее и несколько раз взмахнула ею. Серебристо сверкая, новенькая бита со свистом резанула воздух. Ее приятная тяжесть успокоила Аомамэ. Прикосновение к бите напомнили ей также о днях юности, проведенных с Тамаки Оцука.

На столе лежали тома «В поисках утраченного времени» Пруста. Не новые, но без следов того, что их кто-то читал. Всего пять штук книг. Аомамэ взяла один том в руки и перевернула его страницы. Кроме того, лежало несколько журналов - еженедельников и ежемесячников. А еще пять новеньких нераспечатанных видеокассет. Неизвестно, кто их подбирал, но это были новые фильмы, которые Аомамэ еще не видела. Она не привыкла посещать кинотеатры, а поэтому не испытывала неудобства, что некоторые пропустила. В большом бумажном пакете универсама содержалось три свитера. От грубого до тонкого. Две толстые фланелевые рубашки, четыре тенниски с длинными рукавами. Все одноцветное, простого кроя. Подходящего размера. Были также грубые носки и колготки. Все, нужное для того, чтобы пробыть здесь до конца декабря. Очень хорошая подготовка.

Аомамэ отнесла эту одежду в спальню, одну часть положила в ящик, а вторую повесила в шкаф. Когда, вернувшись на кухню, пила кофе, зазвонил телефон - сначала трижды, а затем, после короткого перерыва, еще раз.

- Груз доставили? - спросил Тамару.

- Спасибо. Кажется, подобрано все нужное. Спортивного снаряжения достаточно. Осталось только прочесть Пруста.

- Если мы что-то пропустили, то смело говорите, не стесняйтесь.

- Так и сделаю, - ответила Аомамэ. - Правда, определить, что вы пропустили, не просто.

Тамару откашлялся.

- Может, это не к месту будет сказано, но позвольте вас предостеречь.

- О чем?

- Замкнуться самой надолго в тесном месте, ни с кем не встречаться и не разговаривать - все это, если реально попробовать, нелегко перетерпеть. Даже вроде бы не поддающийся человек через некоторое время завоет. Особенно если за ним охотятся.

- А разве я когда-то жила в просторном месте?

- Возможно, это - ваша сильная сторона, - ответил Тамару. - Но все равно лучше быть настороже. Если напряжение непрерывно будет продолжаться, то незаметно нервы растянутся, как резина. А когда полностью растянутся, то вернуться обратно не смогут.

- Постараюсь быть начеку, - сказала Аомамэ.

- Кажется, я уже говорил, что вы - внимательный человек. Практический и терпеливый. Но себя не переоценивайте. Как только потеряете бдительность, то, несмотря на свою внимательность, обязательно сделаете ту или иную ошибку. Одиночество разъедает человека, словно кислота.

- Я думаю, что не одинока, - объявила она наполовину Тамару, наполовину себе. - Одна-одинешенька, и не одинока.

На том конце телефонной линии на минуту воцарилось молчание. Видимо, собеседник раздумывал, какая разница между словами «Один-единственный» и «Одинокая».

- Во всяком случае, теперь буду еще осторожнее. А за ваше предостережение спасибо, - сказала Аомамэ.

- Я хотел бы, чтобы вы поняли одно, - предостерег Тамару. - Мы всеми силами вас поддерживаем. Но если возникнет какая-нибудь неизвестная экстремальная ситуация, может быть, вам самой придется из нее выбираться. Может, мы не сможем вовремя примчаться к вам на помощь. Или же какие-то обстоятельства вообще станут нам мешать. Скажем, если наши отношения с вами станут нежелательными.

- Я это хорошо понимаю. Поэтому собираюсь сама себя защитить, потому как сама решила здесь остаться. С помощью металлической биты и *вашего подарка*.

- Этот мир жесток.

- Потому что, если есть желание, то обязательно будет испытание, - сказала Аомамэ.

Тамару снова еще немного помолчал, а потом сказал:

- А вы слышали о методике последнего испытания кандидата в следователи тайной полиции при Сталине?

- Кажется, не слышала.

- Его заводили в квадратную комнату, в которой стоял только обыкновенный деревянный стул. И вот от начальника он получил такой приказ: «Выбей из этого стула признание и напиши протокол. Пока этого не сделаешь, из комнаты не выйдешь».

- Чрезвычайно сюрреалистическая история, правда?

- Нет, это не сюрреалистическая, а от начала до конца реальная история. Сталин реально создал параноидальную систему и за время

своего правления загнал в могилу примерно десять миллионов человек. В основном своих соотечественников. Мы реально живем в таком мире. Крепко накрепко вбейте себе это в голову.

- Вы на все случаи жизни знаете поучительные истории!

- Не совсем. Просто собираю их в соответствии с потребностью. Каждый раз запоминаю только то, что может реально потребоваться, поскольку систематического образования не получил. *Если есть желание, то обязательно будет испытание.* Все как вы сказали. Это правда. Только желаний мало, и они в основном абстрактные, а испытаний множество, и они в основном конкретные. Этому я научился на своем опыте.

- Ну и, в конце концов, какие признания добывали из деревянного стула начинающие следователи?

- Сомневаюсь, стоит ли над этим задумываться, - ответил Тамару.

- Потому что это будет нечто похоже на коан [2] секты Дзен.

- Сталинской секты Дзен, - сказала Аомамэ.

Немного помолчав, Тамару положил трубку.

В тот день после полудня, пользуясь велотренажером и скамеечным спортивным снарядом, Аомамэ занялась физическими упражнениями. Такими ощутимыми нагрузками она уже давно не наслаждалась. После того смыла пот под душем. Слушая радио, готовила простые блюда. Пересмотрела по телевизору вечерние новости. (Ни одна из них ее не заинтересовала.) А когда солнце зашло за горизонт, вышла на балкон и наблюдала за парком. С тонким пледом на коленях, биноклем и пистолетом. И блестящей новенькой металлической битой.

«Если Тэнго не появится, то я буду проводить однообразную жизнь в квартале Коэндзи, пока не кончится 1Q84 год, полный загадок. Готовить блюда, делать упражнения, пересматривать новости и, перелистывая страницы Пруста, ждать, когда появится Тэнго. Ожидать его - главная моя задача. Теперь только эта слабенькая нить привязывает меня к жизни. Как того паука, которого я увидела, когда спускалась аварийной лестницей столичной скоростной автострады. Маленького черного паука, что, затаился в жалкой паутине среди грязноватой металлической арматуры. Раскачиваемый ветром, дующим между опорами автострады, паучок едва держалось своей

паутины. Мне было даже немного жаль его. И вот сейчас я оказалась в таком же положении, как и тот паук ».

«Надо достать кассету с « Симфонией » Яначека, - подумала она. - Она мне нужна во время физических упражнений, эта музыка связывает меня с неким неопределенным местом. Выполняет роль гида. Надо добавить ее к следующему списку заказанных товаров ».

Теперь, в октябре, осталось только три месяца отсрочки. Часы беспрестанно выбивали время. Усевшись на садовый стул, Аомамэ и дальше наблюдала сквозь щели непрозрачных пластиковых жалюзи за парком и детской горкой. Уличный фонарь обдавал детский парк мертвенно-бледным сиянием. Этот пейзаж вызвал в ее памяти безлюдные проходы в здания океанариума. Невидимые фантастические рыбы бесшумно, ни на секунду не останавливаясь, плыли между деревьями. Две Луны на небе требовали от Аомамэ признания.

«Тэнго, - прошептала Аомамэ. - Где ты сейчас? »

Глава 3 . Тэнго

Звери в европейских костюмах

Пополудни Тэнго наведался в отцовскую палату и, сев в стороне его кровати, развернул привезенную из дома книжку и начал читать вслух. Прочитав страниц пять, отдыхал, а потом опять читал. Читал вслух все - рассказы, жизнеописания и книги о естественных науках. Имело значение не их содержание, а то, что он читал их громко.

Тэнго не знал, отец слышит его голос, или нет. Но смотря на его лицо, не замечал никакой реакции. Тоший несчастный старик, закрыв глаза, только спал. Не шевелился, и даже не было слышно, как дышал. Наверное, дышал, но подтвердить это удалось бы, лишь наклонив близко к нему ухо или проверив, как запотеет зеркало, приложенное к губам. С капельницы в его организм перетекал физиологический раствор с лекарствами, а через катетер чуть капала моча. Только эти два медленных, спокойных процесса показывали, что он еще жив. Иногда медсестра брила его электробритвой и маленькими ножничками с закругленным концом выстригали белые волосы из ушей и носа. Подравнивали также брови, которые и дальше росли, несмотря на то, что он был в коме. Вглядываясь в отца, Тэнго постепенно перестал понимать, есть ли какая разница между человеческой жизнью и смертью. Или вообще она есть? Может, только для удобства мы вбили себе в голову, что есть?

Примерно в три пришел врач и рассказал Тэнго о состоянии больного. Рассказ был короткий и в целом равный. Мол, изменения нет. Больной только спит. Его жизненные силы понемногу истощаются. Другими словами, он медленно и неотвратно приближается к смерти. Никакие медицинские контрмеры, которые надо было бы предпринять, пока не намечались. Ничего другого не оставалась, как дать ему спокойно спать. Только это могло сказать врач.

Под вечер два санитары отвезли отца на обследование. Каждый день санитары были другими и всегда молчаливыми. Возможно, через большие маски на лице они никогда ничего не говорили. Один из них был похож на иностранца. Щуплый и смуглый, он всегда пробовал

улыбнуться Тэнго. Это угадывалось по его глазам. Тэнго также улыбался и кивал.

Через полчаса-час отца снова привезли в палату. Тэнго не знал, какое обследование над ним провели. Когда его увезли, Тэнго спустился вниз, в столовую, выпил зеленого чая и, потратив минут пятнадцать, вернулся в отцовскую палату, надеясь, что на пустой постели, может, появится воздушный кокон, а в ней будет лежать юная Аомамэ. Однако ничего подобного не произошло. В полутемной палате остался только запах больного и пустая кровать с вмятиной от тела.

Стоя перед окном, Тэнго смотрел наружу. По ту сторону двора, поросшего травой, простирался черный сосновый бор, из-за которого доносился шум бушующих волн Тихого океана. В нем будто слышалось густое и мрачное звучание множества душ, что, собравшись, перешептывались между собой. Казалось, их сборище требовало участия еще большего числа душ, чтобы услышать еще больше рассказов.

Перед тем, в октябре, Тэнго дважды в течение выходного дня навещал здравницу в Тикури. Рано утром садился в экспресс, приезжал сюда и, сидя у отца кровати, раз за разом начинал говорить. Однако чего-то похожего на ответ не слышал. Лежа на спине, отец спал глубоким сном. Почти все время Тэнго тратил на созерцания пейзажа за окном. А когда приближался вечер, ожидал, что здесь что-то произойдет. И ничего не случалось. Только солнце спокойно заходило за горизонт, и палату окутывала легкая тьма. И тогда, отчаявшись, Тэнго вставал, садился в последний экспресс и возвращался в Токио.

«Может, нужно гораздо продолжительнее видеться с отцом, - подумал он однажды, - а не приезжать только на один день. Возможно, я должен выполнять старательней свои обязанности ». Особенно конкретного основания для этого не было, но так ему казалось.

Во второй половине ноября Тэнго, наконец-то, решил взять отпуск. В подготовительной школе он объяснил, что должен ухаживать за отцом, который находится в тяжелом состоянии. И это была правда. Заменить себя в школе попросил своего

университетского однокурсника - одного из немногих, с кем поддерживал хоть какую-то связь и после окончания университета один-два раза в год общался. Тот однокурсник имел славу особого чудака даже на математическом факультете, богатом чудаками, и был чрезвычайно способным. Однако, получив университетский диплом, он не устроился на солидную работу, не занимался наукой, а, когда имел настроение, преподавал математику в частной школе, которой руководил его знакомый. Остальное время тратил как вздумается на чтение различных книг и рыбалку в горных реках. Тэнго случайно узнал, что тот имеет учительский талант, который сам не ценит. Да ему и не приходилось напрягаться на работе, потому что он принадлежал к зажиточной семье. Как то однажды он прочитал лекцию вместо Тэнго и среди учащихся получил хорошую репутацию. Так что Тэнго позвонил ему, объяснил свою ситуацию, и тот легко согласился помочь.

После того у Тэнго осталась еще одна проблема - что делать с Фукаэри, которая проживала вместе с ним. Он не знал, целесообразно ли оставлять ее одну в своей квартире, далекую от мира девушку, на длительное время. К тому же она скрывалась, избегая людей. А потому спросил ее саму, будет ли она одна жить в квартире, или же хочет временно перебраться куда-нибудь.

- Куда-вы-уезжаете - спросила она серьезно.

- В «Кошачий город», - ответил Тэнго. - Отец лежит без сознания. Уже достаточно давно спит глубоким сном. Мне сказали, что, возможно, он недолго протянет.

То, что однажды вечером на кровати палаты появился воздушный кокон, Тэнго обошел молчанием. И то, что в нем спала юная Аомамэ. И то, что воздушный кокон в мельчайших деталей была такой, какой ее описала Фукаэри в повести. И то, что втайне надеется еще раз его увидеть.

Прищурившись и плотно сжав губы, Фукаэри долго не спускала с него глаз. Будто хотела прочитать послание на его лице, написанное мелкими иероглифами. Почти невольно Тэнго коснулся рукой лица, но ни одной надписи не почувствовал наощупь.

- Хорошо, - сказала вскоре Фукаэри и несколько раз кивнула. - Обо-мне-можете-не-беспокоиться. Я-постерегу-квартиру. - Потом, немного подумав, добавила: - Пока-опасности-нет.

- Пока опасности нет, - повторил Тэнго.
- Обо-мне-можете-не-беспокоиться, - повторила Фукаэри.
- Ежедневно звони по телефону.
- Только-не-останьтесь-в-«Кошачьем-городе».
- Постараюсь, - сказал Тэнго.

Он зашел в супермаркет и купил много продуктов, пригодных для легкого приготовления блюд, чтобы в течение определенного времени Фукаэри не пришлось никуда выходить. Тэнго хорошо знал, что она не имеет ни умения, ни охоты до стряпни. А поэтому хотел избежать ситуации, когда, вернувшись через две недели домой, увидит в холодильнике размякшие когда-то свежие продукты.

В полиэтиленовые пакеты Тэнго положил смену белья и туалетные принадлежности, несколько книг, ручки и бумагу. Как всегда, отправился из Токийского вокзала на экспрессе, в Татееми пересел на обычную электричку и сошел на второй остановке в Тикури. На станции посетил туристическое бюро и искал отель в японском стиле, в котором смог остановиться за сравнительно дешевую плату. Поскольку курортный сезон уже закончился, свободный номер нашелся легко. Этот простой отель любили в основном приезжие рыбаки. В тесном, но чистом номере пахло новыми матами. Из окна на втором этаже был виден рыболовный порт. Плата за пребывание в нем с учетом завтрака и ужина оказалась дешевле, чем он надеялся.

Он еще не знал, как долго здесь задержится, но сказал, что пока заплатит вперед за трое суток. Владелица гостиницы не возражала. Она обтекаемо пояснила, что отель закрывается в одиннадцать и что приводить к себе женщин не желательно. Тэнго также против этого не возражал. Обосновавшись в номере, позвонил в здравницу. Медсестре, которая взяла трубку (как всегда, это была женщина средних лет), сказал, что хотел бы повидаться с отцом, и спросил, не возражает ли она. Медсестра ответила, что нет, не возражает.

- Господин Кавана все еще спит, - сообщила она.

Вот так началось пребывание Тэнго в «Кошачьем городе» на морском берегу. Встав рано утром, он прогуливался вдоль берега, наблюдал, как в рыболовный порт заходят и уходят с него рыболовные суда, после чего возвращался в отель и завтракал.

Ежедневно на стол подавали одно и то же - сушеную ставриду, яичницу, помидор, разрезанный на четыре части, приправу из водоросли, суп из мисо и моллюсками «курбикура», вареный рис, - но почему-то все было вкусным. После завтрака Тэнго садился за стол и писал роман. После долгого перерыва он писал текст авторучкой, и это приносило ему наслаждение. Работа в незнакомой местности, подальше от обычной жизни, изменила его настроение к лучшему. Было слышно однообразный грохот моторов рыболовных судов, которые отправлялись из порта или возвращались домой. Этот звук ему нравился.

Тэнго писал роман, действие в котором разворачивалась в мире с двумя Лунами на небе. В мире, где существовали *Little People* и воздушный кокон. Заимствованный из «воздушного кокона» Фукаэри, тот мир сейчас стал его собственным. Когда он сосредотачивался на бумаге, то его сознание жило в том мире. Бывало и так, что оно оставалась там, даже когда он откладывал авторучку и отходил от стола. Тогда было такое чувство, будто тело и сознание отделились друг от друга и не удается определить, где реальный мир, а где фантастический. Наверное, подобное настроение было у главного героя «Кошачьего города». Центр тяжести мира незаметно перемещался на другое место. И таким образом главный герой, возможно, никогда не мог сесть на поезд, отправлявшийся из города.

В одиннадцать утра Тэнго приходилось выходить из номера, чтобы его убрали. И тогда, перестав писать, он неторопливо шел к станции, заходил там в кафе и пил кофе. Иногда съедал сэндвич, но чаще обходился даже без еды. Брал в руки утренний выпуск газеты и внимательно проверял, нет ли в ней статьи, которая должна до него какое-то отношение. Однако ничего подобного не находил. «Воздушный кокон» уже давно исчез из списка бестселлеров. На первое место в нем вышла книга под названием «Как похудеть, вволю надеясь того, чего хочется». Хорошее название! Видимо, продается даже с чистыми страницами.

Выпив кофе и просмотрев газету, Тэнго на автобусе ехал в здравницу. Туда прибывал чаще в промежутке между половиной первого и второго. В приемной всегда недолго разговаривал с медсестрой. Теперь, когда он задержался в городе на длительное

время, медсестры стали относиться к нему немного приветливее и добрее. Как семья, спокойно принявшая блудного сына.

Одна молодая, лет чуть более двадцати, медсестра, невысокая, с волосами, собранными в виде конского хвоста, с большими глазами и краснощекая, увидев Тэнго, всегда стыдливо улыбалась. А он с тех пор как увидел девочку внутри воздушного кокона, думал только об Аомамэ. Другие женщины казались ему только невнятными тенями, которые иногда проходили мимо. В уголке его головы постоянно сохранялся образ Аомамэ. Он считал, что она где-то в этом мире живет. И, возможно, ищет его. А потому в тот вечер с помощью особого канала пришла на встречу с ним. Следовательно, и она его не забывает.

Если, конечно, то, что сам видел, не галлюцинация ...

Иногда он вспоминал замужнюю подругу. Собственно, что она сейчас делает? Ее муж по телефону сказал, что она пропала. Поэтому больше с Тэнго не встретится. Пропала. Еще теперь и это слово тревожило его. В нем, несомненно, звучало нечто зловещее. Тем не менее, в конце концов ее образ медленно удалился. Послеобеденные часы, проведенные с ней, могли вспоминаться лишь как уже завершенное прошлое событие. Поэтому Тэнго чувствовал угрызения совести. Однако неожиданно сила тяжести изменилась, и железнодорожная стрелка окончательно переместилась. Теперь возврата назад уже нет.

Зайдя в отцовскую палату, Тэнго сел на стул рядом с кроватью и коротко поздоровался. А потом по порядку рассказал, что делал до сих пор со вчерашнего вечера. Конечно, ничего особенного не делал. Вернулся на автобусе в город, поужинал в столовой, выпил бутылку пива и в гостинице читал книгу. Лег спать в десять. Встав рано, прогулялся по городу, позавтракал и часа два писал роман. Ежедневно повторялось одно и то же. Но бессознательному отцу ежедневно достаточно подробно докладывал, что делал. Конечно, от него не услышал ни одной реакции. Словно рассказывал стене. Все это было только привычным ритуалом. Однако иногда простое повторение имеет немалое значение.

Затем Тэнго читал вслух книгу, которую привез с собой. Не какую-то особую, а отрывок книги, которую сам тогда читал. Если бы

под рукой была инструкция о пользовании газонокосилкой, то, пожалуй, и ее бы он читал отцу. Тэнго пытался читать текст медленно, как можно выразительным голосом, чтобы слушателю было ясно. Только на этом сосредоточивал свое внимание.

«Вспышки молнии на улице каждый раз крепили, и иногда синий свет заливал всю улицу, но грома не было слышно. Может, гром грохотал, но я, расслабившись, как бы не воспринимал его на слух. Дождевая вода текла по улице. Кажется, по ней все еще друг за другом в столовую заходили посетители. Товарищ, к которому я пришел ранее, не спускал с людей взгляда, а потому я удивлялся, но все еще молчал. Вокруг щирился гул, сбоку и спереди на нас так надвигались люди, что стало трудно дышать.

Кто-то кашлянул или поперхнулся едой, казалось, странным голосом, похожим на собачье «Нюх-нюх».

Вдруг вспыхнула страшная молния и своим синим светом обдала помещения и людей в нем. В тот же миг так загрохотал гром, что, казалось, крыша провалится. С перепугу встrepенувшись, я увидел, что на нас уставились люди с лицами, похожими не то на собачьи, не то на лисьи морды, все в европейских костюмах, некоторые из которых своими длинными языками облизывали губы ». [3]

Дочитав до этого места, Тэнго взглянул на отца и сказал: «Конец». На этом произведение кончилось.

Реакции никакой.

- Какое впечатление?

Отец не ответил.

Иногда Тэнго читал ему часть своего романа, которую написал утром. Прочитав ее вслух, исправлял шариковой ручкой то, что не понравилось, и еще раз читал. Если и на этот раз оставался недоволен звучанием текста, то вносил новые правки. И опять читал вслух.

- Исправленный текст стал лучше, - говорил он, словно обращаясь к отцу за поддержкой. И, конечно, отец не высказывал своего мнения. Даже не говорил, что не важно, какой из вариантов текста лучший. Только лежал с закрытыми веками на запавших глазах. Как несчастный дом с наглухо запертой дверью.

Время от времени Тэнго вставал со стула, выпрямлялся и шел к окну. Несколько дней подряд были мрачными, однажды шел дождь. Падал пополудни непрерывно, окутывая сосновый бор тяжелой, темной влагой. И тогда совсем не было слышно шума волн. День был безветренный, и только с неба отвесно сеялись дождевые капли. Сквозь них пролетали стаи черных птиц. Наверное, и их души потемнели от воды. Отсыревала и отцовская палата. Влагой пропиталось все - подушка, книжки и стол. И независимо от погоды и влаги, ветра и шума волн отец беспрестанно находился в коматозном состоянии. Онемелость, словно траурная одежда, окутала все его тело. Немного передохнув, Тэнго снова принимался читать отцу вслух. В этой тесной влажной палате, кроме этого, не имело смысла что то еще делать.

А когда ему надоедало читать вслух книгу, он молча сидел на стуле и смотрел на отца, который все еще спал. И тогда размышлял над тем, что, собственно, происходит в его мозге. Собственно, какую форму сохранило сознание внутри его твердого, как старое наковальня, черепа? А может, там уже ничего не осталось? Как в покинутом доме, из которого вывезли абсолютно все имущество и утварь, и исчезли следы людей, которые некогда там жили. Однако и тогда, наверное, на его стенах и потолке запечатлевались воспоминания о прошлом и его картины. Выращенных на протяжении длительного времени, их не могло так быстро поглотить бездонное ничто. Возможно, лежа в простой постели приморской здравницы, в темноте пустого дома его души он видел вокруг себя картины и воспоминания, о которых другие люди ничего не знали.

Вскоре пришла молодая краснощекая медсестра и, улыбаясь Тэнго, померила температуру у отца, проверила остатки раствора в капельнице и объем собранной мочи. Шариковой ручкой на картоне написала несколько цифр. Все делала как по учебником, ее движения были автоматическими и быстрыми. Следя за ними, Тэнго рассуждал над тем, что испытывает медсестра, которой приходится ухаживать за стариками с нарушениями функций мозга, не имеющие надежды на выздоровление, лежащими в здравнице приморского городка. Она производила впечатление молодой и здоровой женщины. Ее грудь и бедра под накрахмаленным белым халатом были маленькими, но

нужного веса. На ее гладкой шее сверкал серебристый пушок. Пластиковая карточка на груди гласила, что ее фамилия Адати.

Собственно, что привело ее в эту глушь, в которой хозяйничает забвение и медленная смерть? Тэнго знал, что она - способная и трудолюбивая медсестра. Еще - молодая и искусная. Если бы хотела, то, наверное, могла бы переехать в другое лечебное учреждение. В более живую и интересную местность. Почему же она намеренно выбрала себе работу в таком глухом углу? Тэнго хотел узнать причину и обстоятельства, побудившие ее к этому. Если бы он спросил, то, наверное, она бы искренне рассказала. Так ему казалось. Однако подумал, что, по возможности, лучше в такие дела не влезать. Потому, что и говорить, он находился в «Кошачьем городе». Когда-то ему придется сесть в поезд и вернуться в предыдущий мир.

Окончив определенную работу, медсестра положила карточку больного на свое место и смущенно улыбнулась Тэнго.

- Особых изменений нет. Как всегда, то же самое.

- Стабильное состояние, - как можно более бодрим голосом сказал он. - Если говорить точнее.

Она чуть виновато улыбнулась и слегка наклонила голову. Потом взглянула на книжку, развернутую на его коленях.

- Вы ее читаете отцу?

Тэнго кивнул.

- Но сомневаюсь, что он слышит.

- Все равно это хорошо, - сказала медсестра.

- Не знаю, хорошо ли это, или плохо. Ибо другого ничего не могу придумать.

- Все не могут.

- Потому, в отличие от меня, большинство в жизни спешит, - сказал он.

Медсестра вроде бы собралась что-то сказать, но запнулась. Так ничего и не сказала. Посмотрела на отца, а затем на Тэнго.

- Берегите себя, - сказала она.

- Спасибо, - ответил Тэнго.

Когда медсестра Адати вышла, он немного подождал, а потом принялся за чтение вслух.

Под вечер, когда отца на кровати с колесиками повезли на обследование, Тэнго зашел в столовую, выпил чаю и по общественному телефону позвонил Фукаэри.

- Ничего не случилось? - спросил он девушку.

- Особо-ничего, - ответила она. - Как-всегда.

- И со мной все в порядке. Ежедневно делаю одно и то же.

- А-время-движется-вперед.

- Именно так, - согласился Тэнго. - Ежедневно время продвигается вперед на один день. И того, что прошло, не вернуть.

- Недавно-ворона-снова-прилетала, - сказала Фукаэри. - Огромная-ворона.

- Под вечер она всегда прилетает к нашим окнам.

- Ежедневно-делает-одно-и-то-же.

- Именно так, - согласился Тэнго - Как и мы.

- Но-о-времени-она-не-думает.

- Наверное, не думает. Потому что, возможно, понятие времени имеет только человек.

- Почему?

- Человек представляет себе время прямым. Будто делает зарубки на длинной прямой палки. Мол, вот здесь, спереди, - будущее, а вот здесь, сзади, - прошлое. А теперешнее вот в этой точке. Понимаешь?

- Вроде.

- Но в действительности время не является прямым. Не имеет никакого вида. В любом понимании не имеет формы. Но так как бесформенная вещь не укладывается у нас в голове, то для удобства мы представляем себе его прямым. Заменить такое понятие подобным восприятием способен пока только человек.

- А-может-мы-ошибаемся?

Тэнго задумался.

- Хочешь сказать, что мы, может, ошибаемся, представляя себе время как прямую линию?

Ответа не было.

- Конечно, такая возможность не исключена. Мы ошибаемся, а ворона - нет. Возможно, время вовсе не является прямой. А имеет форму крученого бублика, - сказал Тэнго. - Однако, возможно, человек жил с таким представлением десятки тысяч лет. Коротко говоря, считал, что время всегда прямая линия, и действовал на

основании такого основного понятия. До сих пор в таком своем действии не смог обнаружить неудобства и противоречия. Поэтому такое представление правильное как закон, установленный на основе опыта.

- Закон-установленный-на-основе-опыта, - повторила Фукаэри.

- То есть вывод считается правильным, если он подтверждается многими отдельными примерами.

Некоторое время девушка молчала. Тэнго не знал, что она из этого поняла, а что - нет.

- Алло! - обратился он к ней.

- Сколько-вы-там-будете, - спросила девушка без вопросительной интонации.

- То есть, как долго я буду в Тикури?

- Да.

- Не знаю, - честно признался Тэнго. - Пока могу только сказать, что останусь здесь, пока кое-чего не узнаю. А неясного немало. Еще немного хочу проследить, как развиваются события.

Фукаэри снова замолчала. Когда она умолкала, то словно пропадала.

- Алло! - снова заговорил Тэнго.

- Не-опоздайте-на-электричку, - сказала она.

- Постараюсь, - ответил он. - Чтобы не опоздать на электричку. А у тебя все нормально?

- Недавно-какой-то-мужчина-приходил.

- Какой?

- С-эн-эйч-кей.

- Сборщик абонентской платы для «ННК»?

- Сборщик-абонентской-платы, - повторила Фукаэри без вопросительной интонации.

- И ты с ним разговаривала? - Спросил Тэнго.

- Я-не-поняла-что-он-говорил.

Что такое «ННК», она вообще не знала. Не имела полных основных знаний об обществе.

- Если объяснять по телефону, то получится длинный разговор, - сказал Тэнго. - А если говорить кратко, то это большая организация, в которой работает много людей. Они обходят квартиры во всей Японии и собирают ежемесячную плату. Но ни я, ни ты не должны

ничего платить. Ибо мы ничего не получаем. Во всяком случае, ты двери не открыла?

- Не-открыла-как-он-сказал.

- Вот и хорошо.

- Но-он-обозвал-меня-вором.

- Неважно, - сказал Тэнго.

- Мы-же-ничего-не-украли.

- Конечно. Ни ты, ни я ничего плохо не делаем.

Девушка снова замолчала.

- Алло! – опять заговорил Тэнго.

Фукаэри не отвечала. Неужели положила трубку? Однако не было слышно ни одного похожего на отключение телефона звука.

- Алло! - Еще раз, на этот раз громче, сказал Тэнго.

Фукаэри кашлянула.

- Тот-мужчина-вас-хорошо-знает.

- Сборщик платы?

- Да-мужчина -с-эн-эйч-кей.

- И обозвал тебя вором?

- Не-меня.

- Значит меня

Девушка не ответила.

- Во всяком случае, у нас нет телевизора и мы ничего не украли в «ННК».

- Но-он-рассердился-что-я-не-открыла-двери.

- Неважно. Пусть сердится. Что бы он ни говорил, двери не надо открывать.

- Не-открывать.

Сказав эти слова, Фукаэри внезапно положила трубку. А может, и не внезапно. Возможно, она считала естественным и логичным поступать таким образом, когда клала трубку. Но вообще то на слух это казался ему внезапным. В конце то концов, Тэнго хорошо знал, что невозможно предугадать, о чем она думает и что чувствует. Сама по себе.

Он положил трубку и вернулся в палату отца.

Отца еще не привезли. На простыне кровати все еще оставались следы от лежавшего тела. И воздушного кокона там не было. В

палате, окрашенной легкими холодными предвечерними сумерками, остался только маленький след человека, который был здесь недавно.

Вздыхнув, Тэнго сел на стул. Положил обе руки на колени и долго смотрел на кровать. Затем, поднявшись, подошел к подоконнику и выглянул наружу. Над сосновым бором, который защищал здравницу от ветра, простиралось полосой осеннее облако. Уже давно он не видел такой очаровательной вечерней зари.

Тэнго не понимал, почему собиратель абонементной платы «NHK» его хорошо знает. Последний подобный собиратель приходил год назад. И тогда Тэнго на пороге вежливо объяснил ему, что не имеет телевизора. Мол, никогда его не смотрит. Тот с объяснением не согласился, и что-то недовольно пробурчав, молча ушел.

Неужели сегодня приходил именно тогдашний собиратель? Тэнго вспомнил, что вроде бы это он обозвал его «вором». Однако немного странно, что, придя через год, тот же сборщик мог сказать, что его хорошо знает. Ведь они тогда разговаривали на пороге лишь минут пять.

«Да ладно, - подумал Тэнго. - Во всяком случае, Фукаэри не открыла двери. Поэтому он вряд ли придет вторично. Пытаясь выполнить норму, они устают от неприятной споры с людьми, которые отказываются платить. А потому, чтобы не тратить лишних усилий, обходят упрямых и собирают плату с покладистых хозяев».

Тэнго снова перевел взгляд на впадину на кровати, которую оставил отец. И вспомнил, сколько башмаков тот сносил. На протяжении длительного времени, обходя каждый маршрут сборщика платы, он довел до смерти их несметное количество. Все они имели почти одинаковый вид. Черные, с грубой подошвой, дешевые и практичные, они были из кожи. Отец так жестоко их эксплуатировал, что они протирались, снашивались, а их каблуки скособочивались. Каждый раз, когда Тэнго видел такие деформированные ботинки, его юная душа замирала. Однако он жалел не отца, а скорее ботинки. Они вызывали в его воображении несчастной рабочий скот, который использовали и довели до смерти.

Но если хорошо подумать, то разве его отец не похож на рабочий скот, находящийся при смерти? Разве он не похож на потертые кожаные ботинки?

Тэнго снова выглянул в окно и заметил, как сгущается вечерняя заря на западной части неба. И он опять подумал о воздушном коконе, что светился бледным сиянием, и о сонной юной Аомамэ, лежавшей внутри.

Появится или не появится еще раз здесь этот воздушный кокон?

И действительно ли время имеет форму прямой линии?

- Видимо, я попал в затруднительное положение, - повернувшись к стене, сказал Тэнго. - Многовато переменных величин. Даже бывший вундеркинд не сможет дать ответа.

Понятное дело, стены не ответили. Не высказали своего мнения. Они только молча отражали краски вечерней зари.

Глава 4 . Усикава

Бритва Оккама

Усикава никак не мог привыкнуть к мысли, что, возможно, хозяйка усадьбы в районе Адзабу каким-то образом причастна к убийству лидера секты «Сакигаке». Он немного покопался в ее биографии. Поскольку она была известным человеком, с заметным общественным положением, то расследование не заняло много сил и времени. Ее муж был одной из выдающихся личностей в послевоенном деловом мире, влиятельной фигурой и в политических кругах. Его интересы как предпринимателя сосредоточивались на инвестировании капитала и недвижимости, но также распространялись на другие отрасли, такие как крупномасштабное строительство сети розничной торговли и грузоперевозки. Когда в середине 60-х годов муж умер, жена унаследовала его дело. Она имела управленческие способности, и особенно была наделена способностью предсказывать кризисные явления в экономике. Почувствовав во второй половине 60-х годов, что ее фирма разрослась слишком широко, она планомерно, за высокую цену, продала свои акции в нескольких отраслях и постепенно уменьшила ее размеры. А все свои силы направила на укрепление того, что осталось. Благодаря этому пережила с наименьшими убытками последствия «Нефтяного шока», который вскоре нагрелся, и сумела сколотить хороший капитал. Научилась искусству превращать чужой кризис в свою пользу.

Теперь, выйдя из управления фирмой, была уже в возрасте семидесяти с лишним лет. Имея большое состояние, она вольготно жила в просторной усадьбе, в которой ее никто не беспокоил. Родилась в богатой семье, вышла замуж за богача и после его смерти снова стала богатой. Так почему такая женщина должна задумывать планомерное убийство?

Однако Усикава решил глубже покопаться в биографии этой старой дамы. Потому что, во-первых, не наткнулся ни на один след, и, во-вторых, немного заинтересовался «убежищем», которое она опекала. В том, что она предоставила его бесплатно для женщин - жертв домашнего насилия, не было ничего особенно неестественного.

Здоровая, полезная общественная деятельность. Ее, человека с неиспользованными экономическими возможностями, женщины с такой судьбой, наверное, благодарят за доброту. И это убежище было слишком хорошо охраняемым. Крепкие ворота, замок, немецкая овчарка и несколько наблюдательных видеокамер. Усикава не мог не почувствовать всю избыточность охраны.

Сначала он убедился, что земля и усадьба, в которой жила старая женщина, принадлежит именно ей. Такую открытую информацию можно было получить, не обращаясь в муниципалитет. Всё - и земля, и дом - значилось как её личная собственность. Не находящаяся под залогом. Просто и ясно. Ежегодный налог на такую личную собственность достигал значительной суммы, и, видимо, его уплата её не тяготила. Наверное, и будущим налогом на наследство она не занималась. С богачами такое бывает редко. По своему опыту Усикава знал, что они - это такая человеческая раса, которая страшно не любит платить налоги.

Говорили, что после смерти мужа она живет сама в просторной усадьбе. Говорили, что сама, но, наверное, с прислугой. Имела двух детей. У сына трое детей. Замужняя дочь пятнадцать лет назад заболела и умерла. Детей не оставила.

Такие сведения Усикава легко достал. Но когда попытался сделать шаг вперед и глубже копнуть в ее биографии, то вдруг наткнулся на твердую стену. Все дороги вперед оказались перекрытыми, стена высокой, а ворота с несколькими замками. Усикава понял, что эта женщина не собирается открывать обществу никакой части своего жизни. И для осуществления такого плана, кажется, потратила немало времени и денег. Она не отвечала ни на какие вопросы и не делала никаких заявлений. И как Усикава не рыскал, но ее фотографии не раздобыл.

В телефонной книге столичного района Минато ее фамилия значилась. Усикава попытался позвонить на этот номер. В любом деле привык действовать напрямик. После двух гудков трубку взял какой-то человек. Используя фальшивое имя, и назвав подходящий инвестиционный банк, Усикава выпалил:

- Я хотел бы спросить у хозяйки относительно ее инвестиционного фонда.

Собеседник ответил деловым, словно механически синтезированным голосом:

- Хозяйка не ведет разговоров по телефону. Всеми делами занимаюсь я.

Усикава сказал, что придется подождать несколько дней, когда вышлет почтой документ, поскольку по правилам их фонда содержание документа предназначается только человеку, которому он адресован.

- Так и сделайте, - ответил собеседник и положил трубку.

Усикава не очень упал духом из-за того, что не смог поговорить со старой хозяйкой. В конце то концов, на это он и не надеялся. Хотел лишь узнать, насколько она старается защитить свою личную жизнь от посторонних людей. Очевидно, очень старается. Видимо, в этой усадьбе ее пристально охраняет несколько человек. Такое впечатление создавалось от тона мужчины - наверное, секретаря, - который поднял трубку. В телефонной книге значилась ее фамилия. Однако разговаривать непосредственно с ней разрешалось только отдельным людям, а других отвергали, словно муравьев, которые заползли в сахарницу.

Делая вид, что ищет для аренды квартиру, Усикава обошел здешних риэлторов и будто ненароком расспросил о доме, который используется как убежище. Почти никто из них даже не слышал о таком доме. Мол, в этой элитной части Токио они имеют дело главным образом с дорогой недвижимостью, а двухэтажный деревянный дом их нисколько не интересует. Им хватило взглянуть на лицо и одежду Усикавы, чтобы не воспринимать его как достойного собеседника. Казалось, что они относятся к нему, как к мокрому паршивому псу с ободранным хвостом, который просунул свою морду в щель двери.

Когда Усикава почти отчаялся, его внимание привлекло небольшое агентство по продаже недвижимости, которое, кажется, работало в этом районе довольно давно. Очередной работник, старик с пожелтевшими лицом, охотно обо всем рассказал. Мужчина с высушенным, как второсортная мумия, лицом знал обо всем здесь подробно и стремился поговорить с кем-либо.

- О, этот дом принадлежит жене господина Огаты. Когда то его вроде бы сдавали в аренду. Я не знаю, почему господин Огата его приобрел. Потому что он не выглядел человеком, который живет только потому, что сдает в аренду жилье. Видимо, дом использовался как общежитие для обслуги. А теперь, кажется, он стал чем-то вроде «храмового убежища» для женщин - жертв домашнего насилия. Во всяком случае, для нашего брата риэлтора от него нет никакой пользы.

Сказав это, старик замолчал и засмеялся голосом, похожим на дятла.

- Ого, храмовое убежище? - удивился Усикава и предложил старику сигарету «Seven Stars». Тот взял ее, закурил от зажигалки Усикавы и со вкусом затянулся. Усикава подумал, что и сигарета давно такого хотела.

- В нем прячут женщин, которые прибежали с распухшими лицами после побоев мужчин. Конечно, платы за проживание с них не берут.

- Значит, это нечто похожее на службу обществу? - спросил Усикава.

- Да, что-то в том роде. Имеют лишний дом, а потому используют его для помощи людям, оказавшимся в беде. Потому, что и говорить, денег не знают куда девать. Могут делать то, что хотят, и не беспокоиться о расходах и доходах. Не то что мы, простые люди.

- Однако почему жена господина Огаты начала такое дело? Был какой-то повод?

- Ну, так как богата, для нее это вроде своеобразного развлечения, не правда ли?

- Даже если это развлечение, то неужели есть что-то плохое в том, что она охотно делает добро несчастным людям? - улыбаясь, спросил Усикава. - Не все богатые люди на такое способны.

- Да, это действительно хорошее дело. Потому как и я прежде, признаюсь, постоянно избивал свою жену, - сказал старик и, широко открыв щербатый рот, засмеялся. Так, будто частое избивание женщины - радостное в жизни событие, и заслуживает особого упоминания.

- Так сколько людей сейчас в нем живет? - спросил Усикава.

- Я каждое утро там прогуливаюсь, но снаружи ничего не видно. Всегда проживало, вроде бы, несколько женщин. Поскольку в мире немало таких мужчин, которые бьют своих жен.

- Это потому, что гораздо больше тех людей, которые вредят обществу, чем тех, которые приносят ему пользу.

Старик, снова широко раскрыв рот, засмеялся.

- Правду говорите. В этом мире люди, которые делают зло, количественно превышают тех, что делают добро.

Видно, Усикава старику понравился. Но Усикава почему-то забеспокоился.

- Кстати, что за человек этот жена господина Огаты? - как бы невзначай спросил Усикава.

- Я о ней мало знаю, - сдвинув брови, как дух мертвого дерева, ответил старик.- Потому что она держится от всех в стороне, почти не выходит из дома. В этом районе я работаю давно, но видел ее редко, и то издали. Выезжает из дома на автомашине, которой управляет ее водитель. Закупку продуктов делает служанка. Один человек - видимо личный секретарь - заведует всеми делами. Во всяком случае, выглядит так, как богач к тому же получивший хорошее образование, а с нами, недостойными его, никогда прямо не общается, - сморщив лицо, старик подмигнул Усикаве.

Показалось, что, возможно, и сам старик с пожелтевшими лицом, и Усикава оказались в центре одной группы - «недостойных».

- А давно жена господина Огаты занялась этим убежищем для женщин? - спросил Усикава.

- Ну, точно не знаю. Ведь даже разговор о каком то «храмовом убежище» я слышал от людей. Когда же это она начала? В этот дом стали часто ходить люди года четыре-пять назад. - взяв чашку, старик выпил остывшего чая. - Примерно тогда появились новые ворота и охрана внезапно стала серьезной. Как подобает в безопасном убежище. Если любой может зайти во двор, то людям в доме будет жить беспокойно.

Потом, словно вдруг очнувшись, старик вопросительно посмотрел на Усикаву.

- Значит, вы ищете подходящий дом?

- Именно так.

- В таком случае вам нужно идти куда-либо в другой район. Здесь особый квартал усадеб. Если бы и была какая-то недвижимость, то она была бы очень дорогой и предназначалась для работников иностранных посольств. Когда-то здесь жили обычные неимущие люди. И мы могли удовлетворять их потребности. А вот теперь такого нет. Поэтому думаем, что вскоре придется закрывать наше агентство. Земля в центре Токио ужасно подорожала, и нам, мелким агентам по продаже недвижимости, здесь почти нечего делать. Если не имеете лишних денег, то советую искать жилье в другом месте.

- Так и сделаю, - сказал Усикава. - Не могу этим похвастаться, но я вовсе не имею лишних денег. Попробую поискать дом в другом месте.

Старик вздохнул и одновременно выпустил дым изо рта.

- Но если жена господина Огаты умрет, то рано или поздно ее усадьба исчезнет. Что не говорите, ее сын - деловой человек. Не допустит, чтобы такая просторная первоклассная территория не приносила деньги. Сразу ее расчистит и выстроит супермодный многоквартирный дом для сдачи в аренду. Возможно, уже сейчас спешно готовит чертежи.

- Если так случится, то и окружающая спокойная атмосфера изменится.

- Да, совершенно изменится.

- А чем занимается ее сын?

- В основном недвижимостью. Одним словом, тем, что и мы. Только между ним и нами такая разница, как между небом и землей или «Роллс-Ройсом» и драндулетом. Он вертит большими капиталами и быстро ведет гигантскую стройку. Имеет хорошую организацию и сам собирает все сливки. А нам перепадают лишь крохи с барского стола. Этот мир стал таким ужасным!

- Я недавно там проходил и был в восторге от этого великолепного дома.

- Да, это лучшая в этом квартале усадьба. Как подумаю, что напрочь срубят рослые прекрасные плакучие ивы, то душа болит, - сказал старик и огорченно покачал головой. - И жене господина Огаты осталось уже недолго проживать на этом свете.

- Конечно! - согласился Усикава.

Усикава позвонил в «Консультацию для женщин - жертв домашнего насилия». Как неудивительно, но в телефонной книге значился номер под названием такой неприбыльной организации, в которой вместе с юристами работали волонтеры. Приют старой хозяйки усадьбы в Адзабу, взаимодействуя с этой организацией, принимал к себе женщин, бежавших из дома и не имевших какого-либо приюта. От своего фонда - «Нового Японского общества содействия развитию науки и искусства» - Усикава попросил встречи, намекнув на возможность оказания финансовой помощи. И день, и час такой встречи были определены.

Подав свою визитную карточку (такую же, какую вручил Тэнго), Усикава пояснил, что одна из целей его фонда - ежегодный выбор одной выдающейся неприбыльной организации, которая вносит вклад в развитие общества для предоставления ей денежной поддержки. Мол, одним из таких кандидатов стала организация «Консультация для женщин - жертв домашнего насилия». Фамилии спонсора он не может открыть, но использовать помощь можно по собственному желанию, только придется в конце года представить краткий отчет.

Внешность Усикавы, видимо, не произвела приятного впечатления на молодого юриста консультации. Во время первой встречи он не вызвал у собеседника приязни и доверия. Однако консультации хронически не хватало средств, и любую помощь организация не могла не приветствовать. А потому, не избавившись от определенного сомнения, юрист сразу согласился на разговор с Усикавою.

Усикава сказал, что хотел бы несколько подробнее узнать о сути их деятельности. Юрист пояснил обстоятельства, при которых возникла «Консультация для женщин - жертв домашнего насилия». И даже как они ее создали. Усикаве было скучно слушать его рассказ, но он делал вид, что в действительности это ему интересно. В соответствующий момент поддакивал и кивал с доверчивым выражением лица. А между тем собеседник постепенно привык к внешнему виду Усикавы. Кажется, будто начал думать, что тот не такая подозрительная личность, как свидетельствовала его внешность. Усикава так умело и искренне слушал, что в большинстве случаев от этого собеседник успокаивался.

Воспользовавшись случаем, он будто невзначай перевел разговор на «убежище». Спросил, куда обращаются несчастные женщины, бежавшие от домашнего насилия которым негде остановиться. Спросил с таким выражением лица, будто был занят судьбой женщин, чем-то похожих на листья деревьев, которыми играет неистовый ветер.

- На такой случай мы приготовили несколько безопасных убежищ, - ответил молодой юрист.

- Что значит «убежище»?

- Временное место жительства. У нас есть несколько таких мест - их немного, - оказал благотворитель. - Среди них числится и целый дом.

- Целый дом? - восторженно сказал Усикава. - Разве подобные благодетели есть в мире?

- Да. Когда о нашей деятельности пишут газеты и журналы, то нам звонят люди, которые в той или иной форме хотят с нами сотрудничать. Без их помощи наша организация не могла бы существовать. Ведь наша деятельность оплачивается своими собственными средствами.

- Ваша деятельность имеет чрезвычайно большое значение, - сказал Усикава.

На лице юриста появилась довольная улыбка. И Усикава снова подумал, что легче обмануть человека, который уверен в своей правоте.

- Так сейчас сколько женщин живет в этом доме?

- По-разному бывает, а вообще четверо-пятеро, - ответил юрист.

- Значит, и этот дом пожертвовал благотворитель, - сказал Усикава. - При каких обстоятельствах он примкнул к такой деятельности? Как вы думаете, был какой повод?

Юрист задумался.

- Я подробно не знаю. Но и до этого он занимался такой деятельностью на личной основе. Во всяком случае, мы с благодарностью приняли такой подарок. Если нам не объясняют, то мы не расспрашиваем.

- Правильно, - согласился Усикава. - Кстати, информация об этом убежище хранится в тайне?

- Конечно. Женщин приходится оберегать, а кроме того, большей частью благотворители предпочитают оставаться анонимными. Потому, что ни говорите, такая деятельность имеет отношение к актам насилия.

После того разговор длился еще немного, однако Усикава не смог услышать от юриста более конкретной информации. Он выяснил вот такие факты. «Консультация для женщин - Жертв домашнего насилия» реально начала свою деятельность четыре года назад, и вскоре, прочитав газетное объявление об этом, ей позвонили от одного «благотворителя» и предложили для приюта здание, которое не используется, поставив условие ни в коем случае не обнародовать его фамилию. Однако из разговора получалось, что, несомненно, «благотворитель» - это владелица «Усадьбы плакучих ив» в Адзабу, а приют - ее деревянный дом.

- Извините, что отнял у вас столько времени, - искренне поблагодарил Усикава молодого юриста, врожденного идеалиста. - По-моему, вы занимаетесь содержательной, полезной деятельностью. На следующем заседании правления нашего фонда я передам суть нашего разговора и в ближайшее время сообщу о нашем решении. Желаю вам еще более успешного развития вашей деятельности.

После того Усикава расследовал обстоятельства смерти дочери старой хозяйки усадьбы в Адзабу. Дочь вышла замуж за служащего министерства транспорта и умерла в тридцатилетнем возрасте. Причину смерти не удалось установить. Сразу после смерти жены муж бросил работу в министерстве и неизвестно куда удалился. Возможно, его отставка связана с его смертью, а может и нет. Министерство транспорта - это не такое учреждение, которое любезно, охотно предоставляет обычным гражданам внутриведомственную информацию. Однако Усикава имел острый нюх. Почувствовал, что *в этом есть нечто неестественное*. Он никак не мог себе представить, что этот человек, потеряв жену, с чрезмерной тоски отказался от карьеры, уволился с работы и уединился.

Насколько знал Усикава, немногие женщины в тридцатилетнем возрасте болеют и умирают. Конечно, и так бывает. Человек в любом возрасте, в самых лучших условиях может

неожиданно заболеть и умереть от рака, опухоли мозга, перитонита или острого воспаления легких. Человеческий организм хрупок и ненадежен. Но когда умирает тридцатилетняя женщина из богатой семьи, то вероятнее всего, что речь идет не о естественной смерти, а скорее о несчастном случае или самоубийстве.

«Попробую выдвинуть как можно более простую гипотезу, - рассуждал Усикава, - пользуясь знаменитым правилом, известным под названием «Бритва Оккама». Пока абстрагируюсь от лишних причин и строго придерживаюсь одной логической линии».

«Разве нельзя предположить, что дочь старой хозяйки умерла не от болезни, а совершила самоубийство? - думал Усикава, потирая довольно руки. - Выдать самоубийство за смерть от болезни не так и трудно. Особенно богатому и влиятельному человеку. А если пойти дальше, то разве нельзя предположить, что дочь покончила с собой из-за того, что, подвергшись домашнему насилию, разочаровалась в жизни? И такое не исключено. В целом хорошо известно, что немалая часть так называемой «элиты», будто бы добровольно беря на себя большую общественную нагрузку, имеет отвратительный характер и сокровенные, извращенные наклонности.

Так вот, если речь идет о подобном случае, то что остается делать матери? Примириться с такой судьбой? Нет, пожалуй, на это она пойти не могла. Нет, наверняка собиралась должным образом отомстить тому, кто довел дочь до смерти.

Теперь Усикава уже примерно знал, какой характер у старой хозяйки с Адзабу. Отважная, умная женщина с ясным мышлением, способная безотлагательно реализовать задуманное. Ради этого она готова была воспользоваться собственными средствами и влиянием. Она не могла оставить в покое человека, совершившего надругательство над родной дочерью и в конце концов подтолкнувшего её к смерти.

На самом деле Усикава не знал, как старая дама отомстила мужу ее дочери. Его следы буквально исчезли. Усикава не думал, что она с ним расправилась. Ведь она была уравновешенной и осторожной. С широким кругозором. Такого явного поступка, видимо, не сделала. Однако какие-то резкие меры, несомненно, предприняла. И что бы ни сделала, трудно поверить, что оставила после того нежелательные следы.

Но гнев и отчаяние матери, потерявшей дочь, не остановились только на совершении личной мести. Из газетного объявления она узнала о деятельности «Консультации для женщин - жертв домашнего насилия» и предложила сотрудничество. Мол, может бесплатно отдать для женщин, которым некуда деться, собственный дом, что сейчас почти не сдается в аренду. Она и раньше несколько раз использовала его в подобных целях, поэтому знала, как это делать. Только просила не обнародовать ее фамилии. Конечно, юристы, которые руководили этой консультацией, благодарно приняли от нее подарок. Благодаря сотрудничеству с общественной организацией ее стремление отомстить сублимировалось в гораздо более широкую, более полезную и позитивную сферу. Появилась благоприятная возможность и мотивация.

Такие предположения казались логичными. Хотя не имели под собой конкретных оснований. Все это было только набором гипотез. Но такие теоретические построения снимали немало сомнений. Облизывая губы, Усикава довольно потирал руки. Однако затем нарисовалась несколько туманная картина.

Усикава не знал, при каких обстоятельствах старая дама с Адзабу познакомилась с молодой женщиной по фамилии Аомамэ, инструктором спортивного клуба, который посещала, и как заключила с ней тайное соглашение. Проведя тщательную подготовку, она послала Аомамэ в отель «Окура», чтобы там убить лидера секты «Сакигаке». Способ убийства неизвестен. Возможно, Аомамэ умела убивать по особому. В результате, несмотря на суровые усилия верных и способных телохранителей, лидер лишился жизни.

До сих пор нить гипотезы кое-как выдерживала нагрузки. Но когда дошло до того, какая связь существует между лидером «Сакигаке» и «Консультацией для женщин - жертв домашнего насилия», то Усикава растерялся. Вот тут его мышление наткнулось на препятствие, а нить гипотезы вдруг оборвалась от острого лезвия бритвы.

Секта теперь требовала от него ответа на два вопроса. Во-первых, кто спланировал убийство лидера, а во-вторых, где сейчас находится Аомамэ?

Усикава уже проводил предварительное расследование биографии Аомамэ. Оно соовпало со сделанным ранее. Так сказать, он уже привык к такой работе. Он тогда пришел к выводу, что Аомамэ чистая. Со всех сторон не заметил в ее поведении ничего подозрительного. Так и доложил секте. После этого Аомамэ была вызвана в гостиницу «Окура» и провела с лидером сеанс стретчинга мышц. А когда ушла, он испустил дух. Сама же куда-то исчезла, словно ее ветром сдуло, как дым. Из за этого секта, наверное, почувствовала, мягко говоря, довольно сильное недовольство Усикавою. Считала, что его расследование было недостаточным.

А на самом деле Усикава провел его, как всегда, безупречно. Как и говорил Лысому, он в работе совсем не допускал промахов. Единственное упущение - заранее не проверил реестр телефонных разговоров Аомамэ. Хотя, как правило, делал это лишь в очень подозрительных случаях. А в этот раз не обнаружил в Аомамэ ничего сомнительного.

Во всяком случае, охранники лидера не могли не почувствовать окончательно недовольство Усикавою. Да, платили ему хорошо, но были опасными типами. А то, что Усикава знал, как они распорядились трупом лидера, делало его опасным и для них. Как полезный человеческий материал, он по всей видимости обязательно должен показывать, что заслуживает жизни.

И не было конкретных доказательств, что к убийству лидера причастна старая хозяйка усадьбы в Адзабу. Сейчас все это не выходило за пределы предположений. Однако в просторной усадьбе с чудесными густыми плакучими ивами, кажется, скрывалась какая-то большая тайна. Так подсказывало Усикаве его обоняние. И всю правду теперь придется раскрывать ему. И конечно, это не легкая работа - охрана усадьбы жесткая - и несомненно, в этом просматривалась рука профессионала.

Неужели якудза? [4]

Вполне возможно. Ведь якудза часто участвуют в сделках делового мира, особенно в торговле недвижимостью, недоступных для постороннего глаза. Им поручают грубую работу, их услугами могла воспользоваться и старая хозяйка. Однако Усикава этому не верил. Она получила очень хорошее воспитание, чтобы связываться с

такой породой людей. Тем более трудно себе представить, что с их помощью она защищала женщин - жертв домашнего насилия. Возможно, она на собственные средства организовала систему охраны. Совершенно и полностью и полностью на свои деньги. Видимо, очень потратилась, но на это у нее хватило денег. И возможно, что этой системе безопасности в случае необходимости была свойственна и склонность к насильственным действиям.

Если гипотеза Усикавы правильная, тоб Аомамэ, получив поддержку старой хозяйки, наверное, сейчас скрывается где-то далеко. Возможно, тщательно замела за собой следы, изменила свою внешность и даже фамилию. Если так это и произошло, то вряд ли Усикава в своих тщательных расследованиях натолкнется на нее.

Теперь ничего другого не оставалось, как крепко держаться старой дамы с Адзабу. Заметить какой огрех в его поведении - и на этой основе выследить Аомамэ. Может, это удастся сделать, а может и нет. Но сильной стороной Усикавы был острый нюх и настойчивость в достижении поставленной цели.

«Собственно говоря, какой еще чертой характера, стоящей внимания, я могу похвастаться? » - спрашивал он себя. И уверенно отвечал: «Никакой».

Глава 5 . Аомамэ

Как бы вы не затаили дыхание

Аомамэ не было тяжело жить однообразной, одинокой жизнью, находясь в замкнутом помещении. В половине седьмого утра она вставала и съедала легкий завтрак. В течение часа стирала, гладила и подметала пол. До обеда полтора часа Аомамэ эффективно и напряженно упражнялась на спортивных тренажерах, которыми ее обеспечил Тамару. Как профессиональный спортивный инструктор она в совершенстве знала, какую часть мышц и насколько надо ежедневно стимулировать, какая физическая нагрузка полезная, а какая чрезмерная.

На обед ела овощной салат и фрукты. Затем в основном садилась на диван и читала книгу, а потом на короткое время засыпала. Под вечер в течение часа готовила еду и примерно в шесть ужинала. Когда солнце скрывалось за горизонт, выходила на балкон и, сидя на садовом стуле, наблюдала за детским парком. В половине одиннадцатого ложилась спать. Так повторялось каждый день. Но подобную жизнь она не считала особенно скучной.

Она никогда не была склонной к общению с людьми. Не испытывала неудобства, если длительное время ни с кем не встречалась и ни с кем не разговаривала. В начальной школе почти не контактировала с одноклассниками. Точнее говоря, когда не было потребности, никто с ней не говорил. В классе она была непонятным чужеродным элементом, которого надо избегать и обходить молчанием. Аомамэ считала такое отношение к себе несправедливым. Если бы в этом была виновата она сама, может быть, с этим бы смирилась. Но она ничем не провинилась. Чтобы выжить, ей с детства пришлось только молча выполнять родительские наказания. Поэтому перед школьным обедом громко произносила молитву, в воскресенье вместе с матерью ходила по городу, обращая людей в их веру, по религиозной причине пропускала экскурсии в буддийских и синтоистских храмах, отказывалась от рождественских вечеров, ни словом не противоречила, когда ее заставляли надевать поношенное платье с чужого плеча. Однако никто из одноклассников об этом ничего не знал и не старался узнать о таких обстоятельствах

ее жизни, ее только сторонились. И даже учителям она, кажется, была обузой.

Конечно, Аомамэ могла бы сказать родителям неправду. Говорить, что перед ежедневным школьным обедом произносит молитву, а в действительности этого не делает. Однако она не хотела так поступать. Поскольку, во-первых, не хотела лгать перед Богом, независимо от того, существует он или нет, а во-вторых, по-своему возмущалась отношением одноклассников к себе. «Если хотите сторониться меня, то - сторонитесь, - думала она. Ежедневной молитвой скорее бросала им вызов. - Справедливость на моей стороне».

Конечно, ей было тяжело вставать рано утром, одеваться и идти в школу. От напряжения у нее часто наступало расстройство желудка и иногда тошнило. Была лихорадка, болела голова, немели руки и ноги. Тем не менее, она ни разу не пропустила школьных занятий. Если бы пропустила один день, то, наверное, захотела бы пропустить еще несколько дней, затем вообще перестала бы посещать школу. Это означало бы только одно, что она проиграла одноклассникам и учителям. Если бы ее не стало в классе, то они, наверное, только обрадовались бы. И Аомамэ не хотела дать им повод для такой радости. А потому, как бы было ей не обидно, через силу отпраивлялась в школу. И, стиснув зубы, терпеливо молчала.

Ее нынешнее пребывание в квартире многоэтажного дома, даже в одиночестве, по сравнению с тогдашним жестоким положением, не было обременительным. Хранить молчание, оставаясь одной в квартире, казалось ей гораздо легче и естественнее, чем среди общего радостного человеческого гама. У неё было что читать. Поэтому взялась за Пруста, которого подарил ей Тамару. Однако следила, чтобы прочитывала за день не более, чем двадцать страниц. Буквально слово за словом, за определенное время, но только двадцать. Прочитав такую порцию, брала в руки другую книгу. А перед сном обязательно читала несколько страниц «Воздушного кокона». Поскольку этот текст, который писал Тэнго, был для нее пособием для жизни 1Q84 года.

Слушала и музыку. Это были кассеты классической музыки, которые хозяйка с Адзабу прислала в картонной коробке. Все жанры и формы: симфонии Малера, камерные произведения Гайдна, музыку

Баха для клавесина и органа. Среди них была и «Симфонietta» Яначека. Ежедневно под её звуки Аомамэ молча выполняла силовые упражнения.

Постепенно наступала поздняя осень. У Аомамэ появилось такое ощущение, будто с каждым днем её тело становится прозрачным. И старалась как можно меньше об этом думать. И, конечно же, вовсе ни о чем не думать не могла. Пустоту всегда что-то заполняло. Однако, по крайней мере, теперь она не испытывала потребности кого-либо ненавидеть. Ни одноклассников, ни учителей ... Она не была уже беспомощным ребенком, которому насильно навязывают веру. Не нуждалась ненавидеть мужчин, которые наносят женщинам побои. Гнев, который до сих пор, словно цунами, накрывал временами её, и который был похож на безумное желание ни с того ни с сего бить стену стоящую перед глазами - незаметно исчез. И неизвестно почему больше не возвращался. Это утешило Аомамэ. Она больше никому не хотела наносить удар. Как и себе.

Когда ночью не могла уснуть, думала о Тамаки Оцука и Аюми Накано. Закрыв глаза, вспоминала, как обнимала их. У обеих были мягкие, замечательные и теплые тела. Нежные, загадочные. В их телах кипела молодая кровь и равномерно, благодатно колотились сердца. Обе вздыхали и хихикали. Тонкие пучки пальцев, твердые соски, гладкие бедра ... Но их уже нет на этом свете.

Бесшумно и незаметно, словно темная мягкая вода, душу Аомамэ заполонила грусть. И тогда изо всех сил она переключала свои воспоминания на Тэнго. Сосредоточившись, вспоминала, как в аудитории после уроков в течение одной минуты сжимала его, десятилетнего, руку. И этот миг воспоминания вызвал в ее мозгу образ тридцатилетнего Тэнго, когда она увидела его на детской горке. Она представила себе, как сильные руки его, руки взрослого мужчины, сжимают ее в объятиях.

Он был на расстоянии всего лишь протянутой руки. «И в следующий миг я могла его коснуться», - подумала Аомамэ. Она закрыла глаза и погрузилась грезами в такую возможность. Всем сердцем отдалась мечте.

«Но если я смогу с ним встретиться, то что мы тогда будем делать?» - дрожала Аомамэ. Когда не существовало реальной возможности прикоснуться к нему, было намного проще.

Познакомиться со взрослым Тэнго оставалось только мечтой, всего-навсего абстрактной гипотезой. А вот теперь, когда она увидела реальную фигуру Тэнго, его существование стало чем крайне нужным и важным. Аомамэ во что бы то ни было хотела его снова увидеть. Оказаться в его объятиях и испытать щедрую милость узнавания друг друга. От одной мысли, что это может не осуществиться, её душа и тело, казалось, вот-вот сейчас расстанутся друг с другом.

«Может быть, перед рекламным щитом с тигром фирмы «Эссо» мне всё же надо было пустить себе в голову пулю калибра девять миллиметров?» - вспоминала Аомамэ. А если бы она выстрелила, то, наверное, не осталась бы живой и не предавалась бы таким мучительным раздумьям. Но тогда она не смогла нажать на спусковой крючок. Услышала голос. Кто-то издали звал её по имени. И когда в её голове вспыхнула мысль, что, *может, еще раз удастся встретить Тэнго*, она уже не смогла покончить с собой. Даже если бы благодаря этому, как говорил лидер, Тэнго перестала бы угрожать опасность, другого решения она не могла выбрать. В этом был такой сильный поток стремления жить, что он следовал вопреки всякой логики. «В результате я зажглась неудержимой жаждой увидеть Тэнго, - подумала Аомамэ, - предчувствием непрерывной жажды и отчаяния». И это, как поняла она, придало смысл ее последующей жизни. А надежда становится для человека двигателем и целью жизни. Без нее он не может жить. Но это чем-то похоже на бросание монеты. Какой стороной монета выпадет, неизвестно, пока не окажется на земле. От одной мысли об этом сердце сжалось так сильно, что все кости в теле закрипели и заныли.

Аомамэ села за стол и взяла в руки пистолет. Передернула затвор, загнала патрон в патронник, большим пальцем взвела курок и вставила дуло пистолета в рот. А когда указательному пальцу правой руки на спусковом крючке добавила немного силы, то мучительная неопределенность сразу же исчезла. «Осталось еще немного. Еще один сантиметр, нет, пять миллиметров, этот палец потяну внутрь и перейду в молчаливый, без всякого уныния, мир. Только один миг боли, а после нее наступит милосердное ничто». Она закрыла глаза. С рекламного щита фирмы «Эссо», держа в лапах заправочный шланг, улыбался тигр. «Впустите тигра в свой бензобак».

Аомамэ вынула изо рта дуло пистолета и медленно покачала головой.

«Не могу умереть. Перед балконом виден парк, в парке - детская горка, и пока есть надежда, что, возможно, вернется Тэнго, не могу нажать на гашетку », - решила она. Эта возможность встречи остановила ее в последний момент. Было такое впечатление, будто в ее душе закрылись одни и открылась вторые двери. Медленно, бесшумно.

Аомамэ щелкнула предохранителем, вынула магазин, оттащила затвор назад, вынула патрон из патронника и снова положила пистолет на стол. А когда снова закрыла глаза, то заметила, как что-то крошечное, словно блески, излучая слабый свет, постепенно исчезало. А что это было, она не знала.

Сидя на диване, Аомамэ сосредоточилась на странице «По направлению к Свану». Вырисовывала в воображении картину, описанную в романе, пытаюсь избавиться от других непрошенных мыслей. На улице начался холодный дождь. По прогнозу погоды, который передавало по радио, морозящий дождь должен был продлиться до следующего утра. Фронт осеннего циклона, закрепившись над просторами Тихого океана, не собирался никуда передвигаться. Как человек, углубившийся в одинокие мысли, забывает о времени.

Неужели Тэнго не придет? Небо сплошь заволокли густые облака, и Лун не было видно. Однако Аомамэ выйдет на балкон и, попивая горячий какао, будет наблюдать за парком. Не будет спускать глаз с детской горки под дождем, положив под рукой бинокль и пистолет, готовая сразу выбежать на улицу. Ибо для нее это - единственный важный поступок.

В три пополудни раздался звонок входной двери дома. Кто-то хотел зайти внутрь. Конечно, Аомамэ этим звонком пренебрегла. Ведь она никого не ожидала. Она хотела выпить чая, начала кипятить воду, но из осторожности погасила газ и прислушалась. Прозвучав три-четыре раза, звонок замолчал.

Минут через пять звонок снова задребезжал, но на этот раз на двери ее квартиры. Тот, *кто звонил* - уже проник внутрь дома. Стоял перед ее дверью. Видимо, зашел вслед за кем-то. А может, позвонив в

чью-то квартиру, под каким-либо предлогом попросил открыть входную дверь. Понятное дело, Аомамэ хранила молчание. «Даже если кто-то придет, не отвечайте, а закройте дверь на засов и затаите дыхание», - поучал Тамару.

Звонок на двери раздался раз десять. Как для коммивояжера, так это слишком настойчиво. Они звонят не более, чем три раза. Так как Аомамэ не откликнулась, человек начал колотить кулаком по двери. Не очень громко, но в его поведении чувствовалось сильное раздражение и гнев.

- Господин Такая! - Глубокий, хриловатый голос выдавал человека среднего возраста. - Господин Такая, добрый день! Можете выйти?

«Такая» - это была чужая фамилия, написанная на почтовом ящике.

- Господин Такая, извините, но я хотел бы, чтобы вы вышли. Прошу вас! - сделав короткую паузу, человек прислушался. А когда понял, что ответа нет, снова принялся стучать в дверь. На этот раз чуть громче.

- Господин Такая, я знаю, что вы дома. Поэтому открывайте двери без всяких выкрутасов. Вы дома и слышите мой голос.

Аомамэ подняла со стола пистолет и опустила предохранитель. Прикрыла пистолет полотенцем и сжала его рукоять.

Она не догадывалась, что это за непрошенный гость, и чего он хочет. Но по какой-то причине он относился к ней враждебно и добивался, чтобы она открыла дверь. Несомненно, она оказалась в неприятном положении.

Наконец стук прекратился и в коридоре перед дверью снова раздался голос мужчины.

- Господин Такая, я пришел, чтобы получить абонентскую плату за пользование услугами «ННК». Вот и все. Я знаю, что вы дома. Как бы вы не затаили дыхание - все равно знаю. Я много лет выполняю эту работу, а потому научился различать, действительно хозяина нет, или он только притворяется, что его нет. Как бы вы не старались замереть, ваши легкие дышат, сердце бьется, а желудок переваривает пищу. Господин Такая, вы сейчас в квартире. И ждете, когда я махну рукой и уйду. Не собираетесь ни открывать дверей, ни отвечать. Так как не вносите абонентскую плату.

Мужчина говорил излишне громким голосом, который отдавался в коридоре многоквартирного дома. Делал это умышленно. Громко называл фамилию жильца, насмеялся над ним и стыдил. И таким образом предостерегал соседей от желания вмешаться не в свое дело. Конечно, Аомамэ и дальше сохраняла молчание. Не хотела иметь дела с этим незнакомцем. Пистолет снова положила на стол. Для безопасности оставила предохранитель спущенным. Не исключено, что кто-то прикидывается сборщиком платы «ННК». Сидя за кухонным столом, она не отрывала глаз от двери.

Хотела подойти к ней на цыпочках и выглянуть через глазок наружу. Проверить, что за человек стоит там. Но не могла встать со стула. Лучше не делать ничего лишнего. В конце-концов мужчина смирится и уйдет. А он, кажется, вздумал произнести речь перед ее дверью.

- Господин Такая, перестаньте играть в прятки. Я этого не люблю. Я и так страшно занят. Господин Такая, вы, наверное, смотрите телевизор. А каждый человек должен за это платить. Может, вам это и не нравится, но так определено законом. Кто не платит, считается вором. Господин Такая, вы, думаю, не хотите, чтобы к вам относились, как к вору. Живете в таком замечательном доме, поэтому, наверное, можете заплатить, правда? Наверное, и вам будет неприятно, когда об этом заявлю вслух перед всеми соседями.

При обычных условиях Аомамэ не интересовалась бы, что может заявить собиратель абонентской платы. Но сейчас она скрывалась и остерегалась людей. Было нежелательным, чтобы ее квартира привлекла к себе внимание посторонних. Однако что делать - не знала. Лишь, затаив дыхание, ждала, когда этот человек уберется отсюда.

- Господин Такая, извините за назойливость, но я знаю, что вы дома и внимательно прислушиваетесь. И думаете, почему это я без конца кричу перед вашей дверью? Потому что мне очень не нравится, когда кто притворяется, что его нет дома. Разве такое поведение не выдает вашу нерешительность? Неужели вы не могли бы открыть двери и просто сказать мне, что не хотите платить? Так было бы лучше и для вас, и для меня. Тогда, по крайней мере, произошел бы разговор. А вот прикидываться, что вас нет дома, некрасиво.

Прячетесь в темном закоулке, как жадная мышь. Украдкой выходите на улицу, когда людей не видно. Никудышный образ жизни!

«Мужчина просто выдумывает, - подумала Аомамэ. - Видимо, наугад говорит, что в квартире кто-то есть. Я не подаю ни звука и тихо дышу. Его настоящая цель - запугать окружающих постояльцев шумихой перед любыми дверями. Пытается убедить их, что лучше заплатить, чем выслушивать его речь перед своей дверью. Возможно, он всюду делает так же и этим достигает своего результата ».

- Господин Такая, пожалуй, я причиняю вам неприятности. Я хорошо понимаю, что именно так вы думаете. Это правда, я очень неприятный человек. Сам знаю. Но, господин Такая, добрый человек не может быть собирателем абонентской платы. Спросите, почему? Всё просто - в обществе много людей, которые решили не платить. И чтобы от них получить плату, никогда не нельзя быть добрым. Я был бы рад сказать: «Я хорошо понимаю, что не хотите платить. Извините, что побеспокоил », - и в хорошем настроении уйти. Но так не годится. Ведь собирать плату - это мой служебный долг и, кроме того, я лично не могу привыкнуть, когда притворяются, что их нет дома.

После этих слов мужчина сделал паузу. После того подряд раз десять постучал.

- Господин Такая, вам еще не надоело? Вы не считаете себя настоящим вором? Хорошо-хорошо подумайте. Речь идет не об этой мизерной сумме денег, которой хватило бы лишь на скромный ужин в здешнем семейном ресторане. Но если вы ее оплатите, вас не будут считать вором. Громко не будут обзывать и не будут стучать упорно в дверь. Господин Такая, я знаю, что вы прячетесь за этой дверью. Думаете там без конца прятаться и скрыться? Ладно, прячьтесь. Только как бы вы не затаили дыхание, кто-то обязательно придет и найдет вас. Хитрость не может длиться вечно. Подумайте. Гораздо беднее вас люди в Японии ежемесячно самоотверженно платят абонентскую плату. Ваше поведение неправильное.

Как посчитала Аомамэ, мужчина постучал еще пятнадцать раз.

- Господин Такая, я понял. Видно, вы довольно упрямый человек. Ладно. Сегодня я вас оставляю. Потому что не могу без конца уговаривать только вас. Но я еще приду, Господин Такая! Если я однажды что-то решил, то так просто от этого не откажусь. И не

люблю, когда притворяются, что их нет дома. Я еще загляну. И буду снова стучать в дверь. Стучать, пока все люди не услышат этого стука. Обещаю. Такое будет соглашение между вами и мной. Не возражаете? Ну, до ближайшей встречи!

Шагов мужчины Аомамэ не услышала, потому как, наверное, его обувь была с резиновыми подошвами. Она подождала пять минут. Затаив дыхание, не спускала глаз с дверей. В коридоре стало тихо - ни шороха. Аомамэ подошла на цыпочках к двери и решительно посмотрела в глазок. Там не было ни души.

Она поставила пистолет на предохранитель. Несколько раз глубоко вздохнула и успокоила сердце. Зажгла газ, вскипятила воду и выпила зеленого чая. «Это обычный собиратель абонентской платы «ННК», - убеждала она себя. Однако в его голосе было что-то злое и болезненное. Однако Аомамэ не могла определить, его слова были направлены к ней лично, или к воображаемому мужчины с фамилией Такая. Хриплый голос и назойливый стук непрошеного гостя оставили после себя неприятный осадок. Будто что-то липкое прицепилось к открытым участкам кожи.

Аомамэ разделась и стала под душ. Горячей водой с мылом тщательно вымылась. Выйдя из-под душа и сменив одежду, почувствовала себя немного лучше. Неприятное ощущение на коже исчезло. Она села на диван и выпила остатки чая. Попробовала читать книжку, но не могла сосредоточиться. В ушах все время звучал голос мужчины.

«Думаете там без конца прятаться и бежать? Ладно, прячьтесь. Только как бы вы не затаили дыхание, кто-то обязательно придет и найдет вас ».

Аомамэ покачала головой. «Нет, то человек говорил наобум – первое, что всплыло на ум. Своим самоуверенным голосом хотел только испортить настроение. Он обо мне ничего не знает, - думала она. - Ни того, что я сделала, ни того, почему я здесь ». Однако ее учащенное сердцебиение не успокаивалось.

Только как бы вы не затаили дыхание, кто-то обязательно придет и найдет вас.

Слова того сборщика платы будто бы содержали важный скрытый смысл. Может, это чистая случайность. «Да, кажется, он досконально

знал, какие слова могут возмутить меня», - подумала Аомамэ и, отложив книгу, закрыла глаза.

«Тэнго, где ты?» - подумала она и произнесла вслух,

- Тэнго, где ты? Найди меня быстрее. Пока кто-то меня не нашел.

Глава 6 . Тэнго

«Палец у меня зудит – что-то злое к нам спешит!»

В этом приморском городке Тэнго вел размеренную жизнь. Когда уже однажды определял жизненный ритм, то, по возможности, старался его не нарушать. Сам не понимал почему, но считал, что это самое главное. Утром прогуляться, писать роман, отправиться в здравницу и вслух читать какую-нибудь книгу отцу, который лежал в коматозном состоянии, а вернувшись в гостиницу, ложиться спать. Дни повторялись так же однообразно, как припев, которым крестьяне сопровождают посадки риса.

После нескольких теплых наступили на удивление прохладные ночи. Независимо от такого изменения погоды Тэнго жил так, будто повторял свое вчерашнее поведение. Пока удавалось, старался быть бесцветным, прозрачным сторонним наблюдателем. Затаив дыхание, смущенно ожидал того времени когда произойдет то, из-за чего он приехал. Разница между одним и следующим днем становилась все более незаметной. Прошла неделя, за ней - десять дней. Однако воздушный кокон не появлялся. После того как отца увозили на обследование, на его постели оставалась только впадина от жалкого маленького человеческого тела.

«Неужели она появилась тогда только в первый и единственный раз? - думал Тэнго, покусывая губы, в тесной палате, начинающей тонуть в сумерках. - Неужели это было особое откровение, и второй раз оно не повторится? А может, мне просто что-то привиделось? "

У него не было ответа на эти вопросы. Слышался только далекий шум моря и спорадический свист ветра, прорывающегося сквозь защитный сосновый бор.

Тэнго не был уверен, что правильно делает. Возможно, оторванный от реальности, только теряет время в палате здравницы, в этом приморском городке далеко от Токио. Но даже если это и так, он не может отсюда уехать. Ведь прежде в этой палате он видел воздушный кокон, а в нём - освещенную тусклым светом маленькую сонную Аомамэ. Даже касался ее руки. И даже если бы это было только один раз и только мгновением видением, он все равно хотел

остаться здесь подольше и мысленно рисовать в воображении увиденную тогда картину.

Когда стало ясно, что Тэнго не вернется сразу же в Токио, а еще немного останется в этом приморском городке, медсестры начали с ним сближаться. В коротких перерывах между работой они заводили с ним разговоры о том, о сём.. А иногда в любое свободное время заходили к нему в палату. Приносили чай и сладости. Медсестра Омура, лет тридцати пяти, с шариковой ручкой в волосах, и краснощекая медсестра Адати с конским хвостом на голове посменно обслуживали его отца. Когда же не хватало рабочих рук, им на замену приходила ухаживать за больным и медсестра Тамура, которая в основном сидела за конторкой приемной. Кажется, их трех Тэнго интересовал лично.

Да и Тэнго, который, за исключением предвечерних часов, имел достаточно свободного времени, охотно вел с ними разговоры на разные темы. Когда спрашивали, как можно честнее отвечал. Что преподает математику в подготовительной школе и имеет побочную работу - пишет на заказ занимательные тексты. Что отец работал сборщиком абонентской платы «NHK». Что с детства увлекался дзюдо и в средней школе старшекласником на префектурных соревнованиях даже дошел до финала. Однако о многолетней вражде с отцом ничего не вспоминал. Не говорил также, что его мать умерла и, возможно, бросив его маленького с отцом, сбежала с любовником. Если бы такое рассказал, то попал бы в затруднительное положение. Конечно, он не мог рассказать, что переделал бестселлер «Воздушный кокон». Не обмолвился ни словом о том, что видит на небе две Луны.

И они рассказывали ему свои жизненные истории. Что все трое родом из этой местности, после средней школы закончили специальное медицинское училище и стали медсестрами. Что работа в целом однообразна и скучна, длительная и монотонная, но они довольны работой в местности, где выросли, и этой здравницей, поскольку здесь испытывают меньший стресс, чем в общей больнице, в которой каждый раз пришлось бы иметь дело с пациентами, находящимися на грани жизни и смерти. Что старые люди в здравнице медленно теряют память и спокойно, не понимая своего состояния, умирают. Что им не делают кровавых операций и сводят к

минимуму их боли. Что ночью автомобили «скорой помощи» не привозят больных и вокруг не рыдает их родня. Что расходы на пропитание небольшие и на не очень большую зарплату можно как-то существовать. Медсестра Тамура в очках, пять лет назад потеряв мужа в дорожной аварии, жила вдвоем с матерью в соседнем городке. Дородная медсестра Омура имела двух маленьких детишек, а ее муж работал таксистом. Молодая медсестра Адати жила на окраине города в арендованной квартире вместе со старшей на три года сестрой, парикмахершей.

- Тэнго, вы хороший человек, не правда ли? - сказала медсестра Омура, заменяя в капельнице банку с раствором. - Таких людей, которые ежедневно приезжали бы и читали находящемуся без сознания родственнику книгу, очень мало на свете.

От таких слов Тэнго чувствовал себя неловко.

- Просто случайно попросил отпуск. Но, кажется, не могу надолго здесь задержаться.

- Никто сюда не приезжает, даже если имеет много свободного времени, - возразила она. - Извините за откровенность, но такая болезнь не оставляет надежды на выздоровление. С каждым днем ее становится все меньше.

- Но все равно меня попросили читать книгу отцу. Раньше, когда он еще был в сознании. Ведь, находясь здесь, ничего другого я не могу ему сделать.

- Что ему читаете?

- Разное. Наугад читаю вслух целые главы книг, которые случайно оказываются в моих руках.

- А что сейчас читаете?

- «Из Африки» Исаака Динесена. [5]

Медсестра покачала головой.

- Никогда не слышала.

- Эту книгу написала в 1937 датская писательница под псевдонимом Динесен. Выйдя замуж за шведского аристократа, перед началом первой мировой войны она переселилась в Африку и там жила на сельскохозяйственной ферме. Расставшись впоследствии с мужем, взяла на себя управление хозяйством. Её тогдашний опыт лег в основу этой книги.

Смерив температуру отца и записав ее в карточку, медсестра снова вонзила шариковую ручку в волосы и поправила челку.

- А мне разрешите немного послушать, как вы читаете вслух?

- Я не знаю, понравится ли вам, - ответил Тэнго.

Она села на стул и скрестила ноги, красивой формы и крепкого телосложения, что уже начали немного полнеть.

- Во всяком случае, попробую послушать.

Тэнго принялся читать медленно, как того требовал само повествование, плыл с текстом, словно время на африканском континенте.

«Когда в марте после четырех месяцев жаркой и сухой погоды выпадают дожди, африканская природа быстро начинает удивлять своей свежестью и буйством. Однако фермер не осмеливается доверять ее Щедрости: он напрягает слух, опасаясь, как бы не ослаб шум дождя. Ведь вода, которую пьет в это время земля, станет основой существования фермы, всей ее растительности, животных и людей на протяжении последующих засушливых месяцев.

Глаз радуется, когда все дороги на ферме превращаются в водные потоки; фермер тонет в грязи, пробиваясь к зацветшей кофейной плантации, но все равно пребывает в восторженном настроении.

Но случается и так, что вечером в разгар сезона дождей сквозь худосочные облака начинают проглядывать звезды; тогда фермер сверлит небеса взглядом, стоя на пороге своего дома и выпрашивая еще дождя. Он взывает: «Дай еще, и побольше! Мое сердце взывает к тебе, и я не отпущу тебя, покуда не дождусь благословения. Затопи меня, если на то будет твоя воля, но не убивай своим капризом. Забудь про *coitus interruptus*, о, небо!» "

- Прерванный половой акт? - нахмутив брови, спросила медсестра.

- Потому фермер - так сказать, откровенный человек.

- Однако обращаться к небу такими словами неуместно.

- Верно, - согласился Тэнго.

«Иногда в прохладный и бесцветный день после сезона дождей на память приходит «*marka mbaуа*», плохой год, страшная засуха. В засуху кикуйю пасли своих коров прямо перед моим домом, пастушок

при этом развлекал меня игрой на дудочке. Стоило мне услышать потом эту мелодию, как я сразу вспоминала прежние беды, отчаяние, соленый привкус слез. Одновременно эта же мелодия навевала на меня романтическое настроение. Неужели тяжелые времена несли не одно отчаяние? Видимо, то было время молодости, безумной надежды. Именно тогда мы объединялись так тесно, что потом узнали бы друг друга и на другой планете; все вокруг, даже часы с кукушкой на стене, книги на столе, исхудавшие коровы и жалкие старики-кикуйю, восклицали: «Ты тоже там была, ты тоже была частью фермы Нгонг». Тяжкие времена благословляли нас и проходили».

- Живое описание, правда? - сказала медсестра. - Перед глазами возникает реальная картина.

- Ага.

- И голос ваш хороший. Глубокий, исполненный чувства. Похоже, что вы имеете склонность к декламации.

- Спасибо.

Все еще сидя на стуле, медсестра на время закрыла глаза и тихо дышала. Словно находилась в плену текста. Было видно, как в ритме с дыханием поднимались и опускались выпуклости на ее груди под белым халатом. Смотря на это, Тэнго вспомнил замужнюю подругу. Как в пятницу после полудня раздевал ее и касался пальцами ее затвердевших сосков. Вспомнил ее глубокое дыхание и влажное лоно. Как за окном тихо моросил дождь, а она в своих ладонях взвешивала его яички. Однако это воспоминание не возбуждало половой страсти. Все картины и ощущения оставались в туманной дали, будто покрытые тонкой пленкой.

Вскоре медсестра открыла глаза и посмотрела на Тэнго так, словно увидела все, о чём он сейчас думал. Но она его не осуждала, а, все еще легко улыбаясь, встала и посмотрела на него сверху.

- Пора идти, - сказала она и, проверив, что шариковая ручка торчит в волосах, резко повернулась и вышла из палаты.

Обычно Тэнго звонил Фукаэри вечером. И каждый раз она говорила, что за день ничего не произошло. Что несколько раз звонил телефон, но она, мол, как они договорились, не брала трубку. «Вот и

хорошо, - хвалил Тэнго. - Пусть звонит, сколько ему заблагорассудится ».

А вот когда сам ей звонил, то, как правило, после трех гудков клал трубку, а потом перезванивал. Однако этой договоренности Фукаэри не соблюдала. Часто после первого звонка брала трубку.

- Плохо, если не соблюдаешь договоренности, - каждый раз замечал Тэнго.

- Мне-и-так-ясно, - отвечала она.

- Ясно, что это я звоню?

- На-другие-звонки-я-не-подхожу-к-телефону.

«В конце то концов, такое возможно, - думал Тэнго. - Я сам почему то знаю, что звонит именно Комацу. Тогда звонок звенит торопливо и нервно. Как будто кончики пальцев выстукивают по поверхности стола. Но это только догадка. Всё же я беру трубку не с полной определенностью ».

Дни Фукаэри проходили так же однообразно, как и у Тэнго. Она сидела дома, не выходя на улицу ни на шаг. Телевизора не было, книжек не читала. Еды особо не готовила. А потому и ходить за покупками не было нужды.

- Не-нуждаюсь-пищи-потому-что-не-двигаюсь, - сказала она.

- Что же ты сама ежедневно делаешь?

- Думаю.

- О чем?

На этот вопрос она не ответила.

- Ворона-прилетела.

- Она каждый раз прилетает.

- Не-один-а-несколько-раз-прилетала, - сказала девушка.

- Та самая?

- Ага.

- А больше никто не приходил?

- Опять-приходил-человек-с-эн-эйч-кей.

- Тот самый, что и в прошлый раз?

- Громко-говорил-что-господин-Кавана- вор.

- Перед нашей дверью так кричал?

- Чтобы-соседи-слышали.

Тэнго немного задумался над сказанным.

- Не расстраивайся. Это тебя не касается и он не причинит вреда.

- Сказал-знаю-что-здесь-скрываешься».

- Не бери себе этого в голову, - успокаивал Тэнго. - Ничего он не знает. Просто пугает выбранными наугад словами. Служащие «ННК» часто прибегают к таким хитростям.

Тэнго не раз видел, как отец пользовался подобным методом. В воскресенье пополудни в коридоре многоквартирного дома раздавался его злой голос. Угрожающий и насмешливый. Тэнго прижал пальцами виски. Воспоминания воскресали с разнообразными подробностями.

Будто что-то почувствовав в его молчании, Фукаэри спросила:

- С-вами-все-в-порядке.

- Все нормально. О человеке с «ННК» можешь забыть.

- И-ворона-так-говорила.

- Прекрасно, - сказал Тэнго.

После того, как на небе появилось две Луны, а на отцовском постели - воздушный кокон, Тэнго ничего уже не удивляло. Разве есть что-то необычное в том, что целыми днями на подоконнике Фукаэри обменивается мнениями с вороной?

- Думаю побыть здесь еще немного. В Токио еще не могу вернуться. Ты не имеешь ничего против?

- Можете-побыть-сколько-вам-хочется.

После этих слов Фукаэри сразу положила трубку. Разговор моментально оборвался. Так, будто кто то размахнулся наточенным топором и перерубил линию.

После этого Тэнго набрал телефонный номер Комацу в издательстве. Однако не застал его на рабочем месте. Говорили, будто бы он появился в час пополудни на минуту, потом исчез, и неизвестно, где он и когда вернется снова. В этом не было ничего особенно удивительного. Тэнго оставил номер здравницы и передал, что хотел бы, если можно, поговорить с Комацу течение дня. Он не оставил телефонный номер гостиницы - Комацу вполне мог позвонить и среди ночи.

Последний раз Тэнго разговаривал с ним в конце сентября. Коротко, по телефону. После этого звонка от него не было ни одной весточки, не звонил и сам Тэнго. А в конце августа Комацу вообще исчез на три недели, неуклюже объяснив издательству по телефону,

что, мол, заболел и хотел бы немного отдохнуть. Почти пропал без вести. Понятное дело, коллеги обратили внимание, что он исчез, но не воспринимали это слишком серьезно. Комацу от природы был причудливым человеком и главным образом руководствовался только собственной выгодой. И через некоторое время, полагали сослуживцы, наверно, вернется на работу с таким выражением лица, вроде и ничего не произошло.

Конечно, в такой организации, как издательство, подобное своевольное поведение не одобрялось. Но в его случае всегда находился кто-то из коллег, который умудрялся помешать появлению неприятных последствий. И вовсе не потому, что Комацу имел авторитет, а за того, что почему-то всегда случалась среди коллег великодушный человек, который вытаскивал его из передраги. Да и начальство иногда смотрело на его поступки сквозь пальцы.

Самовлюбленный, неспособен к компромиссам и дерзкий, он, однако, с увлечением отдавался работе и теперь сам руководил проектом, связанным с выпуском в свет бестселлера «Воздушный кокон». Поэтому его так просто нельзя было уволить.

Как и предполагал Тэнго, Комацу однажды, без предупреждения, появился в издательстве и, особо ничего не объясняя, без никаких извинений, взялся за работу.

- Так господин Комацу уже здоров? - спросил Тэнго знакомого редактора.

- Ага, при полном здравии, - ответил тот. - Но, кажется, стал еще молчаливее, чем прежде.

- Стал молчаливее?

- Так сказать, еще менее общительным.

- А он действительно был болен?

- Этого я не знаю, - небрежно ответил редактор. - Это он так говорил. Приходится ему верить. Хорошо хоть, что вернулся и добросовестно разгребает сугробы накопленных дел. Ведь пока он куда-то исчез, у нас случились кое-какие неприятности, связанные с «Воздушным коконом».

- Кстати, раз уж речь зашла о «Воздушном коконе», выяснилась история исчезновения Фукаэри?

- Никак не выяснилась. Всё осталась на своем месте. Не видно никакого прогресса - совершенно непонятно, где юная писательница. Все, кто имел к ней какое-то отношение, растеряны.

- В последнее время в газетах, которые я читал, не видно статей на эту тему.

- СМИ полностью перестали интересоваться ею или стараются держаться подальше. Не видно и четких мер полиции. Подробности спроси у господина Комацу. Только, как я уже говорил, он стал немного молчаливее. Так сказать, почему то стал совершенно непохожим на себя самого. Потерял самоуверенность и часто наедине задумывается - может, замыкается в себе. Стал придиричивым. Иногда, кажется, не замечает окружающих его людей. Похоже, что он будто оказался в какой-то яме.

- Замыкается в себе, - повторил Тэнго.

- Думаю, все поймешь, как сам с ним поговоришь.

Поблагодарив, Тэнго положил трубку.

Прошло несколько дней и как-то под вечер Тэнго все-таки дозвонился до Комацу. Застал его в издательстве. Как и рассказывал знакомый редактор, Комацу говорил не так, как всегда. Обычно говорил непрерывно, а вот на этот раз как-то вяло - так, что казалось, будто он беспрестанно думает одновременно о чем-то другом. «Неужели его-то что-то мучает?» - Подумал Тэнго. В всяком случае, это уже не был прежний хладнокровный Комацу, который никогда не нарушал собственного стиля и ритма и ни одним выражением своего лица не выдавал, что у него какое-то проблемы или трудности.

- Ваше здоровье уже улучшилось? - спросил Тэнго.

- Какое здоровье?

- А разве вы не были больны и долго не приходили на работу?

- Да, это так, - будто вспомнив, ответил Комацу.

Наступило недолгое молчание.

- Уже все в порядке. Об этом еще поговорим как-нибудь в ближайшее время. Сейчас я еще не могу как следует всё рассказать.

«Однажды в ближайшее время», - подумал Тэнго. В манере говорить Комацу слышалась какая-то странная интонация, которой не хватало должной близости. Высказанные слова казались плоскими, неглубокими.

На этот раз Тэнго сам в соответствующий момент закончил разговор. О «Воздушном коконе» и Фукаэри умышленно не стал упоминать. Так как по настроению Комацу заметил, что тот хочет избежать разговора на такую тему. В конце то концов, до сих пор он лишь один раз говорил, что не может чего толком рассказать.

Во всяком случае, это была последняя беседа с Комацу. Она состоялась в конце сентября. После этого прошло более двух месяцев. Обычно Комацу любил долго разговаривать по телефону. Конечно, выбирал собеседника, но имел склонность за разговором сразу обсуждать идеи, возникшие в голове. И ради этого Тэнго выполнял, так сказать, роль стены, от которой отскакивает теннисный мячик. Когда у Комацу появлялось желание поговорить, он даже от нечего делать постоянно звонил Тэнго. Всегда в неожиданное время. Когда же он не хотел, очень долго по телефону не говорил. И вот более двух месяцев молчания - такое событие случается редко.

«Возможно, он не хочет ни с кем разговаривать?» - думал Тэнго. - Со всяким такое может произойти. Даже с Комацу.

Да и Тэнго не имел дела, требовавшего спешного обсуждения. Спрос на «Воздушный кокон» упал, общественность почти перестала ею интересоваться, а Тэнго знал, где в действительности находилась Фукаэри, что пропала без вести. Если бы Комацу захотел что-то обсудить, то позвонил бы. И если не звонил, то значит, не имеет ничего, о чем стоило бы говорить.

«А все-таки было бы лучше, если бы вскоре он позвонил», - подумал Тэнго. Так как слова Комацу "об этом снова поговорим как-нибудь в ближайшее время» на удивление крепко запали ему в голову.

Тэнго позвонил товарищу, который замещал его в подготовительной школе, и расспросил, как дела. Тот ответил, что все хорошо, и поинтересовался, как чувствует себя отец.

- Все еще находится в коматозном состоянии, - ответил Тэнго. - В общем, стабильном: дышит, температура тела и кровяное давление почти в норме. Однако лежит без сознания. И, кажется, не чувствует боли. Будто находится во сне.

- Неплохая смерть, - без особой эмоции произнес товарищ. Хотел сказать: «Хоть это, пожалуй, и звучит жестоко, такая смерть в некотором смысле, возможно, неплохая », - но опустил первую часть фразы. Ибо за несколько лет обучения на математическом факультете привык к такому сокращенному способу высказываться. И не считал его особенно неестественным.

- В последнее время ты смотрел на Луну? – вдруг, как бы вспомнив, спросил Тэнго. Он, наверное, считал, что этот товарищ ничего не заподозрит, если его неожиданно спросить о чем-то.

Тот на секунду задумался.

- По правде говоря, не припомню, чтобы в последнее время я смотрел на Луну. С ней что-то произошло?

- Если у тебя будет время, то посмотри на неё. Я хотел бы услышать твои впечатления.

- Впечатления? В каком смысле?

- Неважно, в каком. Я хотел бы услышать, о чем ты думал, когда смотрел на неё.

Наступила небольшая пауза.

- Кажется, трудно найти выражения, чтобы выразить свое мнение.

- Выражения можешь не искать. Главное - сказать о его явных возможностях.

- Что я буду думать о её явных особенностях, когда буду на неё смотреть?

- Ага, - ответил Тэнго. – Но, в конце то концов, можешь и не думать.

- Сегодня облачно и, мне кажется, Луны не будет видно. А вот в следующий раз, как распогодится, постараюсь взглянуть на Луну. Конечно, если не забуду.

Поблагодарив товарища, Тэнго положил трубку. «Если не забуду». Это основная проблема выпускников математического факультета. Их память ужасно короткая, когда речь идет о вещах, которые не касаются их непосредственно.

Оставляя здравницу после встречи с отцом, Тэнго попрощался с медсестрой Тамура, сидевшей за конторкой приемной.

- Спасибо за помощь. Будьте здоровы.

- Тэнго, вы еще несколько дней здесь побудете? - Спросила она, прижимая очки на переносице. Теперь, когда, по всей видимости, кончилась ее смена, вместо белого халата на ней была темно-пурпурная гофрированная юбка, белая блузка и серый джемпер с застежками на пуговицах.

Остановившись, Тэнго подумал.

- Еще не решил. Все зависит от того, как сложатся обстоятельства.

- Можете еще немного не ходить на работу?

- Да, могу, попросил товарища заменить меня.

- А вы где обычно обедаете? - Спросила медсестра.

- В здешней столовой, - ответил Тэнго. - В отеле только завтракаю, а потому захожу в ближайшую столовую и заказываю комплексный обед или пиалу риса с жареной рыбой.

- Там вкусно готовят?

- Не скажу, что особенно вкусно. Но я этим особо не беспокоюсь.

- Плохо, - нахмурившись, сказала медсестра, - Вам надо питаться гораздо лучше. Вот почему у вас сейчас вид коня, спящего стоя.

- Конь, что, спит стоя? - удивился Тэнго.

- А вы когда-нибудь видели такого спящего коня?

Тэнго покачал отрицательно головой.

- Нет, не видел.

- Он выглядит так, как вот вы сейчас, - сказала медсестра средних лет. - Советую зайти в туалет и посмотреть на свое лицо в зеркале. Сразу, конечно, не поймете, что спите. А только если хорошо присмотритесь. Хоть ваши глаза и открыты, но ни-че-го не видят.

- А разве конь спит с открытыми глазами?

Медсестра кивнула.

- Совсем как вы.

Тэнго сразу же захотел пойти в туалет и посмотреть на себя в зеркало, но потом передумал.

- Понятно. Постараюсь питаться чем-нибудь получше.

- Ну, если тогда вы так решили, то не хотели бы вы пойти куда-нибудь и понаслаждаться жареным мясом?

- Жареным мясом? - Тэнго редко ел мясо. Не то что не любил его, а просто никогда не хотел. Но когда медсестра предложила, то почувствовал, что после долгого перерыва можно попробовать и мяса. Возможно, организм действительно требовал хорошей пищи.

- Мы все решили отправиться сегодня вечером куда-то и поесть жаркого. Хотите - и вы с нами.

- Кто «все»?

- Договорились пойти втроем в половине седьмого, после работы. Ну что, присоединитесь?

В упомянутую троицу входила также медсестра Омура, мать двоих детей, которая втыкала шариковую ручку в волосы, и невысокая молодая медсестра Адати. Видимо, и вне работы они все дружили.

Над предложением попробовать вместе с ними жареным мясом Тэнго задумался. По возможности он не хотел нарушать своего простого и размеренного ритма жизни, но не нашел оснований для отказа. Все знали, что в этом городке свободного времени он имел в изобилии.

- Если не помешаю, - ответил Тэнго.

- Конечно, не мешаете, - сказала медсестра. - Никто не заставит нас пригласить людей, которые будут мешать. А потому не стесняйтесь и присоединяйтесь к нам. Иногда неплохо, когда в компании есть здоровый молодой человек.

- Что здоровый, это правда, но... - сказал Тэнго неуверенным голосом.

- Прекрасно, - по-деловому подытожила медсестра.

Рабочая смена трех медсестер, работавших в одном медицинском учреждении, редко заканчивается одновременно. Однако они как-то умудрились выкраивать себе такой день один раз в месяц. Втроем отправлялись в город, ели «что-то вкусное и питательное», пили вино и пели караоке, благодаря чему, по-своему гульнув, тратили лишнюю, так сказать, энергию. В таком развлечении они действительно нуждались. Жизнь в провинциальном городке была однообразной, а на работе, кроме врачей и медсестер, они видели только стариков, что растеряли свои жизненные силы и память.

Так что три медсестры много ели и много пили. Тэнго не успевал за ними. А потому, сидя рядом с ними, веселыми и возбужденными, послушно поддерживал компанию. По мере сил ел жаркое и, стараясь не упиться, пил свежее пиво. Полакомившись мясом, они направились к ближайшей закусочной, заказали бутылку виски и пели

караоке. Сначала медсестры по очереди исполняли свои любимые песни, а потом вместе, приплясывая, пели песни из репертуара группы «Candies». [7] Очевидно, они и до этого дня предварительно тренировались и стал почти как стали профессионалки. Тэнго, которому караоке не давалось, спел только одну мелодию Йосуи Иноуэ, [8], да и ту он с трудом вспомнил.

Молодая медсестра Адати, обычно не очень разговорчивая, под воздействием алкоголя стала оживленной и смелой. Ее розовые щеки набрали здоровый, как после длительного загара, оттенок. От простых шуток она хихикала и ласково прижималась к плечу Тэнго, сидевшему рядом. Высокая медсестра Омура, что всегда втыкала шариковую ручку в волосы, сегодня, в светло-синем платье, с распущенными волосами, казалась моложе года на три-четыре и говорила голосом на тон ниже, чем обычно. А лишившись своего обычного делового вида, благодаря медленным движениям производила впечатление совершенно другого человека. И только медсестра Тамура в очках с металлической оправой особо не изменилась ни внешностью, ни поведением.

- На сегодняшний вечер я отдала детей под присмотр соседям, - сказала Тэнго медсестра Омура. - Муж ушел в ночную рабочую смену. Так что в такое время не помешает повеселиться со спокойной душой. Без развлечения нельзя обойтись. А вы, Тэнго, как думает?

Медсестры теперь называли его просто Тэнго, а не господин Кавана или господин Тэнго. Большинство людей почему-то обращались к нему так фамильярно. Даже ученики подготовительной школы в глаза называли его лишь по имени.

- Да, это правда, - согласился Тэнго.

- Нам это нужно, - сказала медсестра Тамура, попивая виски «Suntory Old» с водой. - И мы - обычные живые люди.

- Обычные женщины, если сбросить халат, - добавила медсестра Адати и хихикнула так, словно хотела сказать что-то содержательное.

- Тэнго, - обратилась к нему медсестра Омура, - можно вас спросить?

- Что?

- Вы с какой-нибудь женщиной сейчас дружны?

- И я хотела бы это знать, - сказала медсестра Адати, хрумкая кукурузные хлопья своими большими белыми зубами.

- Это непростой вопрос, - ответил Тэнго.

- А чем непростой? - спросила опытная медсестра Тамура. - У нас есть достаточно времени, с радостью послушаем. Собственно говоря, почему этот вопрос такой непростой?

- Начинайте, начинайте! - сказала медсестра Адати и, захлопав в ладоши, захихикала.

- Ну, это не очень интересно, - ответил Тэнго. - Все банально и бессмысленно.

- Расскажите самое главное, - сказала медсестра Омура. - Встречаетесь с женщиной или нет?

- Если речь идет о том о чем вы думаете, то пока вроде не встречаюсь, - сдавшись, признался Тэнго.

- Вот так! - удивилась медсестра Тамура. И облизала палец, которым размешивала лед в стакане. - Плохо. Никуда не годится, что Тэнго, молодой и здоровый человек, ни с кем не встречается.

- И здоровью вред, - добавила дородная медсестра Омура. - Если долго сдерживаться, то постепенно и голова отупеет.

Молодая медсестра Адати опять хихикнула.

- Головка совсем отупеет, - сказала она и кончиком пальца постучала по виску.

- Еще совсем недавно встречался, - словно оправдываясь, сказал Тэнго.

- Но она недавно исчезла? - прижимая очки на переносице, спросила медсестра Тамура.

Тэнго кивнул.

- Иначе говоря, дала отпор? - спросила медсестра Омура.

- Да как вам сказать? ... - и Тэнго задумался. - Возможно, что так. Кажется, да - дала отпор.

- Может быть, она была намного старше вас? - прищурился, спросила медсестра Тамура.

- Да, это правда, - ответил Тэнго и подумал: «Как она это узнала?».

- А я что говорила?! - обращаясь к своим компаньонкам, надменно заявила медсестра Тамура.

Те кивнули.

- Я говорила девушкам, - обернувшись к Тэнго, объяснила медсестра Тамура, - что вы, Тэнго, наверное, дружите с женщиной старше вас возрастом. Женским нутром почуяла.

- Нюх-нюх! - сказала медсестра Адати.

- И к тому же она замужем, - вялым голосом подчеркнула медсестра Омура. - Правда ли нет?

Немного поколебавшись, Тэнго кивнул. Врать уже было поздно.

- Ох и озорник! - произнесла молодая медсестра Адати, постукивая кончиком пальца по бедру Тэнго.

- На сколько лет старше?

- На десять, - ответил он.

- Ого! - сказала медсестра Тамура.

- Вот как! В Тэнго влюбилась по уши старше его замужняя женщина, - сказала медсестра Омура, мать двоих детей. - Неплохо! И я бы с ней Тэнго посоревновалась. Успокоила бы его одинокого, с доброй душой. Как видите, я еще ничего себе.

Она попыталась прижать руку Тэнго к своей груди. Компаньонки сдержали ее. Очевидно, считали, что, даже развеселившись, и навеселе, медсестра не должна выходить за определенные пределы в отношениях с родней пациента. А может, боялись, что кто-нибудь станет свидетелем такой сцены. Так или иначе, в небольшом городке подобные слухи распространяются в одно мгновение. Видимо, и помнили, что муж медсестры Омура - чрезвычайно ревнив. Да и Тэнго тоже не хотел попасть впросак.

- Все же вы, Тэнго, молодчина! - сказала медсестра Тамура, чтобы сменить тему разговора. - Приезжаете в такую даль и ежедневно несколько часов при отцовском изголовье вслух читаете ему книжку ... Не каждый на такое способен.

- Да, молодчина! За такое следует его уважать, - сказала молодая медсестра Адати, слегка наклонив вбок голову.

- Мы всегда вас, Тэнго, хвалим, - добавила медсестра Тамура.

Тэнго невольно покраснел. Ведь он находился в этом городе не для ухода за отцом, просто он хочет еще раз увидеть воздушный кокон, а в нем - сонную юную Аомамэ. Это почти единственная причина его задержки в этом городе. А уход за отцом в коматозном состоянии - лишь повод. Ведь тогда пришлось бы прежде объяснять, что такое «воздушный кокон».

- Но я в общем-то ничего особо хорошего не сделал, - сидя на узком деревянном стуле и неуклюже сжавшись своим большим телом, неохотно сказал он. Однако такое его поведение медсестры восприняли только как проявление скромности.

Сказав, что пора ложиться спать, Тэнго хотел было подняться и раньше всех вернуться в отель, но подходящий момент был уже упущен. Увы, ему никогда не удавалась делать так - делать что-то кому-то вопреки.

- Однако, - сказала медсестра Омура и откашлялась, - вернемся к началу. Почему вы разошлись с той замужней женщиной, старше вас на десять лет? Вы же с ней нашли общий язык, не так ли? Может, муж поймал ее с поличным?

- Сам не знаю почему, - ответил Тэнго. - Однажды вдруг связь между нами прекратился, вот и все.

- Ну надо же! - сказала молодая медсестра Адати. - Может, вы ей надоели?

Высокая медсестра Омура, мать двоих детей, замахала отрицательно в сторону головой и, подняв указательный палец вверх, сказала молодой медсестре:

- Ты еще не понимаешь, что такое. жизнь. Совсем не понимаешь. Сорокалетняя замужняя женщина, поймав такого молодого, здорового и вкусного парня, просто так не откажется от него и не скажет: «Ну, пока. И спасибо за гостеприимство! "Даже если бы он этого захотел.

- Неужели именно так все бывает? - задумавшись, сказала медсестра Адати. - Тогда я совсем ничего не понимаю.

- Так и бывает, - заявила медсестра Омура, мать двоих детей.

Некоторое время она посмотрела на Тэнго таким взглядом, будто, отступив на несколько шагов, оценивала надгробную надпись, вырезанную долотом, а потом кивнула. - Со временем поймешь.

- Ой, я уже давно не имею от нее вестей, - сказала медсестра Тамура, удобно расположившись на стуле.

После этого трое медсестер углубились в слухи о любовных похождениях некой женщины, неизвестной Тэнго, - возможно, также медсестры. Со стаканом разбавленного виски в руке он смотрел на этих трех медсестер, и в его воображении всплывали образы трех ведьм из пьесы «Макбет», которые, произнося заклинание: «Есть зло в добре, добро во зле», - внушали Макбету злой умысел. Понятное

дело, Тэнго не считал трех медсестер злыми существами. Они были любезными и искренними. Усердные в работе, они хорошо ухаживали за его отцом. Прижатые бременем тяжелого труда, жили бесцветной жизнью в этом городке, где люди главным образом занимались рыболовством, и только один раз в месяц избавлялись от накопленного стресса. И, увидев, как энергия трех женщин разного возраста собралась вместе, Тэнго невольно представил себе вид шотландской пустоши. Заволоченное густыми тучами небо и холодный ветер с дождем, пролетающий в зарослях вереска. На лекции английского языка в университете он читал пьесу "Макбет" и, как ни странно, запомнил один отрывок.

*By the pricking of my thumbs,
Something wicked this way comes.
Open, locks,
Whoever knocks!*

*/ Палец у меня зудит,
Что-то злое к нам спешит
Так и быть,
Надо открыть /*

Почему этот отрывок именно сейчас отчетливо вспомнился? Ведь Тэнго даже не помнил, кто в пьесе произносит эти слова. Однако они заставили его представить себе собирателя абонентной платы «NHK», который упорно стучится в дверь его квартиры в Коэндзи. Тэнго взглянул на большой палец. Он не чесался, однако в мастерском ритме Шекспировских слов так и слышалась зловещая нота.

Something wicked this way comes.

«Только бы Фукаэри не открыла дверь», - подумал Тэнго.

Глава 7 . Усикава

Я по пути к вам

Усикаве все же пришлось прекратить сбор информации о старой хозяйке с Адзабу. Ибо охрана вокруг нее была настолько суровой, что при любой попытке он обязательно натыкался где-то на высокую стену. Хотел хоть немного узнать об убежище для женщин, но лишний раз таскаться в его окрестностях было опасно. На воротах виднелись наблюдательные видеокамеры, а внешность Усикавы и так привлекала к себе человеческое внимание. Достаточно один раз насторожить охрану, чтобы следующие действия стали невозможными. Итак, Усикава решил пока отойти от «Усадьбы плачущих ив» и поискать другие способы получения информации.

И тогда ему пришло в голову еще раз расследовать биографию Аомамэ. Прежде он заказывал собрать информацию о ней в знакомом справочно-детективном агентстве, а также кое-что узнал сам, собственными силами, от посторонних людей. Составив досье и оценив его с разных углов зрения, он тогда пришел к выводу, что опасности от Аомамэ не было. Как инструктор спортивного клуба, она, безусловно, была очень способной и имела высокую репутацию. В детстве принадлежала к секте «Братство свидетелей», но в десятилетнем возрасте порвала с ними любые связи. Университет физкультуры закончила с почти самыми высокими оценками и, устроившись на работу в фирме пищевых продуктов, специализировалась на производстве спортивных напитков, и считалась центральным игроком софтбольной команды. Ее коллеги рассказывали, что и в спорте, и в работе она очень выделялась своими достижениями. Была целенаправленной, с находчивым умом. Имела хорошую репутацию среди коллег. Но была неразговорчивой и без широкого круга знакомых.

Несколько лет назад она неожиданно перестала играть в софтбол, уволилась из фирмы и устроилась на должность инструктора элитного спортивного клуба в квартале Хиро. Благодаря этому ее заработок увеличился процентов на тридцать. Незамужем, живет одна. Кажется, пока нет любовника. Во всяком случае, за ней не замечено ничего подозрительного и сомнительного. Усикава

нахмурился, глубоко вздохнул, и перечитанное досье бросил на стол. «Я что-то пропустил . Что-то крайне важное, которое нельзя было пропускать », - подумал он.

Усикава достал из ящика стола адресную книгу и позвонил на один телефонный номер. Если возникала необходимость заполучить незаконным образом какую-то информацию, он всегда звонил туда. Его собеседник принадлежал к типу людей, живущих в мире еще более темном, чем Усикава. И за деньги собирал нужные сведения. Естественно, что плата за них возрастала соответственно степени их секретности.

Усикава хотел достать два вида информации.

Первое - о родителях Аомамэ, которые донныне оставались членами «Братства свидетелей». Усикава был уверен, что «Братство свидетелей» централизованным образом распоряжается информацией о своих верных последователях по всей стране. Их количество в Японии большое, и между штаб-квартирой секты и ее отделениями происходят оживленные контакты и обмен материалами. Система не функционирует исправно, если в ее центре не накоплена информация. Штаб-квартира «Братства свидетелей» размещалась в пригороде Одавара. На просторной территории стояло великолепное здание с собственной типографией для выпуска религиозных брошюр, конференц-залом и гостиницей для верующих, которые приезжали со всей страны. Несомненно, там собиралась и строго хранилась вся информация.

Второе - о расписании занятий, которые проводила Аомамэ в спортивном клубе: что именно там делала и когда и кому давала индивидуальные уроки. Видимо, информация в клубе не контролируется так строго, как в «Братстве свидетелей», но ее сразу, с охотой, не покажут, если попросить: «Извините, вы не могли бы показать расписания занятий?».

Усикава оставил на автоответчике свою фамилию и номер телефона. Через полчаса зазвонил телефон.

- Господин Усикава? - спросил хриплый голос.

Усикава передал собеседнику, какого рода подробная информация ему нужна. Он с собеседником никогда не встречался с глазу на глаз. Всегда вел переговоры по телефону. Собранный материал получал срочной почтой. К хриловатому голосу собеседника нет-нет, да и

примешивалось легкое покашливание. Возможно, у человека были проблемы с горлом. На том конце телефонной линии всегда царил глубокая тишина. Такая, как будто звонили из номера с идеальной звукоизоляцией. Слышался только голос собеседника и его неприятное на слух дыхание. И больше ничего. Но этот голос постепенно нарастал. «Неприятная фигура, - всегда думал Усикава. - Похоже, будто весь мир переполнен неприятными людьми. И если посмотреть сбоку, то, может, и я один из них ». Этого собеседника Усикава втайне называл Летучей Мышью.

- В любом случае, можно брать всю информацию, связанную с фамилией Аомамэ, или не так? - спросил Мышь хриплым голосом и откашлялся.

- Да. Фамилия очень редкая.

- Вся информация нужна?

- Любая, связанная с этой фамилией. Если можно, то я хотел бы получить и фотографию, чтобы знать ее в лицо.

- Со спортивным клубом, кажется, будет просто. Наверное, они и не подумают, что кто-то украл их информацию. А вот с «Братством свидетелей» будет немного сложнее. Это гигантская организация с немалым капиталом и, очевидно, с бдительной охраной. Вступить в контакт с религиозной сектой гораздо труднее. Потому что с этим связано проблема сохранения тайны личной жизни ее членов и уплаты налогов.

- Так все же удастся достать информацию?

- Думаю, что удастся. По-любому откроем дверь. Но гораздо труднее открытую дверь опять закрыть. Потому что если этого не сделать, то может догнать ракета.

- Как на войне.

- Да это и есть война. Страшная вещь из этого может выйти, - сказал собеседник хриплым голосом. По его интонации было件нятно, что Мышь, наверное, радуется такой войне.

- Так вы сделаете это для меня?

Летучая Мышь легко откашлялся.

- Попробую. Только это обойдется вам дорого.

- Примерно сколько?

Собеседник назвал ориентировочную цифру. Немного переведя дыхание, Усикава согласился. Мол, пока даст задаток,

приготовленный лично, а затем, как только получит информацию, можно добиваться доплаты.

- Это займет много времени?

- А вы спешите?

- Спешу.

- Точно предсказать не могу, но, думаю, нужно от семи до десяти дней.

- Согласен, - сказал Усикава. В его положении оставалось только одно - соглашаться с собеседником.

- Как только соберу материал, позвоню. Обязательно в течение десяти дней.

- Если ракета не догонит, - сказал Усикава.

- Конечно, - спокойно добавил Мышь.

Положив трубку, Усикава откинулся на спинку стула и на минуту задумался. Он не знал, как Летучая Мышь заполучают информацию с «заднего крыльца». Но не сомневался, что ответа не услышал бы, даже если бы спросил. Во всяком случае, он был уверен, что тот пользуется незаконными средствами. Подумал, что, может, подкупает кого из организации или, в крайнем случае, незаконно врывается в ее контору. Если же к сохранению информации привлекаются компьютеры, то дело осложняется.

Количество государственных учреждений и компаний, которые хранят свою информацию в компьютерах, пока ограничено. Ибо такая техника требует много затрат, усилий и времени. Однако религиозная секта общегосударственного масштаба подобные ресурсы наверняка имеет. Сам Усикава почти ничего не понимал в компьютерах, но хорошо понимал, что для сбора информации он становится незаменимым орудием. Эпоха, когда приходилось искать информацию целый день в газетах на микрофильмах или ежегодниках, разложенных на столе, уже становится прошлым. Возможно, мир окончательно превратится в поле жестокой битвы между владельцем компьютера и непрошенными гостями. А так как это война, то во время нее, возможно, прольется кровь. Но запаха крови она не принесет. Причудливый мир. Усикаве нравился мир с запахами и болью. Даже если они были невыносимыми. Однако люди

такого типа, как Усикава, упорно и быстро превратятся в реликт минувшей отсталой эпохи.

Тем не менее, его не очень охватывало пессимистическое настроение. Он знал, что обладает врожденной интуицией. Что своим особым нюхом может отличать различные окружающие запахи, а по силе раздражение кожи - почувствовать, как изменилось направление ветра. На это компьютер не способен. Потому что такие способности не удастся оцифровать и систематизировать. Ловко открыть доступ к строго защищенному компьютеру и извлечь из него информацию - это работа хакеров. Но определить, какую информацию следует извлекать и выбрать из огромного массива нужную - это может только живой человек.

«Возможно, я действительно никудышный отсталый человек среднего возраста, - подумал Усикава.- Нет, не просто *возможно*. А, несомненно, никудышный человек. Однако я обладаю несколькими такими качествами, которых не имеют другие люди. Врожденный нюх и назойливость - склонность не отпускать того, к чему однажды прицепился. До сих пор благодаря этому я зарабатывал на пропитание. Поэтому пока есть такие способности, даже в виртуальном мире мне обязательно найдется работа.

Аомамэ, я вас догоню. У вас достаточно сообразительная голова. Вы ловкая и осторожная. И все равно я вас догоню. Подождите! Я сейчас по пути к вам. Слышите мои шаги? Нет, пожалуй, не слышите. Потому что я ползу тихо, словно черепаха. Но шаг за шагом приближаюсь к вам ».

Но и за Усикавою тоже гнались. Так же, как он преследовал Аомамэ. Время! Надо быстрее разыскать ее, выяснить, кто стоит за ней, и всю эту информацию на тарелочке преподнести людям из секты - возьмите, пожалуйста. Времени выделенного на эту погоню мало. Сказать им, что все понятно, но через три месяца - слишком поздно. До сих пор Усикава был для них полезным человеком. Способной, гибкий, со знанием законов и способный хранить молчание, умеющий действовать вне рамок системы, но он был для них только нанятым за деньги мастером на все руки. Он не принадлежал ни к их родственникам, ни к друзьям, ни к сторонникам их веры. Если бы стал для секты опасным, то от него, возможно, просто избавились бы.

Ожидая звонка от Мыша, Усикава зашел в библиотеку и подробно изучил историю и современное состояние "Братства свидетелей». Сделал отдельные записи, нужные части скопировал. Ходить в библиотеку и проводить расследование не было для него обременительным. Ему нравилось чувствовать, что накопил в голове знания. Такая привычка завелась у него в детстве.

Закончив работу в библиотеке, Усикава направился в квартиру в Дзюнгаока, которую Аомамэ арендовала, и еще раз убедился, что квартира пуста. На почтовом ящике все еще оставалась ее фамилия, но никто там вроде не жил. Усикава наведлся также к агенту, который занимался сдачей в аренду этой квартиры, и спросил, нельзя ли заключить договор об аренде свободной квартиры в этом доме.

- Свободная квартира есть, но до начала февраля следующего года в нее нельзя вселиться, - ответил риэлтор. - Для прежнего жильца договор об аренде остается действующим до конца января следующего года, так как арендная плата уплачивалась ежемесячно или даже на несколько месяцев вперед. Все вещи вывезены, подача электричества, газа и воды прекращена. Однако договор об аренде квартиры действует.

- Получается, что до конца января арендная плата уплачена.

- Именно так, - подтвердил риэлтор. - А раз вся арендная плата по договору уплачена, то нас попросили поддержать квартиру свободной. Естественно, в этом случае у нас нет оснований отказать.

- Странная история, правда? Никто не живет, а деньги за квартиру уплачены.

- И меня это немного обеспокоило. Поэтому я попросил домовладельца в его присутствии осмотреть квартиру. Ибо страшно представить себе, что было бы, если бы в стенном шкафу валялся труп, превратившийся в мумию! Но ничего не нашлось. Квартира была чистая и убранная. Только пустая. Не знаю, какая в этом причина.

Понятное дело, Аомамэ уже не жила в этой квартире, но они почему-то хотели сделать вид, будто она все еще арендует ее под своей фамилией. А потому заплатили сразу за четыре месяца. Они осторожны и небедные.

Как раз через десять дней, после обеда, Мышь позвонил в офис Усикавы в квартале Кодзимати.

- Господин Усикава? - сказал хриплый голос. Как всегда, на фоне тишины.

- Усикава слушает.

- Можно с вами поговорить?

Усикава ответил, что можно.

- Охрана «Братства свидетелей» суровая. Как я и ожидал. Но информацию об Аомамэ, к счастью, удалось достать.

- А ракета вас не преследовала?

- На этот раз ее не было видно.

- Вот и хорошо.

- Господин Усикава, - сказал Кожан и несколько раз откашлялся. - Извините, а вы не могли бы потушить сигарету?

- Сигарету? - Усикава посмотрел на сигарету «Seven Stars», зажатую между пальцами. Ее дым медленно поднимался к потолку. - Да, я действительно курю, но как вы поняли это по телефону?

- Конечно, дым сюда не доходит. Но я задыхаюсь, как только слышу в трубке ваше дыхание. Увы, такая вот у меня крайняя склонность к аллергии.

- Понятно. Я до сих пор этого не замечал. Извините.

Летучая Мышь несколько раз кашлянул.

- Господин Усикава, вы в этом не виноваты. Естественно, что не замечали.

Усикава раздавил сигарету в пепельнице, сверху полил чаем, который собирался пить. Встал и широко распахнул окно.

- Сигарету затушил и открыл окно, чтобы проветрить комнату. Правда, и воздух во дворе нельзя назвать чистым.

- Извините.

Полная тишина продолжалась секунд десять.

- Итак, вы смогли раздобыть информацию о «Братство свидетелей»? - спросил Усикава.

- Ага. К тому же в очень большом объеме. Во всяком случае, соответствующего материала немало, ибо семья Аомамэ много лет принадлежит к пылким членов «Братства свидетелей». Нужную и ненужную информацию разделить?

Усикава согласился - мол, даже желательно.

- Со спортивным клубом особых проблем не было. Хватило времени только открыть дверь, зайти внутрь, сделать свое дело, выйти и закрыть за собой дверь. Вот и все. Всего материала взято немало, но он не отсортирован. Во всяком случае, передам все вместе. Как всегда, взамен за оплату.

Усикава записал сумму, которую назвал Летучая Мышь. На двадцать процентов больше от предварительной договоренности. Пришлось согласиться.

- В этот раз я не хочу воспользоваться почтой, а поэтому завтра в это время к вам наведается непосредственно курьер. Приготовьте, пожалуйста, наличные. Как всегда, расписки не дадим.

- Понятно, - сказал Усикава.

- Я уже говорил, но для верности повторяю. Мы раздобыли всю доступную информацию по вопросам, которые вас интересовали. И если вы, Господин Усикава, останетесь неудовлетворенным ее содержанием, то мы не несем за это ответственности. Потому что сделали все, что технически могли. Вознаграждение определяется трудом, а не ее результатами. Не хотелось бы услышать от вас заявления: «Отдайте деньги, поскольку желаемой информации я не получил». Прошу вас с этим согласиться.

Усикава ответил, что согласен.

- А вот фотографию Аомамэ с трудом, но удалось раздобыть, - сказал Мышь. - Со всех материалов фотографии были изъяты.

- Понятно. Хорошо, - сказал Усикава.

- Кроме того, может, она сделала пластическую операцию лица, - сказал Мышь.

- Может быть, - согласился Усикава.

Летучая Мышь несколько раз откашлялся.

- Пока! - Сказал он, и на этом закончил телефонный разговор.

Усикава положил трубку, вздохнул и взял в рот новую сигарету. Закурил ее от зажигалки и начал выпускать дым в сторону телефонного аппарата.

После полудня следующего дня в офис Усикавы пришла молодая женщина, не достигшая, по всей видимости, и двадцати лет, в коротком белом платье, которое отчетливо очерчивало линии ее тела, в белых блестящих туфлях на высоких каблуках и с жемчужными

серьгами в ушах с большими мочками, непропорционально большими для ее небольшого роста, который чуть превосходил полтора метра. С прямыми длинными волосами и большими ясными глазами, она походила на ученицу феи. Взглянув Усикаве прямо в глаза, она радостно и доброжелательно улыбалась. Между ее маленькими губами приветливо выглядывали белые зубы. Конечно, это, наверное, была служебная улыбка. Очень редко бывало, когда впервые увидев лицо Усикавы, люди не вздрагивали.

- Я принесла материал, который вы просили, - сказала она и из холщовой сумки, что висела через плечо, добыла два грубых крупных конверта и обеими руками, как жрица старинную литографию, положила их на стол Усикавы.

Он вынул из ящика стола приготовленный заранее конверт и передал женщине. А та, открыв его, вытащила пачку десятитысячных банкнот и стоя пересчитала деньги. Считала ловко, быстро двигая своими тонкими красивыми пальцами. Закончив считать, засунула пачку банкнот в конверт, а конверт - в холщовую сумку. А потом улыбнулась Усикаве еще приветливее, чем прежде. Так, будто хотела сказать: «Я так рада, что наконец смогла вас увидеть! »

«Интересно, как эта женщина связана с Летучей Мышью?» - попытался представить себе Усикава. Хотя, конечно, это его не касалось. Она была только простым курьером. Передавала «Материал» и получала вознаграждение. Наверное, это была ее единственная роль.

Когда эта невысокая женщина ушла, Усикава долго, в растерянном состоянии, всматривался в дверь, закрывшейся за ней. В комнате все еще сильно ошущались следы ее присутствия. Возможно, в обмен за эти оставленные следы она забрала часть души Усикавы. Он почувствовал в груди эту новую пустоту. «Как это произошло? - недоумевал Усикава. - И что все это значит? »

Очнувшись через минут десять, он открыл конверт, запечатанный несколько раз липкой лентой и напичканный вперемешку печатными листами, скопированным материалом и оригинальными документами. Неизвестно как за такое короткое время они собрали столько сведений. Как всегда, Усикава процессом разбора бумаг невольно увлекся. Но одновременно, перед пачками документов, его проняло глубокое бессилие. « Как мне в этой куче разобраться? Вдруг я за

большие деньги приобрел лишь груду бесполезных бумаг? "Бессилие было таким глубоким, что его дна он не мог увидеть, как ни напрягал зрение. И все, что отражалось в его глазах, окутывали легкие сумерки, похожие на предвестие смерти. «Может, в этом виноваты те следы, которые оставила эта женщина? - подумал Усикава. - Или то, что она что-то у меня забрала?»

Но все же Усикава восстановил свои силы. До самого вечера упорно просматривал присланные документы и переписывал в блокнот важные сведения. Сосредоточившись на такой работе, он наконец прогнал куда-то свое непонятное бессилие. А когда в комнате стемнело и на столе засветилась лампа, Усикава подумал, что полученный материал достоин большей суммы заплаченных денег.

Прежде всего Усикава взялся читать бумаги о спортивном клубе. Аомамэ устроилась туда четыре года назад и отвечала за программу физической тренировки и боевого искусства. Организовала и руководила несколькими классами. Из прочитанного материала он узнал, что она имела высокие тренерские способности и пользовалась популярностью среди членов клуба. Будучи руководителем общей группы, она одновременно проводила и индивидуальные занятия. Конечно, плата за них была высокой, но такая система подходила людям, которые не могли посещать занятия в назначенное время или просто предпочитали тренировки в более приватной обстановке. У Аомамэ насчитывалось достаточно много подобных «постоянных индивидуальных клиентов».

На основе скопированного расписания занятий Усикава узнал, когда, где и как Аомамэ проводила занятия с «индивидуальными клиентами». В частности, и то, что тренировала их как в клубе, так и в их домах. Среди них были и деятели искусства, и политики. Старейшей по возрасту оказалась Сидзуэ Огата, владелица «Усадьбы плакучих ив».

Связь между ней и Аомамэ установилась вскоре после того, как Аомамэ устроилась на работу в клубе, и продолжалась до самого ее исчезновения. Именно тогда, когда двухэтажный дом при упомянутой усадьбе практически стал использоваться как убежище «Консультации для женщин - жертв домашнего насилия». Может быть, это случайное совпадение, а может, и нет. Во всяком случае, по

данным материала, взаимоотношения между обеими женщинами с течением времени вроде бы становились все более тесными.

Возможно, между Аомамэ и старой хозяйкой зародился как бы родственные связи. Это Усикава чувствовал интуитивно. Сначала они общались как инструктор клуба с постоянной клиенткой. Но в какой момент характер их отношений изменился. Просматривая деловые записи по дате, Усикава пытался определить этот момент. Тогда, когда-то произошло или выяснилось, обе женщины общались не просто как инструктор с клиенткой, а как близкие лица, несмотря на разницу в возрасте и социального положения. Возможно, их даже связало нечто похожее на тайное духовное соглашение. И позже эта тайная сделка соответствующим образом привела к убийству лидера в номере гостиницы «Окура». Так подсказывало Усикаве его нюх.

Но каким образом? Какая тайная сделка?

В этом отношении Усикава не имел никаких догадок.

Тем не менее, может, с этим связан такой фактор, как «домашнее насилие»? Казалось, что для старой хозяйки эта тема - лично важна. По данным материала, Сидзуе Огата сначала контактировала с Аомамэ как с руководителем группы «самозащиты». Но можно ли считать участие семидесятилетней женщины в таком классе чем-то обычным? Возможно, старую хозяйку и Аомамэ соединил некий фактор, который касался *насилия*.

А вдруг сама Аомамэ была жертвой домашнего насилия, а лидер - домашним насильником?. И вот, зная это, женщины, наверное, решили наказать его. Но все это было лишь предположением на уровне «если бы, да кабы», которое, насколько знал Усикава, расходилось с образом лидера как человека. Конечно, трудно заглянуть в душу любого человека, а тем более такого, как лидер. Как бы то ни было, он возглавлял религиозную организацию. Был сообразительным, умным, но в чем-то таинственным. И если он действительно оказывал ужасное насилие, разве был большой смысл в том, чтобы разрабатывать тщательный план убийства и, рискуя собой и своим социальным положением, осуществить его?

Во всяком случае, убийство произошло не случайно, не под влиянием каких-либо эмоций. За ним стояла ясная воля, выразительная мотивация и тщательно продуманная система, на создание которой потрачено много времени и денег.

Однако такое предположение не подтверждалось никакими конкретными фактами. Усикава имел лишь косвенные доказательства, опиравшиеся только на эти самые предположения. Те, что просто отрезаны «Бритвой Оккама». На этом этапе Усикава еще не мог ничего доложить секте «Сакигаке». Это понимал только он сам. Нюхом и по предположению. Все важные факторы указывали в одном направлении. Старая хозяйка по какой-то причине, обусловленной домашним насилием, приказала Аомамэ убить лидера, а после того спрятала ее где-то в безопасном месте. Материал, который собрал Мышь, косвенно подтверждал все предположение Усикавы.

Просмотр материала, который касался «Братства свидетелей», забрал много времени. Ибо из этого страшно большого массива данных только небольшая часть оказалась полезной для Усикавы. Больше половины из них составляли многочисленные отчеты о вкладе семьи Аомамэ в деятельность секты. Из прочитанного материала следовало, что семья Аомамэ действительно принадлежала к пылким и самоотверженным членам секты. Большую половину своей жизни они посвятили распространению вероучения «Братства свидетелей». Родители Аомамэ теперь проживали в городе Итикава, что в префектуре Тиба. Переселились туда тридцать пять лет назад дважды переезжали с места на место, но только в пределах Итикава. Ее отец, Такаюки Аомамэ (58 лет), работал в машиностроительной компании, а мать, Кейкоб Аомамэ (56 лет), была домохозяйкой. Их сын, Кэйити Аомамэ (34 года), по окончании префектурной средней школы в Итикава устроился на работу в небольшой токийской типографии, но через три года оставил ее и стал работать в штаб-квартире «Братства свидетелей», что в Одаваре. Там он имел дело с печатанием религиозных брошюр, а теперь занимает руководящую должность. Пять лет назад женился на девушке, которая тоже принадлежала к «Братству свидетелей», и теперь вместе с двумя детьми живет в арендованной квартире Одавара.

Биография их дочери, Масами Аомамэ, заканчивается одиннадцатым годом. Она тогда отреклась от веры. А к людям, которые отреклись от веры, «Братство свидетелей», кажется, теряло любое любопытство. Для секты Масами Аомамэ будто умерла в

одиннадцатилетнем возрасте. После того не осталось ни строчки записей о том, как сложилась ее дальнейшая жизнь и живет ли она на этом свете никто не знал.

«Если так получается, то ничего другого не оставалось, как пойти и поговорить с ее родителями или братом, - подумал Усикава. - Может, от них удастся что-то узнать? » И, посмотрев собранный материал, он не мог надеяться, что они будут легко отвечать на его вопросы. Люди из семьи Аомамэ (конечно, с точки зрения Усикавы) имеют ограниченный кругозор, ведут ограниченную жизнь и изначально не сомневались, что приблизятся к царству небесному тем быстрее, чем дольше будут оставаться ограниченными. По их мнению, человек, даже родственник, отрекшийся от их веры, ступил на неправильную, позорную дорогу. Возможно, теперь они уже не считают ее своей родственницей.

А Аомамэ не претерпела в детстве домашнего насилия?

Может, такое было, а может, и нет. А если бы и испытала, то родители, наверное, не считали бы его насилием. Усикава знал, что члены «Братство свидетелей» держали детей в строгом повиновении. Во многих случаях прибегали к физическому наказанию.

Может, именно такие детские переживания оставляют в душе глубокую рану и во взрослом возрасте приводят даже к убийству другого человека? Конечно, это не исключено, но Усикава считал такое предположение чем-то крайним. Убить человека - страшная работа. Она сопровождается опасностью и большим душевным грузом. В случае ареста на виновника обрушивается тяжелая кара. Для убийства человека, наверное, нужен гораздо более сильный повод.

Усикава еще раз взял в руки документы и внимательно перечитал биографию Масами Аомамэ к одиннадцатилетнему возрасту. Как только она научилась ходить, то стала сопровождать мать, которая распространяла вероучение их секты. Они вместе обходили жилища, вручали религиозные брошюры, извещали, что мир неизбежно движется к гибели и приглашали людей принять участие в собраниях. Мол, если они вступят в их секту, то смогут пережить конец света. А после того попадут в блаженный рай. Усикаву также несколько раз к этому призывали. В основном женщины среднего возраста, в шляпках или с зонтиком от солнца. Зачастую в очках, они не отрывали от него

своих, как у умной рыбы, глаз. Во многих случаях ходили с детьми. Усикава представил себе картину того, как маленькая Аомамэ вслед за матерью обходит жилища.

Она не посещала детский сад, и ходила в ближайшую городскую начальную школу. И когда была в пятом классе, покинула «Братство свидетелей». Причина отречения веры была неизвестной. «Братство свидетелей» такую причину ни разу нигде не фиксировали. Человека, который попал в лапы дьявола, лучше там с ним и оставить. Они же по горло заняты тем, что рассказывали о рае и дороге, которая ведет к нему. Добрые люди имеют свою работу, дьявол - свою. Установилось своеобразное разделение труда.

Вдруг в голове Усикавы постучали в фанерную перегородку и обратились к нему со словами: «Господин Усикава, Господин Усикава!» Усикава прикрыл глаза и прислушался. Голос был слабый, но настойчивый. «Кажется, я что-то пропустил, - подумал Усикава. – Какие-то важные факты зафиксированы в этих документах, но я чего-то не прочитал. Стук по фанере напоминал об этом ».

Усикава еще раз прошелся глазами по толстым документам. И не просто видел текст, а мысленно представлял себе различные картины. Трехлетняя Аомамэ сопровождает мать во время ее проповедей вероучения секты. В большинстве случаев их грубо прогоняют от порога. Аомамэ вступает в начальную школу. Проповедь вероучения продолжается. Все субботы и воскресенья отводятся этой задаче. Гулять с подругами Аомамэ не имеет времени. Даже не может ни с кем подружиться. В школе дети членов «Братства свидетелей» часто испытывают издевательства и бойкоты. Об этом Усикава узнал из книг об этой секте. И вот в десятилетнем возрасте Аомамэ отрекается от веры. Такое отречение, наверное, требовало от нее незаурядной решительности. Аомамэ привили веру с самого рождения. В ней она выросла. Вера проникла до самых костей. Ее нельзя просто сбросить, словно костюм. Поступок Аомамэ обрек ее на одиночество в семье. Поскольку семья была чрезвычайно набожной. И легко не примирилась с дочерью, что отрекалась от веры. Ибо отречься от веры - это все равно что отречься от семьи.

Что случилось с Аомамэ на одиннадцатом году жизни? Что заставило ее решиться на такой поступок?

«Начальная школа N в Итикаве, что в префектуре Тиба, - подумал Усикава. Он произнес вслух эти слова. - Там что-то случилось. Наверное, что-то ... - На мгновение он сдержал дыхание. - Кажется, я когда где-то слышал название такой школы ». Собственно говоря, а где он слышал? Ведь Усикаву ничего не связывало с префектурой Тиба. С тех пор как, родившись в городе Урава префектуры Сайтама, он поступил в университет и переехал в Токио, все время, за исключением проживания в Тюоринкане, [10] жил в одном из двадцати трех административных районов Токио. В префектуре Тиба почти не бывал. Только однажды ездил в Футцу купаться в море. И все же, почему он запомнил название начальной школы в Итикаве?

Пока вспомнил, прошло много времени. Потирая ладонью свою сплюснутую голову, сосредоточенно думал. Искал на дне памяти так, будто засунул руку в глубокое болото. Это название услышал не так давно. Совсем недавно. Префектура Тиба ... город Итикава ... начальная школа. И тогда его рука наконец ухватилась за тонкий шнурок.

«Тэнго Кавана, - подумал Усикава. - Да, именно тот Тэнго Кавана родом из Итикавы. И он, наверное, ходил в городскую начальную школу ».

Усикава вынул из шкафа офиса досье, касающееся Тэнго Каваны. Материал, собранный несколько месяцев назад по заказу секты «Сакигаке». Перелистывая его страницы, Усикава проверил, где Тэнго учился. Корявый палец Усикавы нашел название школы. Как он и ожидал, Масами Аомамэ посещала ту же городскую школу, что и Тэнго Кавана. Судя по дате рождения, они были на одинаковом году обучения. А вот то, учились ли в одном классе, придется расследовать. Однако вероятность того, что они знали друг друга, была достаточно большой.

Усикава взял в рот сигарету «Seven Stars» и закурил от зажигалки. Следовательно, оказалось, что все начинает связываться вместе. От точки к точке понемногу прокладывается одна линия. Однако Усикава еще не знал, какой рисунок автоматически откроется. И, наверняка, понемногу, его очертания станут видимыми и четкими.

«Аомамэ, вы слышите мои шаги? - мысленно спрашивал Усикава. - Пожалуй, что не слышите. Ибо я иду исподтишка. Но шаг за шагом к вам приближаюсь. Я - троянская черепаха, но уверенно двигаюсь

вперед. Не сомневаюсь, что скоро догоню зайчика. Ждите меня с нетерпением».

Усикава откинулся на спинку стула, посмотрел на потолок и медленно выпустил вверх клуб табачного дыма.

Глава 8 . Аомамэ

Эти двери весьма неплохие.

После того случая, кроме молчаливых поставщиков, приходящих во вторник в послеобеденное время, недели две никто в квартире Аомамэ не появлялся. Мужчина, назвавшийся сборщиком абонентской платы «ННК», ушел, намекнув, что обязательно еще придет. В его голосе сквозила твердая уверенность. По крайней мере, так это звучало в ушах Аомамэ. Однако после этого стука в дверь не было. Возможно, этот человек теперь озабочен обходом другого маршрута.

Внешне дни проходили спокойно и мирно. Ничего не происходило, никто не приходил, телефон не звонил. Ради безопасности Тамару уменьшил до минимума количество телефонных разговоров. Аомамэ всегда закрывала окна шторами, жила тихо, чтобы не привлекать к себе человеческого внимания.

Выполняя тяжелые физические упражнения на тренажерах, старалась не создавать лишнего шума. Ежедневно тряпкой протирала пол, неторопливо готовила еду. Используя кассеты с записями уроков, которые попросила Тамару внести в список поставляемых товаров, вслух изучала испанский язык. Когда долго не разговаривала, мышцы вокруг рта атрофировались. Приходилось сосредоточенно шевелить губами. Для этого пригодились упражнения по разговорной практике изучения иностранного языка. Еще издавна Аомамэ лелеяла романтические мечты о Южной Америке. Если бы могла свободно выбирать место жительства, то хотела бы обосноваться где-нибудь в маленькой мирной стране Южной Америки. Скажем, в Коста-Рике. Жила бы в небольшой съемной вилле на морском берегу, плавала бы в море и читала книжки. Наличности, напичканной в сумку, если не роскошествовать, хватило бы лет на десять. Да и, возможно, никто из ее преследователей не добрался бы до Коста-Рики.

Ежедневно повторяя уроки испанского, Аомамэ представляла себе спокойную, мирную жизнь на побережье этой страны. Может, в той жизни участвовал бы и Тэнго? Закрыв глаза, она в воображении видела, как на пляже Карибского моря они вдвоем с Тэнго принимают

солнечные ванны. Она, в черном маленьком бикини и темных очках, сжимает руку Тэнго, лежащего рядом. Однако этой картине, что походила на рекламную туристическую фотографию, не хватало чувства реальности, которое трогало бы душу.

Когда Аомамэ не знала, что делать, то чистила пистолет. Согласно напечатанной инструкции разбирала его на части, вытирала тряпкой и щеточкой, смазывала и вновь собирала. Убеждалась, что все его механизмы действуют исправно. В этой работе Аомамэ приобрела высокое мастерство. Теперь пистолет фирмы «Heckler und Koch» даже казался частью ее организма.

Обычно в десять вечера она ложилась в постель и, прочитав несколько страниц книги, засыпала. От рождения это ей давалось легко. Пока она пробегала глазами по тексту, невольно приходила дремота. Аомамэ гасила лампу при изголовье, клала голову на подушку и закрывала глаза. Если не было чего-то необычного, просыпалась следующим утром.

Вообще Аомамэ не очень часто видела сны. А если и видела, то, проснувшись, почти ничего не помнила. В закоулках сознания застревало несколько невнятных обрывков чего-то похожего на сон. Однако его сюжет не удавалось проследить. Все, что оставалось, было набором не связанных между собой эпизодов. Аомамэ спала очень крепко, и сон происходил в глубине сознания. Как и глубоководная рыба, он не мог подняться на поверхность. Если бы даже поднялся, то потерял бы свой первоначальный вид из-за разницы в давлении воды.

А вот когда она стала жить в этом убежище, ей каждую ночь что-то снилось. Что-то вполне выразительное и реальное. Увидев такой сон, Аомамэ просыпалась. И некоторое время не могла понять, в реальном она мире, или в воображаемом. Такого впечатления никогда ранее не испытывала. Поглядывала на электронные часы и видела на нем цифры 1:15, 2:37, 4:07. Закрывала глаза и пыталась еще раз заснуть, но не могла. Два разных мира молча боролись между собой за ее сознание. Соревновались, как морская и пресная вода в устье большой реки.

«Хочешь не хочешь, - думала она, - берет сомнение, что мир с двумя Лунами, в котором живу, настоящий. Но разве не странно, что я, уснув в этом мире, и увидев сон, не могу определить, сон это или реальность? Кроме того, вот этими руками я убила нескольких

мужчин и скрываюсь от настоящего преследования фанатиков. Естественно, нахожусь в напряжении и страхе. К тому же, мои руки еще помнят, что я оборвала людям жизнь. Нет! Наверное, я уже не смогу спокойно уснуть ночью. Возможно, этим я и должна искупить свою вину».

В общем, Аомамэ видела три разновидности сна. По крайней мере, все сны, которые она видела, принадлежали к следующим трем типам.

В первом сне раздается гром. Комната окутана мраком, а гром не прекращается ни на миг. Однако молния не вспыхивает. Как тогда, когда она убила лидера. В комнате кто-то есть. Аомамэ лежит голая в постели, а вокруг что-то бродит. Медленно, осторожно. Ворсины ковра длинные, воздух тяжелый, застоявшийся. Оконные стекла мелко дрожат от неистового грома. Аомамэ боится. Не знает, что есть в комнате. Возможно, человек, а может, животное. Или никто и ничто. Однако вскоре это что-то выходит из комнаты. Не через дверь и не через окно. Тем не менее оно медленно удаляется, а затем вовсе исчезает. В комнате остается только она.

Аомамэ ощупью находит лампу при изголовье и включает её. Вылезает голая из кровати и оглядывается вокруг. На противоположной от стола стене виднеется дыра, через которую с трудом может протиснуться человек. Но эта дыра не постоянная, а меняет форму - дрожит, передвигается, увеличивается и уменьшается. Кажется, будто живая. Что-то вышло в эту дыру. Аомамэ заглядывает в нее. Дыра вроде бы не имеет конца. И в ее глубине видна только тьма. Такая густая, что, отрезав кусок, можно взять в руки. Аомамэ любопытно. И одновременно она боится. Ее сердце бьется сухо и безразлично. На этом сон обрывается.

Во втором сне Аомамэ стоит на краю столичной скоростной автострады. Она гола-голышом. Люди вызывающе поглядывают на нее из автомобилей, зажатых в пробке. Почти все они - мужчины. Но встречаются и женщины. Кажется, будто люди осматривают ее несовершенную грудь и странно заросший лобок и все это тщательно оценивают. Насупливают брови, притворно улыбаются или зевают. Или просто не отрывают от нее своих равнодушных взглядов. Ей

хочется чем-то укрыться. Хотя бы грудь и лобок. Чем-то, хоть куском ткани или газетой. Но вокруг ничего не попадает под руку. А еще, по какой-то неведомой причине она не способна шевелить руками. То и дело, будто вспомнив, дует ветер, возбуждает соски и колыхает волосы на лобке.

Кроме того, как назло, вот-вот должны начаться месячные. Расслабив мышцы, низ живота стал горячим. Что же делать, если начнется кровотечение перед таким множеством людей?

И тогда открываются дверцы серебристого автомобиля «Mercedes-Benz coupe» и из него выходит изящная женщина средних лет в светлого цвета туфлях на высоких каблуках, темных очках и с серебряными серьгами в ушах. Стройная, и с такой, как у Аомамэ, ростом и фигурой. Протиснувшись между стоящими в пробке автомобилями доб Аомамэ, она снимает свое желтоватое, до колен, весеннее пальто и накидывает на нее. Легкое, как перышко, оно простого покроя, но, наверное, дорогое. И прилегает к телу, словно сшитое на заказ. Женщина застегивает его до последней пуговицы.

- Я не знаю, когда смогу вам его отдать, и, кроме того, могу испачкать кровью, - говорит Аомамэ.

Ничего не ответив, женщина слегка кивает головой, и, пробиваясь сквозь плотные ряды автомобилей, возвращается к своей машине. Сев за руль, она чуть-чуть поднимает руку в направлении к Аомамэ. А может, это ей только показалось. Аомамэ думает, что, завернутая в легкое, мягкое пальто, чувствует себя защищенным. Теперь ее тело не находится под человеческими взорами. И, словно дождавшись своего часа, по ее бедрам текут струйки крови. Теплой, густой. Но, хорошо присмотревшись, Аомамэ понимает, что это не кровь. Жидкость бесцветная.

Третий сон не удастся передать словами. Он беспорядочный, бессюжетный, без картин, а только передает ощущение движения. Аомамэ непрерывно перемещается во времени и пространстве. А когда и где это происходит, не имеет большого значения. Важно, что она перемещается. Все текучее, и в этой текучести рождается определенный смысл. И пока она находится в плену такой текучести, ее тело постепенно становится прозрачным. Ладонь истончала настолько, что видно ее тыловую сторону. Видны кости,

внутренности и матку. «Да и я сама могу исчезнуть. А если я стану невидимой, то что меня потом ожидает?» - думает Аомамэ. Ответа не было.

В два пополудни неожиданно зазвонил телефон и разбудил Аомамэ, задремавшую на диване.

- Что нового? - Спросил Тамару.

- Особо ничего, - ответила она.

- А как сборщик платы «ННК»?

- Больше не приходил. Говорил, что придет, но, возможно, это только угроза.

- Может быть, - согласился Тамару. - Ведь абонентская плата автоматически перечисляется с банковского счета и об этом сообщает записка, наклеенная на дверях. Сборщик платы обязательно должен обратить на нее внимание. Так мне разъяснила по телефону человек с «ННК». Сказала, что это какая-то ошибка.

- Мне лучше ни с кем не иметь дела.

- Совсем нежелательно привлекать внимание соседей. К тому же, с вашим характером, когда любая ошибка выводит из равновесия.

- Мир переполнен ошибками.

- Мир - это мир, а я - это я, - ответил Тамару. - Если что встревожит - даже малейшая мелочь - сразу сообщайте.

- В «Сакигаке» не заметно никакого движения?

- Там очень тихо. Как будто ничего не случилось. Внутри, может, что и происходит, но снаружи ничего не видно.

- Я слышала, что в секте есть наш информатор.

- Информация поступает, но мелкая, побочная. Очевидно, внутренний контроль усилился. Кран наглухо закрыт.

- Но они, наверно, будут меня искать.

- После смерти лидера, в секте, бесспорно, образовалась большая пустота. Кажется, еще не определено, кто станет его преемником и в каком направлении двигаться дальше. Но в главном, в преследовании вас, их взгляды полностью совпадают. Вот примерно какой факт удалось установить.

- Не очень приятный факт.

- Для факта самое главное - важность и точность. А удовольствие стоит на втором месте.

- Во всяком случае, - сказала Аомамэ, - если меня схватят и правда вылезет на поверхность, вы также будете иметь неприятности.

- А потому мы хотим как можно быстрее отправить вас туда, куда их руки не дотянутся.

- Я это хорошо понимаю. Но еще немного подождите.

- Она сказала, что подождет до конца года. А потому, конечно, и я подожду.

- Спасибо.

- Не за что.

- И вот что, - сказала Аомамэ, - я хотела бы включить в следующий список товаров одну вещь. - Вам, мужчине, неловко об этом говорить ...

- Я надежный, как каменная стена, - ответил Тамару. - А кроме того, принадлежу к геем высшей категории.

- Мне нужен тест на беременность.

Наступило молчание. Затем Тамару сказал:

- Вы считаете, что нужно вам сделать тест на беременность.

Это не был вопрос, потому Аомамэ не ответила.

- Вы предполагаете, что забеременели? - спросил Тамару.

- Нет, не могу так сказать.

В голове Тамару что-то быстро закрутилось. Если прислушаться, то можно было бы услышать шум.

- Не догадываетесь, что забеременели, но тест сделать нужно?

- Да.

- Это для меня звучит, словно загадка.

- Извините, но пока я больше ничего не могу сказать. Достаточно простого средства, которое продается в любой аптеке. А еще я была бы благодарна за пособие, написанное о женском организме и его физиологии.

Тамару еще раз замолчал. Тишина была тяжелой и удручающей.

- Может, лучше вам еще раз перезвонить? - Спросил Тамару. - Вы не против?

- Конечно, не против.

В его горле что-то прохрипело. И тогда разговор оборвался.

Через пятнадцать минут зазвонил телефон снова. Впервые за долгое время Аомамэ услышала голос хозяйки усадьбы в Адзабу.

Казалось, они вновь оказалась в оранжерее. В теплом пространстве, где летают удивительные бабочки и медленно проходит время.

- Как себя чувствуете?

Аомамэ ответила, что живет в размеренном ритме. В общем, как того и хотела старая дама, рассказала о своем распорядке дня, о физических упражнениях и рационе питания.

- Обидно, что вы не можете выходить на улицу, - сказала хозяйка, - но вы - человек с сильной волей, а потому я особо не переживаю. Думаю, вы успешно все перетерпите. Мы хотим, чтобы вы поскорее выбрались оттуда и переехали в безопасное место. Но если почему-либо хотите там остаться - то мы постараемся уважать вашу волю.

- Спасибо.

- Нет, это я должна вас благодарить. Потому, что и говорить, вы сделали замечательную работу. - после короткого молчания старая хозяйка добавила: - Говорят, что вам нужно средство для определения беременности, это правда?

- Почти на три недели месячные запоздали.

- Они было регулярными?

- С десяти лет наступали двадцать девятого числа и ни разу даже ни на один день не смещались. Пунктуально, как фазы Луны. Пропуска не было ни одного.

- Сейчас вы находитесь в необычном положении. А в такое время и душевное равновесие, и жизненный ритм организма отклоняется от нормы. Может быть, менструации могут останавливаться и сильно смещаться.

- Я понимаю, что есть такая возможность, но подобного со мной еще ни разу не случалось.

- По словам Тамару, вы сказали, будто сами не знаете, что забеременели.

- Последний раз я имела половые отношения с мужчиной шесть с половиной месяцев назад. И после того ни с кем у меня ничего подобного не было.

- И все равно вы думаете, что, может быть, забеременели. Имеете к этому какие-то основания? Кроме того, что нет менструации.

- Я просто *чувствую*.

- Только чувствуете?

- Такое вот у меня ощущение...

- Ощущение того, что произошло зачатие?

- Однажды - вечером, когда мы зашли в Цубаса-тян, - вы рассказывали о яйцеклетках, - ответила Аомамэ. - О том, что от рождения женщина имеет их определенное количество.

- Помню. Каждая женщина наделена приблизительно четырьмястами яйцеклетками, которые ежемесячно по одной выходят наружу. Да, действительно был такой разговор.

- Чувствую явный эффект того, что в последнее время одна из яйцеклеток оплодотворилась. Правда, я не уверена, подходит ли сюда слово «эффект».

Старая дама на минутку задумалась.

- Я родила двоих детей, а потому, кажется, понимаю, что вы назвали «эффектом». Однако Вы сказали, что забеременели без половой связи с мужчиной. С этим мне трудно сразу согласиться.

- Так же как и мне.

- Извините за бестактность, но не могли ли вы иметь половой контакт в бессознательном состоянии?

- Нет, такого со мной не было. Мое сознание всегда ясно.

- Я всегда считала вас человеком, способным мыслить логически и ясно, - тщательно подбирая слова, сказала хозяйка усадьбы в Адзабу.

- И я хотела бы, чтобы по крайней мере так и было.

- Но все равно вы думаете, что забеременели без полового акта.

- Считаю что, если говорить точно, есть такая возможность, - ответила Аомамэ. - Хотя, конечно, в самом рассуждении о такой возможности есть что-то нелогичное.

- Понятно, - сказала старая дама. - Во всяком случае, подождем результатов. Средство для теста на беременность доставлю вам завтра. Тем же способом и в то же время. Для определенности приготовим несколько видов тестов.

- Спасибо, - сказала Аомамэ.

- Если предположить, что произошло зачатие, то, по-вашему, когда?

- Наверное, тем грозovým вечером, когда я отправилась в гостиницу «Окура».

Старая дама коротко вздохнула.

- Вы можете это так точно определить?

- Да, могу. По моим расчетам, в тот день чисто случайно могло легко наступить зачатие.

- Если так, то получается, что вы беременны уже два месяца.

- Да, - подтвердила Аомамэ.

- Тошнота бывает? Обычно, думаю, такая пора как раз критическая.

- Совсем не бывает. Сама не понимаю, почему.

- Если после теста поймете, что действительно забеременели, то что же будете делать?

- Прежде всего подумаю о том, кто биологический отец ребенка. Естественно, что для меня этот вопрос будет иметь очень большое значение.

- А вы не догадываетесь, кто?

- Пока нет.

- Понятно, - спокойным голосом сказала старая дама. - Во всяком случае, я всегда буду стоять на вашей стороне, чего бы ни случилось. Из всех сил буду защищать вас. Запомните это хорошо.

- Извините, что в такое время завела такой тяжелый разговор, - сказала Аомамэ.

- Да никакой это не тяжелый разговор. Для женщины это самая главная проблема. После теста вместе подумаем, что дальше делать, - сказала старая хозяйка усадьбы в Адзабу и тихо положила трубку.

Постучали в дверь. Аомамэ делала на кровати упражнения из йоги, но остановила движения и прислушалась. Стук был твердым и упорным. Такого она не помнила. Аомамэ вынула из ящика комода пистолет и сняла предохранитель. Оттащила назад затвор и быстро загнала патрон в патронник. Засунув его за пояс тренировочных брюк, на цыпочках пошла на кухню. Схватив обеими руками металлическую softball бит, впиалась глазами в дверь.

- Господин Такая! - обращался грубый, хриплый голос. - Господин Такая, вы дома. Я с «ННК», пришел получить абонентскую плату.

Черенок бит был обмотан шероховатой виниловой лентой...

- Послушайте, господин Такая! Может, я повторяюсь, но я знаю, что вы дома. А потому перестаньте играть в прятки. Господин Такая, вы дома и слышите мой голос. Мужчина повторял почти те же слова,

что и в прошлый раз. Будто воспроизводил запись на магнитной ленте.

- Может, вы думали, что мое обещание прийти снова - это была просто угроза. Нет-нет, я соблюдаю свое слово. И обязательно собираю надлежащую плату. Господин Такая, вы дома и навострили свои уши. Ладно, думаете, посижу себе тихо и этот сборщик платы волей-неволей сам уйдет.

Мужчина снова сильно постучал в дверь. Раз двадцать или двадцать пять.

«Собственно говоря, что он делает? - подумала Аомамэ. - Почему не давит на кнопку звонка? »

- А еще вы вот что думаете, - словно угадав ее мысли, сказал мужчина. - Что у меня очень сильная рука. Но если несколько раз постучу в дверь, то рука заболит. И еще думаете, почему стучу, а не звоню - мол, так было бы лучше.

Аомамэ невольно поморщилась.

А между тем человек продолжал:

- Нет-нет, я не хочу звонить. Даже если нажму кнопку, прозвучит только «Динь-динь». Кто бы ни звонил, всегда звучит почти невинно и однообразно. А вот стук имеет индивидуальные особенности. Передает живые чувства, потому что человек стучит своей рукой. Конечно, рука немного болит. Все же я - не «Железный человек № 28». [11] Но ничего не поделаешь. Такая моя работа. А нам всем, богатым и бедным, нужно уважать любую работу, разве не нет, господин Такая?

Снова послышался сильный стук. В целом двадцать семь раз, с равными паузами. Ладонь, что сжимала металлическую битку, вспотела.

- Господин Такая, человек, принимающий электромагнитные волны, должен платить за эту услугу «ННК», как это и определено законодательством. Ничего не поделаешь. Такие в мире законы. Вы не могли бы добровольно оплатить? И разве я по собственной охоте стучу в дверь? Да и вы, господин Такая, наверное, не хотите постоянно иметь неприятности. Наверное, думаете: зачем мне такая неприятность? Так, может, добровольно заплатите за услугу «ННК»? И тогда снова заживете спокойно.

Голос мужчины громко отдавался в коридоре. Аомамэ подумала, что этот человек наслаждается своей разговорчивостью. Наслаждается тем, что насмехается, издевается и ругает неплательщиков. В этом чувствовалась какая-то извращенная радость.

- Господин Такая, вижу, что вы и впрямь упрямый человек. Я заинтересовался вами. Вы упорно храните молчание, как моллюск на дне глубокого моря. Там, за дверью, вы сейчас следите за мной. От напряжения потеете под мышками. Ну что, разве не так?

Еще тринадцать раз мужчина стучал в дверь. Потом перестал. Аомамэ заметила, что действительно потеет.

- Хорошо. Сегодня я вас на этом оставлю. Но в ближайшее время снова наведаюсь. Кажется, будто мне все больше и больше нравятся ваши двери. Они бывают разными. И ваши весьма неплохие. Хорошо греют. Надеюсь, вы не будете беспокоиться, если я не буду регулярно приходить и стучать. Господин Такая, пока! До следующей встречи!

После этого наступила тишина. Казалось, собиратель абонентной платы ушел. Однако его шагов не было слышно. Может, притворился, что ушел, а сам стоит у дверей. Аомамэ еще крепче, обеими руками, стиснула биту. Так подождала минуты две.

- Я еще здесь, - заявил мужчина. - Ха-ха-ха, вы, наверное, подумали, что уже ушел. Но я все еще здесь. Соврал. Извините. Я - такой человек.

Мужчина откашлялся умышленно раздражающим голосом.

- Я давно на этой работе. И постепенно научился видеть человека по ту сторону двери. Поверьте, не вру. Немало людей скрывается за дверью, чтобы не платить «ННК». Я несколько десятков лет имею дело с такими. Господин Такая, вы слышите?

Он трижды, сильнее, чем прежде, постучал в дверь.

- Господин Такая, вы очень умело прячетесь. Как камбала под песком на дне моря. Это называется мимикрией. Но даже так вам не удастся скрыться. Обязательно кто-то придет и откроет эту дверь. Правду говорю. Это гарантирую я, сборщик платы, ветеран «ННК». Как бы ловко вы не прятались, ваша мимикрия - это в конце концов обман. Она ничего не решает. Поверьте, господин Такая. Я скоро уйду. На этот раз на самом деле. Однако в ближайшее время снова

наведаюсь. Как услышите стук - значит, я пришел. Ну что, до свидания, господин Такая!

И на этот раз не было слышно шагов. Аомамэ подождала минут пять. Потом подступила к двери и прислушалась. Заглянула в глазок. В коридоре ни души. Очевидно, сборщик платы действительно ушел.

Аомамэ прислонила металлическую битку к кухонному буфету. Из пистолетного патронника вынула патрон, вставила его в магазин, поставила пистолет на предохранитель,, и, укутав его толстыми колготками, положила в ящик. Легла на диван и закрыла глаза. Голос мужчины все еще звучал в ушах.

«Но даже так вам не удастся скрыться. Обязательно кто-то придет и откроет эту дверь. Правду говорю».

По крайней мере, этот человек не принадлежит к секте «Сакигакэ». Они действуют тише и с кратчайшего расстояния. Не склонны настораживать человека громкими мистификациями в коридоре многоквартирного дома. Это не их стиль. Аомамэ представила себе фигуры Лысого и Хвостатого. Они приблизились бы без шума, крадучись. Если бы она их заметила, сразу спряталась бы.

Аомамэ медленно повертела головой. Задышала спокойно.

«Может, это настоящий сборщик абонентской платы за телевидение, - подумала Аомамэ. Но тогда он должен заметить сообщение об автоматической, с банковского счета, уплаты за услугу «NHK». Аомамэ видела, что оно наклеено на двери. «А может, это душевнобольной человек».

И все же слова мужчины звучали удивительно реалистично.

«Кажется, будто он сквозь дверь ощущал мое присутствие. Похоже, будто знает мою тайну или ловко вынюхал ее часть. Однако сам по себе не может отпереть дверь и зайти внутрь. Дверь надо открывать изнутри. А я ни в коем случае не собираюсь этого делать».

«Да нет, так утверждать не могу. Ибо если Тэнго еще раз появится в детском парке, то я, не колеблясь, открою изнутри дверь и побегу к нему. Несмотря ни на что », - решила Аомамэ.

Усевшись на садовый стул балкона, Аомамэ, как всегда, сквозь щели в пластиковых жалюзи следила за детским парком. На скамейке под навесом сидела парочка учеников-старшекласников в

форменной одежды и серьезно о чем-то разговаривала. Две молодые мамы следили за своими маленькими детьми, которые играли в песочницы. Не отрывая глаз от детей, они кого то оживленно обсуждали. Такая картина встречается в любом парке в послеобеденное время. Аомамэ долго смотрела на вершину детской горки.

Потом приложила ладонь к низу живота. Закрыла глаза, прислушалась и попыталась услышать голос. Там, наверное, что-то было. Что-то маленькое и живое. В этом Аомамэ не сомневалась.

- *Доота*, - тихо произнесла она.

- *Мадза*, - ответило что-то.

Глава 9 . Тэнго

Пока выход не перекрыт.

Покончив с жареным мясом в одном месте и перейдя в другое, они вчетвером пели караоке и пили бутылку виски. Когда их скромный, но по-своему шумный пир кончился, было уже около десяти часов вечера. Выйдя из закусочной, Тэнго провожал молодую медсестру Адати к ее дому. Недалеко отсюда была остановка автобуса, который курсировал до вокзала, Тамура и Омура, естественно, направились туда. Тэнго же с молодой медсестрой Адати шли по безлюдной дороге уже минут пять.

- Тэнго! Тэнго! Тэнго! - словно распевая, сказала она. - Какое красивое имя! Как-то так легко произносится.

Наверное, медсестра Адати немало выпила, но из-за врожденной розовощекости цвета ее лица трудно было определить, в каком она состоянии. Слова произносила четко, полностью, шла уверенно. Не походила на пьяную. В конце концов, люди пьянеют по-разному.

- А я все время думал, что у меня странное имя, - сказал Тэнго.

- Совсем не странное. Тэнго! Легко на слух запоминается. Чрезвычайно замечательное!

- Кстати, я еще не знаю твоего имени. Все называли тебя Куу.

- Куу - это ласкательное имя. А на самом деле зовут меня Куми Адати. Достаточно невзрачное имя, правда?

- Куми Адати, - повторил вслух Тэнго. - Совсем неплохое. Короткое, незатейливое.

- Спасибо, - ответила медсестра. - Когда так говорят, то мне кажется, будто я стала автомашиной «Honda-Civic».

- Я ведь похвалил.

- Знаю. Она потребляет мало бензина на сто километров пробега, - сказала медсестра и взяла Тэнго за руку. - Можно взяться за руку? Так почему то приятнее и спокойнее идти.

- Конечно, можно, - ответил Тэнго. Когда Куми Адати сжала его руку, ему вспомнилась аудитория в начальной школе и Аомамэ. Только ощущения отличалось. Однако что-то общее было между этими двумя случаями.

- Я вроде бы напилась, - сказала медсестра.

- Действительно?

- Действительно.

Тэнго еще раз взглянул на ее профиль.

- Но ты не кажешься пьяной.

- Снаружи не видно. Такая у меня конституция. Однако, думаю, я сильно опьянела.

- Потому что немало выпила.

- Ага, действительно немало. Давно столько не пила.

- Иногда и такое развлечение нужна, - повторил Тэнго слова, которые недавно сказала медсестра Тамура.

- Конечно, - согласилась Куми Адати и выразительно кивнула. - Иногда и такое развлечение человеку нужно. Вкусно поесть, выпить, громко попеть и поговорить о всякой всячине. А с вами, Тэнго, такое случается? То есть вы когда-нибудь решительно проветривайте свою голову? Мне вот кажется, что вы всегда живете сдержанно, рассудительно.

Тэнго задумался над сказанными словами. Когда в последнее время он как-то развлекался? Не мог вспомнить. Если не мог, то это означало, что, видимо, не развлекался. Может, ему как раз не хватало такого понятия, как «решительно проветрить голову».

- Вроде бы давно такого не случалось, - признал он.

- Люди бывают разными.

- С разными мыслями и чувствами.

- И по-разному пьянеют, - сказала медсестра и захихикала. - Но такое развлечение нужно и вам, Тэнго.

- Возможно.

Некоторое время они молча, взявшись за руки, шли по ночной дороге. Тэнго обратил внимание на то, что ее речь изменилась. Когда она была в белом халате, то говорила вежливо, а вот теперь, не в форменной одежде, возможно, под влиянием алкоголя, совсем поменялась. Порой, Тэнго не знал даже, что и ответить. К этой молодой медсестре он чувствовал естественную привязанность. Да и она, кажется, относилась к нему благосклонно. И приглашала к себе. Он посмотрел на небо. Однако небо заволкли тучи и Лун не было видно.

- Недавно, когда я с подругой впервые попробовала гашиш, - сказала медсестра, - мне показалось, что я летаю в воздухе. Не очень

высоко, сантиметров пять-шесть над землей. Поднялась невысоко, но было очень приятно. То, что надо.

- И если бы упала, не болело бы.

- Именно тогда я почувствовала в душе покой. Мне казалось, что я нахожусь под чьей то защитой. Словно окутана воздушным коконом. Я - *доота*, а рядом со мной где-то близко находится *мадза*.

- *Доота?* - Спросил Тэнго удивительно твердым и тихим голосом.
- *Мадза?*

Молодая медсестра, напевая какую-то песенку и энергично размахивая рукой, шла по ночной дороге. Своим ростом они очень отличались, но её, казалось, это не беспокоило. Иногда мимо проезжали автомобили.

- *Мадза и доота*. Они упоминаются в «Воздушном коконе». Разве вы не знаете? - спросила она.

- Знаю.

- Книжку читали?

Тэнго молча кивнул.

- Вот и хорошо. Мне эта книга очень нравится. Летом купила и прочитала трижды. Редко когда я столько раз перечитываю одну книжку. А когда впервые курила гашиш, то подумала, что нахожусь в коконе воздушной личинки. Словно чем-окружена, жду рождения. И за мной следит *мадза*.

- Ты видела *мадзу*? - Спросил Тэнго.

- Ага. Видела. В общем-то, из воздушного кокона можно увидеть то, что снаружи. А вот извне не увидишь того, что внутри. Видимо, так все устроено. Но лицо *мадзы* я не запомнила. Видела только смутные очертания. Хотя понимала, что этот человек - моя *мадза*.

- Короче говоря, воздушный кокон похож на материнское лоно?

- Пожалуй, можно и так сказать. Правда, я не помню того времени, когда была в чреве, а потому не могу точно сравнить эти два места, - сказала медсестра и опять хихикнула.

Как часто случается на окраине провинциального города, двухэтажный дом был дешевой конструкции. Собранный вроде бы сравнительно недавно, но кое-где уже с признаками упадка. Наружные лестницы скрипели под ногами, двери плохо открывались. Когда рядом со зданием по дороге проезжал грузовик, оконные

стекла в нем мелко дребезжали. Стены, очевидно, были тонкими, и если в какой-нибудь квартире кто-то упражнялся в игре на бас-гитаре, то весь дом превращался в резонансную коробку.

Тэнго не очень интересовался гашишем. Голова у него была разумная, а всё равно он жил в мире с двумя Лунами. Поэтому он не нуждался в том, чтобы еще больше её деформировать. А еще - не имел к Куми Адати полового влечения. Он действительно относился к двадцатитрехлетней медсестре просто дружелюбно. Но приязнь и половая жажда - совершенно разные вещи.

По крайней мере, так считал Тэнго. Поэтому если бы с ее уст не слетели слова «доота» и «мадза», он, возможно, нашел бы причину, чтобы отказаться от приглашения и не идти к ней в гости. По дороге сел бы на автобус или, если бы его не было, остановил такси и вернулся бы в отель. Потому как, что ни говорите, он находился в «кошачьем городе». Поэтому к опасным местам лучше не приближаться. Однако, услышав слова «доота» и «мадза», отказаться от приглашения уже не мог. Возможно, Куми Адати каким-то образом подсказет, почему в отцовской палате появилась фигура юной Аомамэ в воздушном коконе.

Медсестра действительно жила вдвоем с сестрой в одной квартире с двумя небольшими спальнями, столовой, кухней и маленькой гостиной. Мебель, собранная из разных мест, не отличалась единственным вкусом и индивидуальностью. На кухонном столе с декоративным покрытием стояла неуместно изящная имитация лампы с многоцветным абажуром. Когда медсестра распахнула в обе стороны шторы с мелким цветастым узором, Тэнго увидел из окна некое поле, а за ним - черный смешанный лес. Ничто в поле зрения не портило вида, который, по правде говоря, из комнаты не казался особенно приветливым.

Куми Адати посадила Тэнго в гостиной на двухместное кресло - красное, изысканной формы «Кресло для любовных утех», перед которым стоял телевизор. После этого добыла из холодильника банку пива «Саппоро» и вместе с двумя стаканами поставила перед Тэнго.

- Подождите, пока переоденусь во что-то более радостное. Я скоро вернусь.

Однако она долго не возвращалась. Из двери напротив в узком коридоре иногда доносились какие-то звуки. Слышалось скрипение

ящика комода, который плохо отодвигался. Кто-то, топая, падал на пол. И всякий раз тогда Тэнго невольно поворачивал туда голову. Возможно, он опьянел больше, чем ему казалось. Сквозь тонкую стену из соседней квартиры проникали звуки какой-то телевизионной программы. Слышались даже некоторые фразы и через каждые десять-пятнадцать секунд - взрывы смеха участников передачи. Тэнго сожалел, что сразу же не отказался от приглашения медсестры. И одновременно в глубине души чувствовал, что попал сюда неизбежно.

Двухместное кресло, на котором ему пришлось сидеть, было действительно дешевым и своей обшивкой кололо открытый участок кожи. Видно, и с его формой было то неладно, потому как Тэнго не выкручивался, но не мог найти удобного положения, и это еще больше его раздражало. Он глотнул пива и взял пульт управления, который лежал на столе. Некоторое время смотрел на него, как на некую диковинку, а затем включил телевизор. Несколько раз переключив каналы, решил остановиться на программе путешествий «NHK», посвященной железным дорогам Австралии. Выбрал именно эту программу, потому как по сравнению с другими она была не такая громкая. На фоне звуков гобоя женщина-диктор спокойным голосом описывала изысканный спальный вагон трансконтинентальной железной дороги.

Сидя на неудобном кресле и равнодушно следя за картиной на экране, Тэнго думал о «Воздушном коконе». Куми Адати не знала, что этот текст действительно написал он. И все равно! Проблема была в том, что, конкретно и детально описывая воздушный кокон, Тэнго сам почти ничего не знал о ее реальной сути. Что такое воздушный кокон, что означает «доота» и «мадза» - всего этого он не представлял себе, когда писал «Воздушный кокон», да и теперь не представляет. Однако медсестра облюбовала себе эту книгу и прочитала ее трижды. Как такое могло произойти?

Когда в телевизионной программе знакомили с завтраком в вагоне-ресторане, вернулась медсестра и села рядом с Тэнго на узком «кресле для влюбленных». Они прижались плечами друг к другу. Куми Адати переделалась в большую рубашку с длинными рукавами и хлопчатобумажные спортивные брюки бледного цвета. На рубашке виднелся напечатанный лейбл какой-то звукозаписывающей фирмы.

Такой знак на виниловых пластинках Тэнго часто видел в начале 70-х годов, когда автоматические проигрыватели в публичных местах вздрагивали от безумно шумных мелодий группы «Grand Funk Railroad». Однако сама рубашка не казалась такой старомодной. Неужели люди все еще где-то производят рубашки с рисунком такого лейбла?

Медсестра принесла из холодильника еще одну банку пива, с шумом её открыла и, налив себе в стакан, выпил треть. А потом, как довольная кошка, прищурила глаза. Затем показала пальцем на экран телевизора, где поезд мчался по рельсам, проложенным между скалистыми горами.

- Где это?

- Австралия, - ответил Тэнго.

- Австралия, - словно ища на дне памяти, сказала она. – Австралия.. это на южной части земного шара?

- Ага. Австралия, где живут кенгуру.

- Одна моя подруга была в Австралии, - потирая пальцем край глаза, сказала медсестра. - Была как раз в период спаривания кенгуру. Рассказывала, что в одном городе они там повсюду - в парке, на улице - «трудились».

Тэнго подумал, что надо высказать и свое мнение на этот счет, но ничего в голову не лезло. А потому с помощью пульта просто погасил телевизор. И тогда в комнате сразу стало тихо. Неожиданно перестал звучать и телевизор в соседней квартире. Ночную тишину иногда нарушал только грохот автомобилей, проезжающих по улице. Но, прислушавшись, Тэнго услышал вдали слабый приглушенный звук. Неизвестно чей, то звук был регулярно ритмичным. Иногда утихала и после короткой паузы снова начинался.

- Это - сова. Живет в лесу вблизи и кричит, когда наступает ночь.

- Сова, - невыразительным голосом повторил Тэнго.

Куми Адати положила голову на его плечо и, ничего не говоря, крепко держала его руку. Ее волосы щекотали ему шею. «Кресло для любовных утех» все еще оставалось неудобным. Сова и дальше многозначительно кричала в лесу. Ее крик, казалось, побуждал к чему то и одновременно предостерегал. Звучал как предостережение, что

включало и побуждения. Ухание совы было очень многозначительным.

- Тэнго, может, я слишком навязчива? - спросила медсестра.

Тэнго помолчал, а потом спросил, - У тебя нет друга?

- Это сложная проблема, - с самым серьезным видом ответила она.

- Большинство находчивых и нормальных ребят после окончания средней школы уезжают в Токио. Потому что здесь негде учиться и трудно найти приличную работу. Другого выхода нет.

- Однако ты осталась.

- Ага. Зарплата небольшая, и работа тяжелая, но жизнь здесь мне нравится. Только нелегко найти себе приятеля. А если и выпадает такая возможность, то он оказывается не таким, с каким хотелось бы быть вместе.

Настенные часы показывали почти одиннадцать часов. После одиннадцати отель запирался на ночь. Однако Тэнго никак не мог подняться с этого неудобного кресла. Не имел достаточной, как того хотел, силы. Может, виновной в этом была форма кресла, а может, он опьянел больше, чем ему казалось. Невольно слушая крик совы и чувствуя на шее колючесть волос медсестры, Тэнго поглядывал на лампу с цветастым абажуром.

Напевая какую-то веселую песенку, Куми Адати готовила гашиш. Его черный кусок мелко, словно сушеный тунец, порезала лезвием безопасной бритвы, затолкала в специальную плоскую небольшую трубку и сосредоточенно чиркнула спичкой. По комнате медленно поплыл особый сладковатый дым. Сначала трубку взяла медсестра. Сильно вдыхая, надолго задерживала дым в легких, затем неторопливо выдыхала. Жестом руки показала, чтобы и Тэнго делал так же. Он послушался - как можно дольше задерживал дым в легких, а затем медленно выдыхал.

Трубка не раз переходила из одного рта в другой. Все это время они оба молчали. Соседи за стеной включили телевизор и оттуда доносился смех участников юмористической передачи. Звук был немного громче, чем прежде. Веселый хохот в студии прерывала только коммерческая реклама.

Совместное курение продолжалось минут пять, но ничего особенного не происходило. Окружающий мир не выказывал никаких

изменений. Его краски, форма и запахи оставались неизменными. Сова все еще кричала в лесу, а волосы Куми Адати продолжали щекотать его шею. Двухместное кресло было так же неудобным. Стрелки настенных часов двигались с одинаковой скоростью, а люди в телевизоре на чью-то шутку заливались смехом. Особым смехом, который не мог быть счастливым, сколько бы они не смеялись.

- Никакого измененного состояния, - сказал Тэнго. - Возможно, на меня не действует.

Медсестра постучала легонько дважды его колену.

- Не беспокойтесь. Требуется определенное время.

Вскоре, как и сказала медсестра, кое-что произошло.

В ушах так звякнуло, будто бы кто-то включил спрятанный в голове Тэнго потайной переключатель, а затем в черепе что то медленно закачалось. Впечатление было такое, будто перевернули чашку с густой рисовой кашей. Каша отлипла ото дна чашки. еле-еле держалась, но не вываливалась.

«Мозг зашатался», - подумал Тэнго. Такое происходило с ним впервые. Он чувствовал, что мозг - это субстанция. Чувствовал его вязкость. Глубокий крик совы проникал в уши, смешивался с рисовой кашей и бесследно таял.

- Сова во мне, - сказал Тэнго.

Теперь сова стала неотделимой важной частью его сознания.

- Сова - бог-хранитель лесов, мудрое существо, а потому наделяет нас ночным умом, - сказала медсестра.

Но как и где можно найти этот разум? Сова была везде и нигде.

- Не могу придумать вопрос, - сказал Тэнго.

Медсестра крепко сжимала его руку.

- Не надо вопросов. Самому можно зайти в лес. Это очень просто.

За стеной снова раздался смех в юмористической программе. Взорвались аплодисменты. Возможно, ассистент телестудии, пока камера не снимала, показал участникам карточку с надписью «Смех» или «Аплодисменты». Закрыв глаза, Тэнго подумал о лесе. «Сам зайду в лес. В темный лес, владения *LittlePeople*. Но и там есть сова. Сова - мудрое существо, она наделит нас ночным умом ».

Но неожиданно все звуки утихли. Кто-то подошел сзади и, казалось, украдкой заткнул уши. Кто-то где-то закрыл одну крышку, а

кто-то другой в другом месте открыл другую. Вход и выход поменялись местами.

Когда Тэнго очнулся, то был уже в аудитории начальной школы. В настежь открытые окна из школьного двора влетали детские голоса. То и дело врвался ветер и качал белыми шторами. Рядом была Аомамэ, крепко сжимавшая его руку. Такая же картина, как всегда. Но нет, теперь она немного отличалась. Все перед его глазами было до неузнаваемости ярким и свежим. Он отчетливо, до мельчайших подробностей, видел форму всех предметов. Достаточно было протянуть руку, чтобы прикоснуться к ним. Ноздри резко щипал запах послеобеденной поры в начале зимы. Казалось, что прежний покров энергично сорван. Настоящий запах другого времени года, что определял душевный настрой. В него неотделимо примешивался запах тряпки у классной доски, моющего средства для уборки аудитории и опавших листьев, сжигаемого в углу школьного двора. Вдыхая его глубоко в легкие, Тэнго чувствовал, как сильно расширяется его сердце. Организм молчаливо перестраивался. Сердце перестало биться по-привычному.

На минуту дверь времени открылась наружу. Старый и новый свет смешались в одно. Давнее и новое воздуха слились в одно.

«Тот же свет и тот же воздух», - подумал Тэнго.

Благодаря этому все открылось. Почти все. И почему этот запах он не мог никогда вспомнить? Ведь это так просто! Ведь это такой привычный мир!

- Я хотел встретиться с тобой, - сказал Тэнго Аомамэ. Его голос был неуверенным, словно шел издалека. Но, бесспорно, это был его голос.

- И я хотела встретиться с тобой, - сказала девушка голосом, похожим на голос Куми Адати.

Граница между реальностью и воображением исчезла. Пытаясь ее увидеть, Тэнго почувствовал, что чашка с рисовой кашей еще перевернута и его мозг продолжает шататься.

- Я должен был раньше тебя разыскивать. Но не мог, - сказал Тэнго.

- И теперь еще не поздно. Ты можешь найти меня, - сказала девушка.

- Как смогу найти?

Ответа не было. Ей не хватало слов.

- А все же как я смогу найти, - сказал Тэнго.

- Найдешь, потому что я смогла найти тебя, - сказала девушка.

- Ты нашла меня?

- Найди меня, - ответила девушка. - Пока есть еще время.

Белые шторы, словно душа, которая не успела убежать, бесшумно и сильно завибрировали. Это было последнее, что увидел Тэнго.

Он очнулся в узкой кровати. Лампа была погашена, а в комнату сквозь щель между шторами приникал слабый свет уличного фонаря. На Тэнго была футболка и длинные шорты, а на Куми Адати - только рубашка с «лейблом». Ее мягкая грудь упиралась в его предплечье. В голове Тэнго все еще кричала сова. Сейчас весь ночной лес был в нем.

Даже находясь в постели с этой молодой медсестрой, он не испытывал сексуального возбуждения. Как, кажется, и она. Обхватив его рукой, она только хихикала. Тэнго не понимал, что ее так смешило. Может, кто-то где-то показал карточку с надписью «Смех».

«Интересно, сколько сейчас времени?» - подумал он. Попытался поднять голову и взглянуть на часы, но их нигде не было. Медсестра вдруг перестала смеяться и обеими руками обхватила его за шею.

- Я возродилась! - ее теплое дыхание ударило его в ухо.

- Ты возродилась, - сказал Тэнго.

- Потому что один раз умерла.

- Потому что ты один раз умерла, - повторил он.

- Ночью, когда падал холодный дождь, - сказала она.

- Почему ты умерла?

- Чтобы вот так, как сейчас, возродиться.

- Ты возрождаешься, - сказал Тэнго.

- Более или менее, - прошептала она очень тихо. - В разных формах.

Тэнго задумался над этой фразой. Что, собственно, означает «более-менее возродиться в разной форме»? - Его обремененный мозг наполнялся зародышами жизни, как первоначальный океан. Однако это ни к какому перерождению его не вело.

- Откуда приходит воздушный кокон?

- Ошибочный вопрос, - ответила медсестра. - Так-так...

Она заерзала на нем. Тэнго почувствовал своими бедрами густые волосы на ее лобке, что, казалось, было частью его мышления.

- Тебе что-то нужно, чтобы возродиться? - спросил Тэнго.

- Самая главная проблема возрождения, - сказала медсестра, словно открывая тайну, - заключается в том, что можно возродиться только для кого-то, а не для себя.

- «Более или менее в разных формах» - именно это и означает?

- Как только рассветет, вам надо отсюда уходить. Пока выход не перекрыт.

- Как только рассветет, я отсюда уйду, - повторил Тэнго ее слова.

Она еще раз потерлась своим густыми волосами на лобке об его бедра. Будто старалась оставить там некий знак.

- Воздушный кокон ниоткуда не приходит. Сколько бы вы не ожидали - она не придет.

- Ты в этом уверена?

- Потому что я один раз умерла, - ответила медсестра. - Умирать трудно. Гораздо труднее, чем вы, Тэнго, думаете. И очень одиноко. Настолько, что даже удивительно, как может человек быть таким одиноким. Советую запомнить. Но, в конце концов, без смерти нет возрождения.

- Без смерти нет возрождения, - подтвердил он.

- Но человек, живя, приближается к смерти.

- Человек, живя, приближается к смерти, - повторил Тэнго, не понимая смысла этих слов.

Ветер и дальше качал белыми шторами. В воздухе аудитории смешивались запахи тряпки у классной доски, моющего средства и дыма от сжигаемых опавших листьев. Кто-то упражнялся в игре на флейте. Девушка крепко сжимала его руку. Внизу живота он испытывал сладкую боль. Однако эрекции не было. Она придет гораздо позже. Слова «Гораздо позже» обещали ему вечность - длинную линию, что не имеет конца. Чашка с рисовой кашей опять перевернулась, а мозг зашатался.

Проснувшись, Тэнго долго не мог вспомнить, где он. Потребовалось время, чтобы воспроизвести в голове ход событий прошлой ночи. Сквозь щели в шторах пробивались ослепительные утренние лучи, шумно пели утренние птицы. Он спал в узкой кровати

в страшно неудобной позе. Такое случалось с ним нечасто. Рядом была женщина. Она крепко спала, положив голову на подушку. Ее волосы спадали на щеки, как свежая осенняя трава, омытая утренней росой.

«Куми Адати», - подумал Тэнго. Молодая медсестра, которой только что исполнилось двадцать три года. Его наручные часы лежал на полу у кровати. Стрелки часов показывали семь часов двадцать минут утра.

Тихо, чтобы не разбудить медсестру, Тэнго спустился с кровати и сквозь щель между шторами посмотрел за окно. Там простиралось поле, засажено рядами приземистых качанов капусты на черной земле. А за ним виднелся смешанный лес. Тэнго вспомнил крик совы. Вчера ночью там кричала сова. Ночное мудрое существо. Слушая ее крик, Тэнго и медсестра курили гашиш. На его бедрах все еще оставалось ощущение от ее жестких волос на лобке.

Тэнго зашел на кухню и зачерпнул из-под крана пригоршню воды. Горло у него пересохло настолько, что он никак не мог утолить жажды. Во всем остальном не замечал никаких изменений. Голова не болела, тело не было вялым. Сознание было ясным. Только казалось, что весь организм провентилирован начисто. Как водопроводная труба, умело прочищенная сантехником.

В футболке и длинных шортах он зашел в уборную и долго производил малую нужду. Лицо, отраженное в незнакомом зеркале, показалось ему чужим. Кое-где на нем торчала щетина. Пора бриться. Вернувшись в спальню, Тэнго собрал свою одежду, которая валялась на полу вперемешку с одеждой медсестры. Он не мог вспомнить, когда и как разделся. Нашел оба носка, надел синие джинсы и рубашку. Одеваясь, наступил на большой дешевый перстень. Поднял его и положил на столик при изголовье. Натянул на себя свитер с круглым вырезом, взял в руки ветровку. Убедился, что кошелек и ключи в кармане. Медсестра, натянув одеяло до самых ушей, крепко спала. Даже не было слышно, как она дышит во сне.

«Может, следует разбудить? - Нет... этого делать не буду, - подумал Тэнго. - Но я провел ночь в постели вместе с ней ». И все же, уйти, не попрощавшись, он считал невежливым. Но она спала очень глубоким сном и, кажется, говорила, что сегодня у нее выходной. Если он ее разбудит, то что потом делать?

Заметив возле телефонного аппарата бумагу и шариковую ручку, Тэнго написал: «Спасибо за вчерашнюю ночь. Было приятно. Возвращаюсь в гостиницу. Тэнго».

Дописал и время. Записку положил на столик при изголовье и вместо пресс-папье прижал поднятым перстнем. А потом обулся в изношенные теннисные туфли на резиновой подошве и вышел во двор. Пройдя немного по дороге, наткнулся на автобусную остановку. Подождал пять минут, пока прибыл автобус, следовавший до вокзала. До конечной остановки ехал с шумными учениками, юношами и девушками, средней школы.

Хотя Тэнго с заросшим лицом вернулся после восьми утра, никто в отеле ничего ему не сказал. Очевидно, для них это не было особой диковинкой. Они молча быстренько приготовили ему завтрак.

Запивая теплый завтрак чаем, Тэнго вспоминал, что произошло прошлой ночью. Три медсестры пригласили его полакомиться жареным мясом. В ближайшей закусочной они пели караоке. Он ушел с Куми Адати к ней на квартиру и, слушая крик совы, курил с ней индийский гашиш. Почувствовал, как его мозг превратился в густую рисовую кашу. А когда очнулся, то уже был в аудитории начальной школы зимой. Дышал зимним воздухом, разговаривал с Аомамэ. После этого Куми Адати рассказывала в постели о смерти и возрождения. Были странные вопросы и многозначительные ответы. В смешанном лесу беспрестанно кричала сова, а в телевизионной передаче хохотали люди.

В воспоминании были отдельные пробелы. Не хватало *нескольких соединительных звеньев*. А вот имеющиеся части всплывали в памяти удивительно ярко. Ему удавалось воспроизвести каждое сказанное слово. Тэнго запомнил последние слова медсестры. Советы, слова и выражения.

- Как только рассветет, вам надо отсюда уходить. Пока выход не перекрыт.

Пожалуй, в самом деле надо убираться отсюда. Он взял отпуск и приехал в этот город, чтобы еще раз встретиться с десятилетней Аомамэ, увиденной в воздушном коконе. Почти две недели каждый день посещал здравницу и громко читал отцу книгу. Однако воздушный кокон не появилась. Зато, когда он почти хотел махнуть

на это рукой, Куми Адати приготовила ему видение другого рода. В нем он еще раз встретился с юной Аомамэ и поговорил с ней.

«Найди меня, пока есть еще время», - сказала Аомамэ.

Хотя.. может, на самом деле это сказала Куми Адати. Трудно различить. Неважно, неважно! Куми Адати один раз умерла и возродилась. Не ради себя, а для кого-то. Тэнго решил пока поверить в то, что там услышал. И это, возможно, самое главное.

Он находился в «кошачьем городе». Только здесь случались вещи, которые нигде не могли произойти. Ради этого он ехал на экспрессе, пересаживался на электричку и прибыл сюда. Однако все, что он нашел здесь, было рискованным. Если верить Куми Адати, это был даже смертельный риск. У него зудел палец - значит, приближалось что-то зловещее. Надо немедленно возвращаться в Токио. Пока выход не перекрыт и поезд все еще стоит на станции. Но прежде следует побывать в здравнице, встретиться и проститься с отцом. И кое в чем убедиться.

Глава 10 . Усикава

Сбор серьезных доказательств

Усикава отправился в городок Итикава. Он настроился на достаточно долгую поездку, но на самом деле оказалось, что Итикава расположена за рекой, уже в префектуре Тиба, не очень далеко от центра столицы. На железнодорожной станции взял такси и назвал желаемую начальную школу. К ней прибыл во второй половине дня, когда кончился обеденный перерыв и начались послеобеденные занятия. Из музыкального класса доносилось хоровое пение, в школьном дворе проходил урок физкультуры – были соревнования по футболу. Дети с криком гонялись за мячом.

Усикава не сохранил добрых воспоминаний о своей начальной школе. А физкультуру, и в особенности, игры с мячом, ненавидел. В детстве он был вялым, страдающим астигматизмом коротышкой, к тому же у него с рождения были поражены двигательные нервы. Уроки физкультуры были для него настоящим кошмаром. На других предметах Усикава имел высокие оценки. В целом, его голова хорошо соображала, и он успешно учился (именно поэтому в 25 лет сдал экзамены на юриста). Однако никто из окружения не любил и не уважал его. Наверное, одной из причин такого отношения была его физическая ущербность. Но конечно, и с внешностью он имел проблемы - сызмальства большое лицо, злое выражение глаз и сплюснутый череп. Оба края его толстых губ свисали, и, казалось, из них вот-вот потечет слюна (так только казалось, в действительности она не текла). Волосы вьющиеся, взъерошены. Его внешность людей отталкивала.

В начальной школе Усикава почти не раскрывал рта. Сам же считал, что в случае необходимости окажется красноречивым. Но ему было не с кем по-дружески поговорить, и не выпадала возможность показать перед людьми свои ораторские способности. Поэтому он постоянно молчал. Он взял себе за привычку внимательно слушать людей, когда они что-либо рассказывали. Хотел что-нибудь из этих рассказов извлечь. Эта привычка потом стала для него полезным оружием. С её помощью Усикава открыл много ценных фактов. Одним из таких «ценным фактом» было то, что большинство людей в

мире не умеют думать собственной головой. И только таких он ни о чем не расспрашивал.

Во всяком случае, Усикава не вспоминал ни одного приятного эпизода из своей жизни в том времени, когда ходил в начальную школу. И впоследствии, от самой мысли о том, что может быть придется посетить начальную школу, падал духом.

Хотя префектуры Сайтама и Тиба конечно же отличались между собой, начальные школы, как и в любом месте по всей стране, были похожими друг на друга. Все школы имели одинаковый вид и действовали по одинаковым принципам. И Усикава специально сам отправился в начальную школу в Итикаве. Такое важное дело нельзя было поручить кому-то другому. Он позвонил в школьную приемную и договорился о встрече в половине второго с соответствующим лицом.

Заместитель директора, невысокая женщина лет сорока пяти, была стройной, с правильными чертами лица, и опрятно одетой. «Заместитель директора?» - Усикава задумался. О такой должности он ни разу не слышал. Но он кончил начальную школу очень давно. Наверное, за то время многое изменилось. Видимо, она принимала разнообразных посетителей, потому что, даже увидев необычную внешность Усикавы, особо не удивилась. А может, просто умела себя сдерживать. Она провела его в чистенькую приемную и предложила стул. Сама села напротив и дружелюбно улыбнулась. Будто спрашивала: «Так какую приятную беседу сейчас начнем?»

Она вызвала в его памяти воспоминание об одной девушке из его класса в начальной школе. Красивой, успешной в обучении, приветливой и ответственной. Хорошо воспитанной, способной к музыке и играющей на пианино. И учителя ее любили. Усикава часто поглядывал на нее на уроках. Чаше сзади. Но ни разу с ней не заговорил.

- Вы интересуетесь выпускниками нашей школы? - спросила заместитель директора.

- Извините, что раньше не представился, - ответил Усикава и протянул ей свою визитную карточку. Таковую же, которую передал Тэнго. На ней было написано: «Фонд как юридическое лицо. Новое Японское общество содействия развитию науки и искусства.

Штатный директор ». Усикава рассказал ей почти ту же выдумку, что и Тэнго. То, что Тэнго Кавана, выпускник этой начальной школы, как писатель стал весомым кандидатом на получения финансовой помощи фонда. И что о нем нужно собрать некоторые очень общие сведения.

- Замечательно! - сказала улыбающаяся заместитель директора. - Для нашей школы это большая честь. Мы охотно будем с вами сотрудничать, насколько сможем.

- Я думаю, что было бы хорошо, если бы я мог поговорить непосредственно с учительницей, которая о нем заботилась, - сказал Усикава.

- Попробую узнать. Прошло уже двадцать лет и, возможно, она ушла на пенсию.

- Спасибо, - сказал Усикава. - И, если можно, я хотел бы узнать еще об одном.

- О чем именно?

- Возможно, в те самые годы вместе с Тэнго Кавана в вашей школе училась и Масами Аомамэ. Вы не могли бы разузнать, не учились ли господина Кавана и Аомамэ в одном классе?

Заместитель директора посмотрела на Усикаву с легким подозрением.

- А разве Аомамэ имеет какое-то отношение к вопросу о предоставлении финансовой помощи господину Кавана?

- Нет-нет! Просто в произведении, написанном господином Кавана, упоминается человек, похожий на Аомамэ, и нам надо выяснить несколько вопросов о ней. В этом нет ничего сложного. Простая формальность.

- Понятно. - оба края ее прямых губ чуть изогнулись. - Однако, надеюсь, вы знаете, что бывают случаи, когда информацию о частной жизни лица нельзя никому передавать. Скажем, об успеваемости в школе или семейных обстоятельствах ...

- Это мне хорошо известно. Мы только хотим знать, действительно ли она училась в одном классе с господином Кавана. И были бы вам признательны, если бы вы могли назвать нам его тогдашнюю учительницу и ее адрес.

- Понятно. С такими вопросами, надеюсь, проблем не будет. Вы сказали - Аомамэ?

- Да. Иероглифы означают «зеленая горошина». Редкую фамилию. Усикава написал шариковой ручкой на листке из блокнотика «Масами Аомамэ » и передал заместителю директора. Она взяла его записку и, посмотрев на Усикаву несколько секунд, положила в папку, лежавшую на столе.

- Можете здесь подождать? Я загляну в архивный отдел. Попрошу скопировать открытую информацию.

- Мне очень неудобно, что отнимаю у вас столько драгоценного времени, - виновато сказал Усикава.

Заместитель директора, элегантно качнув подолом своей юбки-клеш, вышла из приемной. У нее была хорошая осанка и походка. А также изысканная прическа. Выглядела для своих лет совсем неплохо. Усикава уселся поудобнее на стуле и, чтобы убить время, стал читать покетбук.

Через пятнадцать минут она вернулась. К груди прижимала светло-коричневый служебный конверт.

- Господин Кавана был, кажется, чрезвычайно способным ребенком. Всегда отлично учился и, кроме того, достиг замечательных успехов в спорте. Особенно выделялся в математике, и даже настолько, что в начальной школе решал задачи по программе для старшекласников. Побеждал и в конкурсах, а газеты писали о нем как о вундеркинде.

- Вот молодец! - сказал Усикава.

- Но вот что странно.. Хотя в то время он прославился как вундеркинд по математике, во взрослом возрасте, как вы говорите, проявился в литературе.

- Щедрый талант, как и богатый подземный источник, находит выход в различных местах. Теперь он преподает математику и одновременно пишет художественные произведения.

- Понятно, - сказала заместитель директора, грациозно поводя бровями. Затем продолжила - По сравнению с ним об Аомамэ известно немного. В пятом классе она перешла в другую школу. Ее взяли к себе родственники, жившие в столичном районе Адат, и устроили в местную начальную школу. С Тэнго Кавана училась в третьем и четвертом классе.

«Как я и ожидал, - подумал Усикава. - между ними двумя все же существовала какая-то связь »

- Классным руководителем была тогда учительница Ота. Сюнко Ота. Теперь она работает в городской начальной школе городка Нарасино.

- Если я туда позвоню, то смогу с ней увидеться?

- Я уже позвонила, - слегка улыбаясь, ответила заместитель директора. - Мне сказали, что о таком деле она с радостью с вами поговорит.

- Не знаю даже что вам и сказать... - сказал Усикава, . Женщина оказалась не только красивой, но еще и великолепной в работе.

Заместитель директора на обороте своей визитной карточки написала фамилию и номер начальной школы в квартале Цуданума, где работала учительница Ота, и передала ее Усикаве. Тот спрятал ее, как нечто драгоценное, в бумажник.

- Интересно то, что в биографии Аомамэ фоном проходит ее религиозность. - сказал Усикава. - И это нас немного беспокоит.

Заместитель директора нахмурила брови, а в уголках ее глаз собрались маленькие морщинки. Только очень самодисциплинированная женщина среднего возраста может позволить иметь себе такие очаровательные морщинки с деликатным интеллектуальным содержанием.

- Извините, но мы не можем обсуждать здесь подобной проблемы, - сказала она.

- Проблемы, касающейся личной жизни человека? - спросил Усикава.

- Именно так. Особенно религиозной проблемы.

- А если я встречу с учительницей Ота, то могу расспрашивать ее о таких вещах?

Заместитель директора чуть повернула влево свой острый подбородок и многозначительно улыбнулась.

- Нас не должно касаться то, что скажет лично учительница Ота.

Усикава встал и вежливо поблагодарил заместителя директора, а она передала ему служебный конверт с документами.

- Я скопировала материал, который можно открыть посторонним людям. Это материал о господине Кавана. Там есть немного и о госпоже Аомамэ. Буду рада, если это вам пригодится.

- Вы мне очень помогли. Спасибо за вашу доброту.

- Если выяснится вопрос о финансовой помощи, то, пожалуйста, сообщите. Для нашей школы это очень важно.

- Я уверен в положительном результате, - ответил Усикава. - Я несколько раз встречался с господином Кавана и считаю его одаренным молодым человеком с большим будущим.

Усикава зашел в столовую на станции в Итикаве и за обедом пробежал глазами материал, содержащийся в конверте. Это были обычные сведения об обучении в школе Тэнго и Аомамэ. Среди них были упоминания о похвальных грамотах Тэнго за успехи в учебе и спорте. Он был чрезвычайно способным учеником. Наверное, для него школа ни никогда не превращалась в кошмарный сон. Приводилась копия газетной статьи о его победе на математическом конкурсе. На старой, а потому пожелтевшей газете виднелось также лица юного Тэнго.

Перекусив в столовой, Усикава позвонил в начальную школу в квартале Цуданума. Поговорил с учительницей Сюнко Ота и договорился о встрече с ней в этой школе в четыре часа. «В это время, думаю, сможем спокойно поговорить», - сказала она.

«За один день посетить две начальные школы и еще надо столько сделать ...» - вздыхая, подумал Усикава. От одной этой мысли об этом на душе его стало тяжело. Однако то, что он специально сюда приехал, принесло свои плоды. Выяснилось, что Тэнго и Аомамэ два года учились в одном и том же классе. А это был значительный шаг вперед. Они знали друг друга. Тэнго помог Фукаэри Фукада в том, чтобы облечь «Воздушный кокон» в литературно-художественную форму, сделав книгу бестселлером. Аомамэ же, в номере отеля «Окура», каким-то образом убила Тамоцу Фукада, отца Фукаэри. Очевидно, они оба действовали совместно с целью нанести удар по секте «Сакигаке». Возможно даже, что они договорились о таком сотрудничестве. Пожалуй, так предполагать было правильно.

Однако тем двум охранникам из «Сакигаке» еще не стоит об этом говорить. Усикава не любил давать информацию небольшими кусками. Прежде чем что-то определенное сказать, жадно собирал, всесторонне рассматривал ее и подбирал серьезные доказательства. Такая привычка вводить людей в заблуждение осталась у него с того времени, когда он работал адвокатом. Изображая скромного

недалекого юриста, усыплял бдительность клиента, оперируя только явными фактами, а на завершающем этапе ставил дело с ног на голову.

Направляясь в электричке до квартала Цуданума, Усикава мысленно составил несколько гипотез.

Предположим, что Тэнго и Аомамэ были любовниками. Но, конечно, не с десятилетнего возраста. Возможно, случайно столкнувшись где-то после окончания школы, они стали встречаться и через какое-то время влюбились друг в друга. И из-за каких-то, совсем неизвестных, обстоятельств объединились, чтобы уничтожить религиозную организацию «Сакигаке». Это была одна гипотеза.

Однако, насколько знал Усикава, не было никаких признаков того, что они общались друг с другом. Тэнго имел регулярную физическую близость с замужней женщиной, старше его на десять лет. Можно заключить, судя по его характеру, что он, наверняка, не поддерживал бы постоянных половых отношений с другой женщиной, если бы был глубоко привязан к Аомамэ. Усикава перед тем две недели разбирал поведение Тэнго и понял – на такое поведение он был бы не способен. Тэнго три дня в неделю преподавал математику в подготовительной школе, а остальные дни в основном находился дома. Видимо, писал роман. А на улицу выходил лишь иногда. Только на прогулку или за покупками. Вел простую, скромную жизнь. Чего-то непонятного за ним не замечалось. Усикава никак не мог и подумать, что по каким-то обстоятельствам Тэнго мог участвовать в тайном сговоре, направленном на убийство человека.

В Тэнго Усикава видел искреннего, с сильным чувством самостоятельности, независимого юношу, без всяких претензий на что-либо. Как часто случается с людьми высокого телосложения, Тэнго не был юрким, хитрым, действующим исподтишка человеком. Принадлежал к людям, которые идут прямолинейно, если уж что-то решили делать. В качестве юриста или брокера фондовой биржи он, несомненно, не достиг бы большого успеха. Сразу бы кто-нибудь подставил ему подножку, и в критический момент он потерпел бы крах. А вот в качестве учителя математики и писателя он был на своем месте. Не очень общителен и не красноречив, но он нравился соответствующим женщинам. Короче говоря, Тэнго был явной противоположностью Усикаве.

- А вот об Аомамэ Усикаве почти ничего не было известно. Он знал только, что она родилась в семье пылких приверженцев секты «Братство свидетелей», и что с детства мать брала ее с собой, когда обращала людей в свою веру. А учась в пятом классе начальной школы, отрелась от веры и оказалась в доме родственников, проживавших в столичном районе Адат. Очевидно, больше не смогла выносить жизнь в семье. К счастью, Аомамэ была наделена хорошими физическими данными, она стала сильным игроком софтбольтной команды в средней школе. И тем самым привлекла к себе внимание нужных людей. Благодаря этому, получив стипендию, смогла поступить в университет физической культуры. Вот такие факты собрал Усикава. Однако он ничего не знал о том, какой у Аомамэ характер, какое мышление, не знал её сильные и слабые стороны, и ему ничего не было известно о ее личной жизни. Он имел на руках лишь ряд документов, касающихся ее биографии.

Тем не менее, раскладывая в голове биографические данные о Тэнго и Аомамэ, Усикава понял, что у них есть немало общего. Прежде всего, это то, что в детском возрасте они были несчастны, жизнь их была безрадостной. Мать водила Аомамэ с собой по улицам города, когда распространяла брошюры. Переходила из одного дома к другому и нажимала кнопку звонка на двери. Все дети членов «Братства свидетелей» должны были помогать своим родителям. А отец Тэнго работал собирателем абонентской платы телекомпании «NHK». И также ходил от одной двери к другой. Как и мать из «Братства свидетелей», он, наверное, мог брать с собой сына? Пожалуй. В конце-то, если бы Усикава был его отцом, то он бы тоже брал его с собой. Вместе с ребенком сбор платы рос, а кроме того, не надо было платить кому-то за уход за ним. Одним выстрелом отец убивал двух зайцев. Но, наверняка, это не приносило Тэнго радости. И может быть, маленьким Тэнго и Аомамэ доводилось встречаться на улицах Итикавы. Поэтому и Тэнго, и Аомамэ, получив спортивную стипендию, старались как можно дальше отойти от своих родителей. Оба действительно стали способными спортсменами. Видимо, природа наделила их такими способностями. Да и положение складывалось так, что одаренными они должны были быть. Никак иначе! Стать признанным спортсменом и достичь больших успехов - это было почти единственным способом обрести независимость.

Драгоценный билет для самосохранения. Они оба думали не так, как их одноклассники, и относились к миру по-другому, чем их обычные десятилетние сверстники.

Если хорошо подумать, то положение Усикавы в детстве также было схожим. Родившись в зажиточной семье, он не нуждался в стипендии и всегда имел деньги на мелкие расходы. Но, чтобы поступить в престижный университет и получить юридическое образование, должен был отчаянно учиться. Как Тэнго и Аомамэ. И не имел свободного времени, чтобы развлекаться как его одноклассники. Отказался от разных житейских наслаждений (впрочем, труднодоступных даже при желании) и полностью погрузился в учебу. Его душа непрестанно колебалась между комплексом неполноценности и чувством превосходства. «Я, можно так сказать, похож на Раскольников, не встретившего Соню», - часто думал он.

«Ну всё, хватит, со мной все в порядке. Теперь уже не стоит об этом думать. Вернусь к проблеме Тэнго и Аомамэ». - решил Усикава.

Если бы Тэнго и Аомамэ через двадцать лет случайно встретились и поговорили, то, наверное, удивились бы, что у них так много общего. Потому что многое могли бы обсудить. И тогда, возможно, смогли бы сильно понравиться друг другу. - Вот такую картину сумел ярко представить себе Усикава. - Судьбоносную встречу! Настоящую любовную историю! Но произошла ли в действительности такая встреча? Родилась ли любовная история? Понятное дело, Усикава этого не знал. Однако в том, чтобы так думать, что они встретились, была своя логика. А потом, объединившись, они начали нападение на «Сакигаке». С разных сторон - Тэнго с помощью авторучки, Аомамэ с использованием особой технологии. Однако к такой гипотезе Усикава никак не мог привыкнуть. Она согласовывалась с логикой, но не была убедительной.

Если бы между Тэнго и Аомамэ завязались такие глубокие взаимоотношения, то обязательно всплыли бы на поверхность. Судьбоносная встреча породила бы по-своему судьбоносные последствия, и это бросилось бы в глаза бдительному Усикаве.

Возможно, Аомамэ могла бы скрыть этот факт. А вот Тэнго на такое не был способен.

Усикава строил свою жизнь в основном по законам логики. Без убедительных доказательств вперед не двигался. И одновременно верил в свою врожденную интуицию. А она противоречила сценарию, по которому Тэнго и Аомамэ сговорились действовать сообща. Усикава чуть-чуть, но упрямо покачал отрицательно головой. Может быть, вообще каждый из них еще не знает о существовании другого. Может быть, их одновременные действия против «Сакигаке» - чистая случайность. Даже если это невероятная случайность - такая гипотеза лучше соответствовала чутью Усикавы, чем гипотеза совместного заговора. Каждый из них, руководствуясь различными мотивами и различными целями, случайно одновременно с разных сторон, набросились на «Сакигаке». В этой истории существуют две сюжетные линии.

«Но подойдет ли людям из « Сакигаке » такая вроде бы всё объясняющая и удобная гипотеза? Вряд ли, - подумал Усикава. - Они скорее ухватятся за теорию общего заговора. Им всюду видятся коварство. Так что, прежде чем подавать сырую информацию, надо собрать серьезные доказательства. Иначе введу их в заблуждение, а этим самым нанесу и себе вред ».

Так думал Усикава в электричке, направлявшейся из Итикавы до Цуданумы. Невольно хмурился и, тупо глядя в пространство перед собой, вздыхал. Девочка - ученица начальной школы, сидевшая напротив, во все глаза разглядывала Усикаву. Чтобы скрыть смущение, он провел ладонью по своей сплюсненной голове. Но такое движение, кажется, напугало девочку. Перед остановкой на станции Нисифунабаси она вдруг встала и поспешно куда-то ушла.

Разговор с учительницей Сюнко Ота состоялся в школьной аудитории после уроков. Женщина лет пятидесяти пяти была полной противоположностью изысканному заместителю директора начальной школы в Итикаве. Невысокая, приземистая, с удивительной косолапой походкой. На носу ее сидели небольшие очки в металлической оправе, чуть закрывая ее широкое плоское межбровье, покрытое мелким пушком. Шерстяной костюм, неизвестно когда сшитый, но давно немодный, слегка отдавал

запахом чего-то чем-то похожим на нафталин. Костюм был странного розового цвета, с непонятно каким оттенком. Видимо, кому-то захотелось приятного спокойного окраса, но намерения не удалось достичь, и эта розовость утонула в робости, безымянности и примирении с неизбежностью. Из за этого новехонькая блузка, что выглядывала сзади на шее, напоминала безрассудного гостя, который случайно затесался к людям, сидящим ночью у гроба покойника. Сухие с проседью волосы ненадежно придерживала пластиковая заколка. Ноги её отекали, руки пополнели, на коротких пальцах не было ни одного перстня. На шее, словно жизненные засечки, отчетливо выступали три тонких морщины. А может, это был знак того, что три желания женщины уже исполнились. «Но, скорее всего, это не так», - предположил Усикава.

Эта учительница учила Тэнго с третьего класса начальной школы до времени ее окончания. Обычно каждые два года учителям поручали другой класс, но она совершенно случайно была учителем Тэнго целых четыре года. А вот Аомамэ была под ее руководством всего два года - в третьем и четвертом классе.

- Тэнго Кавана я хорошо помню, - сказала она.

В противоположность невзрачной внешности ее голос звучал на редкость ясно и молодо. Во время занятий, наверняка, доходил до всех уголков шумной аудитории. «Профессия творит человека, - подумал Усикава. – Скорее всего, она хорошая учительница».

- Господин Кавана во всем был отличным учеником. На протяжении двадцати пяти лет я учила множество детей в нескольких начальных школах, но такого способного не встречала. Во всяком случае, что бы ему не поручали, он везде был первым. С добрым характером и способным вести за собой других. Казалось, что везде у него появляются свои последователи. В самом деле, в начальной школе он выделялся способностями к математике, но меня совсем не удивило и то, что у него открылся талант к литературе.

- Его отец действительно работал сборщиком абонентской платы «NHK»?

- Да, действительно, - ответила учительница.

- От самого господина Кавана я слышал, что отец его был строгим, - сказал Усикава просто так, наугад.

- Это правда, - не колеблясь, подтвердила она. - Очень строгим. Гордился своей работой, и это, конечно, прекрасно, но иногда, мне кажется, сваливал ее тяжесть и на сына.

Мастерски переходя от одной темы к другой, Усикава выведал у учительницы немало подробностей. Он умел (и это было его сильной стороной) подтолкнуть собеседника к откровенному, доверительному разговору. Учительница рассказала, что однажды Тэнго убежал из дома из-за того, что не любил сопровождать отца в конце недели в его сборе абонентной платы. «Похоже, что он не убежал из дома, а был изгнан из дома», - уточнила она.

«Значит, Тэнго был вынужден вместе с отцом собирать абонентскую плату », - подумал Усикава. И для него, подростка, это было немалой душевной тяжестью. Всё было именно так, как и предполагал Усикава.

Учительница приняла на одну ночь Тэнго, которому было не к кому пойти. Она приготовила для него постель, накормила ужином и завтраком. А следующим вечером сама пошла к его отцу и, используя все свое красноречие, взялась уговаривать, чтобы тот изменил отношение к сыну. Об этом случае она рассказывала как о значительном эпизоде собственной жизни. Учительница рассказала также, что однажды случайно снова встретила его на музыкальном вечере, когда Тэнго уже был старшеклассником. И о том, как он тогда умело играл на тимпане.

- Исполняли непростую музыку - «Симфониетта» Яначека. Вся сложность ситуации для Тэнго была в том, что он не умел играть на этом инструменте. Впервые взял его в руки лишь за несколько недель до концерта. Но когда вышел на сцену, даже без предварительных репетиций, то сыграл свою партию безупречно. Это просто чудо - и все.

«Эта женщина искренне любила Тэнго, - удивляясь, подумал Усикава. - Почти безоговорочно. Интересно, что, собственно, чувствует человек, когда его так глубоко любят? »

- А Масами Аомамэ помните? - спросил Усикава.

- Хорошо помню, - ответила учительница. Но в ее голосе не чувствовалось такой радости, как при упоминании Тэнго. Её тон упал на два деления.

- Странная фамилия, не правда ли? - сказал Усикава.

- Да, довольно странная. Однако её я помню не из-за фамилии.

Наступило недолгое молчание.

- Говорят, будто ее семья принадлежала к пылким членам «Братства свидетелей», - зондировал Усикава.

- Можно сказать только вам?

- Конечно. Молчу как рыба.

Она кивнула.

- В Итикава есть большое отделение «Братства свидетелей». А потому я занималась несколькими детьми его членов. С точки зрения учителя в этом случае возникали деликатные проблемы, требовавшие пристального внимания. Но более ревностных и ортодоксальных сторонников этого братства, как родители Аомамэ, я не встречала.

- Другими словами, они были неспособны на компромиссы.

Будто что-то вспомнив, учительница слегка прикусила губу.

- Именно так. Они строго придерживались правил и этого требовали от своих детей. Из-за этогоб Аомамэ невольно стала в классе совсем одинокой.

- Получается, что в определенном смысле она была не такой как все?

- Да, необычной, - подтвердила учительница. – Но, конечно, девочка в этом не была виновата. Если и искать виновника, то это - нетерпимость, которая орудует в человеческой душе.

Учительница рассказала, что другие дети, в основном, игнорировали присутствие Аомамэ. Относились к ней так, будто ее не существует. Она была инородным телом и своим соблюдением странных принципов приносила другим только беспокойство. Так решил весь класс. Единодушно. Со своей стороны, защита Аомамэ была в том, что она старалась быть как можно незаметнее.

- Я делала все, что могла. Но детская жестокость превосходила все мои ожидания, и Аомамэ почти стала похожей на привидение. В наше время я могла бы воспользоваться советами специальных консультантов. А тогда такой системы еще не существовало. Я была совсем молоденькой и едва удерживала класс в своих руках. Может быть, вам кажется, что я оправдываюсь. Но, поймите, ситуация была очень непростой..

Усикава понимал, что она имеет в виду. Быть учительницей начальной школы - тяжелая работа. Разборки детских ссор и

отношений приходилось, в определенной мере, отдавать на откуп самим детям.

- Глубокая вера и нетерпимость всегда идут в паре. И часто нам они не подвластны, - сказал Усикава.

- Да, вы совершенно правы, - согласилась учительница. - Но я же делала, что могла! Несколько раз пыталась поговорить с Аомамэ. Но девочка почти не раскрывала рта. Она была очень волевой и когда что-то решала, то своего намерения уже не меняла. Была умна, сообразительна, могла прекрасно учиться, но держала себя под строгим контролем, чтобы её способности не были заметны. Наверное, быть незаметной считала лучшим средством своей защиты. Я уверена, если бы она находилась в нормальной обстановке, то, несомненно, стала бы прекрасной ученицей. Когда я сейчас об этом вспоминаю, мне становится очень грустно.

- А с ее родителями вы беседовали?

Учительница кивнула.

- Не один раз. Ее родители часто приходили с жалобами на религиозное преследование. И тогда я просила их, чтобы они вместе со мной помогли Аомамэ найти контакт с классом. Спрашивала, не могли бы они немного ослабить свои требования к ней. Увы, все мои усилия оказались напрасными. Для ее родителей строгое соблюдение религиозных предписаний было самым главным. Они грезили о счастье загробной жизни, а земное существование считали временным. Такой логикой руководствовались они, взрослые люди. И, к сожалению, мне не удалось убедить их в том, что пренебрежение и игнорирование одноклассников оставляет в душе юного ребенка смертельную рану.

Усикава сообщил ей, чтоб Аомамэ была центральным игроком softballной команды в университете и на фирме, где она потом работала, а теперь – успешный и уважаемый спортивный инструктор в элитном клубе. По правде говоря, так было до недавнего времени, но такое уточнение Усикава считал лишним.

- Прекрасно, - облегченно вздохнула учительница. Ее щеки слегка покраснели. - Аомамэ стала взрослой, самостоятельной и здоровой девушкой. Узнав об этом, я просто облегчение на душе почувствовала!

- Кстати, я хотел бы спросить вас еще об одной деликатной вещи, - приветливо улыбаясь, сказал Усикава. - В начальной школе Тэнго Кавана и Аомамэ лично не дружили?

Учительница стиснула пальцы обеих рук и на минуту задумалась.

- Возможно, и дружили. Но я сама ничего такого не видела и не слышала. Только одно могу сказать: трудно поверить, что кто-нибудь в том классе мог подружиться с Аомамэ. Может, Тэнго когда-то протянул ей руку помощи. Потому что имел доброе сердце и чувство ответственности. Но даже, если такое и произошло, Аомамэ, наверное, так просто не открыла ему тайники своей души. Возможно, она просто была как устрица в своей раковине, что прилепилась к каменной глыбе.

Учительница на мгновение замолчала, потом добавила:

- Очень жаль, что больше ничего не могу добавить. К сожалению, тогда я не смогла ей помочь. Так как, я уже говорила, не имела опыта и сил.

- Если бы Тэнго и Аомамэ дружили, то это, наверное, вызвало бы большой отклик в классе и вы бы об этом услышали, это так?

Учительница кивнула.

- Отсутствие терпимости было с обеих сторон.

- Разговор с вами мне очень пригодился, - поблагодарил Усикава.

- Было бы хорошо, если бы история с Аомамэ не помешала оказанию выдачи финансового гранта господину Тэнго, - обеспокоенно сказала учительница. - За то, что в классе тогда возникла именно такая проблема, отвечаю я - классный руководитель. Ни Тэнго, ни Аомамэ ни в чем не были виноваты.

Усикава кивнул головой.

- Не беспокойтесь. Я только проверяю факты, касающиеся упомянутого художественного произведения. Как вам известно, религиозные вопросы, что и говорить, очень сложные. Господин Кавана же имеет огромный талант и вскоре обязательно прославится.

Услышав это, учительница довольно улыбнулась. В ее маленьких зрачках что-то вспыхнуло и ярко засветилось, словно стал видимым отблеск солнца на леднике в извилинах далеких гор.

«Она вспоминает тогдашнего Тэнго, - подумал Усикава. – Видимо, то, что произошло двадцать лет назад, представляется ей недавним вчерашним событием ».

Ожидая недалеко от школьных ворот автобуса до вокзала Цуданума, Усикава вспоминал учителей собственной начальной школы. Помнят ли они о нем? Если и помнят, то вряд ли от такого упоминания у них восхищенно светятся глаза.

Выясненные факты приближали Усикаву к тому, чего он так гипотетически ожидал и на что надеялся. Тэнго был в классе самым способным учеником. Был на хорошем счету. Аомамэ же была и чувствовала себя одинокой, отвергнутой всем классом. В то время Тэнго и Аомамэ почти не могли подружиться. Резко отличались своим статусом, наработанным школьным авторитетом. Бросив эту школу Аомамэ, уехала из Итикавы и перешла в другую начальную школу. Связь между ними прервалась. Если искать что-то общее в их тогдашней жизни, то это было лишь то, что они вопреки собственной воле всегда должны были слушаться родительских приказаний. Конечно же, привлечение людей к своей вере и сбор абонентской платы - разные вещи, но для этого приходилось много ходить по улицам города, а родители насильно брали с собой своих детей. В классе они занимали совершенно разные положения. Однако оба, кажется, все равно чувствовали себя одинокими и так же сильно хотели чего-то другого. Того, что приняло бы их без всяких оговорок и крепко прижало бы к себе.

Усикава представлял себе их душевное состояние. Ведь, в некотором смысле, сам в их годы чувствовал то же самое.

«Так вот, - думал Усикава, сложив руки на груди и сидя в скоростной электричке, направлявшейся из Цуданумы в Токио, - что мне, собственно говоря, делать? Я обнаружил несколько звеньев цепочки, связывающих Тэнго и Аомамэ. Связи интересной. Но, к сожалению, пока это ничего конкретного мне не дает и ничего не подтверждает.

Передо мной высокая каменная стена. В ней три двери. Какие-то одни надо выбрать. На каждой двери своя надпись. На первой - «Тэнго», на второй - «Аомамэ », а на третьей - «Хозяйка усадьбы в Адзабу». Аомамэ исчезла, буквально как дым. Ни следа не оставила. «Усадьба плакучих ив» охраняется, как банковский сейф. К ней невозможно подобраться. А раз так, то остается только одна дверь.

Теперь придется следить за Тэнго, - рассуждал он. - Нет другого выбора. Прекрасный пример применения метода исключения. Пожалуй, стоит того, чтобы в виде хорошенькой брошюры раздавать прохожим. Мол, господа, это - метод исключения!

Тэнго - весьма симпатичный молодой человек. Математик и писатель. Чемпион по дзюдо и любимец учительницы начальной школы. Но пока только через него можно распутать весь этот клубок. Ужасно запутанный клубок. Очень непонятный. Рассматривая эту историю, кажется, сам мозг вот-вот свернется в скисший и непригодный для еды тофу.

А как дела у самого Тэнго? Он видит общую картину? Да нет, наверное, не видит ». По мнению Усикавы, Тэнго опять и опять использует метод проб и ошибок и, кажется, ходит разными круглыми путями. «Может, и он натывается то тут, то там на тупики и мысленно строит различные гипотезы. Однако Тэнго - прирожденный математик. Умеет составлять и решать сложные задачи. И как непосредственный участник истории, наверняка, располагает более солидным количеством данных, чем я. Теперь остается следить за поведением Тэнго Кавана, - решил Усикава. - Может, он куда-нибудь меня приведет. Если повезет, то и к месту, где скрывается Аомамэ ».

Придаться к чему либо, как рыба-прилипала - это была самая сильная сторона Усикавы. Если он к чему-нибудь прицеплялся, то уже никто не мог его стряхнуть.

Решив именно так всё и делать, Усикава закрыл глаза и отключил мышление. «Немного посплю. Сегодня обошел две жалкие начальные школы префектуры Тиба и, встретившись, поговорил с двумя женщинами среднего возраста: красивой заместительницей директора и косолапой учительницей. Надо дать отдохнуть нервной системе ».

Вскоре его большая сплюснутая голова стала медленно качаться вверх-вниз в такт с покачиванием вагона электрички, словно большая, человеческого роста, кукла в ярмарочном балагане, которая выбрасывает изо рта несчастливые пророчества.

Вагон не был пустым, но никто из пассажиров не собирался садиться рядом с Усикавою.

Глава 11 . Аомамэ

Мир, бессердечный и нелогичный.

Во вторник утром Аомамэ приготовила Тамару записку о том, что опять приходил человек, назвавшийся собирателем абонентской платы «NHK». И он опять настойчиво стучал в двери и громко насмеялся и осуждал ее (или жителя этой квартиры по фамилию Такая). В его поведении она видела нечто непонятное, чрезмерное и неестественное. Возможно, надо серьезно его опасаться.

Аомамэ сунула эту записку в конверт и положила на стол в кухне. На конверте написала букву «Т». Записку должны передать Тамару люди, которые поставляли ей продукты.

Примерно в полдень Аомамэ зашла в спальню, заперла дверь и легла в кровать читать Пруста. Ровно в час дня раздался звонок на входной двери, через минуту отомкнулась дверь и в квартиру вошли поставщики. Как всегда, они живо заполнили холодильник продуктами, забрали мусор, проверили, что содержится в буфете. Через пятнадцать минут, закончив определенную работу, вышли из квартиры, захлопнули дверь и заперли на ключ. А потом опять дали сигнал звонком. Как и было договорено.

Подождав для верности до половины второго, Аомамэ перешла из спальни в кухню. Конверта, адресованного Тамару, не было, а на столе лежал бумажный пакет с названием аптеки и книга в твердом переплете «Энциклопедия женского тела» от Тамару. В пакете содержалось три вида средств теста на беременность - все какие были в продаже. Аомамэ открыла коробочки и прочитала инструкции к их применению. Все они имели одинаковый смысл. Если задержка менструации превышает неделю, то можно проводить тест. Точность его достигает девяноста пяти процентов, но в случае получения положительного результата, что свидетельствует о зачатии, надо немедленно пройти обследование у врача. Нежелательно делать вывод о беременности только на основе теста. Он лишь указывает на ее вероятность.

Проводить тест было просто. В мочу, налитую в чистую баночку, погружают тест-полоску. Или на планшетный тест непосредственно наливают каплю мочи. И ждут несколько минут. Если полоска синееет

(в случае тест-полоски) или в круглой ячейке (в случае планшетного теста) появляются две вертикальные полосы, то зачатие произошло. В противоположном случае, когда полоска не посинела или появилась только одна линия, зачатия нет. Хотя тесты отличались между собой, они действовали по одному принципу. Беременность определялась по наличию в моче гормона - хорионического гормона человека (ХГЧ).

Гормон ХГЧ? ... Аомамэ сильно нахмурилась. Она жила на свете более тридцати лет и ни разу не слышала такого названия. «Неужели такая непонятная вещь стимулирует органы деторождения?» - подумала она.

Она полистала страницы «Энциклопедии женского тела».

«Гормон ХГЧ выделяется на первом этапе беременности и помогает сохранить желтое тело,» - прочла Аомамэ. - «Желтое тело - это провизорный (временный) гормональный орган, возникающий в яичнике на месте овулировавшего фолликула. Оно выделяет прогестерон и эстроген, поддерживают внутреннюю оболочку матки и препятствуют менструации. Таким образом, в матке постепенно образуется плацента. Если на седьмой-девятой недели плацента образуется, желтое тело и гормон ХГЧ прекращают выполнять свою роль». А это значит, что гормон ХГЧ выделяется на протяжении седьмой-девятой недели после появления зародыша в утробе матери. Достаточно короткий промежуток времени. Так, если результат теста положительный, то, бесспорно, произошло зачатие. Если же результат отрицательный, то простой вывод делать нельзя. Возможно, просто прошло время выделение гормона»

Позыва к мочеиспусканию Аомамэ не чувствовала. Вынула из холодильника бутылку минеральной воды и выпил два стакана. Однако в туалет не хотелось. Но, в конце-то концов, куда спешить? Она отложила тесты на беременность и принялась читать на диване Пруста.

Позыв к мочеиспусканию появился после третьего стакана. Она набрала в баночку мочи и окунула туда тест-полоску. Полоска буквально на глазах стала менять цвет, пока не стала ярко-синей. Такая привлекательная окраска годилось для маленького автомобиля с раздвижной крышей. Как, наверное, было бы приятно промчаться на нем вдоль морской набережной навстречу осеннему ветру. Но

здесь, в уборной многоквартирного дома в центре столицы, этот послеобеденный осенней поры синий цвет сообщал о беременности, по крайней мере, с точностью в девяносто пять процентов. Аомамэ стояла перед зеркалом и пристально вглядывалась в продолговатую посиневшую тест-полоску. Но сколько ни смотрела, цвет полоски не менялся.

Для определенности Аомамэ попробовала тест на беременность от другого производителя. В его инструкции рекомендовалось накапать мочи на кончик планшетного теста. И поскольку новой мочи не было, то окунула планшетный тест в баночку с предыдущей мочой, совсем еще свежей. В самом деле, какая разница - обмакнуть тест или накапать мочу на планшетный тест? Результат был одинаков: в круглой ячейке ясно виднелись две продольные линии. Он снова сообщал о возможности беременности.

Аомамэ вылила мочу в унитаз и спустила воду. Использованную полоску, завернутую в бумагу, бросила в мусорное ведро и вымыла баночку. Потом зашла в кухню и еще раз выпила три стакана воды. Решила попробовать третий способ теста на беременность завтра. «Три» - хорошо число. Один удар, второй удар ... Затаив дыхание, она ждала последнего удара.

Аомамэ вскипятила воду, заварила горячего чая и, сев на диван, продолжила читать дальше Пруста. Попивая чай, хрустела печеньем, лежавшим на тарелке. Было тихое послеобеденное время, наиболее пригодное для чтения. И хотя она не отрывала глаз от текста, содержание написанного до нее не доходило. Приходилось несколько раз перечитывать одни и те же предложения. А когда, закрыв глаза, ей показалось, что она сидит за рулем синего автомобиля с раздвинутым верхом и несется по набережной, и легкий ветер с запахом моря развеивает ее волосы, а на дорожных знаках видны две продольные линии, которые предупреждают: «Внимание! Возможна беременность! "

Аомамэ вздохнула и бросила книгу на диван.

Она хорошо понимала, что третий раз делать тест на беременность не требуется. Результат будет одинаковым даже после сотни попыток. Не стоит терять время. «Гормон ХГЧ, пожалуй, не меняет своего отношения к моей матке. Поддерживает желтое тело, мешает наступлению менструации и формирует плаценту. Я беременна. Это

знает гормон ХГЧ. Это знаю и я, - рассуждала Аомамэ. – Я это точно чувствую внизу живота. Оно еще маленькое. Словно какой-то намек. Но впоследствии оно будет иметь плаценту и начнет расти. Принимать от меня пищу и в темной тяжелой воде медленно неустанно увеличиваться ».

Вот так впервые Аомамэ забеременела. Она была предусмотрительной и доверяла только тому, что видела собственными глазами. Во время секса обязательно проверяла, надел ли партнер презерватив. Даже когда была опьяневшей. Как и говорила хозяйке усадьбы в Адзабу, с десятилетнего возраста менструации у нее ни разу не прерывались. И не опаздывали даже на пару дней. Боль всегда была легкой. Кровотечение длилась несколько дней. И не препятствовало ей заниматься спортом.

Менструация началась через несколько месяцев после того, как в аудитории начальной школы она пожала руку Тэнго. Между этими двумя событиями, как ей казалось, была уверенная связь. Возможно, прикосновение руки Тэнго потрясло организм Аомамэ. Когда она сообщила матери о первой менструации, та недовольно нахмурилась. Будто на нее рухнули лишние хлопоты. «Слишком рано», - сказала мать. Но Аомамэ на неё не обратила внимание. Ведь это её дело, а не матери или кого другого. Она сама вступила в свой новый мир.

И вот теперь Аомамэ забеременела.

Она подумала о яйцеклетке. «Одна из четырехсот моих яйцеклеток (примерно двухсот) оплодотворилась. Возможно, той сентябрьской ночью, когда бушевала гроза. Я тогда в темной комнате убила одного человека. Кольнула острием иголки в шею, под нижнюю часть мозга. Однако этот человек сильно отличался от тех, которым я ранее прервала жизнь. Он сам согласился, чтобы она его убила. И даже хотел смерти. В конце концов, я дала ему того, чего он желал. А взамен (не как наказание, а как сострадание) он дал ей то, чего она хотела. В темной комнате состоялась сделка. И той ночью произошло тайное оплодотворение. *Я это знаю.*

Вот этими руками я укоротила жизнь одному человеку и почти одновременно начала другую жизнь. Неужели и это было частью нашего соглашения? "

Закрыв глаза, Аомамэ перестала думать. Когда прекратился внутренний монолог, в ушах её что-то зашумело и зазвенело. И тогда она невольно вознесла молитву:

*Отче наш, суищий на небесах! да святится имя Твое;
Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на
небе;*

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки.

Аминь. /Матф 6:9-13/

Почему в эту минуту она произнесла слова молитвы? Ведь не верила ни в Царство Небесное, ни в Рай, ни в Небесного Отца. И все же эти слова врезались в её память. Ей было около трех или четырех лет, когда она выучила эту молитву, и она еще толком не понимала смысла этих слов, тогда ей пришлось их просто запомнить. Если ошибалась хоть одним словом, её больно хлопали линейкой по руке. И вот, она опять произносила эту молитву – выходит, даже то, чего обычно не видно, в соответствующее время выходит наружу. Как сокровенные татуировки.

«Что сказала бы мать, если бы я сообщила, что забеременела без полового акта? Возможно, посчитала бы это страшным кощунством против веры. Ведь речь идет о своеобразном непорочном зачатии, - думала Аомамэ, конечно, давно уже не девственница. - А может, мать вообще не обратила бы на это внимания. Возможно, пропустила бы мимо ушей. Поскольку я, беспутная, давно оторвалась от ее мира ».

Аомамэ попыталась по-другому над этим поразмыслить. Взглянуть на это явление как на нечто загадочное, что не поддается никакому объяснению.

Воспринимать беременность как добро, как нечто желательное или как что-то опасное и страшное?

Но сколько она не размышляла, не могла ничего окончательно решить. «Пока я просто не могу прийти в себя от удивления. Сбита с толку, растеряна и ошарашена. А в мыслях даже раздвоенная. Поэтому, естественно, не способна ничего понять и решить », -

думала она так, и одновременно, уже заинтересованно и сознательно оберегая маленький источник тепла. На этот факт Аомамэ тоже обратила внимание. Ей хотелось проследить за тем, что в ней зарождается. Конечно, она чувствовала тревогу и страх. Возможно, оно что-то такое, что выходит за пределы ее воображения. Враждебное инородное тело, пожирающее ее изнутри. В голове всплывала куча возражений. Тем не менее, все же верх брало здоровое любопытство. И тогда вдруг в голове Аомамэ вспыхнула одна мысль. Как неожиданный луч света в темноте.

«Возможно, в моем животе ребенок Тэнго!».

Слегка нахмурившись, Аомамэ на минуту задумалась над такой возможностью. «Почему это я беременна от Тэнго? Как это могло бы случиться?»

И до чего же она додумалась?

«В тот бурный вечер, когда непрерывно что-то случалось, в этом мире проявилась некая сила и Тэнго сумел переслать в мое лоно свою сперму. В момент убийства, объединивший нас, образовался особый канал связи. В нас всех была сила, тьма и молнии. Возможно, этот канал связи был кратковременный. И мы этим каналом умело воспользовались. Мой организм ухватился за такую возможность и жадно принял Тэнго, чтобы оплодотвориться от него. Моя двести первая или двести вторая яйцеклетка успешно подхватила один из нескольких миллионов его сперматозоидов - частицу здорового, умного и искреннего Тэнго». Это была совершенно абсурдная мысль. Полностью лишенная логики. Пожалуй, никто в мире с ней не согласился бы с ней, как бы ему не объясняли и какими бы словами. «Да, именно мое оплодотворение в этом выводе нелогично. Но сейчас 1Q84 год. И что бы ни случилось в этом мире, оно не покажется странным».

«Если бы этот ребенок действительно был от Тэнго...» - задумалась Аомамэ.

«В то утро на аварийной площадке столичной скоростной автострады номер три я не нажала на спусковой крючок пистолета. Я действительно собиралась там покончить с собой, засунув дуло пистолета в рот. Я ничуть не боялась смерти. Потому что умирала ради того, чтобы спасти Тэнго. Но какая-то сила повлияла на меня и я отказалась от своего намерения. Некий голос откуда-то издалека

назвал мое имя. Может потому, что я забеременела? Неужели что-то пыталось сообщить мне о зарождении этой жизни? " И тут Аомамэ вспомнила про сон, в котором элегантная женщина средних лет накинула на нее, голую, пальто. Во сне женщина вышла из серебристого автомобиля «Mercedes-Benz coupe» и дала ей легкое, мягкое желтоватое пальто. «Она знала, что я забеременела. И бережно защитила меня от человеческих дерзких взглядов, холодного ветра и других неприятностей ».

Это был хороший знак.

Аомамэ расслабилась, мышцы лиц разгладились, и она вступила в следующую фазу размышления. «Кто-то следит за мной и оберегает, - подумала Аомамэ. - Даже в этом мире 1Q84 года я совсем не одинока.».

С чашкой остывшего чая Аомамэ направилась к окну. Вышла на балкон, села на садовый стул и сквозь щели пластиковых жалюзи, чтобы никто извне не заметил, стала следить за детским парком. И попыталась думать о Тэнго. Однако почему на этот раз ей это не удавалось. В ее голове всплыло воспоминание об Аюми Накано.

Аюми улыбалась. Очень естественно и искренне. Они обе сидели в ресторане, как нечасто бывало, одна напротив друг друга и пили вино. Вскоре они опьянели. Первокласное бургундское вино, смешавшись с кровью, нежно растеклось по жилам, и окружающий мир вступил в пору легкого вишневого цвета.

- Аомамэ, - сказала Аюми, потирая пальцем стакан с вином, - мне кажется, что этот мир лишен логики и сердечности.

- Возможно. Но ты не беспокойся. Такому миру вдруг, да и придет конец, - сказала Аомамэ. - И придет Царство Небесное.

- Я жду его не дождусь, - сказала Аюми.

«Почему тогда я заговорила о Царстве Небесном? - удивлялась Аомамэ. - Почему я вдруг вспомнила о Небесном Царстве, в которое не верила? Вскоре после этого Аюми погибла. Когда я об этом заговорила, то, наверное, в моей голове вырисовывалось «Царство Небесное », отличное от того, в которое, возможно, верят последователи « Братства свидетелей ». Пожалуй, это было мое, более личное Царство. А потому эти слова сами собой сорвались с языка.

Так в какое Небесное Царство я верю? Какое, по моему мнению, Небесное Царство придет, когда мир исчезнет? »

Она легонько приложила руку к животу. И прислушалась. Но, конечно, как внимательно не прислушивалась, ничего не услышала.

Так или иначе, Аюми Накано уже нет в живых. В отеле, что в районе Сибуя, ей наложили на обе руки крепкие холодные наручники и задушили, и, насколько было известно Аомамэ, преступника все еще не нашли. Провели судебно-медицинскую экспертизу, а потом, зашив разрезанное тело, отнесли в крематорий и сожгли. В этом мире такого человека, как Аюми Накано, уже не существует. Ее тела и крови не стало. Она сохранилась только в документах и в памяти.

Э... нет, возможно, это и не так. И она все еще бодро живет, но не в мире 1Q84 года. Возможно, недовольно бормочет, что ей не разрешают носить пистолет, и дальше недовольно подсовывает штрафные квитанции под «дворники» автомобилей, нарушивших правила парковки. Может, обучает старшеклассниц столичной средней школы, как уберечься от беременности - не допускать к себе партнера без презерватива.

Аомамэ захотелось снова увидеться с Аюми. «Если бы я воспользовалась аварийными лестницами в обратном направлении и вернулась к прежнему миру 1984 года, - рассуждала Аомамэ, - может быть, случайно мы бы с ней встретилась. Там Аюми все еще жила бы, а меня не преследовали бы типы из секты «Сакигаке». Возможно, мы зашли бы в ресторанчик, в Ногидзака, и выпили бы стакан бургундского. А может...

действительно, подняться лестницей и уйти в тот настоящий мир? »

Будто перематывая назад магнитофонную ленту, Аомамэ вернулась мыслями в прошлое. Почему до сих пор она об этом не подумала? «Попробовав еще раз спуститься аварийными лестницами, я не нашла входа на них, - вспоминала она. - Эти лестницы напротив рекламного щита фирмы «Эссо» исчезли. А, возможно, обратное направление по ним открыто. Надо не спускаться, а подниматься. Еще раз пролезть в склад материалов под автострадой и оттуда, в обратном направлении, лестницами выбраться на скоростное шоссе номер три. Наверное, прежде всего я должна была сделать именно так ».

Подумав об этом, Аомамэ захотелось вскочить и немедленно бежать отсюда и, доехав до Сангендзя, проверить такую возможность. Может, удастся, а может, и нет. Но попробовать стоит. Надо одеться в тот же костюм, надеть те же туфли на высоких каблуках и подняться по лестнице, облепленной паутиной. Однако она одернула себя.

«Ну нет, не годится, - решительно сказала она. - Я не могу это сделать. Ведь я смогла увидеть Тэнго именно потому, что попала в 1Q84 год. И, может быть, только потому жду от него ребенка. Во чтобы то ни стало я должна еще раз встретиться с ним в этом новом мире. И до тех пор, по крайней мере, не могу покинуть этот мир. Что бы ни случилось! ».

На следующий день после полудня позвонил Тамару.

- Прежде всего, о сборщике платы «ННК», - сказал Тамару. - Я звонил в контору радиотелевизионной корпорации. Сборщик платы, ответственный за участок квартала Коендзи, сообщил, что не помнит, чтобы стучал в дверь квартиры номер 303. Да, он помнит, что на двери было приклеено сообщение об автоматическом переводе платы с банковского счета, и уже это проверил. Говорил, что обычно звонит в дверной звонок, но никогда не стучится в дверь. Так как тогда рука болела бы. Уточнил, что в тот день, когда к вам приходил будто бы сборщик платы, он находился далеко от того дома, сам обходил другой участок. По его рассказу видно, что он не врет. Его знают как настойчивого, но дружелюбного ветерана с пятнадцатилетним стажем непрерывной работы.

- Что из этого выходит?

- А выходит то, что существует вероятность, что к вашей квартиры приходил ложный сборщик платы. Похоже, будто кто-то, прикинувшись служащим «ННК», стучал в дверь, чтобы обманным путем выманить деньги. Собеседник с радиотелевизионной компании после разговора со мной обеспокоился. Появление фальшивого сборщика абонентной платы для них неприятно. Его начальник хотел, если можно, встретиться непосредственно со мной и все обсудить. Конечно, я отказался. Мол, вреда нам не причинили, поэтому не стоит чрезмерно раздувать это дело.

- А может, этот человек душевнобольной или преследует именно меня?

- Думаю, что ваш преследователь так бы не делал. Не имел бы от этого никакой пользы, а только насторожил бы вас.

- А почему этот человек, даже если он душевнобольной, выбрал именно мою квартиру? Есть же много других. Я стараюсь делать, чтобы света в комнате не было видно снаружи, и хожу тихо, почти на цыпочках. Окна постоянно закрываю и не сушу белья на балконе. И все же тот человек выбрал мою квартиру, и стучал, стучал. Знает, что я скрываюсь. Или утверждает, что знает. И как-то пытается заставить меня открыть дверь.

- Думаете, он еще раз придет?

- Не знаю. Но если он всерьез пытается заставить меня открыть дверь, то, видимо, будет приходить, пока своего не добьется.

- И это вас пугает?

- Нет, не пугает, - ответила Аомамэ. - Просто мне не нравится.

- Как, конечно, и мне. Ведь если тот фальшивый сборщик платы снова придет, мы не можем обращаться к «ННК» или в полицию. И даже, если вы сможете позвонить мне о его приходе, а я немедленно отправлюсь к вам, то, может быть, я его уже не застану.

- В общем, я сама дам себе совет, - сказала Аомамэ. - Сколько бы он меня не провоцировал, я двери не открою.

- Он, видимо, попробует и другие виды провокаций.

- Возможно, - согласилась Аомамэ.

Тамару коротко откашлялся и сменил тему разговора.

- Результаты теста получили?

- Его результат положительный, - просто ответила Аомамэ.

- Значит, залетели?

- Именно так. Попыталась сделать два вида разновидностей теста, но результат тот же.

Наступило молчание, похожее на молчание литографского камня, на котором еще не вырезано иероглифов.

- Не сомневаетесь?

- Изначально я об этом знала. А тест - лишь подтверждение.

Некоторое время Тамару гладил кончиками пальцев эту литографию молчания.

- Вынужден вас откровенно спросить, - сказал Тамару. - Вы собираетесь рожать или будете прерывать беременность?

- Не прерывать.

- То есть рожать?

- Если все пойдет хорошо, роды наступят в июне-июле следующего года.

Тамару прикинул в голове цифры.

- Если так, то нам придется несколько изменить наши планы.

- Извините.

- Да ладно, - ответил Тамару. - В любой ситуации все женщины имеют право родить ребенка и получить надежную защиту.

- Звучит как в Декларации о правах человека, - сказала Аомамэ.

- А еще меня интересует вот что: вы догадываетесь, кто - отец?

- После июня я ни с кем не имела половых контактов.

- Так что, произошло якобы непорочное зачатие?

- Если допустить такую фразу в кругу набожных людей, то они, видимо, рассердятся.

- Вообще если сделать нечто необычное, то обязательно кто-то рассердится, - ответил Тамару. - Однако если вы забеременели, то надо как можно раньше пройти обследование у специалиста. Остаться одной в этой квартире до родов никак не годится.

Аомамэ вздохнула.

- Оставьте меня здесь до конца года. Со мной у вас не будет хлопот.

Тамару на минуту умолк. А потом произнес:

- Как мы и договорились, вы будете в этой квартире до конца года. Но в начале следующего года вам придется переехать в безопасное место, где будет легче получить медицинскую помощь. Вы понимаете?

- Понимаю, - ответила Аомамэ. Но у нее было уверенности. «Если я не встречу с Тэнго, разве смогу отсюда уехать?» - подумала она.

- Однажды женщина забеременела от меня, - вдруг сказал Тамару. Некоторое время Аомамэ молчала.

- От вас? Но вы ...

- Да, это правда. Я - гей. Причем, бескомпромиссный. Издавна и теперь. Таким останусь и в будущем.

- Но от вас женщина забеременела.

- У каждого могут быть ошибки, - сказал Тамару. Однако в его словах юмор не чувствовался. - Не буду подробно распространяться, это было в молодости. Только один раз. И то залетел.

- А что случилось с девушкой?

- Не знаю, - ответил Тамару. - Знал ее до шестого месяца беременности. А потом перестали общаться.

- После шестого месяца беременности аборт невозможен, ведь так?

- И я это понимаю.

- Скорее всего, ребенок родился, - сказала Аомамэ.

- Возможно.

- Если ребенок родился, то вы хотели бы с ним сейчас увидеться?

- Это меня особенно не интересует, - не колеблясь, ответил Тамару. - Я не такую жизнь себе выбрал. А вы хотели бы, предположим, сейчас встретиться с собственным уже взрослым ребенком?

Аомамэ задумалась.

- Я не представляю себе, что значит иметь собственного ребенка, потому что родители отказались от меня, когда я была еще маленькой. И образ родителя правильного образца у меня совсем не сложился.

- И все же вы собираетесь привести своего ребенка в этот мир. Мир, переполненный противоречиями и насилием.

- Потому что я хочу любви, - произнесла Аомамэ. - Однако не к собственному ребенку. Такого уровня любви я еще не достигла.

- Но ребенок причастен к этой любви.

- Возможно. В какой то мере.

- А если вы ошибаетесь и ребенок окажется непричастен к любви, которой вы жаждете, то он будет чувствовать себя оскорбленным. Как мы сами.

- И это возможно. Но я чувствую, что так не произойдет. Интуитивно.

- Я уважаю интуицию, - сказал Тамару. - Однако если человек родился, то он может жить лишь как носитель морали. Это следует хорошо запомнить.

- Кто это сказал?

- Витгенштейн. [12]

- Запомню, - сказала Аомамэ. А потом спросила - Если ваш ребенок родился, то сколько лет ему сейчас исполнилось?

Тамару прикинул в голове.

- Семнадцать.

- Семнадцать, - повторила Аомамэ и представила себе семнадцатилетнюю девушку как носителя морали.

- О нашем разговоре я расскажу мадам, - сказал Тамару. - Она хотела поговорить непосредственно с вами. Но, как я уже неоднократно говорил, по соображениям безопасности я был против этого. Хотя я и предпринял предупредительные технические мероприятия, телефон - достаточно опасное средство общения.

- Понятно.

- Но она глубоко интересуется ходом событий и переживает за вас.

- Я знаю. Спасибо.

- Вы поступите разумно, если будете доверяться ей и прислушиваться к ее советам. Она - очень умный человек.

- Конечно, - ответила Аомамэ.

«Но, не смотря на все советы, мне нужно самой совершенствовать свое сознание и самой защищаться, - подумала Аомамэ. - Хозяйка усадьбы в Адзабу - действительно очень умный человек. С большой реальной силой. Но кое-чего она не знает. Скажем, того, по какому принципу движется мир 1Q84 года. И, наверное, не замечает, что на небе уже две Луны ».

Положив телефонную трубку, Аомамэ легла на диван и проспала с полчаса. Коротким глубоким сном. Ей снилось пустое пространство. В этом пространстве она о чем-то думала. И в белесом блокноте писала что-то невидимыми чернилами.

А когда проснулась, то имела уже перед глазами поразительно ясный образ ответа на все свои размышления. «Я рожу ребенка. Он счастливо придет в этот мир. Он будет жить, по определению Тамару, как носитель морали ».

Приложив ладонь к низу живота, Аомамэ прислушалась. Но все еще ничего не услышала. Пока.

Глава 12 . Тэнго

Законы мира начинают меняться

После завтрака Тэнго помылся в ванной под душем. Вымыл голову. Побрился. Переделался в выстиранное и высушенное белье. Затем, выйдя из дома, купил утреннюю газету в привокзальном киоске, зашел в ближайшую кофейню и выпил горячего черного кофе.

В газете не нашел сообщений о событиях, которые могли бы привлечь его внимание. По крайней мере, просмотрев сегодняшние новости, он почувствовал, что мир - довольно скучное и неинтересное место. Казалось, что он читает не сегодняшнюю, а недельной давности газету.

Тэнго сложил газету и посмотрел на часы. Была девять тридцать, а посетителей пускали в здравницу в десять.

Собираться домой было просто. Он вообще не имел большого багажа. Всего-навсего смена белья и одежды, туалетные принадлежности и кипа бумаги. Все вмещалось в сумку из парусины. Забросив ее через плечо, Тэнго расплатился за пребывание в гостинице и от станции на автобусе приехал в здравницу. Было уже начало зимы. В это утро почти никто не ехал на побережье. На остановке перед здравницей из автобуса вышел только он.

В фойе здравницы, как всегда, он вписал в журнал посетителей дату и фамилию. За конторкой сидела молодая медсестра, которую он нечасто видел. Она, встретив его улыбкой, своими чрезвычайно тонкими и длинными руками и ногами напоминала доброго паука, который показывал заблудившимся путникам дорогу в лесу. Медсестры Тамуры в очках, которая всегда здесь сидела, сегодня утром не было. И Тэнго чуть облегченно вздохнул. Боялся, чтобы она не сказала чего-нибудь многозначного по поводу того, что вчера вечером он провожал домой Куми Адати. Не было видно также медсестры Омура, что втыкала шариковую ручку в собранные в пучок волосы. Возможно, они тоже бесследно провалились сквозь землю. Как три ведьмы в пьесе «Макбет».

Конечно, такого не могло произойти. В Куми Адати сегодня выходной день, а две другие говорили, что сегодня, как обычно,

выйдут на работу. Может, с утра они случайно работают в других местах.

Тэнго поднялся по лестнице на второй этаж к отцовской палате. Дважды легонько постучал. Открыл дверь. Отец лежал на кровати и спал, как всегда в той же позе. Под капельницей и с катетером. Со вчерашнего ничего не изменилось. Закрытое окно заслоняли шторы. Воздух в палате был тяжелый и застоявшийся. Разнообразные запахи, связанные с жизнедеятельностью организма - дыханием больного и выделениями - вместе с запахами лекарств и цветов в вазе смешивались в одно нераздельное целое. Хотя жизненные силы отца в упадке, а его сознание за долгое время ослабло, принципы метаболизма не менялись. Отец все еще находился по эту сторону водораздела, когда слово «Жить» означало также – и выделять различные запахи.

Зайдя в палату, Тэнго прежде всего отдернул шторы и распахнул настежь окно. Пришлось впустить свежего воздуха. Прохладного, но не настолько, чтобы замерзнуть.

Был приятный вечер. Солнечные лучи лились в палату, а ветер с моря качал шторы. Чайка, подхваченная ветром, поджав аккуратно лапки, парила над сосновым бором. Стайка воробьев беспорядочно расселась на электрических проводах и, словно то и дело переписывая музыкальные ноты, беспрестанно меняли свое положение. Сидя на плафоне уличного фонаря и осторожно оглядываясь, каркала ворона, думая, что же ей теперь делать. Очень высоко в небе медленно плыли несколько облаков. Далекие и высокие, они казались чем-то абстрактным, не имеющим никакого отношения к человеческой жизни. Повернувшись спиной к отцу, Тэнго некоторое время наблюдал эту картину. Живого и неживого. Подвижного и неподвижного. За окном виднелся неизменный пейзаж. Ничего нового. Как ему и положено, мир двигался вперед. Он неплохо, словно дешевый будильник, выполнял порученную когда-то роль. Тэнго стоял и бесцельно разглядывал пейзаж за окном, невольно оттягивая момент, когда он окажется лицом к лицу с отцом. Но так, конечно, не могло продолжаться долго.

Тэнго наконец решил и сел на складной стул у кровати. С закрытыми глазами отец лежал на спине. Лицо было обращено к потолку. Одеяло, подтянутое к самой шеи, лежало на нем ровно.

Глаза глубоко запали. Казалось, будто что-то с ними случилось и глазницы уже не могут сдерживать глазные яблоки от проваливания. Если бы отец открыл глаза, то видел бы мир, наверное, как со dna глубокой ямы.

- Папа, - позвал Тэнго.

Отец не ответил.

Ветер стих и перестал шевелить шторы. Словно человек, который во время работы вдруг вспомнил о каком-то важном деле. Потом, через минуту, будто переборов себя, ветер снова начал медленно дуть.

- Я возвращаюсь в Токио, - сказал Тэнго. - Потому что не могу здесь без конца находиться. Больше не могу пропускать работу. Хотя такой жизнью я и не могу похвастаться, но это моя жизнь.

Щеки отца заросли щетиной двух- или трехдневной давности. Медсестры брили его электробритвой. Но не каждый день. Седых и черных волос были поровну. Отцу еще не было шестидесяти четырех лет, но он сейчас казался гораздо старше своих лет. Он был не такой, как обычно. Как будто кто-то нечаянно дернул вперед киноленту его жизни.

- Отец, пока я был здесь, вы так и не проснулись. Но, если верить словам врача, ваши жизненные силы еще не совсем обветшали. Как ни странно, но вы сохраняете состояние, близкое к здоровому человеку.

Сделав паузу, Тэнго ждал, чтобы его слова дошли до отца.

- Я не знаю, доходит до ваших ушей мой голос, или нет. И даже если он шевелит ваши барабанные перепонки, я не уверен, что электрический импульс идет дальше. Возможно, мои слова достигают вашего сознания, но вы не можете на них реагировать. Я этого не знаю. Но до сих пор я предполагал, что мой голос до вас доходит, и читал вам книгу. Если бы я этого не предполагал, то не имело бы смысла разговаривать с вами. А если бы не мог с вами говорить, то не стоило бы сюда приезжать. Я не могу как следует вам объяснить, но я добился определенного результата. Может, не всё, но по крайней мере самое главное вам и мне стало понятно.

Ответа не было.

- Возможно, то, что я сейчас говорю - абсурдно. Но я возвращаюсь в Токио, и не знаю, когда смогу еще раз приехать. А потому говорю

все, что могу и должен вам сказать. Если эти мысли покажутся вам никудышным, то смейтесь сколько угодно, я не против. Конечно, если сможете смеяться.

Вздохнув, Тэнго следил за лицом отца.

- Ваш организм в коматозном состоянии. Сознание и чувства пропали, а вы автоматически живете благодаря средствам поддержания жизнедеятельности. Врач сказал, что вы - живой труп. Конечно, можно было бы выразиться мягче. Но, в конце то концов, с медицинской точки зрения это правильно. Однако не является ли ваша кома просто *притворством*? Возможно, ваше сознание в *действительности* не пропало. Я думаю, ваш организм находится здесь в коматозном состоянии, а ваше сознание живет, переместившись куда-то. Я уже давно так чувствую. Сам не знаю почему.

Молчание.

- Я понимаю, что это трудно себе представить. Если бы я кому-то об этом сказал, то он подумал бы, что это – бред и я сошел с ума. Но я такое могу себе представить. Возможно, вы перестали интересоваться этим миром. Разочаровавшись и упав духом, вы охладели ко всему. А потому, покинув свой реальный организм, переселились жить другой жизнью в какое-то другое место. Возможно, в тот мир, что находится внутри вас.

Опять молчание.

- Оставив работу, я приехал в этот городок, поселился в гостинице и ежедневно приходил на встречу с вами, чтобы поговорить. Вот уже почти две недели я это делаю. Но моя цель состояла не в том, чтобы навестить вас как больного или присмотреть за вами. Я хотел узнать, от кого я родился и с кем кровно связан. Но теперь мне все равно, с кем я связан, а с кем - нет. Я - это я. И вы стали моим отцом. Разве это не хорошо? Я не знаю, но, скорее всего, это можно назвать примирением. Возможно, я примирился с самим собой.

Тэнго глубоко вздохнул. Тон его голоса понизился.

- Летом вы еще были в сознании. Достаточно мутном, но в таком, когда вы были почти разумны. Тогда в этой палате я встретил девушку. Она появилась здесь после того, как вас отвезли на обследование. Возможно, это было ее второе «я». И в этот раз я снова

приехал надолго в этот городок только потому, что надеялся еще раз её увидеть. Вот истинная причина моего приезда.

Вздохнув, Тэнго сложил на коленях ладони.

- Однако она не появилась. Ее принес сюда так называемый воздушный кокон – нечто вроде капсулы, которая вмещала девушку. Если бы я все объяснял, то получился бы долгий разговор, но вот что это такое в двух словах. Воздушный кокон - плод воображения, вымысел. Но сейчас это перестало быть выдумкой. Граница между плодом воображения и реальным миром стала неопределенной. Так, к примеру, сейчас в небе плывут две Луны, которые также привнесены из выдуманного мира.

Тэнго взглянул на лицо отца. Сможет ли суть рассказа дойти до него?

- Если вести разговор в таком контексте, то не было бы ничего странного в том, что ваше сознание, отделившись от тела, переместилось куда-то в другой мир и там свободно гуляет. Вокруг нас, так сказать, сейчас всё по-другому, законы мира начали деформироваться. Как я уже ранее говорил, у меня сложилось такое вот смутное подозрение, что вы на самом деле так и делаете. Например, приходите к двери моей квартиры в Коэндзи и стучите. Вы поняли меня? Называете себя собирателем абонентской платы «NHK», упорно стучите в дверь и громко, на весь коридор, угрожаете. Так же, как делали когда-то давно, когда обходили маршрут сборщика платы в Итикаве.

Казалось, что атмосферное давление в палате чуть изменилось. Сквозь настежь раскрытое окно не долетало ни одного звука. Только иногда, словно вдруг что-то вспомнив, чирикали воробьи.

- Сейчас в моей квартире в Токио находится девушка. Вовсе не любовница. Просто по некоторым обстоятельствам она нашла себе у меня временное пристанище. И она мне рассказала о сборщике платы «NHK», который приходил на днях. О том, что он говорил и делал, когда стучал в дверь. Как ни странно, всё было именно так, как вы когда-то это делали. То, что она услышала, совпадает с тем, что я помню. С теми же выражениями, которые я, если бы была такая возможность, хотел забыть. И я подумал, что тот сборщик платы - не вы ли сами? Или я ошибаюсь?

Тэнго на полминуты замолчал. Однако отец даже не шевельнул ресницами.

- Я хочу только одного: чтобы вы больше не стучали в дверь. Телевизора у меня нет. И дни, когда мы вдвоем собирали плату, кончились в далеком прошлом. В этом отношении всё ясно - мы уже договорились. В присутствии учительницы. Я не помню ее фамилии, но она была руководителем моего класса. Маленького роста, в очках. Помните? Поэтому я не хочу, чтобы вы стучали в дверь. И не только в мои. Но также в двери других людей. Вы уже не сборщик платы «ННК» и не можете таким способом пугать людей.

Тэнго встал со стула и, подойдя к окну, выглянул в окно. Вдоль опушки, опираясь на палку, проходил старик в грубом свитере. Видимо, прогуливался. Он был седой, невысокого роста, но с хорошей осанкой. И только походку имел неуверенную. Шел шаг за шагом, с трудом вспоминая забытые движения. Некоторое время Тэнго следил за ним. Старичок медленно пересек двор и, свернув за угол здания, исчез. Казалось, что до самого конца пути он не мог вспомнить, как надо ходить. Тэнго повернулся к отцу.

- Я вас ни в чем не упрекаю. Вы можете посылать свое сознание куда угодно. У вас своя жизнь и собственное сознание. Вы осуществляете то, что сами считаете правильным. И я не вправе совать туда свой нос. Но вы больше не являетесь собирателем платы «ННК», а потому вам не годится им притворяться. Из этого не будет никакой пользы.

Сев на подоконник, Тэнго подыскивал слова в атмосфере тесной палаты.

- Я не знаю, как сложилась ваша жизнь: какими были ваши радости, а какими - страдание. И если вы ей недовольны, вы не должны чего-то требовать от других людей. Даже если вы это делаете в наиболее знакомой местности, предаваясь знакомой работе наиболее удачным для вас способом.

Тэнго молча смотрел на лицо отца.

- Я хочу, чтобы вы не стучали ни в чьи двери. Хочу от вас только этого.

Тэнго продолжал.

- Мое время уходит. Мне надо идти. Помните, я каждый день приходил сюда, говорил с вами, бессознательным, и читал книгу. И

по крайней мере, в чем-то мы помирились. Надеюсь, примирение произошло в реальном мире. Может, вам это не понравилось, но я считал нужным еще раз сюда наведаться. Так как к этому месту вы привязаны.

Тэнго забросил сумку на плечо и сказал:

- Всё, я уже иду.

Ничего не сказав и даже не шелохнувшись, отец продолжал лежать с крепко закрытыми глазами. Как всегда. Однако казалось, что он о чем-то думает.

Затаив дыхание, Тэнго не спускал с него глаз. Надеялся, что, может, он вдруг откроет глаза и поднимется. Но этого не произошло.

Медсестра с длинными, как у паука, руками и ногами все еще сидела за конторкой. На ее груди висела пластиковая табличка с фамилией Тамаки.

- Я сейчас возвращаюсь в Токио, - сказал Тэнго медсестре.

- Жаль, что за время вашего пребывания ваш отец не пришел в сознание, - словно успокаивая, сказала медсестра. - Да, пожалуй, он бы радовался, что вы так надолго здесь задержались.

Тэнго не нашел на это удачного ответа.

- Передайте другим медсестрам мои искренние слова признательности. Я им очень за все благодарен.

Он так и не встретился с медсестрой Тамура, той, что в очках на носу. И с полногрудой медсестрой Омура, что втыкала шариковую ручку в волосы. Поэтому чувствовал себя чуть расстроенным. Они были способными медсестрами и благосклонно к нему относились. Но, возможно, и лучше, что он с ними не увиделся. Потому что, в конце концов, он собирался бежать из «Кошачьего города». Совсем один.

Когда поезд отправился из Тикури, Тэнго вспомнил ночь, проведенную в комнате Куми Адати. Подумал, что это было только вчера. Великолепная имитация лампы с цветастым абажуром, неудобное «кресло для влюбленных», юмористическая программа, доносящаяся из соседней квартиры... Крик совы в смешанном лесу, дым гашиша, рубашка с «лейблом», густые волосы на лобке, что упирался ему в ногу... Хотя это событие произошло день назад, оно

казалась далеким прошлым. Он не мог хорошо осознать перспективу - что было ближе, а что дальше во времени. Как неустойчивые весы, суть события так и не определилась.

Вдруг обеспокоившись, Тэнго оглянулся. «*Это настоящий мир? Реальный? Или я опять ошибочно в другом мире?* » Он спросил у соседнего пассажира, едет ли этот поезд в Татеяму. Все в порядке. Он не ошибся. В Татеяме сумел пересесть на экспресс, направлявшийся в Токио. И всё больше отдалялся от «Кошачьего города» на морском побережье.

Пересев на экспресс, почувствовал, как к нему пришел долгожданный сон. Глубокий сон, во время которого он, вроде бы споткнувшись, падал стремглав в бездонную яму. Веки сами собой закрылись, и в следующий миг сознание исчезла.

Когда он проснулся, поезд уже проезжал Макухари. В вагоне не было слишком душно, но под мышками и на спине выступил пот. Во рту появился неприятный запах. Словно запах застоявшегося воздуха, которым он надыхался в отцовской палате. Тэнго вынул из кармана жевательную резинку и засунул ее в рот.

«Наверное, я больше не поеду в этот «Кошачий город», - подумал он. - По крайней мере, пока отец еще жив. Хотя, конечно, в этом мире нельзя со стопроцентной уверенностью что-либо утверждать. Во всяком случае, в этом городке на берегу моря мне нечего больше делать ».

Вернувшись в свою квартиру, Тэнго не застал в ней Фукаэри. Сначала постучал трижды, сделал паузу, а потом еще раз дважды. Отпер дверь. В квартире было тихо и на удивление чисто. Везде было подметено. Вся посуда стояла в буфете, кухонный стол и столик убраны, мусорное ведро пустое. Было видно, что Фукаэри пользовалась пылесосом. Кровать застелена, книги и грампластинки на своем месте. Высушенное белье, тщательно разложенное в стопочки, лежало на кровати.

Большой сумки через плечо, которую носила Фукаэри, он не увидел. Было видно, что она не оставила квартиры поспешно, вдруг решив что-то, либо вследствие того, что произошла какая то неожиданность. И не временно вышла в город. Наоборот - твердо решила уйти, а потому изначально все аккуратно прибрала. Тэнго

представил себе, как Фукаэри пользуется пылесосом и протирает тряпкой все вокруг. Такая картина никак не вписывалась в ее образ.

В почтовом ящике лежал ее ключ от квартиры. Судя по объему почтовых поступлений, она ушла вчера или позавчера. Последний раз Тэнго звонил ей позавчера утром, и тогда она еще была дома. Вчера вечером он ужинал с медсестрами и по приглашению Куми Адати зашел к ней в гости. И по этой причине не успел Фукаэри вчера позвонить.

Всегда в таких случаях она оставляла какое-нибудь сообщение, написанное особым клинописным стилем. Но на этот раз он его нигде не нашел. Она просто молча ушла. Но это Тэнго не удивило и не разочаровало. Ведь никто не мог предугадать, что она думает в данный момент, и что собирается делать. Если хотела прийти – откуда-то приходила, а если хотела уйти – куда-то шла. Как капризная и самостоятельная кошка. Столь длительное ее пребывание в одном месте скорее вызвало недоумение.

В холодильнике содержалось больше пищевых продуктов, чем Тэнго предполагал. Скорее всего, несколько дней назад Фукаэри всё же выходила из дома и сама их купила. Было немного вареной цветной капусты. Пожалуй, прошло совсем немного времени, как она ее сварила. Неужели она знала, что Тэнго вернется в Токио через день-два? Он проголодался, а потому зажарил яичницу-глазунью и съел ее вместе с цветной капустой. Поджарил тосты и выпил два чашки приготовленного кофе.

Потом позвонил товарищу, который заменял его в подготовительной школе, и сообщил, что в следующий понедельник возвращается на работу. Товарищ рассказал, какой материал в учебнике он изложил ученикам.

- Ты меня просто спас. Буду тебе на всю жизнь обязанным, - поблагодарил его Тэнго.

- Мне не трудно преподавать. Иногда даже интересно. Но когда долго кого-то учишь, словно сам себе постепенно становишься чужим.

Такое ощущение постоянно не покидало и Тэнго.

- Ничего не случилось, пока меня не было?

- Особого ничего. О, только письмо для тебя у меня хранится. В письменном столе.

- Письмо? - спросил Тэнго. - От кого?

- От стройной девушки с прямыми до плеч волосами. Она пришла ко мне и попросила передать тебе письмо. Говорила как-то странно. Может, она иностранка?

- Невысокая, с большой сумкой через плечо?

- Невысокая. С зеленой сумкой. Достаточно полной.

Видимо, Фукаэри побоялась оставить письмо в квартире. Чтобы кто-нибудь не прочитал. И не забрал. А потому пошла в подготовительную школу и передала непосредственно товарищу. Тэнго еще раз его поблагодарил и повесил трубку.

Уже вечерело, а потому ему не хотелось садиться в электричку и следовать до Йойоги, чтобы забрать письмо. Решил сделать это завтра.

После того он вспомнил, что забыл спросить товарища о Луне. Собрался было перезвонить, но потом передумал. Наверное, товарищ этого вопроса не помнит. В любом случае, разбираться с этим вопросом придется ему самому.

Выйдя из дома, Тэнго бесцельно прогуливался по улицам вечернего города. Когда не стало Фукаэри, квартира страшно опустела. Когда она жила вместе с ним, он не особенно чувствовал ее присутствие. Тэнго жил своей жизнью, а она - своей. Но когда она исчезла, он почувствовал, что в квартире образовалась некая пустота, имевшая форму человека.

Нельзя сказать, что Фукаэри привлекала Тэнго. Она была красива и очаровательна, но еще с первой встречи с ней он не испытывал к ней чего-то похожего на половое влечение. Долгое время живя с ней вдвоем в одной квартире, он совсем не возбуждался. «Интересно, почему? - Спрашивал он себя. – И по какой причине я не имел права испытывать к ней половое влечение? »

На самом деле, Фукаэри была с Тэнго только один раз в тот вечер, когда бушевала гроза. По собственному, а не его, желанию. Это действительно можно было назвать «половым актом». Она села верхом на Тэнго, у которого всё тело словно парализовало, и он потерял свободу движения, и впустила его пенис в свое лоно. Казалось, тогда она находилась в состоянии транса. Совсем как фея в плену эротичного сна.

И после того, будто ничего не произошло, они жили вместе в тесной квартире. На рассвете, когда гроза стихла, Фукаэри вроде как бы даже забыла об этом событии. И Тэнго с ней не заводил разговоры об этом. Потому что считал, что лучше и ему забыть, если она забыла. Да и сам он, возможно, тоже забыл. Но иногда, конечно, его охватывали сомнения. Почему вдруг Фукаэри такое совершила? Неужели обдуманно и с какой-то целью? А может, ее просто охватило какое-то наваждение?

В итоге Тэнго понял только одно: *её поведение не было проявлением любви*. Может быть, Фукаэри и чувствовала естественную привязанность к нему и, возможно, в этом он не ошибался. Однако, никакой речи не могло быть о том, что она испытывает к нему любовь, половое влечение или нечто подобное. *Она ни к кому не испытывала чего-то похожего на половое влечение*. Тэнго, естественно, не имел уверенности в том, что хорошо разбирается в людях, тем не менее, не мог себе представить, как Фукаэри, лихорадочно дыша, страстно отдается кому-то постороннего. Более того, он не мог и подумать, что она вообще занимается сексом. Ничто в ней об этом не свидетельствовало.

С такими мыслями Тэнго шел по улицам квартала Коэндзи. Наступал вечер и начал веять холодный ветер, но он на это не обращал внимание. Идя по улице, он всегда что-то обдумывал. Потом садился за стол и придавал этим мыслям литературную форму. Имел такую привычку. Поэтому часто прогуливался. Независимо от того, шел дождь или дул ветер. И в этот раз, прогуливаясь, оказался перед пивной «Мугиатама». [13] Подумав, что делать вообще-то нечего, зашел туда и заказал свежего пива фирмы «Carlsberg». Во все еще открытой пивной не было ни одного посетителя. Тэнго перестал думать и просто бездумно пил пиво. Но ему не пришлось долго наслаждаться пустой головой. Так же, как природе, где вакуум стремиться заполниться чем-то, размышления его вернулись к нему. Он не мог не думать о Фукаэри. Будто короткими отрывками сна, она вошла в его сознание.

Возможно, она находится совсем близко. Туда можно дойти пешком

« Так сказала Фукаэри. А потому я вышел в город ее искать. И зашел в эту пивную. А что еще она сказала? »

Можете не беспокоиться. Она вас найдет, даже если вы не сможете найти её.

Аомамэ искала Тэнго так же, как он искал ее. И это у Тэнго не укладывалось в голове. Он искал ее до самозабвения. А потому не мог поверить, что и она так же ищет его.

Я передаю, а вы отдаёте.

Это тоже тогда сказала Фукаэри. Она передает, а Тэнго отдает. Но она не сказала, что передает. Ясно только то, что она делает это только тогда, когда ей хочется. Тут Тэнго не мог определить, пользуется ли она при этом определенными принципами и предписаниями или собственной прихотью.

Тэнго еще раз вспомнил о половом акте с Фукаэри. Красивая семнадцатилетняя девушка, усевшись верхом на него, взяла его пенис в свое лоно. Ее большие груди, словно зрелые плоды, качались в воздухе. Она закрыла глаза и возбужденно раздула ноздри. На губах застыли невысказанные слова. Иногда между белыми зубами показывался розовый кончик языка. Тэнго хорошо запомнил эту картину. Его тело одеревенело, но сознание работало. Да и эрекция была идеальной.

Тем не менее, хотя эта картина была выразительной, она не вызвала полового возбуждения. Тэнго не хотел второй раз такое испытать. После того случая он месяца три не занимался сексом. И, как ни странно, у него ни разу не было поллюции. Он был абсолютно здоровый тридцатилетний мужчина, неженатый, имеющий нормальное половое влечение, которое требовало соответствующего удовлетворения. Однако, оказавшись в постели с Куми Адати в ее квартире и ощутив ее волосы между ногами, он совсем не чувствовал сексуального возбуждения. Его член оставался мягким. Возможно, под влиянием гашиша. Но это казалось ему невозможным. Видимо, в ту грозовую ночь, вследствие полового акта, Фукаэри забрала у него

нечто важное. И освободила его от чего-то.. А он отдал. Как отдают из квартиры уже ненужную мебель. Так ему сейчас это представлялось.

Так всё же, что она забрала?

Тэнго покачал головой.

Выпив пиво, он заказал виски «Four Roses» со льдом и орешков. Как и в предыдущий раз.

Возможно, той грозовой ночи эрекция была чрезмерной. Его пенис, твердый и большой, казался незнакомым. Сверкая, он даже был похож на некий символ. Извержение семени было сильным, бурным, а само оно - чрезвычайно густым. Наверное, оно дошло до матки. Или еще дальше. Извержение семени было безупречным. Однако если что-то становится совершенным, то позже обязательно чувствуется спад. Так в мире заведено. «После того случая, какие эрекции я испытал? - думал Тэнго. - Не могу вспомнить. Кажется, ее больше не было. А если и была, то, судя по тому, что не могу ее вспомнить - была второсортной. Как малобюджетный фильм. О такой эрекции нечего рассказать. Наверное ».

«Может, я останусь с такой второсортной эрекцией или даже вообще без нее на протяжении остальной своей жизни? - спрашивал Тэнго самого себя. - Наверное, это печально, как долгие сумерки. И, если подумать, скорее всего, это неизбежно. Но/ по крайней мере/ один раз я имел совершенную эрекцию и совершенное извержение семени. Как писательница, написавшая «Унесенные ветром». Возможно, просто надо довольствоваться тем, что однажды достиг чего-то великого ».

Допив виски со льдом, Тэнго расплатился и снова пошел бесцельно бродить по улицам. Сильный ветер еще сильнее охлаждал воздух. «Прежде чем законы мира совсем поменяются, а ум потеряется, я должен найти Аомамэ, - подумал Тэнго. Его единственным стремлением было сейчас встретить Аомамэ. - Если я не смогу ее отыскать, то чего, собственно, стоит моя жизнь? Где-то в квартале Коендзи она недавно была. В сентябре. Может, и сейчас здесь остается. Хотя уверенности в этом нет ».

Однако Тэнго ничего другого не оставалось, как верить в такую возможность. Аомамэ *где-то тут* поблизости. И его она ищет тоже. Как одна половинка сломанной монеты ищет другую.

Тэнго посмотрел в небо. Однако Лун не увидел. «Надо пойти куда-то, где их будет видно », - решил он.

Глава 13 . Усикава

Неужели придется начинать все сначала?

Внешность Усикавы сильно привлекала к себе человеческое внимание. Она не годилась для скрытого наблюдения и слежки. Даже если бы он попытался затеряться в толпе, все равно бросался бы в глаза, как сороконожка в стакане йогурта.

Его родня не была такой. Усикава имел родителей, двух братьев и сестру. Отец заведовал клиникой, а мать отвечала за ее финансовые дела. Старший и младший братья успешно поступили в медицинский университет и стали врачами. Старший работал в больнице в Токио, младший стал научным сотрудником университета. Когда отец ушел на пенсию, старший брат унаследовал отцовскую клинику в Ураве. Оба брата женились и у каждого было по одному ребенку. Сестра после окончания американского университета вернулась на родину и работала синхронным переводчиком. Ей было лет тридцать с лишним, но она все еще была не замужем. Все они были худые, высокие, с правильными чертами овального лица.

В их семье только Усикава был исключением во всех отношениях, особенно по внешности. Низкий, с большой сплюснутой головой и вьющимися волосами. С короткими ногами. Он напоминал изогнутого огурца. Глазные яблоки, словно в испуге, выпирали наружу, шея вокруг странно потолстела. Густые большие брови чуть ли не сливались в одно целое на межбровье. Казалось, будто две большие гусеницы тянутся друг к другу. В школе он учился в целом успешно, но не по всем предметам. Прежде всего, ему не давалась физкультура.

В этой богатой, обеспеченной семье он всегда был «инородным телом». Фальшивой нотой, что нарушала гармонию и вносила диссонанс. На семейной фотографии только он был явно неуместным. Напоминал равнодушного постороннего человека, который по ошибке попал в кадр.

Все домашние никак не могли понять, почему в их семье появился человек, совсем не них не похожий. Хотя, бесспорно, его родила мать, и, по ее словам, с большими болями. Никто не принес его в корзине к двери их дома. А тем временем кто-то вспомнил, что среди отцовской

родни был один человек с головой Фукуске, [14] что был двоюродным братом деда Усикавы. В течение войны он работал на металлообрабатывающем заводе в столичном районе Кото и погиб весной 1945 года под бомбами во время великой бомбардировки Токио американской авиацией. Отец с ним не встречался, но его фотография осталась в старом фотоальбоме. Увидев ее, семья все поняла. Потому что родной дядя оказался поразительно похожим на Усикаву. Настолько, что Усикаву можно было считать его перевоплощением. Наверное, тот же фактор, который породил того дяди, неожиданно проявился в этот раз снова.

Если бы не Усикава, то его семья в Ураве, что в префектуре Сайтама, могла бы иметь безупречную репутацию и происхождение. Была бы одаренной, фотогеничной, которой все завидовали бы. Но когда сюда добавлялся Усикава, люди хмурились и качали головой. Думали, видимо, что что-то мошенническое, подставив ногу богине красоты, вмешалось в это дело. А родители считали, что люди, по всей видимости, так и думают. И потому они всеми силами старались никому не показывать Усикаву. Если же скрыть существование его не удавалось, то обставляли его появление как можно незаметнее (конечно, такие попытки были напрасными). Однако Усикава не испытывал особого недовольства таким своим положением - он не страдал и не унывал. Он сам не хотел появляться перед людьми и даже сам стремился, чтобы быть незаметным. Братья и сестра относились к нему так, будто его не было, но его это не беспокоило. Так как тоже не мог полюбить их. Они, все с хорошей внешностью и отличными успехами в учебе, имели достижения в спорте и много друзей. Но с точки зрения Усикавы, такие люди были безнадежно убогими. С примитивным мышлением, нешироким кругозором, скудной фантазией и преклонением перед мнением своего окружения. Но прежде всего, не имели здорового сомнения, нужного для совершенствование острого ума.

Отец имел репутацию весьма способного провинциального терапевта, но был страшно скучным человеком. Так же, как у легендарного короля, у которого все в его руках превращалось в золото, все слова и выражения, произнесенные отцом, становились чем-то крайне безвкусным. Судя по всему, за своей неразговорчивостью (возможно, неумышленной) он мастерски

скрывал свое занудство и глупость. А вот мать, напротив, была неисправимо поражена мещанством. Скупая, своевольная, самовлюбленная и желающая покрасоваться собой, она по любому поводу своим крикливым голосом унижала и обзывала других людей. Старший брат унаследовал отцовские черты, а младший - материнские. Младшая сестра, самоуверенная, безответственная и лишена сочувствия к другим людям, думала только о своей пользе. Родители потакали ей во всем, ласкали ее как последнего в семье ребенка и тем самым окончательно испортили.

Поэтому Усикава свои детские годы провел практически в одиночку. Вернувшись из школы, запирался в своей комнате и погружался в чтение. Поскольку ни с кем, кроме домашней собаки, он не дружил, то не имел возможности с кем-то поговорить о добытых знаниях и о чем-то поспорить. Однако он не сомневался в своей способности логически, ясно мыслить и красноречиво говорить. И наедине упорно оттачивал такие свои способности. Например, одно какое суждение обсуждал с двух точек зрения. С одной стороны, поддерживал его со всем красноречием, а с другой - так же красноречиво критиковал. С одинаковой силой и в некотором смысле с такой же преданностью он становился на одну из двух противоположных позиций. Таким образом, невольно научился сомневаться во всем и в себе. И сознавать, что, вообще то, во многих случаях правда - вещь относительная. А еще он узнал что субъективность и объективность не удастся разделить так четко, как считает большинство людей, и если разграничительная линия между ними неопределенна, то нетрудно ее с определенной целью передвинуть. Чтобы логику и риторику сделать убедительными и эффективными, он при любой возможности наполнял свою голову знаниями. Полезными и бесполезными. Приемлемыми и неприемлемыми. Он искал не образования в общем смысле этого слова, а конкретной информации, форму и вес которой можно оценить, взяв непосредственно в руки.

Его сплюснутый, как у Фукуске, череп прежде всего был вместилищем важной информации. Непривлекательным, но удобным в пользовании. Благодаря ему Усикава имел более широкую эрудицию, чем любой из его сверстников. Если бы он захотел, то мог бы легко опровергнуть чьи-либо утверждения. Не только братьев или

одноклассников, а также учителей и родителей. Однако Усикава этих своих способностей, по возможности, старался не показывать. Не любил привлекать к себе человеческого внимания ни в какой форме. Знания и способности для него были прежде всего орудием, а не средством хвастовства. Усикава считал себя чем-то вроде ночного хищника, который, затаившись в темном лесу, ожидает свою добычу. Терпеливо ждет случая, чтобы броситься на нее, как только она появится. А до этого противник не должен ничего знать и ни о чем не догадываться. Самое главное - это затаить дыхание и усыпить его бдительность. Еще в начальной школе он стал так думать. Ни перед кем не заискивал и не выдавал своих чувств.

«Если бы только я имел чуть более нормальную внешность ... - иногда думал Усикава. - Не обязательно привлекательную. Не надо мне такой, какой люди восхищались бы. Достаточно обычной. Достаточно приличной - такой, чтобы встречные люди невольно не оглядывались. Какая жизнь вообще сложилось бы у меня, если бы я таким родился? " А вот это « если бы » выходило за рамки его воображения. Усикава оставался прежде Усикавою, куда не имела доступа ни одна гипотеза. То есть, если перед вами стоит некто с большой сплюснутой головой, выпученными глазами и короткими кривыми ногами, то это и есть человек по фамилии Усикава. Подросток, полный сомнений и жадный до знаний, молчаливый и красноречивый.

Отвратительный подросток с течением времени стал отвратительным юношей, а позже - отвратительным мужчиной средних лет. На любом жизненном этапе встречные люди часто оглядывались, случайно увидев его где-то. Девтора бесцеремонно, широко открыв глаза, разглядывала его. Усикава иногда думал, что, видимо, не привлекал бы к себе столько человеческого внимания, если бы стал отвратительным в старости. Ведь вообще старые люди внешне некрасивые, а потому их отдельные физические недостатки не бросаются в глаза так заметно, как в молодости. Но пока человек не состарится, ничего нельзя определенного сказать. А вдруг он тогда станет беспрецедентно непривлекательным?

Во всяком случае, Усикава не придумал никакого удачного способа, чтобы незаметно слиться с окружающим человеческим

средой. Кроме того, Тэнго знал, как выглядит Усикава. Поэтому если бы заметил, что тот бродит вокруг его квартиры, все сошло бы на нет. В таких случаях обычно нанимают профессионального детектива. Усикава обращался к подобной организации в случае необходимости еще тогда, когда стал работать адвокатом. Большинство таких людей - это бывшие полицейские, хорошо знакомые с техникой расспросов, слежения и наблюдения. Но на этот раз Усикава не хотел, из-за соображений секретности, втягивать в это дело посторонних людей. История слишком деликатна - связана с таким тяжким преступлением, как убийство. К тому же Усикава сам точно не знал, где надо следить за Тэнго.

Конечно, Усикава хотел установить связь между Тэнго и Аомамэ, но даже не знал, как выглядит Аомамэ. Приложил немало усилий, но ее нормальной фотографии не раздобыл. Даже Мышь не сумел купить ее. Фотоальбом выпускников видел, но в нем ее лицо маленькое, какое-то неестественное, похоже на маску. На фотографии команды софтболистов фирмы Аомамэ была в шляпке с широкими полями, которые затемнили ее лица. Поэтому если бы Аомамэ проходила мимо Усикавы, он не сумел бы ее узнать. Знал, что она - женщина с красивой осанкой, высотой примерно 170 сантиметров. С особыми глазами и скулами, с длинными, до плеч, волосами. Со спортивной фигурой. Однако такая женщина - не редкость в мире. Во всяком случае, Усикава, кажется, не имел ни желания, ни возможности кому-то поручить наблюдение за ней. Упорно напрягая зрение, ждать, пока что-то произойдет, и случись что, моментально решать, как действовать. Такой деликатной и точной работы требовать от кого-то он просто не мог.

Тэнго жил на последнем, третьем, этаже старого многоквартирного дома с металлическим каркасом. На входе в него висели почтовые ящики, среди них одна с фамилией Кавана. Кое-где они заржавели и облупились. Ящики были с замками, но почти никто из жильцов не запирает их на ключ. Парадная дверь не замыкалась, поэтому любой мог свободно зайти в дом.

В темном коридоре висел особый запах, накопившийся за долгое время существования дома. Запахи непоправимой течи в кровле, старых простыней, выстиранных с помощью дешевых моющих

средств, прогорклого масла, засохшего молочая, кошачьей мочи в палисаднике, заросшем бурьяном, и т.д., перемешавшись между собой, образовывали специфическую атмосферу. Если человек долго там проживал, то, пожалуй, к ней привыкал. Но даже в таком случае эти запахи не становились приятными.

Окно квартиры, в которой проживал Тэнго, выходило на улицу. Не шумную, но и не безлюдную. Вблизи была начальная школа, а потому время от времени по улице туда-сюда проходила детвора. Напротив дома тянулся ряд невысоких, без двориков, двухэтажных домов. Впереди, вдоль улицы, стояла пивная и лавочка канцелярских товаров, куда заходили, прежде всего, школьники. За два квартала отсюда стояла небольшая полицейская будка. Здесь Усикава не мог нигде укрыться, поэтому что, если бы, стоя на краю дороги, упорно смотрел на окно квартиры Тэнго, а тот, совершенно случайно, его бы не заметил, то все равно окружающие люди, наверняка, смотрели бы на него с подозрением. Более того, такая необычная, как у Усикавы, внешность только бы еще больше их насторожила.. Они сочли бы его извращенцем, который подстерегает школьников, возвращающихся домой, и вызвали бы полицейского из будки.

Чтобы за кем-то следить, надо прежде всего найти подходящее место. Желательно, чтобы в нем можно было обеспечить себя водой и продуктами и, не привлекая к себе ничьего внимания, следить за его поведением. Идеальной была бы комната, в поле зрения которой попала бы квартира Тэнго. Он поставил бы в ней на треножнике фотоаппарат с телеобъективом и наблюдал бы за тем, что происходит в его квартире и кто к нему приходит. Вести круглосуточное наблюдение самому было бы невозможно, поэтому пришлось бы обойтись ежедневными десятью часами. И, безусловно, найти такое специальное место было непросто.

И все же Усикава искал его вокруг. Он был человеком, который так просто не сдается. Не жалея своих ног, он всегда ходил, пока мог, и наконец находил хоть какую-то небольшую возможность. Упрямство было его характерной особенностью.

Однако, обойдя по кругу все окружающие закоулки, он отчаялся. Квартал Коендзи был плотно застроен, без высотных зданий, размещался на ровной территории. Количество мест, в поле зрения

которых попадала квартира Тэнго, было ограничено. И Усикава, думается, нигде здесь не мог бы пристроиться.

Хорошие мысли приходили ему в голову всегда тогда, когда залезал в теплую ванну. А потому, вернувшись домой, он прежде всего подогрел воду. Погрузившись в пластиковую ванну, слушал по радио концерт для скрипки Сибелиуса. Не потому, что особенно любил Сибелиуса или считал, что этот концерт - именно та музыка, которую стоит слушать лежа в ванне в конце дня. Возможно, финны любят по ночам слушать музыку Сибелиуса в сауне. Однако в тесной ванной комнате, спаренной с туалетом, в его двухкомнатной квартире, в доме в квартале Кохината столичного района Бункё, музыка Сибелиуса звучала несколько патетично и напряженно. Но Усикава это нисколько не трогало. Его удовлетворяло, если вокруг него звучала хоть какая музыка. Не имеет значение, что звучало. Он готов был слушать и концерт Рамо, и «Карнавал» Шумана. А вот сейчас случайно по радио передавали концерт для скрипки Сибелиуса. Вот и все.

Как всегда, одна половина сознания Усикавы - отдыхала, а вторая - думала. Музыка Сибелиуса в исполнении Давида Ойстраха в основном проходила через первую половину. Как ветерок, влетала и так же вылетала через широко открытую дверь. Видимо, такое слушание музыки не заслуживает похвалы. Возможно, если бы Сибелиус знал, как его музыку слушают, то сдвинул бы в осуждении свои большие брови, а на его толстой шее образовалось бы несколько морщин. Однако Сибелиус давно умер, и Давид Ойстрах тоже уже покинул этот мир. А потому Усикава, бесцеремонно пропуская музыку из одного уха в другое, второй половиной сознания беспрестанно думал.

В такое время он любил думать, не ограничиваясь только конкретным объектом. Давал волю своему сознанию, словно выпускал собак на широкое поле. Говорил им: «Бегите, куда заблагорассудится, делайте все, что хочется». А сам, погрузившись по шею в воду, прищурился глазами, невольно слушал музыку. А когда собаки, бесцельно прыгая вокруг, катаясь на холме, неумоимо догоняя друг друга и тщетно преследуя белку, загрязнились и, уставшие от игр и бега, вернулись, Усикава гладил их по голове и снова надевал на них ошейники. Тогда и концерт Сибелиуса

закончился. Примерно через полчаса. Как раз вовремя. Диктор объявил, что следующее музыка - «Симфониетта» Яначека. Такое название Усикава где-то слышал. Но, не мог вспомнить. Пытался вспомнить, но почему-то в глазах все потемнело. Они затуманились чем-то похожим на желтоватую дымку. Наверное, пересидел в ванне. Усикава махнул на все рукой, выключил радио и, выбравшись из ванны, обмотав полотенце вокруг талии, достал из холодильника пиво.

Усикава жил здесь один. Когда-то имел жену и двух маленьких дочерей. Вместе с ними жил в доме, купленном в квартале Тюоринкан города Ямато префектуры Канагава. Имел маленький травянистый дворик и держал собаку. Жена имела достаточно правильные черты лица, а детей можно было назвать даже красивыми. Девушки не унаследовали ничего от внешности Усикавы. Конечно, он только радовался этому.

Однако внезапно, как меняется сцена в театре, он остался один. Даже удивлялся, что когда-то жил с семьей в собственном доме в предместье. Усикава даже подумал, что ошибся в своих фантазиях и сознательно, для собственного удобства, выдумал воспоминание о прошлом. Но, конечно, это была правда. У него была жена, с которой он спал в одной постели, и имел двух единокровных детей. В письменном столе лежала семейная фотография с четырьмя лицами. На ней они счастливо улыбались. И даже собака на фото, думается, улыбалась тоже.

Усикава не надеялся, что его семья вновь объединится. Жена с детьми жила в Нагое. Дочери имели нового отца. Отца с нормальной внешностью, которого они не стеснялись, когда он приходил в школу на родительское собрание. Дочери почти четыре года не виделись с Усикавою, но, видно, особо не сожалели об этом. Даже писем не присылали. Да и сам Усикава, кажется, не очень горевал, что не может встретиться с ними. Однако, конечно, это не значит, что он не дорожил ими. Просто прежде он должен обеспечить свое существование, а для этого отключить круг ненужных мыслей.

А еще он знал, что в дочерях течет его собственная кровь, даже если они находятся далеко от него. Даже если бы они забыли о нем, эта кровь будет течь накатанной дорогой. Возможно, они очень долго его будут помнить. И когда-нибудь, в будущем, где-то вновь

проявятся признаки Фукуске с большой головой. В неожиданное время и в неожиданном месте. И тогда люди, вздыхая, одновременно вспомнят об Усикаве.

Возможно, такую внезапную картину он увидит еще при жизни. А может, и нет. Безразлично. От одной мысли, что такое может произойти - Усикава чувствовал удовлетворение. Не радость от мести, а своеобразное удовольствие, которое приносит понимание того, что человек остается неотъемлемой частью становления этого мира.

Попивая пиво на диване и положив свои короткие ноги на стол, Усикава вдруг подумал: «Возможно, не удастся, но стоит попробовать. И чего это я не догадался до такой простой вещи? - удивлялся он. - Наверное, проще не придумать. Разве не правильно говорит поговорка, что издали виднее? »

На следующее утро Усикава еще раз отправился к кварталу Коэндзи и, зайдя в первую риэлтерскую контору, которая ему попала, спросил, нет ли свободной квартиры в доме, где жил Тэнго. Ему ответили, что этот дом они не обслуживают. Мол, им занимается контора по вопросам аренды, расположенная вблизи станции.

- Только вот думаем, что свободной квартиры там не найдете. Арендная плата там умеренная, а размещение удобное, поэтому люди с того дома не выезжают.

- Но все же, для верности, я попробую, - сказал Усикава.

И он направился к тому риэлтору, работающему вблизи станции. Тот оказался молодым человеком двадцати пяти лет, с черными густыми волосами, сильно смазанными бриолином. В светленькой рубашке и новеньком галстуке. Видно, только недавно стал трудиться на этой работе. На его щеках еще остались следы от прыщей. Увидев перед собой Усикаву, он немного отшатнулся, но тут же взял себя в руки и по-деловому заученно улыбнулся.

- Вам повезло, - сказал молодой человек. - Супруги, которые жили на первом этаже, по семейным обстоятельствам решили немедленно переселиться и неделю назад освободили квартиру. Вчера ее вымыли и убрали, но еще не объявили для сдачи в аренду. Поскольку она на первом этаже, вам, может быть, будет мешать шум улицы, да и солнечного света будет мало. Однако она достаточно удобна.

Владелец дома планирует перестроить ее в ближайшие пять-шесть лет, поэтому в договоре об аренде просит предупредить об условии ее освобождения через полгода после получения уведомления. Тут только один минус - стоянки для автомашины нет.

Усикава ответил, что это его не волнует. Долго жить здесь не собирается и автомашиной не пользуется.

- Хорошо. Если вы согласны с такими условиями, то завтра можете переселяться. Но, конечно, перед этим захотите осмотреть квартиру, не так ли?

- Обязательно, - ответил Усикава.

Парень вынул ключ из ящика стола и передал его Усикаве.

- Извините, я немного занят, не могли бы вы сами ее осмотреть? Квартира пуста, а ключ принесете назад, когда будете возвращаться домой.

- Хорошо, - согласился Усикава. - А вдруг окажется, что я - вор и ключа не верну или сделаю из него дубликат, чтобы потом обокрасть людей?

Удивленный такими словами, молодой человек некоторое время смотрел на Усикаву.

- О, действительно. Так, может, для верности оставите свою визитную карточку или как?

Усикава вынул из бумажника карточку с надписью «Новое Японское общество содействия развитию науки и искусства» и передал молодому человеку.

«Г-н Усикава», - прочел парень с серьезным выражением лица. Потом расслабился.

- Вы не показались мне похожим на человека, способного на такие поступки.

- Спасибо, - сказал Усикава, и на его губах появилась улыбка, столь же бессодержательная, как и визитная карточка.

Такие слова о себе он услышал впервые в жизни. И объяснил себе, что, возможно, со своей слишком броской внешностью он не годится для совершения зла. Его особые приметы чрезвычайно легко описать. И даже нарисовать портрет. Если бы полиция объявила о его розыске, то дня через три его бы, наверняка, поймали.

Квартира оказалась лучше, чем Усикава надеялся. Жилище Тэнго было сверху над ней, и, понятное дело, Усикава не имел возможности

непосредственно наблюдать, что в ней происходит. Но в поле зрения из окна попадал вход в дом. Можно было контролировать уход и возвращение Тэнго, а также проследить, кто к нему навевывается. Если замаскировать фотоаппарат, то, может быть, с помощью телеобъектива удастся сфотографировать и лица людей.

Чтобы снять эту квартиру, ему пришлось внести задаток в размере трехмесячной арендной платы, одномесячную предоплату и вознаграждение риэлтору в размере двухмесячной арендной платы. Хотя арендная плата не была очень высокой, а задаток возвращался при расторжении договора, общая сумма оказалась значительной. Так как Усикава выплатил немало денег своему информатору Летучей Мыши, на его банковском счету их стало меньше. Но учитывая положение, в котором он очутился, Усикава должен был во что бы то ни стало снять эту квартиру. Другого выбора у него не было. Усикава вернулся к агенту по вопросам аренды жилья и, вынув из конверта заранее приготовленные наличные, заключил договор об аренде. Выписку же о реестре его фонда пообещал прислать позже.

Парень не обратил на это особого внимания, а после заключения соглашения снова передал ключ Усикави.

- Господин Усикава, сегодня вы уже можете поселиться в этой квартире. Электричество и вода подключены, а для подачи газа вам нужно только позвонить в столичное газовое управления, поскольку при этой операции требуется ваше личное присутствие. Да, а как насчет телефона?

- Сам что-то придумаю, - ответил Усикава. «Заключение договора с телефонной компанией займет много времени и на квартиру придет электромонтер. Видимо, будет удобнее пользоваться телефоном-автоматом, что вблизи », - решил он.

Усикава еще раз зашел в съемную квартиру и составил список нужных вещей. На счастье, предыдущий жилец оставил шторы на окне. Даже с выцветшим цветастым узором они были хорошей находкой, очень нужной вещью при скрытом наблюдении. Список нужных вещей оказался не очень длинным. Пищевые продукты и питьевая вода. Фотоаппарат с телеобъективом и треножник. Туалетная бумага, спальный мешок альпиниста, сухой спирт и плитка, маленький ножик, консервный нож, мешок для мусора, простые вещи туалета и электробритва, несколько полотенец,

карманный фонарик, транзисторный радиоприемник. Минимальное количество белья, пачка сигарет. Вот и все. Холодильник, кухонный стол и одеяло не нужны. По крайней мере повезло, что нашел место, где мог спрятаться от дождя и ветра.

Вернувшись в свою собственную квартиру, Усикава запихнул в сумку зеркальный фотоаппарат, телеобъектив и приготовил с десяток кассет с фотопленкой. После этого все вещи со списка положил в дорожную сумку. Остальные нужные товары купил на торговой улице перед станцией Коендзи.

У подоконника комнаты на шесть татами [15] Усикава поставил тренажник, на нем - современный автоматический фотоаппарат фирмы «Минолта», присоединил к нему телеобъектив и в ручном режиме сфокусировал его так, чтобы в поле зрения попадало лицо человека, который заходил или выходил из дома. Пультом дистанционного управления можно было щелкать затвором фотоаппарата. Установил электропривод. Конец объектива обмотал толстой бумагой, чтобы не блестел на свету. Край шторы немного поднял, а потому извне виделось нечто похожее на бумажную трубку. Но вряд ли кто-нибудь на это обратит внимание. Никому и в голову не пришло, что кто-то украдкой будет фотографировать вход в неприметный многоквартирный дом.

С помощью этого фотоаппарата Усикава снял для пробы нескольких человек, выходявших и заходивших в дом. Пользуясь электроприводом, трижды фотографировал каждого человека фотоаппаратом, завернутым в полотенце, чтобы приглушить щелчок затвора. Исползованную пленку отнес к ближайшей фотомастерской для автоматического проявления. Через мастерскую проходило столько кадров, что никто не интересовался их содержанием.

Фотографии были неплохого качества. Не художественными, но вполне удовлетворительными. Были четкие и яркие, что можно было различить лица людей, которые заходили и выходили. Возвращаясь из фотомастерской, Усикава купил минеральной воды и консервов. В табачной лавке приобрел пачку сигарет «Seven Stars». Прижав товар к груди, украдкой вернулся в квартиру и сел перед фотоаппаратом. Следя за входом, пил минеральную воду, ел консервированные персики и курил сигареты. В квартире электричество было, а вот из водопроводного крана вода почему-то не текла, только где-то далеко

в трубе что-то булькало. Видимо, по какой-то причине откладывается подача воды. Усикава собирался было пойти к риэлтору, но решил еще немного подождать, потому что не хотел часто появляться на улице. Унитаз не функционировал, а потому Усикава производил малую нужду в ведро, которое оставил уборщик.

Хотя с наступлением торопливого зимнего вечера в комнате совсем стемнело, Усикава не включал света. Он предпочел остаться в темноте. И не переставал следить за людьми, которые проходили под желтым светом лампы над дверью. Вечером люди несколько чаще заходили в дом, хотя всего их насчитывалось немного. Ведь дом был маленьким. Среди них Усикава не заметил Тэнго. Так же и женщины, похожей на Аомамэ.

В этот день Тэнго должен был работать в подготовительной школе, а вечером - вернуться домой. После работы он редко куда-нибудь заходил. Ужинал не в городе, а дома. Любил сам готовить еду и за чтением книги ужинать. Усикава об этом знал. Однако в этот день Тэнго не вернулся домой. Может, с кем-то встретился?

В этом доме жили разные люди: от молодых неженатых служащих, студентов, супруги с детьми до одиноких стариков. Беззащитные, они пересекали поле зрения телеобъектива. Разные по возрасту и социальному положению, они имели вид людей, усталых надоевшей жизнью. С поблекшими надеждами, забытым честолюбием, приглушенными чувствами, на месте которых укоренилось разочарование и безразличие. Их лица нахмурились, а походка стала тяжелой, как у человека, которому два часа назад вырвали зуб.

В конце концов, возможно, Усикава ошибался. Может, некоторые из них на самом деле наслаждались жизнью. И, открыв дверь в свою квартиру, оказывались в личном раю, таком, что даже перехватывал дыхание. Возможно, кое-кто делал вид, что живет скромно, чтобы избежать проверки налоговиков. Конечно, и такое могло быть. Однако, проходя перед телеобъективом, они казались жителями большого города, живущих беспросветной жизнью, проживающих в дешевых многоквартирных домах, обреченных на снос.

Наступала ночь, а Тэнго так и не появился, не было видно также никого, кто, предположительно, должен был с ним выйти на связь. Когда стрелки часов показали половину одиннадцатого, Усикава

волей-неволей прекратил наблюдение. «Сегодня - первый день и подготовка неполная, - подумал Усикава. - Сейчас обойдусь этим ». Наклоняясь в разные стороны, он медленно потянулся и расслабил затекшие мышцы. Съел булочку с бобовой начинкой, выпил из крышки термоса принесенный кофе. Покрутил кран в ванной комнате - неожиданно потекла вода. Усикава умыл мылом лицо, почистил зубы и долго производил малую нужду. Опершись на стену, закурил сигарету. Хотел глотнуть виски, но решил, что пока будет тут, не будет пить алкоголя совсем. Затем в нижнем белье залез в спальный мешок. Некоторое время мелко дрожал от холода. Ночью пустая комната неожиданно остыла. Пожалуй, не мешало бы иметь небольшую электропечь.

Оказавшись в одиночестве в холодном спальном мешке, Усикава вспомнил дни, проведенные в семейном кругу. Правда, без особо приятных чувств. Как о чем-то показательно противоположном по сравнению со своим нынешним положением. Конечно, и в семье он чувствовал себя одиноким. Никому не доверял и считал такое положение обычным и, как у всего в жизни, временным и конечным. В глубине души думал, что когда-нибудь оно, наверное, сойдет на нет. Пропадет все - озабоченная жизнь адвоката, высокий доход, дом в Тюорин-кани, довольно симпатичная жена, хорошие дочери, посещающие частную начальную школу, и породистая собака. Поэтому, когда понемногу все развалилось, а он остался один, то вообще почувствовал на душе облегчение. Вот и хорошо, не надо больше ни о чем беспокоиться. Он вернулся к началу.

Сжавшись в спальном мешке словно личинка цикады, Усикава поглядывал на темный потолок. От длительного пребывания в таком положении заболели суставы. Усикава вспоминал, как он сегодня, дрожа от холода, кусал холодную булку с бобовой начинкой на ужин, следил за дверью дешевого дома, обреченного на снос, украдкой снимал непривлекательных людей и производил малую нужду в ведро, которое оставил уборщик. Так это означало, что он начал все сначала?

При этом вспомнил, что забыл сделать одно дело. С трудом выбрался из мешка и, вылив мочу из ведра в унитаз, спустил воду. Вылезать из теплого мешка не хотелось, но он опасался ненароком

споткнуться в темноте о ведро. После того опять залез в спальный мешок и некоторое время дрожал.

Неужели придется все начинать сначала?

Возможно, так и будет. Терять больше нечего. Кроме собственной жизни. Это легко понять.

В темноте на губах Усикавы появилась улыбка, похожая на тонкое лезвие ножа.

Глава 14 . Аомамэ

Мое маленькое творение

В общем теперь Аомамэ жила в смятении и поиске. Она не могла предположить, что дальше с ней может случиться в мире 1Q84 года, в котором обычная логика и знания оказались почти непригодными. Как минимум, думала она, я проживу еще несколько месяцев и рожу ребенка. Она это чувствовала. Была в этом практически уверена. Потому что считала, что все будет продвигаться вперед с единственной целью - чтобы она родила ребенка. Она ощущала и видела все такие признаки.

Аомамэ вспомнила последние слова лидера секты «Сакигаке»: «Вам придется пройти тяжелые испытания. И после того, наверное, увидите все в соответствующем свете».

«Он *что-то* знал. Что-то очень важное. И туманными словами многозначительно пытался мне это передать, - вспоминала Аомамэ. - Возможно, это испытание действительно привело меня на порог смерти. Чтобы укоротить себе жизнь, я с пистолетом в руке поехала к рекламному щиту фирмы «Эссо». Но вернулась сюда живой. И узнала, что беременна. Может, и это заранее было определено».

В начале декабря несколько дней подряд ночью дул, резко завывая, сильный ветер и прибывал опавшие листья дзельква к пластиковым жалюзи на балконе. Пролетая между голыми ветвями деревьев, он предупреждал о наступлении холодов. Перекличка воронья стала еще более характерной и отточенной. Пришла зима.

Мысль о том, что, возможно, ребенок в ее чреве именно от Тэнго, с каждым днем набирала силы, а потому это стало восприниматься как факт. Однако эта мысль все еще не была столь логичной, чтобы кого-нибудь постороннего в ней убедить. А вот для Аомамэ она была ясной и вполне понятной.

«Если я забеременела без полового акта, то, собственно, от кого, как не от Тэнго?»

Как только наступил ноябрь, Аомамэ потяжелела. На улицу она не выходила, но каждый день выполняла много физических упражнений. Да и питание строго ограничила. После того, как ей

исполнилось двадцать лет, ее вес стабилизировался, и не превышал пятидесяти двух килограммов. Но однажды стрелка напольных весов перешла за пятьдесят четыре килограмма и больше вниз не спускалась. Казалось, что и ее лицо стало круглее. «Наверное, это мое маленькое создание требует от материнского организма пищи для своего роста.»

Вместе с этим *своим маленьким созданием* она и дальше наблюдала вечером за детской горкой. Искала на ней силуэт коренастого юноши. Поглядывая на две Луны в зимнем небе, легонько поглаживала низ живота под шерстяным одеялом. Иногда беспричинно пускала слезу, которая стекала по щекам и впитывалась в одеяло. Возможно, от одиночества. А может, от тревоги. Возможно, из-за беременности она стала уязвимой. А может, холодный ветер действовал на слезные железы и они слезоточили. Во всяком случае, она их не вытирала и не сдерживала.

В определенный момент слезы иссякли.

Она и дальше в одиночестве сидела на балконе и следила за детской горкой. «Ну нет, я уже не одинока! - вдруг подумала она. - У меня есть *мое маленькое создание*. Теперь нас двое. Смотрим на две Луны и ждем появления Тэнго ». Иногда Аомамэ брала в руки бинокль и фокусировала его на безлюдной детской горке. Иногда брала в руки пистолет, чтобы почувствовать его вес. «Защитить себя, искать Тэнго и давать пищу будущему ребенку - вот какие обязанности поручено мне теперь выполнять », - рассуждала Аомамэ.

Однажды, под холодным ветром, наблюдая за парком, Аомамэ почувствовала, что верит в Бога. Внезапно *открыла* для себя этот факт. Будто на дне топкого болота ногами почувствовала твердую почву. Такое ощущение было необъяснимым и неожиданным. С тех пор как она себя помнила - она ненавидела Бога. Точнее говоря, отвергла систему и людей, которые были посредниками между Богом и ею. Долгое время такая система и люди были для нее синонимом слова «Бог». Ненависть к ним была ненавистью к Богу.

С самого рождения *они ее окружали*. От имени Бога ею управляли, командовали и загоняли в тупик. От его имени забирали у нее все время и свободу, а на душу навесили тяжелые оковы. Они проповедовали его доброту, а еще больше - его гнев и нетерпимость.

В одиннадцатилетнем возрасте Аомамэ, набравшись храбрости, наконец смогла сбежать из такого мира. Но из-за этого была вынуждена многим пожертвовать.

«Если бы в этом мире Бог не существовал, то моя жизнь, наверное, было бы намного светлее, естественнее и полнокровнее, - часто думала она. - Я могла бы сохранить много прекрасных детских воспоминаний, не страдая от непрерывного состояния и страха. И тогда бы моя жизнь стала бы намного оптимистичнее, спокойнее и более полной».

Однако, приложив ладонь к низу живота и поглядывая на безлюдный парк сквозь щель пластиковых жалюзи, в глубине души она внезапно невольно почувствовала, что верит в Бога. Когда машинально повторяла слова молитвы и составляла вместе ладони, то, оказывается, подсознательно верила в него. Такое чувство проникло в нее до самых костей настолько, что никакая логика не могла его искоренить. Так же, как ненависть и гнев. «Но это - не *их* бог, а *мой*, - рассуждала Аомамэ. - Я поняла это потому, что стала жертвой *их* бога, с разодранным телом, ободранной кожей, высосанной кровью, вырванными ногтями, лишенной времени, надежд и воспоминаний. Мой бог не имеет конкретного вида воплощения. Не одет в белое. Не имеет длинной бороды. Ничего не дает и ничего не отбирает. Не обещает Царствия Небесного и не пугает адом. И в жару, и в мороз он просто где-то там есть».

Иногда Аомамэ вспоминала слова, которые произнес лидер секты «Сакигаке» перед самой смертью. Она не могла забыть его густого баритона. Так же, как и иглы, которой уколола заднюю часть его шеи.

Там, где есть свет, должна быть и тень, а там, где есть тень, - свет. Нет тени без света и света без тени. Неизвестно, LittlePeople добрые или злые. В определенном смысле это выходит за пределы нашего понимания и словесного формулирования. Мы издавна живем вместе с ними. Никогда добро и зло отдельно не существовали. С тех самых времен, когда человеческое сознание только-только зарождалась.

Аомамэ не знала, противостоят друг другу Бог и *LittlePeople* или же они являются разными сторонами чего-то одного целого? Но

понимала, что обязательно должна защитить свое маленькое творение, находящееся в ней, и ради этого должна верить в Бога. Или же должна признать тот факт, что сама верит в него.

Она начала размышлять о Боге. Он не имеет конкретного облика, но одновременно может принимать любое обличие. Как, например, та женщина из ее сна.- Перед ее глазами опять появился обтекаемой формы образ автомобиля «Mercedes-Benz coupe». Новенького автомобиля, только что приобретенного. Из него спустилась изящная женщина средних лет. И на столичной скоростной автостраде сняла с себя и передала голый Аомамэ замечательное весеннее пальто. Тем самым защитила ее от холодного ветра и назойливых человеческих взглядов. После того вернулась в свою серебристую автомашину. Она знала, чтоб Аомамэ несет в себе эмбриона и что та должна его защищать.

Аомамэ начал сниться новый сон. Во сне ее держали под арестом в маленькой белой кубической комнате без окон, с одной дверью. Она лежала навзничь на простенькой постели. Лампа, подвешенная над ним, освещала ее раздутый, словно гора, живот, который, казалось, не был частью ее тела. Но она заблуждалась. Это была она, ее живот, и приближалось время ее родов.

Номер стерегли Лысый и Хвостатый. Эти два типа решили не повторять вторично своей ошибки. Должны были отвоевать потерянное доверие. Им поручили не выпускать Аомамэ из комнаты и никого туда не впускать. Они ожидали рождения *ее маленького создания*. Видимо, собирались забрать его от Аомамэ, как только оно появится на свет.

Аомамэ попыталась закричать. Отчаянно пыталась просить о помощи. Однако комната была построена из особого материала. Стены, пол и потолок моментально поглощали все звуки. Ее крик даже не доходил до собственных ушей. Аомамэ хотела, чтобы пришла женщина из серебристого автомобиля и спасла ее. Ее саму и ее маленькое творение. Однако голос Аомамэ глушили стены белой комнаты.

А *маленькое создание*, получая пищу через пуповину, поминутно росло. Желая вырваться из тьмы, билось ножками о стенки живота. Хотело света и свободы.

У дверей сидел долговязый Хвостатый, положив руки на колени и уставившись в одну точку пространства. Возможно, там висело маленькое твердое облачко. Рядом с кроватью стоял Лысый. Как и в прошлый раз, оба были в черных костюмах. То и дело Лысый поднимал руку и поглядывал на часы - так, будто ожидал с минуты на минуту прибытие на станцию важного поезда.

Аомамэ не могла шевельнуть ни руками, ни ногами. Хотя, кажется, никто ее не связывал веревкой. Кончики пальцев онемели. Она предчувствовала родовые потуги, которые безошибочно приближались, как неминуемо приближается мчащийся поезд. И Аомамэ уже слышала, как легонько вздрагивают рельсы.

И именно тогда она проснулась.

Аомамэ смыла под душем неприятный липкий пот и переделалась в новое, а влажное от пота белье бросила в стиральную машину. Конечно, она не хотела видеть такой сон. Однако этот сон постоянно к ней возвращался. С каждым разом его течение понемножку отличалось. Но место и конец оставались одинаковыми. Белая кубическая комната. Приближение родовых потуг. Два типа в безликих черных костюмах.

Они знают, чтоб Аомамэ носит это *маленькое создание* в себе. А может, потом узнают. И Аомамэ готова, если потребуется, без всяких колебаний всадить свинцовую пулю калибра девять миллиметров в головы Хвостатого и Лысого. Иногда Бог, который защищает ее, обливается кровью.

Раздался стук в дверь. Сидя на стуле в кухне, Аомамэ сжала правой рукой пистолет со спущенным предохранителем. На улице с самого утра падал холодный дождь, который своим зимним запахом окутывал весь мир.

- Господин Такая, добрый день! - сказал человек за дверью, перестав стучать. - Я - знакомый вам служащий из «ННК». Извините за возможные хлопоты, но я снова пришел за абонентской платой. Господин Такая, вы дома, не так ли?

Аомамэ молча стала ему отвечать. Мол, мы звонили в «ННК» и нам сказали, что вы притворяетесь сборщиком платы. Собственно, кто вы такой? И чего вы хотите?

- Человек обязан платить за то, чем пользуется и что получает. Такой общественный закон. Вы получаете электромагнитные волны, а потому должны за это платить. Несправедливо, когда вы что-то получаете, а взамен ничего не платите. Как вор.

Его голос, хрипло, но достаточно четко, разносился по всему коридору.

- Я не руководствуюсь никакими личными мотивами. Не ненавижу вас и не собираюсь наказывать. Просто от рождения не переношу несправедливости. Человек обязан платить за то, что получил. Господин Такая, пока вы не откроете двери, я буду приходить и стучать. Наверное, вы этого не хотите, но этого стука в дверь и не требуется. Я не какой-то полоумный дядька. Если бы мы поговорили, то, наверное, достигли бы какого-то компромисса. Господин Такая, так вы не хотите открыть двери?

На время стук возобновился.

Аомамэ сжимала обеими руками пистолет. «Возможно, этот человек знает, что я забеременела, - подумала она. Ее подмышки и кончик носа вспотели. - Я ни за что не открою двери. Если он попытается открыть ее силой, используя дубликат ключа, отмычку или какой-то инструмент, я выпущу ему в живот все пули, что есть в пистолете».

Ну нет, этого не произойдет. Она это знала. Никто извне не сможет открыть двери. Ибо они отпирались только изнутри. Вот почему этот человек сердится и разглагольствует. Думает, словами испортить ей нервы.

Минут через десять человек ушел. После того, как громко грозил, хитро уговаривал, а напоследок, сердито ругаясь, предупредил, что вновь придет.

- Господин Такая, вы не сможете убежать. Пока вы получаете электромагнитные волны, я обязательно буду приходить. Я так просто не сдаюсь. Такой у меня характер. Ну, до следующей встречи!

Его шаги Аомамэ не услышала. Но за дверью его не было. В этом она убедилась, заглянув в глазок. Поставив пистолет на предохранитель, она пошла в ванную комнату и ополоснула лицо. Рубашка под мышками опять пропиталась потом. Переодеваясь в новую рубашку, Аомамэ стала голой перед зеркалом разглядывать

себя. Живот еще не распух настолько, чтобы привлекать человеческое внимание. Но в его глубине скрывалась важная тайна.

С хозяйкой усадьбы в Адзабу Аомамэ все же поговорила. В тот день Тамару, обсудив с Аомамэ несколько дел, передал трубку хозяйке. Разговор, по крайней мере сначала, не касался непосредственно положения Аомамэ и обходился общими словами.

- Новое место для вас уже приготовлено, - сказала хозяйка. - *Там вы сделаете то, что наметили.* В безопасности регулярно будете получить консультации специалистов. Если захотите, то можете немедленно туда переселиться.

Может быть нужно рассказать старой хозяйке, что люди нацелились на *ее маленькое создание*? То, что во сне два типа из секты «Сакигаке» пытаются отобрать у нее ребенка? И то, что, возможно, у фальшивого сборщика платы «NHK», требующего открыть дверь ее квартиры, была такая же цель? Однако Аомамэ передумала. Она доверяла старой госпоже. Любила и уважала ее. Но сейчас главная проблема в другом: *на какой стороне мира она живет?*

- Как себя чувствуете? - спросила хозяйка усадьбы из Адзабу.

Аомамэ ответила, что все идет хорошо, без проблем.

- Это самое важное, - сказала хозяйка. - Но ваш голос звучит как будто немного по-другому, чем всегда. Может, мне так кажется, но в нем чувствуется какая-то твердая настороженность. Если вас что-то, даже самое малейшее, беспокоит, смело нам сообщайте. Думаю, мы сможем чем-то помочь.

- Возможно, из-за пребывания на одном месте, незаметно для меня, нервы все таки стали пошаливать, - спокойным тоном ответила Аомамэ. - Но не обращайтесь на это внимание, я все свободное время посвящаю сохранению здоровья. Ведь это, как-никак, моя профессия.

- Конечно, - согласилась старая хозяйка и сделала короткую паузу. - Недавно в течение нескольких дней вокруг нашей усадьбы вертелся какой-то подозрительный человек. Особенно интересовался, вроде бы, убежищем для женщин. Те три женщины, видевшие его изображения на мониторе следящей видеокамеры, с ним никогда не сталкивались. Возможно, он разыскивает вас?

Аомамэ слегка нахмурилась.

- Получается, что связь между нами стало известна?

- Не знаю. Но и такая возможность не исключена. У этого человека довольно странная внешность. Большая деформированная голова. Сплюснутая и почти лысая. Невысокого роста, коренастый, с короткими ногами. Не помните такого? Сплюснутую лысую голову?

- С балкона моей квартиры я часто наблюдаю за людьми, проходящими по улице. Но никого, похожего на такого мужчину, не замечала. Говорите, что его внешний вид привлекает к себе внимание?

- Очень. Он напоминает рыжего клоуна, который выступает в цирке. Если они прислали его следить за нашей усадьбой, то их выбор следует назвать странным.

Аомамэ с этим согласилась. Вряд ли секта «Сакигаке» умышленно выбрала человека с такой примечательной внешностью на роль детектива. Ведь они, наверное, не испытывали нехватки кадров. А может этот человек не имеет никакого отношения к секте и они еще не знают о связи между Аомамэ и старой хозяйкой? И все же, собственно, кто он такой и с какой целью следит за женским приютом? Возможно, он такой же, как фальшивый сборщик платы «ННК», который настойчиво стучится в дверь? Конечно, нет оснований считать, что это один и тот же человек. Лишь эксцентричность поведения фальшивого сборщика платы и странная внешность мужчины, слоняющегося возле усадьбы в Адзабу, указывают на какое-то их сходство.

- Как только заметите этого человека, дайте нам знать. Может, необходимо будет принять кое-какие мероприятия.

Аомамэ ответила, что сразу сообщит.

Старая дама снова замолчала. В общем, как-то неожиданно. Потому что во время телефонного разговора всегда вела себя поделовому и никогда времени зря не теряла.

- А вы как себя чувствуете? - невзначай спросила Аомамэ.

- Как всегда, хорошо, - ответила старая дама. Но в ее голосе послышалось легкая неуверенность. Что тоже удивляло.

Аомамэ ждала продолжения разговора.

- Только вот в последнее время стала часто ощущать, что старею. Особенно после того, как вы исчезли, - сказала наконец, через силу, хозяйка.

- Я не исчезла. Я нахожусь здесь, - бодрым голосом сказала Аомамэ.

- Конечно, это правда. Вы там и я могу иногда с вами разговаривать. Но когда мы регулярно встречались и делали упражнения, я, кажется, заряжалась от вас жизненными силами.

- Вы сами имели в себе их естественный запас. Я только помогала вам их методически добывать. И без меня вы сами можете делать подобные упражнения.

- Признаюсь, еще недавно и я так думала, - задумчиво, медленно подбирая слова, сказала старая дама. - Я считала себя особым человеком. Однако время забирает понемногу жизнь у всех людей. Человек не умирает сразу в определенное время. А угасает медленно, изнутри. И только через какое-то время наступает час окончательной расплаты. Никто не может ее избежать. Человек обязан платить за то, что получил. Только теперь я осознала эту истину.

Человек обязан платить за то, чем пользовался. Аомамэ нахмурилась. То же самое сказал тот фальшивый сборщик платы «ННК».

- Я вдруг осознала это тем сентябрьским дождливым вечером, когда не унимался страшный гром, - сухим, бесцветным голосом продолжала хозяйка. - Сидя в своей гостиной и думая о вас, я смотрела, как по небу пробегают молнии. И именно тогда я поняла истину, которую они ярко осветили. В тот вечер я потеряла вас и вместе с этим что-то в себе. Возможно, даже не что-то одно, а многое. Нечто, что было моим стержнем и поддерживало меня как человека.

- Может, в том, что ушло, содержался и гнев? - решительно спросила Аомамэ.

Наступила тишина, похожая на дно высохшего озера.

- То есть, тогда среди всего прочего, что я потеряла, был и гнев? - переспросила старуха хозяйка. - Вы об этом спрашиваете?

- Да, именно так.

Старая дама слегка вздохнула.

- Ответ на ваш вопрос положительный. Там, среди непрестанной грозы я почему потеряла и страшный гнев. По крайней мере, он отступил куда-то далеко. Теперь во мне не осталось состояния, когда он некогда пылал. Взамен пришло нечто похожее на легкую грусть.

Хотя я никогда не думала, что такой гнев когда-нибудь погаснет ... А как вы об этом догадались?

- Потому, что примерно такое же случилось со мной в тот вечер во время непрерывной грозы.

- Вы имеете в виду свой собственный гнев?

- Именно так. Того страшного гнева теперь в себе я не нахожу. Это не значит, конечно, что он полностью исчез, а, как вы говорите, отступил куда-то далеко. Долгое время он занимал в моей душе много места и всю гнал меня.

- Как неутомимый жестокий извозчик, - сказала хозяйка. - Но сейчас он обессилел, а вы забеременели. Так сказать, взамен.

Аомамэ выровняла дыхание.

- Это правда. Взамен у меня есть что-то крохотное. Оно не имеет ничего общего с гневом. И с каждым днем оно становится больше.

- Безусловно, вы должны его оберегать как нечто драгоценное, - сказала хозяйка. - Ради этого вам надо как можно скорее перебраться в безопасное место.

- Вы правы. Но прежде всего, я все-таки хочу закончить одно дело.

Положив трубку, Аомамэ вышла на балкон и сквозь щели в пластиковых жалюзи стала смотреть на улицу и детский парк. Приближался вечер. «Прежде чем кончится 1984 год и они меня заметят, я должна во что бы то ни стало найти Тэнго» - решила она.

Глава 15 . Тэнго

Тайна, которую нельзя открывать.

Выйдя из пивной «Мугиатама», Тэнго в задумчивости, бесцельно бродил какое-то время по улицам. Потом решил пойти в маленький детский парк. Туда, где впервые увидел на небе две Луны. Как и тогда, подняться на детскую горку и попытаться еще раз взглянуть на небо. Чтобы снова увидеть обе Луны, которые, возможно, что-то ему расскажут.

«Когда же в прошлый раз я заходил в тот парк?» - думал на ходу Тэнго. И не мог вспомнить. Время протекало неравномерно, и ощущение временного промежутка не было стабильным. «Видимо, в начале осени ». Он вспомнил, что тогда был одет в тенниску с длинными рукавами. А сейчас декабрь.

Холодный ветер гнал стайку облаков в сторону Токийского залива. Словно сделанные из грязной темной ваты, они застыли в неопределенной форме. То и дело прячась за ними, виднелись две Луны: одна, привычная - желтая, а вторая, новая, маленькая - зеленая. Обе, после полнолуния, уменьшились на одну треть. Маленькая Луна походила на ребенка, который пытается спрятаться за мамину юбку. Две Луны находились почти на том же месте, что и в прошлый раз. Казалось, они терпеливо ожидали возвращения Тэнго.

В вечернем детском парке не было ни души. Уличный люминесцентный фонарь, белее, чем прежде, казался еще холоднее. Ветви дзельквы, совсем без листвы, походили на старые кости, побелевшие под дождем и ветром. В такой вечер могла кричать сова. Но, конечно, в городском парке ее не было. Накинув капюшон штурмовки на голову, Тэнго засунул обе руки в карманы кожаной куртки. Поднялся на детскую горку и, опершись на перила, посмотрел на две Луны, которые то появлялись, то исчезали в просветах облаков. За ними тихо мелькали звезды. Ветер разметал туманную грязь над городом и небо стала чистым-пречистым.

«Собственно говоря, кто сейчас так же, как я, смотрит на две Луны?» - подумал Тэнго. - «Ясное дело , Фукаэри о них знает. Ведь все это началось с нее. Возможно. Однако, кроме нее, никто из его окружения не обратил внимания, что число Лун увеличилось.

Неужели этого еще никто не заметил? А может, и так это всем известно». Во всяком случае, Тэнго никого, кроме своего товарища, который заменял его в подготовительной школе, не спрашивал о Луне. Скорее из предосторожности старался не говорить об этом перед людьми. Слово разговор о Луне - тема, неприличная с моральной точки зрения.

Почему?

«Возможно, Луны этого не хотят?» - подумал Тэнго. Возможно, они доводят до Тэнго какое-то личное послание, и ему *не разрешено* делиться этой информацией с другим человеком.

Однако такое рассуждение выглядело странным. Почему количество Лун может стать личным посланием? Что они хотят ему передать? Все это казалось Тэнго не посланием, а скорее сложной загадкой. Если это так, то кто ее загадывает? И, собственно, кто не позволяет?

Ветер с резким свистом проносился между ветвями дзельквы. Как яростное неровное дыхание, вырывающееся сквозь сжатые зубы человека, узнавшего отчаяние. Не глядя в небо, и невольно слушая свист ветра, Тэнго сидел так долго, что даже оцепенел от холода. Сидел минут пятнадцать? Нет, пожалуй, чуть дольше. Ощущение времени как-то исчезло. Организм, согретый ранее выпитым виски, ооченел, словно одинокий каменный булыжник на морском дне. Облака, одно за другим, неслись на юг. И не было им конца. Наверное, на дальнем севере был неисчерпаемый источник, который их поставлял. Упрямые люди в грубых серых униформах там с утра до вечера молча производили облака. Как пчелы - мед, пауки - паутину, а войны - вдов.

Тэнго взглянул на часы. Было почти восемь. В парке - ни души. Иногда по ближайшей улице спешили люди. Окончив работу, по дороге домой они все шли одинаково. В половине окон нового шестиэтажного многоквартирного дома на той стороне улицы уже горел свет. Холодным зимним вечером освещенные окна согревали душу особенно приятным теплом. Тэнго поочередно прошелся по ним глазами. Как будто с маленькой рыбацкой лодки поглядывал на роскошный пассажирский лайнер, идущий в ночном море. Будто сговорившись, жители заслонили все окна шторами. С детской горки холодного вечернего парка этот дом казался иным миром. Миром,

построенным на других принципах и управляемым другими законами. За теми шторами люди жили обычной, возможно, даже спокойной и счастливой жизнью.

Обычной жизнью?

Образ «обычной жизни» в воображении Тэнго был стереотипным, лишенным глубины и ярких красок. К примеру, родители, скажем, с двумя детьми. На матери фартук. Разговор за вечерним столом, на котором дымится горячее блюдо в кастрюле ... И все. В этот момент фантазия Тэнго наткнулась на твердую стену. О чем, собственно, говорят члены *обычной семьи* за столом? Что касается его самого, то он не припоминал, чтобы когда-нибудь разговаривал о чем-то с отцом за столом. Каждый из них в удобное для него время просто молча набивал в себя еду. Поэтому такую процедуру трудно было назвать семейным ужином.

Закончив осмотр освещенных окон многоквартирного дома, Тэнго еще раз поднял глаза на Луны. Но сколько не ждал, ни один из месяцев не собирался ему что-то рассказывать. Обратив к нему свои равнодушные лица, они висели неразлучно в небе, как параллельные строки стихотворения, которые нуждались в исправлениях. Они сообщали ему только то, что сегодня никакого послания не будет. Стая облаков пересекала небо, неутомимо направляясь на юг. Разнообразной формы и размеров, они приплывали и уплывали. Среди них были и такие, которые имели интересный вид. Казалось, они имеют свои мысли. Маленькие, твердые, с четкими очертаниями. Однако Тэнго хотел знать, о чем думают Луны, а не облака.

Наконец он поднялся, расправил руки, ноги и волей-неволей спустился с детской горки. Решил удовлетвориться, по крайней мере тем, что количество Лун не изменилась. Не вынимая рук из карманов кожаной куртки, покинул парк и медленно, широкими шагами, отправился домой. По дороге вспомнил про Комацу. Надо с ним вскоре поговорить. Хоть немного уладить случившееся между ними. Да и Комацу хотел в ближайшее время о многом поговорить с Тэнго. Хотя по оставленному ему номеру в санатории в Тикури Комацу не позвонил. Тэнго решил, что попробует позвонить ему сам, завтра. Но прежде нужно сходить в подготовительную школу и прочитать письмо, которое Фукаэри передала товарищу.

Запечатанный лист Фукаэри лежал в ящике стола. По сравнению с прочным конвертом письмо оказалось коротким, написанным синей шариковой ручкой на половине листа знакомой клинописью, как на глиняных пластинах Месопотамии. Тэнго знал, что она потратила много времени, чтобы вывести на бумаге эти иероглифы.

Он несколько раз перечитал это письмо. Фукаэри написала, что должна уйти с его квартиры. *Немедленно*. Потому что, мол, за нами следят. Это слово она густо подчеркнула. Страшно красноречивое подчеркивание.

Она не объяснила, откуда узнала, что за «нами» кто-то следит. Похоже, в ее мире, скорее асего, не принято четко излагать факты, а принято пользоваться намеками и загадками, пробелами и искажениями, как во время поисков по карте сокровищ, спрятанных морскими пиратами. Так же, как в оригинале «Воздушного кокона».

Впрочем, вряд ли Фукаэри собиралась только намекать и говорить загадками. Для нее это был совершенно естественный способ выражения. Она могла передать человеку свои представления и мысли только с помощью подобного набора слов и грамматических правил. Чтобы объясняться с ней, надо было привыкнуть к такой грамматике. Чтобы воспринять ее послание, надо было мобилизовать все свои способности и дополнить всем, чего в письме не хватает.

Однако в последнее время Тэнго привык верить ее заявлениям, которые, как правило, оказывались истинными. Возможно, когда она говорит, что *за нами следят*, то это правда. И когда она чувствует, что должна уйти из его квартиры, то, значит, настало время, чтобы она это сделала. С этим общим фактом Тэнго соглашался. Но удастся ли самому потом увидеть эти предпосылки, подробности и основания, он мог только предполагать. А возможно, он с самого начала просто с ее высказываниями соглашался.

За нами следят!

Неужели это означает, что люди из секты «Сакигаке» нашли Фукаэри? Они узнали об ее отношениях с Тэнго. Докопались до того факта, что по просьбе Комацу он переделал «Воздушный кокон». И именно поэтому Усикава решил приблизиться к Тэнго. Таким хитрым способом (все еще не понятно, почему) они собирались поставить его в зависимость от них, и привести его под свое влияние. Учитывая это, не исключено, что они установили наблюдение за квартирой Тэнго.

Однако, если это правда, то на такое слежение они потратили слишком много времени. Ведь Фукаэри провела в квартире Тэнго, практически не выходя из дома, почти три месяца. Как организованные люди, они имели реальную силу. Поэтому, если бы захотели ее поймать, то могли бы сделать это в любое время. И не пришлось бы тратить время на наблюдение за квартирой Тэнго. Если же они действительно следили за Фукаэри, то, наверное, не упустили бы того момента, когда она, собрав свои пожитки, покинула квартиру Тэнго, зашла в подготовительную школу в Йойоги и, передав письмо его товарищу, уехала куда-то. Пытаясь найти в их поведении хоть какую-то логику, Тэнго почувствовал, что в его голове наступил полный беспорядок. Не исключено, что они хотели поймать Фукаэри. Но потом в определенный момент, возможно, переключились на достижение другой цели. Может быть теперь они ищут кого-то другого, связанного с ней. Возможно, по какой-либо причине Фукаэри перестала быть угрозой для секты «Сакигаке». Однако если это так, то почему сейчас они должны следить за квартирой Тэнго?

С телефона-автомата подготовительной школы Тэнго позвонил Комацу в издательство. Было воскресенье, но он знал, что тот даже в выходные дни с удовольствием ходит на работу. Дескать, тогда приятно находиться в издательстве, когда там так мало людей. Однако трубку никто не взял. Тэнго взглянул на часы. Еще не было одиннадцати утра. Так рано Комацу в издательстве не являлся. В любой день он принимался за работу после того, как солнце переходило через зенит.

Сидя в школьной кафетерии и попивая жидкий кофе, Тэнго еще раз перечитал письмо Фукаэри - текст, как всегда, написанный мелким шрифтом, без знаков препинания и абзацев.

Тэнго вы читаете это письмо после того как вернулись из кошачьего города

это хорошо но за нами следят поэтому я должна уйти из этой квартиры

и немедленно обо мне можете не беспокоиться но здесь я больше не могу

оставаться как я уже ранее говорила человек которого вы ищете недалеко

куда можно дойти пешком но будьте очень осторожны потому что за вами

кто-то следит »

Прочитав это письмо, похожее на телеграмму, в третий раз, он сложил его и засунул в карман. Написанный в привычном стиле, на этот раз его текст показался весьма достоверным. Кто-то за ним, Тэнго, следит. Теперь он воспринимал это как твердо установленный факт. Тэнго поднял голову и посмотрел на кафетерий подготовительной школы. Было время лекций, а потому в кафетерии было почти пусто. Лишь несколько студентов читали учебники и что-то записывали в тетрадь. Человека, который украдкой мог бы за ним следить, Тэнго не заметил.

Главная проблема состояла в следующем. Если *они* следят не за Фукаэри, то тогда за кем? За самим Тэнго или за его квартирой? Именно об этом он думал. Конечно, все это не выходило за рамки предположений. Однако ему казалось, что они, возможно, им не интересуются. Ведь Тэнго выполнил лишь техническую роль - по чужой просьбе исправил текст «Воздушного кокона». Поскольку книга вышла в свет, приобрела общественный резонанс, а впоследствии о ней забыли, то Тэнго давно лишился своих обязанностей. Поэтому сейчас по какой-то причине им кто-то должен интересоваться?

Фукаэри, наверняка, из его квартиры на улицу почти не выходила. И если *она почувствовала на себе чей-то взгляд*, то это означает только одно - его квартира находится под наблюдением. Но откуда можно за ней следить? В его квартиру на третьем этаже в густонаселенном районе, как ни странно, ниоткуда никому не удалось бы заглянуть. Именно это было одной с причин, почему он охотно так долго в ней жил. И его замужняя подруга высоко оценивала эту особенность. «Несмотря на внешний вид дома, - говорила она, - эта квартира удивительно успокаивает. Чувствую себя, как дома ».

Под вечер к окну прилетала большая ворона. О ней говорила и Фукаэри по телефону. Сидя на узком наружном подоконнике, она терлись о стекла своими черными, как смола, большими крыльями.

Своим ежедневным заданием она считала провести определенное время у окна квартиры Тэнго, прежде чем возвращаться в свое гнездо. Казалось, она в самом деле интересовалась внутренним видом его квартиры. Быстро поводя своими большими черными глазами, она сквозь щель между шторами, выискивала нужную информацию. Вороны - умные существа. Страшно любознательные. Фукаэри сказала, что может с ними разговаривать. Но, как ни крути, вряд ли это ворона, по чьему-то поручению, разведывает, что происходит внутри.

В таком случае, собственно, откуда они следят за квартирой?

По пути со станции домой Тэнго зашел в супермаркет и купил продуктов - овощей, яиц, молока и рыбы. С бумажным пакетом под мышкой он остановился перед входной дверью дома и для верности оглянулся вокруг, но ничего подозрительного не заметил. Обычный непривлекательный пейзаж. Электрические провода, повисшие в воздухе, словно темные кишки животных, увядшая трава в узком палисаднике, проржавевшие почтовые ящики... Тэнго прислушивался, но, кроме специфически городского непрерывного шума, похожего на легкий шелест птичьих крыльев, ничего не услышал. Зайдя в квартиру, выложил продукты на стол, подошел к окну и, открыв шторы, посмотрел внимательно на улицу. Через дорогу стояли три старых дома. Двухэтажные, тесно расположенные на маленькой территории. Их владельцы, все очень старого возраста, принадлежали к типично древним жителям. Они, люди с недовольным выражением лица, не любили изменений. И в любом случае не впустили бы к себе, в свой двухэтажный дом, любого незнакомца. Кроме того, оттуда, даже при самых благоприятных усилиях, можно было заметить лишь часть потолка в квартире Тэнго.

Закрыв окно, Тэнго вскипятил воды и приготовил кофе. Попивая его за кухонным столом, он так размышлял над различными возможностями: «Кто-то рядом за мной следит. А недалеко отсюда, куда можно пойти пешком, находится (или находилось) Аомамэ. Существует ли между этими двумя предложениями связь? Или это случайное совпадение? » Но сколько он не думал, ни до какого вывода не мог прийти. Его мысли крутились по кругу так же, как

несчастливая лабораторная мышь, подстегиваемая запахом сыра в лабиринте со всеми закрытыми выходами.

Хочешь не хочешь, но Тэнго перестал думать об этой гипотетической связи и, открыв газету, которую купил в станционном киоске, пробежал глазами страницы и заголовки статей.

Рональд Рейган, этой осенью переизбранный на пост президента, называл премьер-министра Ясухаро Накасонэ коротко Ясу, а премьер-министр президента - Рон. Возможно, была виновата в этом фотография, но они напоминали подрядчиков-строителей, тайно договаривающихся, как заменить качественные строительные материалы чем-то дешевым и низкосортным. Все еще продолжались беспорядки в Индии, вызванные коварным убийством Индиры Ганди, в разных местностях сикхи испытали на себе последствия жестокой мести. Как никогда ранее, в Японии уродились яблоки. Однако ни одна статья лично Тэнго не заинтересовала.

Дождавшись, когда стрелки часов показали два часа, он еще раз позвонил Комацу на работу.

Лишь после двенадцати звонков Комацу поднял трубку. Как всегда. Неизвестно почему он так просто не берет ее в руки.

- Тэнго, я давно тебя не видел, - сказал он. Его манера говорить осталась такой же, как прежде. Плавной, немного наигранной и невнятной.

- Последние две недели я взял отпуск на работе и поехал в префектуру Тиба. Только вчера вечером вернулся.

- У отца состояние здоровья плохое? Или что-то с ним случилось?

- Да нет. Ничего не случилось. Просто он находится в коме, и я, теряя время, днем сижу рядом и смотрю на его бесчувственное лицо. А позже в гостинице писал роман.

- Значит, он то-ли живой, то-ли мертвый. Беда, да и только.

Тэнго сменил тему разговора.

- Кажется, вы говорили, что у вас вроде есть что-то мне рассказать. Говорили достаточно давно, во время последнего разговора.

- Это правда, - ответил Комацу. - Я хотел бы с тобой встретиться и неторопливо поговорить. Свободное время будет?

- Конечно, если дело важное, то, может, встретимся как можно скорее?

- Возможно, так было бы лучше.

- Сегодня вечером я свободен.

- Сегодняшний вечер мне подходит. Я также не занят. Как насчет семи часов?

- Это меня устраивает, - ответил Тэнго.

Комацу назвал бар возле издательства, в котором Тэнго неоднократно бывал.

- Он работает и в воскресенье, когда почти нет посетителей. Там можно спокойно поболтать.

- Разговор будет долгим?

Комацу задумался.

- Да как тебе ответить? Правду говоря, я и сам заранее не знаю, будет он длинный или короткий.

- Хорошо. Если вы захотите, расскажите все не спеша. Пообщаемся. Потому как, что ни говорите, мы оказались в одной лодке, не так ли? Или вы уже пересели в другую лодку?

- Нет, - как никогда серьезно ответил Комацу. - Мы и сейчас находимся в той самой лодке. Итак, встретимся в семь. Тогда и расскажу обо всем подробно.

Положив трубку, Тэнго сел за стол, включил электронную печатную машинку и начал переносить на экран, в ее память, текст, который написал авторучкой на бумаге в отеле Тикури. Перечитывая листы бумаги, он вспоминал пейзажи городка. Санаторий, лица трех медсестер. Морской ветер, качавший сосновый бор. И белых чаек, которые над ним кружили.

Тэнго встал из-за стола, отдернул шторы, открыл стеклянную дверь и вдохнул грудью прохладного воздуха.

Тэнго вы читаете это письмо после того как вернулись из кошачьего города это хорошо - так написала в письме Фукаэри. Но за этой квартирой, куда он вернулся, кто-то следит. Кто следит и откуда - неизвестно. Может, в ней установлена скрытая видекамера?

Обеспокоившись этим, Тэнго осмотрел все закоулки. Но, конечно, не обнаружил ни скрытой видекамеры, ни «жучка». Как-никак, это старая тесная квартира, в которой такие вещи бросились бы в глаза.

Тэнго печатал за столом свой роман, пока вокруг не стемнело. Поскольку слова в тексте приходилось не просто переписывать справа налево, но иногда и менять, эта работа отняла больше времени, чем он надеялся. Отдыхая, он зажег настольную лампу и подумал, что сегодня почему-то не прилетела ворона. Если бы прилетела, то он услышал бы шум. Так как она обычно терлась большими крыльями о стекло. Вследствие этого оставляла на нем легкие жирные следы, похожие на код, который требовал расшифровки.

В половине шестого, решив перекусить, Тэнго приготовил простое блюдо. Аппетита не испытывал, но днем почти ничего не ел. Все же, видимо, стоит что-то закинуть в желудок. Сделал салат из помидоров и морской капусты и съел его вместе с тостом. В шесть пятнадцать надел коричнево-зеленый вельветовый пиджак поверх черного свитера с высоким воротником и вышел из дома. На выходе из дома остановился и еще раз посмотрел вокруг, но не заметил ничего, что могло бы привлечь внимание. Ни мужчины, спрятавшегося за телеграфным столбом. Ни припаркованного подозрительного автомобиля. Даже ворона не прилетела. И - наоборот - это еще больше встревожило Тэнго. Казалось, что *все незнакомые люди* вокруг действительности украдкой за ним следят. И домохозяйки, проходившие мимо с корзинкой, и молчаливый старичок, который выгуливал собаку, и даже ученики средней школы, которые мчались мимо на велосипеде с теннисной ракеткой на плече - все они, видимо, умело замаскированные агенты «Сакигаке».

«У страха глаза велики, - подумал Тэнго. - Надо быть осторожным, но не очень нервничать ». Он быстро направился к станции. Иногда на мгновение оглядывался, чтобы проверить, не преследует ли его кто-нибудь. Если бы кто-то преследовал, то Тэнго, наверное, заметил. Так как от рождения имел зоркие глаза с широким полем зрения. После того, как он трижды осмотрелся и убедился, что никто его не преследует, он успокоился.

В бар - место условленной встречи с Комацу - он прибыл без пяти минут семь. Комацу еще не пришел, и Тэнго оказался, очевидно, первым посетителем бара после его открытия. В большом горшке на стойке торчали яркие цветы, своими свежесрезанными стеблями распространяя вокруг особый запах. Тэнго сел в дальний уголок и

заказал кружку светлого пива. Вынул из кармана пиджака книжку карманного формата и стал читать.

В пятнадцать минут восьмого появился Комацу. На нем поверх тонкого кашемирового свитера был твидовый пиджак, кашемировое кашне, шерстяные брюки и замшевые туфли. Привычная внешность. Все вещи качественные, подобраны со вкусом, но уже достаточно сношенные. Эта одежда казалась на нем неизменной частью его тела. Тэнго никогда не видел на Комацу чего-либо абсолютно нового. Возможно, он спал или валялся на полу в только-что купленном костюме. Может, неоднократно сам стирал руками и сушил в тени. И хотя его одежда была довольно поношенной и поблекшей, Комацу показывался в ней перед людьми с таким выражением лица, что все сразу понимали - этот человек не придает одежде никакого значения. Во всяком случае, одетым в такую одежду, он производил впечатление опытного редактора-ветерана и никого другого.

Комацу сел напротив Тэнго и тоже заказал кружку светлого пива.

- Кажется, у тебя все хорошо, не правда ли? - сказал Комацу. - Новый роман успешно пишется?

- Понемногу.

- Это - самое главное. Писатель растет только благодаря тому, что не перестает писать. Так же, как гусеница остается гусеницей, пока не перестает есть листья. Как я уже говорил, тот факт, что ты взялся переделывать «Воздушный кокон », благоприятно повлиял на твоё творчество. Разве нет?

Тэнго кивнул.

- Это правда. Мне думается, что благодаря этой работе я научился кое-чему важному в отношении художественного произведения. Стал видеть то, чего до сих пор не замечал.

- Не хочу хвастаться, но я хорошо понимал, что тебе такая возможность была нужна.

- Но из-за этой истории у меня возникла не одна неприятность. Вы же знаете.

Скривив губы так, что они стали казаться похожими на серп месяца в новолуние, Комацу загадочно улыбнулся.

- За приобретение чего-то драгоценного человек обязан платить. Таков закон в мире.

- Возможно. Однако не всегда удается различить, что такое драгоценная вещь, а что плата. Зачастую они страшно перепутаны между собой.

- Действительно в мире все перепутано. Как в телефонном разговоре, когда кто-то посторонний случайно присоединяется к линии. Да, ты прав, - сказал Комацу и насупил брови. - Кстати, ты знаешь, где сейчас находится Фукаэри?

- Где сейчас - не знаю, - подбирая слова, ответил Тэнго.

- *Сейчас*, - многозначительно повторил Комацу.

Тэнго молчал.

- Но до недавнего времени она жила в твоей квартире, - сказал Комацу. - Так говорят.

Тэнго кивнул.

- Это правда. Месяца три жила в моей квартире.

- Три месяца - это долго, - сказал Комацу. - Но ты никому об этом не говорил.

- Не говорил, потому что она просила никому не говорить. Даже вам.

- Но сейчас ее там нет.

- Это правда. Когда я находился в Тикури, она, оставив письмо, покинула квартиру. И где она сейчас, я не знаю.

Комацу вытащил сигарету и, взяв ее в рот, чиркнул спичкой. Прищуренными глазами посмотрел в глаза Тэнго.

- После этого Фукаэри возвратилась в дом Эбисуно-сенсея. В горы возле станции Фугаматао, - сказал он. - Эбисуно-сенсей взял назад обращение в полицию о ее розыске. Поскольку она, как бы, сама куда-то уехала, и никто ее не похищал. Полиция, видимо, ее уже допрашивала. Отчего она исчезла? Где и что делала? Все-таки, как-никак, она несовершеннолетняя. В ближайшее время, возможно, об этом в газетах появятся статьи. Что, мол, к счастью, нашлась молодая писательница, которая на долгое время куда-то исчезала. Статьи появятся, но, думаю, не очень большие. Ведь ясно, что ни о каком-то преступлении речи быть не может.

- Пожалуй, может выясниться, что она нашла приют в моей квартире?

Комацу отрицательно покачал головой.

- Нет. Твоей фамилии она, думаю, не назовет. Потому что у нее такой характер. Если она решила молчать, то не скажет никому - ни полиции, ни военной жандармерии, ни революционному совету, ни матери Терезе. Так что можешь об этом не беспокоиться.

- Да я не беспокоюсь. Я только хотел бы знать, как будут развиваться события.

- Во всяком случае, твоя фамилия не всплыла на поверхность. Будь спокоен, - сказал Комацу. Потом его лицо приняло суровое выражение. - Вообще-то, я хотел бы спросить тебя об одной вещи. Немного неудобной.

- Неудобной?

- Так сказать, личной.

Тэнго глотнул пива и поставил кружку на стол.

- Хорошо. Отвечу, как смогу.

- Ты был с Фукаэри в сексуальных отношениях? Когда она нашла убежище в твоей квартире. Можешь сказать «да» или «нет»?

Сделав паузу, Тэнго медленно покачал головой.

- Мой ответ - «нет». Таких отношений у нас не было.

Тэнго интуитивно решил, что в любом случае не должен говорить никому о произошедшем между ним и Фукаэри в ту грозовую ночь. Это была тайна, которую нельзя открывать. Этого не позволено рассказывать. Кроме того, это событие вообще нельзя назвать половым актом. Они оба тогда не испытывали сексуального влечения в общепринятом смысле этого слова.

- То есть ты говоришь, - повторил Комацу, - что не имел с ней половых отношений?

- Не имел, - сухо подтвердил Тэнго.

Край носа Комацу слегка поморщился.

- Я не сомневаюсь в правдивости твоих слов, но прежде чем сказать "нет", ты на мгновение загнулся. Казалось, будто заколебался. Я прав, нечто подобное в тебе происходило? И я вовсе не собираюсь тебе упрекать. А хотел бы воспринять это как факт.

Тэнго посмотрел Комацу прямо в глаза.

- Колебания не было. А только какое-то немного странное ощущение. Мол, почему это вас так интересует, имел я с Фукаэри сексуальные отношения или нет. Вы же никогда не вмешивались в чужую личную жизнь. Скорее держались в стороне от таких дел.

- Да, вроде бы все верно, - сказал Комацу.

- Так почему же теперь это вас волнует?

- Конечно, не мое это дело, с кем ты спишь и что делает Фукаэри.

- Комацу почесал пальцем край носа. - Как ты и сам верно отметил. Но, как известно, Фукаэри выросла в других, не в таких как обычные дети, условиях. Как бы это лучше выразиться ... Каждое ее действие порождает определенное следствие.

- Какое следствие?

- Рассуждая логически, можно, конечно, сказать, что всякое действие любого человека порождает, в конце концов, определенный результат, - сказал Комацу. - Но в случае Фукаэри это следствие гораздо глубже. Она, определенно, наделена такой необычной особенностью. Поэтому мы должны знать все, более-менее надежные факты, касающиеся Фукаэри.

- Кто конкретно «мы»? - спросил Тэнго.

Комацу смутился. Что, само по себе, было удивительным.

- По правде говоря, знать, были ли между тобой и Фукаэри половые отношения, хотел не я, а Эбисуно-сенсей.

- Эбисуно-сэнсэй тоже знал, что Фукаэри находилась в моей квартире?

- Конечно. Знал в тот же день, как только она появилась у тебя. Она подробно сообщала ему, где находится.

- А я этого не знал, - удивился Тэнго. Ведь она говорила, что никому не сообщает о месте своего пребывания. Однако теперь это уже не имело значения. И Тэнго продолжил, - Я не могу этого понять. Эбисуно-сенсей как ее фактический опекун и защитник в привычных условиях, возможно, как-то и беспокоился о ней. Но в такое тревожное время важнейший вопрос для него должен быть - защищена ли она, и находится ли она в безопасном месте! Трудно поверить, что среди первостепенных забот сенсея ее девственность стоит в списке на первом месте.

Комацу скривил губы.

- Да, я хорошо понимаю нынешние обстоятельства. Просто это сенсей попросил меня узнать при встрече с тобой, была ли между вами физическая близость, или нет. Поэтому я тебя и спросил и получил ответ - «нет».

- Это правда, между мной и Фукаэри не было физической близости, - глядя в глаза собеседнику, четко сказал Тэнго. Он не осознавал, что врет.

- Если так, то хорошо. - Комацу взял в рот сигарету «Marlboro» и, прищулив глаза, зажег от спички. - Хотя, это можно было понять.

- Фукаэри действительно красивая девушка, привлекающая к себе внимание людей. Но, как вы сами знаете, я и так попал в переплет. И то, не по своей воле. Так зачем мне лишние хлопоты? Кроме того, я во время для такого общения имел женщину.

- Понятно, - сказал Комацу. - В этой ситуации ты поступил разумно. И убедительно говоришь. Так и передам сенсею. Извини, что задал такой странный вопрос. Не переживай и не задумывайся об этом.

- Да я особо и не переживаю. Просто удивился, почему именно сейчас возникла такая тема в разговоре, - сказал Тэнго и сделал короткую паузу. - Господин Комацу, так что вы мне хотели рассказать?

Комацу допил пиво и заказал у бармена виски с содовой.

- Что ты будешь пить? - спросил он у Тэнго.

- То же самое, - ответил Тэнго.

Бармен принес два высоких стакана виски с содовой.

- Прежде всего, - сказал Комацу после продолжительного молчания, - надо как можно скорее распутать сложный узел положения, в котором мы оказались. Потому, что ни говори, мы все еще находимся в одной лодке. Мы - это четверо людей: ты, я, Фукаэри и Эбисуно-сенсей.

- Неплохая компания, - сказал Тэнго.

Однако Комацу, кажется, не почувствовал в этих словах иронии. Видно, сосредоточил свое внимание на том, что должен был рассказать.

- У каждого в этой четверке был свой умысел, когда он присоединился к этому делу, и не обязательно они вместе направляли свои усилия в одном направлении. Другими словами, не все в одном ритме и под одинаковым углом орудовали веслами, - сказал Комацу.

- Получается, что подобная компания не годилась для совместной работы.

- Наверное, и так можно сказать.

- И стремительное течение понесло лодку к водопаду.

- Стремительное течение понесло лодку к водопаду, - согласился Комацу. - Не буду оправдываться, но в самом начале план был прост. Книга «Воздушный кокон», которую написала Фукаэри, а ты переработал, получила премию молодого автора от литературно-художественного журнала. Она успешно продавалась в виде напечатанного издания. Мы достаточно много людей обманули. И заработали денег. И в шутку, и всерьез, но по-деловому. Такая была наша цель. Но когда Эбисуно-сэнсэй, ее опекун, присоединился к этому делу, все вдруг осложнилось. Несколько подводных сюжетных линий перепутались, и течение ускорило свой бег. Да и твоя переработка оказалась намного совершеннее, чем я надеялся. Благодаря этому книга получила положительную прессу и разошлась с невероятной скоростью. И вследствие этого нашу лодку отнесло в неожиданное место. Немного рискованное.

Тэнго слегка кивнул головой.

- Не немного рискованное, а *крайне опасное*.

- Пожалуй, что и так.

- Не говорите таким тоном, будто это вас не касается. Разве не вы придумали этот план и начали его осуществлять?

- Ты прав. Это я придумал и запустил его. Сначала все шло гладко. Но, к сожалению, я потом постепенно потерял контроль. Конечно, я чувствую ответственность за это. Особенно за то, что втянул сюда и тебя. Потому что, кажется, я уговорил тебя силой и под давлением. Теперь нам нужно остановиться и перестроить свои позиции. Лишние вещи выбросить и план упростить настолько, насколько можно. Нам надо определить, где мы сейчас и как нам действовать дальше.

После этих слов Комацу вздохнул и глотнул виски с содовой. Потом взял в руки стеклянную пепельницу и длинным пальцем внимательно, будто слепой, который на ощупь подробно распознает форму предмета, погладил ее поверхность.

- Если хочешь знать, я был в одном месте под арестом в течение семнадцати-восемнадцати дней, - начал свой рассказ Комацу. - С конца августа до половины сентября. Однажды после полудня я шел на работу по соседней от моего дома улице, ведущей к станции Готокудзи. Вдруг стекло большого черного автомобиля,

остановившегося рядом со мной, опустилось и кто-то назвал мою фамилию: «Господин Комацу, это вы?"

Когда я, подумав: «Кто бы это мог быть?» - подошел к автомобилю, из него выскочили два крепыша и затащили меня внутрь. Они связали мне сзади руки, а третий дал понюхать хлороформ. Все было совсем, как в кино. Хлороформ или что-то подобное действительно подействовал. Когда я проснулся, то увидел, что меня заперли в узкой, без окон, комнате кубической формы с белыми стенами, с маленькой кроватью и деревянным столиком, но без стула. Я лежал на кровати.

- Вас похитили? - спросил Тэнго.

Ощупав пепельницу, Комацу положил ее на стол и посмотрел прямо на Тэнго.

- Да, весьма ловко похитили. Как в известном фильме «Коллекционер». Большинство людей в мире и не думают, что однажды их могут похитить. И мысли такой не допускают. Правда? Но когда тебя похитили, то... как бы это лучше выразиться?. Создается впечатление чего-то сюрреалистического. В голове только один вопрос. - Неужели меня действительно кто-то похитил? Разве можно в такое поверить?

Комацу смотрел на Тэнго так, будто требовал от него ответа. Однако этот вопрос был чисто риторическим. Тэнго молча ждал продолжения рассказа. стакан с виски и содовой, оставленный на столе, так запотел, что подставка под ним стала влажной.

Глава 16 . Усикава

Способная, выносливая и бездушная машина

На следующее утро, как и накануне, Усикава пристроился у подоконника и через щель в шторах и дальше вел наблюдение. Из дома выходил, казалось, вообще почти тот же самый состав людей, который вчера вечером вернулся домой. Их лица все еще были мрачные, а спины ссутулившиеся.

Видно, они чувствовали себя усталыми уже тогда, когда новый день еще только-только начинался. Среди этих людей Тэнго не было. Однако Усикава, то и дело нажимая на затвор фотоаппарата, снимал лица каждого человека, проходившего в поле зрения. Пленки он имел достаточно, а успешное фотографирование требовало практики.

Проследив за основной массой людей, которые с утра отправились на работу, Усикава вышел из дома и зашел в ближайший телефон-автомат. Набрал номер подготовительной школы в Йойоги и попросил позвать Тэнго. Женщина, которая взяла трубку, сказала, что Кавана-сенсей десять дней назад взял отпуск.

- Из-за болезни или по какой-то другой причине?

- Нет. Поехал в префектуру Тиба в связи с плохим состоянием здоровья кого-то из родных.

- А когда вернется, не знаете?

- Мы его об этом не спрашивали.

Поблагодарив женщину, Усикава положил трубку.

Среди родных Тэнго значился только отец, бывший сборщик абонентской платы «NHK». О матери Тэнго все еще ничего не знал. По данным Усикавы, отношения Тэнго с отцом никогда не были хорошими. Тем не менее, чтобы присмотреть за больным отцом, Тэнго отпросился с работы на более чем десять дней. Это было нечто непостижимое. Собственно говоря, почему его отвращение к отцу так быстро ушло и отношение его к нему изменилось? Интересно, какая у отца болезнь и в какой больнице префектуры Тиба он лечится? Это можно было бы расследовать, но в таком случае пришлось бы терять полдня и таким образом прервать наблюдение за квартирой Тэнго.

Усикава колебался. Если Тэнго выехал за пределы Токио, то наблюдение за теми, кто входит в дом, утратило всякий смысл.

Возможно, было бы разумно бросить наблюдение и начать поиски в другом направлении. Скажем, узнать адрес больницы, где лежит отец Тэнго, или еще немного углубиться в биографию Аомамэ. Познакомиться с ее университетскими однокурсниками или служащими фирмы, где она работала, и поговорить с ними лично. Может, удалось бы наткнуться на некие новые следы?

Однако после недолгого раздумья Усикава решил и дальше следить за домом. Потому что, во-первых, если бы прервал слежение, то испортился бы только рожденный жизненный ритм. Пришлось бы еще раз начинать все сначала. А во-вторых, последствия поиска больницы и знакомых Аомамэ вряд ли стоят затраченных немалых усилий. На собственном опыте Усикава убедился, что его личные расследования хоть и дали какие-то результаты, но, как неудивительно, никуда не вели. В-третьих, его интуиция настоятельно требовала, чтобы он отсюда не уходил. Спокойно сидя, надо внимательно, никого не пропуская, наблюдать за теми, кто проходит через двери дома. Так поучала простая интуиция, издавна содержащаяся в сплюсненной голове Усикавы.

«И дальше наблюдать за этим домом независимо от того, есть ли в нем Тэнго, или нет, - рассуждал Усикава. - Пока Тэнго вернется, я запомню лица всех, без исключения, жителей, которые ежедневно заходят в дом или выходят из него. Если я узнаю, кто в нем живет, то, естественно, с первого взгляда узнаю чужака. Я - плотоядное существо. А оно должно быть очень выносливым. Слиться со средой и обеспечить себя разнообразную информацию о жертве».

Примерно в двенадцать, когда был минимум людей, входивших в дом и уходивших из него, Усикава вышел во двор. Чтобы хоть немножко замаскироваться, натянул на голову вязаную шапку, а шею обвил шарфом до самого носа, и все равно его внешний вид привлекал к себе человеческие взгляды. Вязаная бежевая шапка на его большой голове была подобна грибной. Зеленый шарф казался ужом, что обвивался вокруг шеи. Никакой скрытности Усикава этим не добился. Кроме того, шапка и шарф совсем не подходили друг к другу.

Усикава зашел в пристанционную фотомастерскую и проявил две фотопленки. Затем в ресторанчике заказал гречневую лапшу с рыбой, зажаренной в тесте. Он давно уже не кушал горячего блюда. Лапшу с

рыбой съел с большим аппетитом и до последней капли выпил бульон. Справившись с едой, почувствовал в теле столько тепла, что даже вспотел. Опять напялив на голову вязаную шапку и обмотав шею шарфом, Усикава пешком вернулся в квартиру. А потом, покуривая сигарету, разложил на полу распечатанные фотографии. Сравнил между собой людей, которые вечером вернулись домой, с теми, что утром вышли из дома, и фото с похожими лицами составлял вместе парами. Чтобы легко запомнить, каждой паре давал соответствующее имя, записывая его на фотографии фломастером.

Когда утром все ушли на работу, у входа в здание почти не было видно его жителей. Парень, похожий на студента, с сумкой через плечо торопливо вышел из дома в десять утра. Вышли также старик лет семидесяти и женщина лет двадцати пяти, но они оба вернулись обратно с пакетами продуктов, купленных в супермаркете. Усикава сфотографировал и их. Перед обедом прибыл почтальон и разложил корреспонденцию в почтовых ящиках на входе в дом. Приехал курьер с картонной коробкой в руках, зашел в дом и через пять минут вышел на улицу с пустыми руками.

Ежечасно Усикава отходил от фотоаппарата и в течение пяти минут делал разминку мышц. Наблюдение, увы, прерывалось, но избежать этого, работая в одиночку, было невозможно. Важнее задача состояла в том, чтобы не переутомиться. Длительное пребывание в одной позе ослабляло мышцы, в в случае чего, ему нужно будет быстро реагировать. Усикава, умело шевеля руками и ногами, наполнял силой свое неуклюжее тело, словно Дзамудза [16], ставший букашкой, и как только мог, разминал свои мышцы.

Чтобы не заскучать, он слушал в наушниках местную радиостанцию на средних волнах, утреннюю программу, рассчитанную на домохозяйек и пожилых людей. Участники передачи сыпали избитыми шутками, взрывались бессодержательным смехом, высказывали глупые, банальные мысли, знакомили с музыкой, от которой хотелось заткнуть уши. А также громко рекламировали товары, которые никому не нужны. По крайней мере, так казалось Усикаве. Но все равно ему хотелось слушать человеческую болтовню. Так как испытывал на ней свою выносливость. И для чего это люди производят такие ерундовые программы и с помощью электромагнитных волн распространяют по стране?

Впрочем, разве он сам, Усикава, участвует в особо благородной, продуктивной работе? Сидя в дешевой квартире и, спрятавшись за шторами, украдкой фотографируя людей. Разве он имеет право свысока критиковать чужие действия?

И такого рода сомнительная работа у него была всегда. И сейчас, и тогда, когда он работал адвокатом. Он вообще не помнит, чтобы делал что-то полезное для общества. Первыми его постоянными клиентами были крупные и мелкие ростовщики, связанные с гангстерскими шайками. Усикава придумывал им планы наиболее эффективного вложения куда-либо своих заработанных денег. Одним словом, помогал им легально их отмывать. Также был причастен к насильственному выселению жителей проблемных домов, чтобы освободить территорию и перепродать ее строительным компаниям, возводящим многоквартирные здания. Это приносило им большую сумму денег. Он славился также как адвокат людей, обвиненных в уклонении от уплаты налогов. Большинство клиентов считала обычных адвокатов нерешительными и подозрительными. А вот Усикава, когда к нему обращались (конечно, за соответствующую плату), никогда ни в чем не колебался и успешно проявлял все свои способности, достигая определенных результатов. Поэтому на недостаток работы не жаловался. Отношения с сектой «Сакигаке» установились как раз в то время. Он лично почему-то понравился лидеру.

Если бы Усикава работал так, как все рядовые адвокаты, то, видимо, не заработал бы даже на пропитание. Хотя вскоре после окончания университета он сдал государственные экзамены и получил квалификацию адвоката, он не имел связей и надежного помощника. А из-за своей внешности не стал членом влиятельной адвокатской конторы. Если бы он даже открыл собственное дело, то, действуя привычным способом, почти не имел бы клиентов. В мире мало людей, которые снимали бы за высокую плату адвоката с таким необычным видом, как Усикава. Наверное, под влиянием телевизионных пьес, посвященных судебным делам, обычные люди считают успешным только такого адвоката, который имеет интеллектуальное, с правильными чертами, лицо.

Поэтому вполне естественным образом дошло до того, что Усикава связался с сомнительными людьми и криминальным миром.

Люди этого мира совершенно не обращали внимания на его внешность. Скорее наоборот - именно это стало главной причиной, почему ему доверяли и считали своим. Ибо они и Усикава оказались в положении, когда нормальное общество их не принимало. Они ценили его сообразительность, высокие практические способности и неразговорчивость, а потому поручали тайную работу с крупными денежными сделками и щедро оплачивали ее успешное завершение. Усикава быстро набрался нужного умения и научился уворачиваться от правосудия в случаях, очень близких к нарушению закона. Он имел хорошую интуицию и действовал чрезвычайно осторожно. Но однажды, когда, кажется, бес его попутал, Усикава опрометчиво, из жадности, вырвался вперед и переступил через деликатную черту. И хотя он все-таки избежал уголовного преследования, его все же исключили из Токийской ассоциации адвокатов.

Усикава выключил радио и закурил сигарету «Seven Stars ». Глубоко затягивался и медленно выдыхал. Пустую жестянку из-под консервированных персиков использовал как пепельницу. «Если я так и дальше буду жить, то, наверное, и смерть моя будет поганой, - рассуждал он. - Возьму как-нибудь, в одиночку, споткнусь, и упаду где-нибудь в темную яму. Вряд ли это кто-нибудь заметил бы. Даже если бы я звал о помощи, моего голоса никто бы не услышал.

И все же ничего не остается, как жить до самой смерти как жил, по-своему. И хотя такой образ жизни и не заслуживает похвалы, другого у меня нет ». Способностью же выживать Усикава не уступал почти никому на свете.

В половине третьего из дверей дома вышла девушка в бейсбольной шапочке. Она быстро промелькнула в поле зрения объектива фотокамеры. Усикава поспешно нажал кнопку электропривода и трижды щелкнул затвором фотоаппарата. Эту худую девушку лет шестнадцати-семнадцати с длинными руками и ногами и привлекательными чертами лица он видел впервые. Имея хорошую осанку, она напоминала балерину. На ней были поблекшие голубые джинсы, белые теннисные туфли с резиновой подошвой и кожаная куртка мужского покроя. Волосы она убрала за воротник куртки. В руках у нее ничего не было. Отойдя от дверей на несколько шагов, девушка остановилась и прищуренными глазами посмотрела

поверх телеграфных столбов напротив. Потом перевела взгляд вниз и снова решительно куда-то зашагала. И, повернув влево, исчезла из виду Усикавы.

Девушка была на кого похожа. На кого-то знакомого. Кого Усикава видел недавно. Судя по ее внешнему виду она, возможно, была кинозвездой. Но, если не принимать во внимание программы новостей, Усикава не смотрел телевидение и никогда не интересовался красавицами-кинозвездами.

Усикава нажал на акселератор памяти, и мозг заработал на полную мощность. Прищурился глазами, изо всех сил, так, что просто нервные окончания заболели, напряг его клетки. И тогда вдруг понял, что эта девушка - Эрико Фукада. Ни по телевизору, ни вживую он ее не видел, а только на фотографии в литературно-художественной колонке газеты. Но ее отстраненное благородство совпадало с впечатлением от черно-белой фотографии. Понятное дело. Тэнго встречался с ней в связи с тем, что переписывал ее «Воздушный кокон. Не исключено, что она с ним встречалась и скрывалась в его квартире. После такой догадки, почти машинально, Усикава натянул на голову вязаную шапку, надел темно-синюю куртку и обернул шею шарфом. А когда вышел из дома, то побежал в том направлении, куда пошла девушка.

Девушка шла довольно быстро. Возможно, и не стоит ее догонять. Ведь она была с пустыми руками. А это означало, что она не собирается идти куда-то далеко. «Видимо, разумнее спокойно подождать ее возвращения, а не привлекать к себе ее внимание своей слежкой», - подумал Усикава, но он уже не мог остановиться. Что-то в ней его невольно тронуло. Так же, как вечером свет с таинственными красками вызывает в человеческой душе особые воспоминания.

Вскоре Усикава снова увидел ее фигуру. Остановившись на обочине улицы, Фукаэри внимательно заглядывала в витрину лавки канцелярских принадлежностей. Видимо, что-то ее заинтересовало. Обернувшись к ней спиной, Усикава стоял перед торговым автоматом. Вынув из кармана мелочь, купил банку теплого кофе.

Девушка снова быстро зашагала. Усикава поставил на землю банку с недопитым кофе и, держась на почтительном расстоянии, последовал за ней. Видел, что девушка уделяет много внимания тому,

как идет. Казалось, она двигалась по поверхности обширного, спокойного, без малейших волн, озера. Таким скольльзящим шагом она могла идти по воде, не утонув и не замочив обувь. Словно научилась такому хождению каким-то таинственным образом.

«Девушка действительно обладает чем-то особенным, чего не имеют обычные люди», - подумал Усикава. О ней у него не было много информации. Только то, что она единственная дочь лидера секты «Сакигаке», что в десятилетнем возрасте убежала оттуда сама, выросла в семье известного ученого Эбисуно и позже написала «Воздушный кокон», который благодаря помощи Тэнго Каваны стал бестселлером. После неожиданного исчезновения девушки в полицию поступила просьба об ее розыске, вследствие чего недавно в секте «Сакигаке» был совершен обыск.

Видно, содержание «Воздушного кокона» создало для секты некоторые неудобства. Но, внимательно прочитав книгу, Усикава сих пор не понял, какая именно часть этого рассказа нанесла ей столько хлопот. Само произведение было интересным и довольно искусно написанным. Аккуратный текст легко читался и даже местами захватывал. Но Усикава считал, что речь идет о невинной фантазии. А еще «Воздушный кокон», наверное, произвел на читателей сильное впечатление. В книге изо рта мертвой козы выходили *Little People* и сплетали воздушный кокон, ее героиня разделилась на *мадзу* и *дооту*, а на небе появилось две Луны. Какая неприятная, разглашенная, информация могла скрываться в таком фантастическом рассказе? И все-таки люди «Сакигаке», кажется, решили принять меры против этого издания. По крайней мере, некоторое время они над этим думали. Однако пока Эрико Фукада была в центре человеческого внимания, любое вмешательство в ее жизнь было опасным. А потому, вместо этого (так предполагал Усикава), они попросили его выступить в роли внешнего агента и наладить контакты с Тэнго. Приказали установить, насколько связана она с этим здоровенным учителем подготовительной школы. По мнению же Усикавы, во всей этой истории Тэнго был лишь слепым орудием. По просьбе редактора он переписал «Воздушный кокон», представленный на конкурс молодого автора, так, чтобы книга была логичной и легко читалась. Свою работу он выполнил исправно, но его роль оказалась сугубо вспомогательной. Усикава сих пор не понимал, почему они так

интересуются Тэнго. Ведь он был лишь простым солдатом, который послушно выполнил приказ.

Однако его сравнительно щедрое предложение, придуманное и созданное с большими умственными усилиями, Тэнго с ходу отверг и план установить с ним контакт - провалился. И пока он думал, что и как еще можно предложить, лидер, отец Эрико Фукады, умер. После этого ничего не изменилось.

Усикава не имел представления о том, в каком направлении действует секта и что хочет. Не знал также, кто станет управлять ею после смерти лидера. Во всяком случае, они пытаются найти Аомамэ, чтобы выяснить причину убийства лидера и обстоятельства, которые привели к этому. Возможно, для того, чтобы кого-то строго наказать и отомстить. Поэтому, видно, решили не обращаться к правосудию.

А вот они сейчас относятся к Эрико Фукада? Что сейчас думают о «Воздушном коконе»?

Она все еще остается для них угрозой?

Не замедляя хода и не оглядываясь назад, Эрико Фукада шла прямой к одной ей известной цели, словно голубь, что возвращается по кратчайшей траектории в свое гнездо. Вскоре стало ясно, что эта цель - супермаркет среднего масштаба «Марусьо». Фукаэри с корзиной в руке переходила от одного ряда товаров к другому и выбирала свежие продукты. Покупая салат, брала его в руки и со всех сторон внимательно осматривала. «Это займет много времени», - подумал Усикава. А потому решил покинуть супермаркет и, перейдя на автобусную остановку по ту сторону улицы, следить за входом, делая вид, что ждет автобуса.

Но сколько он не ждал, девушка не выходила. Усикава забеспокоился. Возможно, она вышла через другую дверь. Но, насколько он знал, этот супермаркет имел только один выход - на улицу. Пожалуй, она лишь замешкалась возле товаров. Усикава вспомнил ее серьезный, какой-то расфокусированный взгляд, сосредоточенный на держащем в руке салате. Поэтому решил терпеливо ждать. Трижды прибывал и отбывал автобус. И только Усикава оставался на остановке. Он сожалел, что не взял с собой газеты, развернув которую мог бы прикрыть лицо. Для слежения за

кем-либо газета или журнал - необходимая вещь. Но ее нет. Потому как выбежал он из дома в бешеной спешке.

Когда наконец Фукаэри вышла из супермаркета, стрелки часов показывали тридцать пять минут четвертого. Девушка ушла торопливо туда, откуда пришла, не обращая внимания на автобусную остановку, где стоял Усикава. Немного подождав, он последовал за ней. Два пакета с продуктами, видно, были довольно тяжелыми, но девушка, обхватив их руками, шла улицей легко, как водомерка по поверхности лужи.

«Странная девушка, - снова подумал Усикава, следуя за ней сзади. - Похожая на редкую заморскую бабочку. На нее можно только смотреть. Но не касаться. Ведь тогда она утратит природную живость и яркость. И сон о заморской стране развеется ».

Усикава мысленно быстро раздумывал, стоит ли сообщить людям «Сакигаке» о месте пребывания Фукаэри. Решиться на это было трудно. Если он сейчас выдаст Фукаэри, может быть, заработает несколько положительных, а не отрицательных баллов. Сможет показать секте, что он активно действует и достиг определенных результатов. Но пока он сосредоточится на Фукаэри, может быть, потеряет шанс отыскать Аомамэ, что было его главной целью. И таким образом все пойдет насмарку. Что делать? Засунув руки в карманы куртки и укутав шею шарфом до самого носа, он шел вслед за Фукаэри на большем, чем прежде, расстоянии.

«Возможно, я пошел за девушкой *просто потому, что хотел посмотреть на ее поступь и фигуру*», - вдруг подумал Усикава. Глядя, как она идет по улице с двумя пакетами продуктов, он почувствовал, что у него защемило в груди. Как человек, зажатый между двумя стенами и не имеющий шанса пошевелиться, он не был способен ни двинуться вперед, ни отстать. Легкие стали функционировать нерегулярно - ему показалось, что он страшно задыхается, попав под порывы теплого ветра. Такого странного ощущения он никогда не испытывал.

«По крайней мере, сейчас я отцеплюсь от этой девушки, - решил Усикава. - Согласно первоначальному плану сосредоточусь лишь на Аомамэ. Она - убийца. Независимо от причины этого убийства, она заслуживает наказания. - Он был готов без сожаления передать ее секте «Сакигаке». - А вот эта девушка - нежное молчаливое существо,

живущее в глубине леса. У нее крылья такие прозрачные, как тень души. А сейчас я просто посмотрю на нее издалека ».

После того, как Фукаэри с бумажными пакетами в руках исчезла в дверях дома, Усикава также вошел внутрь. Вернувшись в квартиру, снял шарф и шапку и снова сел перед фотоаппаратом. Обветренные щеки совсем замерзли. Усикава выкурил одну сигарету и выпил минеральной воды. Горло было страшно пересохшим, будто наелся чего горького.

Смеркалось. Загорелись уличные фонари, вскоре должны были возвращаться люди с работы домой. Не снимая куртки, Усикава держал в руке пульт дистанционного управления и сосредоточил внимание на входе в здание. Воспоминание о дневном солнце ослабело и пустая комната быстро остывала. Ночь, казалось, будет еще холоднее, чем вчера. Усикава подумал, что надо зайти в магазин бытовых электроприборов и купить электропечь и электрическое одеяло.

Когда Эрико Фукада вторично вышла из дома, стрелки часов показывали без пятнадцати пять. На ней был тот же свитер и синие джинсы. А вот кожаной куртки она не надела. Тесный свитер ярко подчеркивал форму ее груди, достаточно большой для ее стройного тела. Поглядывая через видоискатель на ее соблазнительные выпуклости, Усикава почувствовал, как снова задыхается от волнения.

То, что она не надела пиджак, видимо, означало, что и на этот раз она не собирается идти куда-то далеко. Как и прежде, девушка остановилась при выходе и, прищурив глаза, посмотрела поверх телеграфного столба. Вокруг начало темнеть, но, напрягая глаза, все еще можно было разглядеть очертания предметов. В течение какого-то времени она что-то там разглядывала или искала. Но, кажется, чего-то нужного не нашла. Тогда перестала смотреть на телеграфный столб, а крутнувши головой, как птичка, оглянулась вокруг. Нажав на пульт, Усикава сфотографировал девушку.

Словно услышав щелчок, Фукаэри сразу вернула свой взгляд в сторону фотоаппарата. И благодаря видоискателю оказалась лицом к лицу с Усикавою. Конечно, он хорошо видел ее лица. Так как смотрел через телеобъектив. А заодно и Фукаэри пристально вглядывалась в Усикаву. Ее глаза схватывали его фигуру в глубине объектива. В ее

черных, как смола, зрачках четко отражалось его лицо. Такой вот удивительно непосредственный был их контакт. Усикава сглотнул. Нет, этого не может быть. Оттуда она ничего не видит. Потому как телеобъектив замаскирован, а полотенце, обмотанное вокруг затвора, глушит его шелчок. Однако она стояла у дверей дома и смотрела сюда, туда, где спрятался Усикава. Ее невозмутимый взгляд был устремлен на него так же, как свет звезд на безымянную каменную глыбу.

Они долго (сколько - Усикава не помнит) смотрели друг на друга. Наконец она внезапно обернулась и тотчас же зашла в дом. Так, словно увидела все, что нужно. Когда девушка исчезла, Усикава выдохнул и через короткое время снова наполнил легкие свежим воздухом. Холодный воздух, превратившись в бесчисленные колючки, колол грудь изнутри.

Возвращаясь домой, жильцы одни за другими проходили под светом лампы на входе, но Усикава уже не смотрел в видоискатель фотоаппарата. Его рука уже не держала пульта дистанционного управления. Безоговорочно искренний взгляд девушки, казалось, забрал с собой все его физические силы. Какой странный взгляд! Он проникал глубоко в грудь, словно длинная стальная игла, и, казалось, доходил до спины.

Девушка знала, что Усикава тайком за ней следит. И что фотографирует ее скрытым фотоаппаратом. Неизвестно почему, но Фукаэри это знала. Возможно, благодаря своим особым ощущениям.

Усикави захотелось выпить чего-то спиртного. Налить в стакан виски и высушить все одним махом. Даже подумал, не пойти ли купить спиртное в ближайшей пивной. Но в конце концов отказался от такого намерения. Ведь ничто не изменится, если он выпьет виски. «Она меня видела с противоположной стороны видоискателя, - рассуждал Усикава. - Эта красивая девушка заметила мою сплюснутую голову и грязную душу, когда я украдкой фотографировал людей ». Но этот факт ничего не меняет.

Усикава отошел от фотоаппарата и, опершись о стену, поднял взгляд на темный потолок с пятнами. И тогда почувствовал в душе пустоту. Еще никогда он не чувствовал себя таким одиноким. И темнота никогда не казалась такой темной. Он вспомнил свой дом в Тюоринкане, заросший травой двор и собаку, жену и двух дочерей. И

тамошний солнечный свет. Подумал о собственных генах, наверняка переданных обеим дочерям. О генах, несших с собой сплюснутую голову и грязную душу.

Ему казалось, что чего бы он ни делал, все тщетно. Он использовал выданные ему карты. И ходы были не очень удачными. Но он старался и максимально использовал слабые карты. Вовсю работал головой и умело делал ставку. Некоторое время все вроде шло хорошо. Но сейчас он не имел ни одной карты. Лампа на столе погашена, и все игроки куда-то делись.

В конце концов, в этот вечер Усикава не сделал ни одной фотографии. Опершись на стену, с закрытыми глазами, он курил сигареты «Seven Stars» и ел консервированные персики. В девять зашел в ванную комнату почистить зубы и, забравшись в спальный мешок, дрожа, попытался заснуть. Вечер был холодный. Но дрожь Усикавы вызвала не сама стужа. Казалось, холодный воздух исходил изнутри организма. «Собственно говоря, куда я собираюсь идти? - спрашивал он себя в темноте. - И, главное, откуда пришел? »

Боль от взгляда девушки, что проколола его, все еще оставалась в груди. «Возможно, она уже никогда не исчезнет, - думал Усикава. - А может, она и прежде была, но я до сих пор ее не замечал? »

На следующее утро, позавтракав сыром, сухарями и растворимым кофе, Усикава взял себя в руки и снова сел перед фотоаппаратом. Как и накануне, наблюдал за людьми, выходящими из дома, и сделал несколько снимков. Но на них не было ни Тэнго, ни Фукаэри. Было только видно, как ссутулившиеся люди по инерции входили в новый день. Утро было ясное, с сильным ветром, который разгонял белый пар, который выдыхали люди.

«Не стоит думать о лишних вещах, - рассуждал Усикава. - Моя кожа становится более грубой, сердце черствеет, а дни проходят одни за другими. Я - только машина. Способная, выносливая и бездушная машина, которая одним отверстием поглощает новое время, перерабатывает его в старое и выпускает через другое отверстие. Именно в этом смысл ее существования. Надо еще раз вернуться к такому чистому циклу - вечному движению, которое, может быть, когда-нибудь кончится.»

Укрепив свою волю и замкнув сердце, Усикава попытался изгнать из головы образ Фукаэри. Сердечная боль, которую оставил ее взгляд, немного ослабла и она теперь превратилась в нечастое щемление в груди. «Вот и хорошо, - подумал Усикава. - Вот и хорошо. Лучшего и не надо. Я - простая система со сложными частями »

Перед обедом Усикава отправился в магазин бытовых электроприборов и приобрел маленькую электрическую печь. Потом зашел в знакомый ресторанчик и, читая газету, съел горячую гречневую лапшу с рыбой, запеченной в тесте. Прежде чем вернуться в квартиру, остановился на входе в здание и взглянул поверх телеграфного столба, от которого вчера не могла оторвать глаз Фукаэри. Однако не заметил ничего, что могло бы привлечь его внимание. Видел только плетение толстых черных проводов в воздухе, похожих на ужей, и трансформатор. Что же девушка-то там заметила? Или же чего искала?

Вернувшись в квартиру, Усикава включил электрическую печь. И спираль сразу загорелась красным цветом, а кожа почувствовала приятное тепло. Такое отопление нельзя было назвать достаточным, но оно было намного лучше, чем вообще ничего. Опершись на стену и сложив руки на животе, Усикава на короткое время заснул, почувствовав небольшое тепло. Спал без всякого сна.

От по-своему счастливого, глубокого сна его разбудил кто-то стуком в дверь. Проснувшись и оглянувшись вокруг, Усикава какое-то мгновение не понимал, где он. Но когда увидел фотоаппарат фирмы «Минолта», вспомнил, что находится в квартире в квартале Коэндзи. Кто-то кулаком стучал в дверь. «Почему стучит рукой? - удивлялся Усикава, окончательно приходя в сознание. - Ведь на дверях есть звонок. Достаточно нажать кнопку. Все просто. И все же кто-то умышленно стучит в дверь. Причем, достаточно сильно ».

Усикава нахмурился и посмотрел на часы. Было час сорок пять. Конечно, после полудня. На улице было светло.

Понятное дело, Усикава не ответил на стук. Ведь никто не знает, что он здесь. Никто не договаривался с ним о визите. Возможно, это коммивояжер или агент по подписке газет. Видимо, мужчине за дверью Усикава нужен. А вот Усикаве он не нужен. Опершись на стену, Усикава молчал и не спускал глаз с двери. Надеялся, что тому, наконец, надоест, он махнет рукой и уйдет.

Однако тот не уходил. Через некоторое время несколько раз опять постучал. На пять-десять секунд останавливался, а после того опять стучал. Упорно, без колебаний, с неестественным однообразием. И каждый раз требовал ответа от Усикавы. Поэтому Усикава забеспокоился. Может, за дверью Эрико Фукада. Пришла расспросить и укорить его за то, что тот имеет наглость украдкой ее фотографировать. От такого предположения у него еще быстрее забилося сердце. Своим толстым языком он быстро облизал губы. Но, как ни крути, стук, который он слышал, принадлежал взрослому мужчине с большим крепким кулаком. Рука девушки на такое не способна.

А может, Эрико Фукада сообщила кому о поступке Усикавы, и тот пришел сюда. Скажем, служащий риэлтерской конторы или полицейский. Если это так, то будут хлопоты. Но служащий конторы имеет дубликат ключа, а полицейский представился бы. Кроме того, они бы не стучали, а позвонили бы.

- Господин Кодзи! - сказал мужской голос. - Господин Кодзи!

Усикава вспомнил, что такую фамилию имел предыдущий жилец этой квартиры. Она значилось на почтовом ящике. Потому что так было выгодно для Усикавы, чтобы люди думали, что в квартире все еще живет мужчина по фамилии Кодзи.

- Господин Кодзи! - продолжил тот же голос. - Я знаю, что вы дома. Сидеть, затаив дыхание - это очень вредно для здоровья.

Голос принадлежал мужчине средних лет. Не очень громкий, немного хриплый. Но в нем была внутренняя твердость. Твердость хорошо выжженного и тщательно высушенного кирпича. Видимо, поэтому голос звучал по всему дому.

- Господин Кодзи, я - служащий «ННК». Пришел получить месячную абонентскую плату. А поэтому, вы можете открыть дверь?

Конечно, Усикава не собирался ничего платить. Проще всего было показать квартиру и объяснить, что телевизора в ней нет. Однако то, что мужчина средних лет с такой особой внешностью, как Усикава, целыми днями сидит в квартире, где нет никакой мебели, могло бы вызвать подозрение.

- Господин Кодзи, закон предусматривает то, что все владельцы телевизоров должны платить за его использование. Люди часто говорят, что, я мол, не смотрю телевизор, а потому не плачу. Однако

такая логика не убедительна. Если у вас есть телевизор, то независимо от того, смотрите ли его, или нет, должны платить.

«Обычный сборщик абонентской платы, - подумал Усикава. - Пусть себе говорит, что заблагорассудится. Если он не будет иметь собеседника, уйдет. И почему это он уверен, что в квартире кто-то есть?» Ведь вернувшись домой час назад, Усикава не выходил во двор. Почти не шумел и не открывал штор.

- Господин Кодзи, я твердо знаю, что вы дома, - словно читая мысли Усикавы, сказал человек. - Может, удивляетесь, почему знаю? Но я же знаю, что вы дома и, чтобы не платить, затаили дыхание. Я это четко чувствую.

Некоторое время стук не унимался. На короткий миг, как музыкант духового инструмента, прерывался, а затем восстанавливался в том же ритме.

- Господин Кодзи, мне все ясно. Вы решили сделать вид, что ничего не знаете. Ладно, сегодня я уйду. Так как у меня в других местах тоже есть работа. Но я еще наведу. Говорю вам правду. Если сказал, что приду, то, значит, обязательно приду. Я отличаюсь от привычного собирателя абонентской платы. Не перестану ходить, пока не получу должной суммы. Это жесткое правило. Как смена фаз Луны, как жизнь и смерть. И вам этого не избежать.

Наступило долгое молчание. Когда же Усикава подумал, что непрошенный гость ушел, то продолжил :

- Господин Кодзи, в ближайшее время я снова приеду. Пожалуйста, встретьте меня с радостью. Я постучу к вам неожиданно. Тук-тук! Это буду я.

После того стук пропал. Усикава прислушался. Казалось, будто кто-то ушел коридором. Усикава быстро переместился к фотоаппарату и сквозь щель в шторах сосредоточил внимание на выходе из дома. Собрав деньги, сборщик платы должен скоро выйти на улицу. Надо проверить, что это за человек. Если служащий «NHK», то на нем будет служебная униформа. А может, это человек притворялся им и хотел только одного, чтобы Усикава открыл ему дверь. Во всяком случае, этого человека он пока не видел. Держа в правой руке пульт дистанционного управления затвором фотоаппаратом, Усикава ждал появления загадочного человека перед дверью дома.

Прошло полчаса, но из дома никто не вышел. Впоследствии у двери показалась женщина средних лет, села на велосипед и поехала. Усикава называл ее Женщиной-С-Подбородком. Потому что у нее обвисал подбородок. Через полчаса Женщина-С-Подбородком вернулась с корзиной товаров на велосипеде. Поставила велосипед на стоянке и с пакетами зашла в дом. Потом вернулся домой школьник начальной школы. Усикава назвал его Лисом. Ибо у него были поднятые кверху глаза. Однако человек, похожий на сборщика абонентской платы, так и не появился. Усикава не понимал, почему. Ведь выход из дома был один. И Усикава ни на секунду не отрывал от него глаз. Если сборщик платы не выходил, то, значит, он все еще находится в доме.

И после того Усикава неутомимо следил за дверью дома. Даже не наведывался в туалет. Когда стемнело, загорелась лампа над дверью. Однако сборщик платы не вышел. Когда минуло шесть вечера, Усикава сдался. Зашел в туалет и долго справлял малую нужду. Наверное, этот человек все еще в доме. Почему - непонятно. Нет никакой логики. Но тот странный человек решил остаться в доме.

Все холоднее ветер резко свистел между замерзшими электрическими проводами. Усикава включил электрическую печь и закурил сигарету. Потом задумался над загадочным сборщиком абонентской платы. Почему он так дерзко говорил? Почему был так уверен, что в квартире есть человек? И почему он не выходил из дома? И если не вышел, то где находится сейчас?

Усикава отступил от фотоаппарата и, опершись на стену, долго смотрел на раскаленную спираль электрической печи.

Глава 17 . Аомамэ

У человека только два глаза

Телефон зазвонил в ветреную субботу. Примерно в восемь вечера. Аомамэ, в стеганой куртке на пуху и с шерстяным одеялом на коленях, сидела на стуле на балконе, и сквозь щели в пластиковых жалюзи следила за детской горкой, освещенной уличным фонарем. Обе руки держала под одеялом, чтобы не заоченели. Безлюдная детская горка напоминала скелет гигантского животного, вымершего в ледниковый период.

«Возможно, длительное пребывание на вечернем холоде вредит эмбриону, - подумала она. - Хотя, пожалуй, такой, как сейчас, не создаст проблем. Ведь даже если внешне организм замерзнет, околоплодная жидкость так же, как кровь, сохраняет тепло. К тому же, в мире немало суровых мест, которые не идут ни в какое сравнение с этим балконом. Но там все равно женщины не перестают рожать детей. А этот холод, что не говори, я должна выдержать, чтобы встретиться с Тэнго.

Как всегда, большой желтый и маленький зеленый диски обеих Лун висели рядом в зимнем небе, по которому быстро проносились облака различной формы и величины. Белые и густые, с четкими очертаниями, они казались льдинами, плывущими по реке в море. Аомамэ глядела на вечерние облака, которые неизвестно откуда появляются и неизвестно куда исчезают. У нее было такое ощущение, будто ее саму занесло на край света. «Настоящая Арктика, - подумала она. - Дальше, на севере, уже ничего нет. Впереди простирается пустота, хаос ».

Сквозь слегка приоткрытую стеклянную дверь балкона телефонный звонок был чуть слышен. Кроме того, Аомамэ о чем-то задумалась. Но этот звонок услышала. Сначала было три звонка, а через двадцать секунд - еще один. Звонил Тамару. Аомамэ убрала с колен одеяло и, отворив запотевшие стеклянные двери, вернулась в комнату, темную, но достаточно обогретую. Застылыми пальцами она взяла трубку.

- Читаете Пруста?

- Что-то он у меня совсем не идет, - ответила Аомамэ, будто обмениваясь паролем.

- Что, не понравился?

- Да нет. Как бы вам это сказать?... Кажется, будто он пишет о совсем другом мире, отличном от нашего.

Тамару молча ждал, что она расскажет далее. Он не спешил.

- Кажется, будто читаю подробный доклад об астероиде, удаленном от мира, в котором я живу, на несколько световых лет. Каждое описание я принимаю и понимаю. Причем, все выразительно и ярко. Но тамошние и здешние картины никак не связываются между собой. Потому что физически они разделены большим расстоянием. А потому, прочитав текст, мне приходится возвращаться назад и начинать сначала. - Аомамэ искала точные слова для дальнейшего рассказа. Тамару все еще ждал. - Но мне не скучно. Правильно и красиво написано, и я по-своему могу понять строение этого одинокого астероида. Тем не менее, как я и говорила, лишь по чуть-чуть продвигаюсь вперед. Впечатление такое, будто гребу против течения. Если, немного почитаю, решаю немного отдохнуть или о чем-то задумываюсь, вдруг замечаю, что лодку вода отнесла назад. Но такое чтение, скорее всего, мне подходит. Это лучше, чем если бы я двигалась за сюжетом вперед и только вперед. Как бы это объяснить?.. Ощущение такое, будто время в романе Пруста движется неравномерно и постоянно колеблется. И вроде даже не важно, что будущее и прошлое меняются местами. - Аомамэ искала точные выражения. - Кажется, словно вижу чей-то сон. Ощущения являются единовременными. Но что означает такая «единовременность», не пойму. Хотя ощущения очень близки, в действительности расстояние между ними очень большое.

- Может, Пруст так задумал?

Понятное дело, Аомамэ этого не знала.

- Во всяком случае, - сказал Тамару, - в реальном мире время движется непрерывно вперед. Не останавливается и не возвращает обратно.

- Конечно. В реальном мире время движется вперед.

Сказав эти слова, Аомамэ взглянула на стеклянную дверь. А действительно ли время неустанно движется вперед?

- Проходит время, и вскоре 1984-й год приблизится к своему концу, - сказал Тамару.

- Думаю, что, увы, не смогу дочитать до конца этого года «В поисках утраченного времени».

- Неважно, - сказал Тамару. - Можете потратить на его чтение столько времени, сколько вам захочется. Роман написан более пятидесяти лет назад. Поэтому он не содержит информации, которая требует немедленного рассмотрения.

Может быть, да, - подумала Аомамэ. - А может, и нет ». Она не могла особенно доверять времени.

- Кстати, *с тем, что внутри вас*, все в порядке?

- Пока нет проблем.

- Прекрасно, - сказал Тамару. - А вы слышали о странном лысом мужчине, рыскающем вокруг нашего дома?

- Слышала. Он опять появлялся?

- Нет, в последнее время его не видно. Два дня бродил и после этого исчез. Но он заходил к ближайшему к нам риэлтору и, делая вид, что ищет квартиру, собирал информацию о приюте для женщин - жертв домашнего насилия. Что ни говори, а у него необычная внешность. И, кроме того, яркие одежды. Все, с кем он разговаривал, хорошо его запомнили. Выследить его удалось легко.

- Для слежки он не годится.

- Это правда. Для такой работы у него неподходящая внешность. Большая голова, как у Фукуске. Но, кажется, он - способный человек. Умеет лично собирать информацию. По собственной методике - знает куда идти и о чем спрашивать. По-своему сообразительный. Не пропускает мимо ушей важного, и не делает лишних движений.

- И он собирал сведения о приюте для женщин.

- Да, он узнал, что приют, предназначенный женщинам, пострадавшим от домашнего насилия, бесплатно содержит моя госпожа. Возможно, также знает, что мадам - член бывшего вашего спортивного клуба, и вы часто навещали в наш дом для индивидуальных занятий. Я бы на его месте такие вещи обязательно обдумал и расследовал.

- Он такой же способный к сыску, как и вы?

- Это понятно каждому, кто, не жалея времени и усилий, научился собирать информацию и логически думать.

- Вряд ли в мире таких людей много.

- Конечно, мало. Их называют профессионалами.

Аомамэ села на стул и коснулась пальцем кончика все еще холодного носа.

- Но этот человек больше не показывается около усадьбы? - переспросила она.

- Он знает, что его фигура очень бросается в глаза. А также то, что установлены наблюдательные видеокамеры. Поэтому за весьма короткое время собрал нужные сведения и отправился на другие охотничьи угодья.

- Значит, он теперь знает о связи между мной и мадам. Что это - означает нечто большее, чем просто отношения тренера спортивного клуба с богатой клиенткой. Что это - имеет отношения к приюту для женщин. Что мы - выполняем некий общий проект.

- Возможно, - согласился Тамару. - Насколько я понимаю, он уже приближается к сути дела. Все ближе и ближе.

- Но моя интуиция мне говорит, что этот человек скорее действует самостоятельно, а не как член большой организации.

- И я того же мнения. Крупная организация, не имея особой хитроумной задумки, вряд ли поручила бы человеку с такой броской внешностью вести тайное расследование.

- И все же интересно, чего и для кого он так упорно ищет ?

- Ну, я знаю только одно: что он способный и опасный, - ответил Тамару. - А все другое сейчас - это лишь предположения. Я могу только предположить, что в какой-то мере он связан с «Сакигаке».

Аомамэ задумалась над этим сдержанным предположением.

- И этот человек перешел на другие охотничьи угодья?

- Именно так. И куда перешел, неизвестно. Если опираться на логику, то все его внимание должно быть обращено на поиски места, где вы прячетесь.

- Но вы говорили, что этого места почти невозможно найти.

- Это правда. Никакое расследование не способно выявить связи между мадам и многоквартирным домом. Такая связь полностью устранена. Но так может продолжаться недолго. Если осада продлится, то впоследствии где-нибудь может произойдет брешь. В неожиданном месте. Скажем, вы неожиданно выйдете на улицу, и он случайно вас заметит. Это одна из таких возможностей.

- Я не выхожу на улицу, - категорически ответила Аомамэ. И это, конечно, была неправда. Она дважды выходила из квартиры. Первый раз, когда бежала к Тэнго к детской горке парка. А второй, когда в поисках выхода из мира 1Q84 года уехала на такси до аварийной остановки на столичной скоростной автостраде номер три вблизи Сангендзя. Но в этом она не могла признаться Тамару. - Интересно, каким образом, в таком случае, этот человек попытается найти меня?

- На его месте я еще раз проверил бы ваши биографические данные. Что вы за человек, откуда приехали, что до сих пор делали, что сейчас думаете, чего хотите, а чего нет? Дополнительно собранную информацию разложил бы на столе, проверил бы и проанализировал бы.

- То есть раздели бы догола?

- Именно так. Поставил бы вас голой под яркий холодный свет. Всю исследовал бы с помощью пинцета и микроскопа и раскрыл бы характер вашего мышления и поведения.

- Не совсем понимаю. А разве анализ таких черт индивидуального характера, в конце концов, указал бы на место моего пребывания?

- Не знаю, - ответил Тамару. - Возможно, указал бы, а возможно, и нет. В зависимости от обстоятельств. Просто говорю, что я делал бы на его месте. Поскольку другого не придумаешь. У каждого человека есть свой стереотип мышления и поведения, что делает их уязвимыми.

- Это похоже на научное расследование.

- Человек не может жить без таких стереотипов. Так же, как музыкальное произведение без темы. Вместе с тем стереотип сжимает обручем человеческое мышление и поведение, ограничивает его свободу. Изменяет порядок приоритетов, а иногда искажает логику. В данный момент вы говорите, что не хотите покинуть ваше убежище. По крайней мере, до конца года отказываетесь переезжать в более безопасное место. Потому как что-то ищете. И пока чего-то не найдете, оттуда не можете уехать. Или не хотите?

Аомамэ молчала.

- Я в подробностях не знаю, о чем идет речь, и чего вы так сильно жаждете, но расспрашивать не собираюсь. Однако, по-моему, это что-то - и есть ваша личная слабость. Своего рода ахиллесова пята.

- Может быть это и так, - признала Аомамэ.

- И этот Фукускеголовый, видимо, упорно охотится за личной причиной, которая вас сковывает. Думает, что найдет брешь. Если, конечно, он такой способный, как я себе представляю, то он соберет все обрывки информации и докопается до причины.

- Думаю, не докопается, - сказала Аомамэ. - Не сможет найти связь между мной и этим чем-то. Потому что его надо искать в моей душе.

- Вы уверены в этом на все сто процентов?

Аомамэ подумала.

- На сто процентов - не уверена. Лишь на девяносто восемь.

- Тогда стоит всерьез беспокоиться о тех двух процентах. Как я уже говорил, этот человек - профи. Способный и выносливый.

Аомамэ молчала.

- Профессионал - это нечто вроде охотничьего пса. Вынюхивает запахи, которые не может воспринять обычный человек, и распознает недоступные ему звуки. Если бы он делал так же, как обычный человек, то не стал бы профессионалом. Без неосознанного применения всех своих навыков он не может жить. Поэтому его стоит опасаться. Я хорошо знаю, что вы - осторожный человек. Но будьте осторожнее, чем были до сих пор. Самое важное не определяется процентами.

- Я хотела бы вас спросить, - сказала Аомамэ.

- Что?

- Что вы собираетесь делать, если человек со сплюснутой головой еще раз здесь появится?

Некоторое время Тамару молчал. Очевидно, такого вопроса не ожидал.

- Наверное, ничего не буду делать. Не трону. Сейчас он почти ни на что не способен.

- Но если он все поймет и начнет вас донимать?

- Например, чем?

- Не знаю. Чем-то, что вас может раздражать.

Тамару откашлялся.

- Тогда, возможно, отправлю ему некое послание.

- Как коллега коллеге, как профессионал профессионалу?

- Ну... как вам сказать... - начал Тамару, - прежде чем начать конкретные действия, нужно проверить, с кем он связан. Потому что,

если он будет иметь поддержку со стороны, то мы окажемся в опасном положении. Только после такой проверки можно за что-то браться.

- Прежде чем прыгать в бассейн, нужно измерить его глубину.

- Можно и так сказать.

- Но вы предварительно оцениваете, что он действует самостоятельно. Без посторонней поддержки.

- Ага, так оцениваю. Но опыт показывает, что иногда интуиция меня подводит. К сожалению, на затылке у меня нет глаз, - сказал Тамару. - Во всяком случае, будьте ко всему внимательны. Если заметите подозрительного человека, какое-то малейшее изменение вокруг, необычное событие - сразу сообщайте.

- Понятно. Буду внимательной, - сказала Аомамэ. «Не надо мне напоминать, - подумала она. - Я ищу и жду Тэнго, и стараюсь не пропустить малейшей мелочи. Но я имею только два глаза. Как и говорил Тамару ».

- Это все, что я хотел вам сказать.

- Как чувствует себя мадам? - спросила Аомамэ.

- Хорошо, - ответил Тамару. А потом добавил: - Только, кажется, стала молчаливой.

- Она никогда много не говорила.

Тамару слегка покашлял. Казалось, в его горле помещался орган, который выражает особые чувства.

- Я хотел сказать, что она стала еще молчаливее.

Аомамэ представила себе старую одинокую хозяйку, которая, сидя на шезлонге, неумоимо наблюдает за спокойным порханием бабочек. Под ногами у нее большая воронка. Аомамэ знала, как тихо она дышит.

- В следующий раз среди продуктов вам принесут коробку бисквитных пирожных, - сказал в конце Тамару. - Возможно, это благоприятно повлияет на течение времени.

- Спасибо, - сказала Аомамэ.

Аомамэ, стоя в кухне, готовила какао. Прежде чем снова выйти на балкон наблюдать за детской горкой, надо было согреться. Вскипятив в кастрюле молоко, растворила в нем порошок какао. Вылила его в большой сосуд и сверху добавила предварительно взбитых сливок.

Она неторопливо пила его за столом, вспоминая подробности разговора с Тамару. «Своими руками Фукускеголовый пытается меня раздеть догола, - вспоминала она. - Он - способный профессионал. И опасный».

В стеганой куртке на пуху и с шарфом на шее, она, взяв чашку с недопитым горячим какао, вышла на балкон. Села на садовый стул и накинула на колени шерстяное одеяло. Детская горка по-прежнему была пуста. Только бросался в глаза какой-то парень, который именно в этот момент покидал парк. Это ее удивило. Коренастый парень в вязаной шапке. Но как только Аомамэ обратила на него внимание, под острым углом сквозь щель жалюзи, он быстро пересек ее поле зрения и исчез за углом дома. Парень вроде бы был с очень большой головой. А может, так ей показалось.

Во всяком случае, это был не Тэнго. А потому Аомамэ о нем больше не думала, она просто сидела и переводила взгляд то на детскую горку, то на караван туч, которые одна за другой проносились по небу. Пила какао и согревала чашечкой ладони.

На самом деле в тот момент Аомамэ видела, конечно, не парня, а Усикаву. Если бы при ярком свете могла немного дольше присмотреться, то, естественно, заметила бы, что голова у него не мальчишеских размеров. И пришла бы к выводу, что этот коротышка с головой, как у Фукуске, - человек, о котором говорил Тамару. Но Аомамэ видела его едва ли несколько секунд, и то - под острым углом. Но, к счастью, по той же причине Усикава не заметил Аомамэ на балконе.

В голове всплывают несколько «если бы». Если бы Тамару чуть раньше закончил разговор и если бы Аомамэ после разговора, размышляя над его словами, не готовила какао, то, наверное, увидела бы Тэнго, который с детской горки смотрел на небо. Она бы тогда выбежала немедленно из квартиры и встретила бы с ним спустя двадцать лет.

Но, с другой стороны, если бы так произошло, то Усикава, следивший за Тэнго, сразу догадался бы, что это Аомамэ, установил бы место ее нахождения и немедленно доложил бы двум типам из «Сакигаке».

Поэтому никто не может сказать, что то, чтоб Аомамэ не увидела Тэнго - это счастливое событие или же - нет. Во всяком случае, в описываемый момент, как и в прошлый раз, Тэнго залез на детскую горку и оттуда поглядывал на обе Луны и облака, которые перед ними проносились. Тогда же Усикава украдкой следил за Тэнго. А между тем Аомамэ, покинув балкон, разговаривала по телефону с Тамару и после того пила приготовленное какао. Таким образом, промелькнуло минут двадцать пять. В определенном смысле, очень многое определяющих минут. Когда Аомамэ в стеганой куртке на пуху и с чашечкой какао в руке вернулась на балкон, Тэнго уже покинул парк. А Усикава сразу за ним не погнался. Потому как хотел сам на месте в чем-то убедиться. И сделав это, ушел поспешно из парка. Свидетелем этих последних нескольких секунд и была Аомамэ.

Как и прежде, облака с большой скоростью пересекали небо. Неслись на юг, а далее, над Токийским заливом - в бескрайние просторы Тихого океана. И непонятно, какая судьба потом их ждала. Они уходили в неизвестность, подобно душам людей после смерти.

Во всяком случае, кольцо сужалось. Однако ни Аомамэ, ни Тэнго не знали, что оно вокруг них так стремительно уменьшало свои размеры. А вот Усикава это немного чувствовал. Так как сам активно способствовал этому процессу. Тем не менее, целостной картины он себе не представлял. Главного не знал. Того, что расстояние между ним и Аомамэ сократилась едва до нескольких десятков метров. И, как ни странно, он оставлял парк с беспорядком в голове, неспособный как следует упорядочить свои мысли.

В десять стужа стала еще более суровой. Аомамэ наконец встала и вернулась в отапливаемую комнату. Раздевшись, залезла в горячую ванну. Избавляясь от холода, проникшего в ее организм, приложила ладонь к низу живота. Нащупала едва заметную округлость. Закрыв глаза, пыталась почувствовать наличие *своего маленького создания*. Времени оставалось мало. Аомамэ во что бы то ни стало должна была сообщить Тэнго о носящем в своем чреве его ребенке. Что приложит все свои отчаянные усилия, чтобы защитить младенца. Переодевшись, она забралась в постель и в темноте легла спать.

Она увидела во сне старую хозяйку. В оранжерее «Усадьбы плакучих ив» Аомамэ вместе с хозяйкой любовалась бабочками. В оранжерее было сумрачно и тепло, словно в женском лоне. Там же она увидела и каучуковое деревце, оставленное в бывшей квартире. Бережно ухоженное, оно до неузнаваемости ожило и вернуло себе яркую зеленую окраску. На его мясистых листьях сидели неизвестного вида бабочки из южных краев. Сложив свои большие разноцветные крылья, они, казалось, спокойно спали. И этоб Аомамэ радовало.

Во сне живот Аомамэ уже достаточно раздулся. Словно вот-вот должны были начаться роды. Она слышала, как бьется сердце ее маленького существа. И как биение ее собственного сердца, смешиваясь с его, создает общий приятный ритм.

Хозяйка сидела рядом и, как обычно выпрямив спину и сжав губы, тихо дышала. Обе молчали. Чтобы не разбудить спящих бабочек. Углубившись в себя, хозяйка, казалось, даже не замечала Аомамэ. Конечно, Аомамэ знала, что хозяйка защищает ее. Однако тревога не покидала ее души. Обе руки хозяйки, уложенные на колени, казались слишком тонкими и хрупкими. Рука же Аомамэ подсознательно искала пистолет, но нигде его не находила.

Глубоко погрузившись в сон, Аомамэ все время знала, что это ей снится. Иногда она видела такие сны. Находясь в ярком реальном мире, она понимала, что этот мир ненастоящий. Он напоминал подробно нарисованный пейзаж какого-то астероида.

И тогда кто-то открыл дверь оранжереи. Повеяло зловещим холодом. Проснувшись, большие бабочки расправили крылья и вспорхнули с каучукового дерева. Кто это? Повернув голову, Аомамэ попыталась его разглядеть. И прежде чем она увидела человеческую фигуру - сон кончился.

Проснувшись, Аомамэ почувствовала, что вся мокрая от пота. Холодного неприятного пота. Сбросив влажную пижаму и обтерев тело полотенцем, надела на себя новую футболку. Некоторое время посидела на кровати. Неужели должно произойти что-то плохое? Может, кто-то намерен отнять ее маленькое творение? Может, это тот, чье приближение сюда она чувствует? Надо как можно быстрее найти Тэнго. Но сейчас у нее была возможность только следить

каждый вечер за детским парком. И возможность внимательно, упорно и тщательно присматриваться к этому миру. К его узкой, ограниченной части. К примеру, к вершине детской горки. Однако человек обычно что-то пропускает. Он, увы, имеет только два глаза.

Аомамэ захотелось заплакать. Но слезы не капали. Она снова легла на кровать, приложила ладонь к низу живота и начала спокойно ждать, когда придет дремота, а с ней и сон.

Глава 18 . Тэнго

Реальность там, где течет красная кровь, если кольнуть иголкой

- После того, как я очнулся в своей камере, в течение трех дней ничего не происходило, - сказал Комацу. - Я ел, что подавали, ночью засыпал на узкой кровати, утром просыпался и производил нужду в маленькой уборной с дверью с жалюзи, но без замка. На улице стояла жара ранней осени, но я ее не чувствовал - очевидно, комната была с вентиляцией.

Ни словом не обмолвившись, Тэнго слушал рассказ Комацу.

- Еду подавали трижды в день. В котором часу - не знаю. Потому что у меня забрали часы, а в комнате не было окна, поэтому день и ночь не отличались. Даже прислушавшись, я ничего снаружи не слышал. Наверное, и от меня во двор не доходил ни один звук. Куда меня привезли, я не догадывался. Только имел смутное впечатление о том, что это место где-то на отшибе. Во всяком случае, за те три дня, что я там был, ничего не случилось. Я не уверен, что это продолжалось три дня. Знаю только, что девять раз мне приносили пищу. Трижды гасили свет в комнате, и трижды я спал. Обычно мой сон неглубок и нерегулярный, но на этот раз я почему то без трудностей засыпал. Если подумать, странная история, но ты меня понимаешь?

Тэнго молча кивнул.

- Эти три дня я ни с кем не разговаривал. Еду приносил мне какой-то парень. Худощавый, в бейсбольной кепке на голове и белой маске на лице. В спортивном костюме с джерси и грязных теннисных туфлях на резиновой подошве. Еду приносил на подносе, которую забирал, когда я заканчивал есть. Тарелки были бумажные, нож, вилка и ложка - пластмассовые. Еда была пастеризованная, в банках, не очень вкусная, но такая, что можно есть. Подавали ее мало. Но я был так голоден, что съедал всё до последней крошки. Я сам удивлялся. Обычно у меня аппетита нет и я иногда вообще забываю о еде. Пить давали молоко и минеральную воду. Кофе и чая не было. Как и односолодового виски и свежего пива. Тем более сигарет. Да ладно! Ведь я приехал не в санаторий.

Словно вспомнив, Комацу вынул красную пачку «Marlboro», взял одну сигарету и прикурил от бумажной спички. Втянув дым глубоко в легкие, выдохнул его, а потом поморщился.

- Парень, который приносил мне еду, всегда молчал. Возможно, начальство запретило ему говорить. Он, конечно, принадлежал к мелюзге, которой поручают различные дела. Но, скорее всего, обладал навыками каких-то боевых искусств. В его осанке ощущались признаки такого обучения.

- И вы его ни о чем не расспрашивали?

- Потому что знал, что тот ничего не ответит, сколько бы я не спрашивал. Он молчал, как ему велели. Я съедал принесенную еду, выпивал молоко и, когда тушили свет, ложился спать. Когда свет в комнате зажигали, я просыпался. Утром приходил тот молодой парень, приносил электробритву и зубную щетку, а сам выходил из комнаты. Я брился и чистил зубы. После того он забирал обратно электробритву и зубную щетку. В комнате не было ничего, кроме туалетной бумаги. И не было ни душа, ни перемены белья. Об этом я даже не смел думать. Было зеркало, и я поэтому не испытывал особого неудобства. Но больше всего меня мучила скука. Ведь я проводил время в кубической комнатке с белыми стенами в одиночестве с утра до вечера, не перекидываясь ни с кем ни словечком. Равнодушный к сервису и еде, я, наркозависимый от печатного текста, не мог успокоиться. Но ни книг, ни газет, ни журналов не было. Так же, как телевизора, радио и игр. Я ни с кем не мог поговорить. Не оставалось ничего другого, как сидеть на стуле и смотреть на пол, стены или потолок. Я был в довольно странном настроении. Я шел улицей, когда меня схватили неизвестные типы и дали понюхать чего-то похожего на хлороформ, а затем куда-то увезли и поместили в комнату без окон. Как ни крути, непривычное положение. Такая тоска, что можно с ума сойти.

Некоторое время Комацу взволнованно смотрел на дым, поднимавшийся между пальцами, а потом стряхнул пепел в пепельницу.

- Наверное, они отправили меня на три дня в эту тесную комнату, чтобы подействовать на нервы. Они в этом хорошо натренировались. Научились, как сломить волю человека и поставить его на колени. На четвертый день после завтрака ко мне пришло двое мужчин.

«Наверное, те же, что меня похитили», - подумал я. Нападение на меня был таким внезапным и неожиданным, что я даже не увидел их лиц. Но, присмотревшись к ним теперь, я постепенно вспомнил, как все произошло. Они затащили меня в автомашину, скрутили руки так, что казалось, сломают их, и приложили к носу и рту тряпку, смоченную каким-то лекарствами. Все время они молчали. Все произошло в одно мгновение.

Вспоминая прошедшие события, Комацу слегка нахмурился.

- Один был невысокий, коренастый, с постриженной наголо головой. Достаточно загорелый, скуластый. Второй - высокий, с длинными руками и ногами, со впалыми щеками и волосами, завязанными сзади узлом, наподобие конского хвоста. Вместе они были похожи на двух актеров-комиков. Долговязого и приземистого, с бородкой. И с первого взгляда я понял, что они опасны. Если надо, то они, не задумываясь ни на секунду, способны сделать все что угодно. Но они этим не бравировали. Вели себя спокойно. А потому вызывали еще больше опасений. Взгляд имели очень холодный. На обоих были черные полушерстяные брюки и белые рубашки с длинными рукавами. Оба имели возраст от двадцати пяти до тридцати лет, причем Лысый казался чуть старше. Оба были без часов.

Тэнго молча ждал продолжения рассказа.

- Беседовал со мной только Лысый. Худощавый Хвостатый не обмолвился ни словом, он, вытянувшись, стоял неподвижно перед дверью. Я думаю, он прислушивался к разговору между Лысым и мной. А может, вообще ничего не слышал. Лысый разговаривал, сидя напротив меня на складном стуле, который сам принес. Я сидел на кровати. Лицо Лысого ничего не выражало. Разумеется, он шевелил губами, но остальные его лицо оставалось неподвижным. Как у куклы, используемой для чревовещания.

«Вы догадались, кто мы и куда вас привезли?» - вначале спросил Лысый Комацу. Тот ответил, что не догадался. Некоторое время Лысый смотрел на Комацу своими пустыми глазами. Потом спросил: «А если скажем: « Угадайте », - то о чём подумаете? » Лысый говорил вежливо, но в его словах звучала твердая нота. И голос его был тверд и холоден, как металлическая измерительная линейка, долго пролежавшая в холодильнике.

Немного поколебавшись и учтя пожелания Лысого, Комацу честно признался, что, возможно, речь идет о «Воздушном коконе» . Потому что, мол, ничего другого не может придти ему в голову. То есть, они, наверное, принадлежат к религиозной организации «Сакигаке», а он находится сейчас на их территории. Хотя это, конечно, не выходит за рамки предположения. Лысый не подтверждал и не отрицал того, что сказал Комацу. Он молча смотрел на него. Молчал и Комацу.

- Итак, поведем разговор, опираясь на такое предположение, - спокойно продолжал Лысый. - Наша дальнейшая беседа будет продолжением вашего высказывания. На таких условиях. Вы согласны?

- Согласен, - ответил Комацу.

Они пытались вести разговор не прямо в лоб, а намеками. Неплохой признак. Если бы они не собирались отпустить его живым, то чего ради должны были так усложнять допрос?

- Как редактор издательства вы отвечали за выпуск «Воздушного кокона» Эрико Фукады, не так ли?

Комацу признал, что отвечал. Это общеизвестный факт.

- Насколько мы понимаем, при присуждении премии для молодого автора от литературно-художественного журнала допущено незаконное действие. Прежде чем подать рукопись этого произведения на рассмотрение конкурсной комиссии, по вашему указанию постороннему лицу было поручено его значительно переделать. Тайно переработанное произведение получило премию, получило огласку в обществе и, выйдя отдельной книгой, стало бестселлером. Это все правда, не так ли?

- Все зависит от того, как на это посмотреть, - ответил Комацу. - Я не возражаю, когда конкурсное произведение по совету редактора бывает переработано...

Чтобы остановить Комацу, Лысый поднял ладонь.

- Нельзя назвать незаконным то, что автор внесла правки в рукопись по совету редактора. Это правда. Но, как ни крути, то, что постороннее лицо значительно переработало произведение для получения премии, - это действие, которое противоречит закону. Кроме того, используя фиктивную компанию, был разделен авторский гонорар. Я не знаю, как можно это истолковать

юридически, но с точки зрения общественной морали и нравственности, вы, наверное, заслуживаете сурового осуждения. Такой поступок нельзя никак оправдать. Вследствие шума, который создадут газеты и журналы, ваше издательство, несомненно, подорвет доверие к себе. Господин Комацу, надеюсь, вы все хорошо поняли. Мы раскопали все подробности этого поступка и можем обнародовать его конкретные доказательства. А поэтому вам лучше не выкручиваться. Такие вещи для нас неприемлемы. Бесплезная трата времени как для вас, так и для нас.

Комацу молча кивнул.

- Если так все произойдет, то вам, конечно, придется не только оставить издательство, но и саму издательскую отрасль. Вам негде будет спрятаться. По крайней мере, публично.

- Возможно, - признал Комацу.

- Однако пока этот факт знает ограниченное число людей, - сказал Лысый. - Вы, Эрико Фукада, Эбисуно и Тэнго Кавана, ответственный за переписку рукописи. И еще несколько человек.

- Если опираться на предположения, то под словами «несколько человек» вы подразумеваете членов религиозной организации «Сакигаке», не так ли? - подбирая слова, сказал Комацу.

Лысый слегка кивнул.

- Именно так, если опираться на предположения. И независимо от факта. - Лысый сделал паузу, ожидая, когда его утверждения уложится в голову Комацу. А потом продолжал: - И если это предположение верно, то *они*, наверное, найдут решение данной проблемы. Могут держать вас в этой комнате сколько угодно времени в качестве почетного гостя. Это не трудно. А если захотят немного сократить срок задержания, то, думаю, смогут придумать не один приемлемый для них способ. Среди них и такой, который трудно назвать приятным для обеих сторон. Во всяком случае, они имеют достаточно сил и средств, чтобы такое сделать. Думаю, что вы это понимаете, не так ли?

- Кажется, понимаю, - ответил Комацу.

- Прекрасно, - сказал Лысый.

Лысый молча поднял один палец, и Хвостатый вышел. Вскоре он вернулся с телефонным аппаратом в руках. Присоединил телефонный

шнур к розетке и подал трубку Комацу. Лысый велел Комацу позвонить в издательство.

- Скажите: кажется, я страшно простудился и уже несколько последних дней лежу в горячке. Еще некоторое время не смогу прийти на работу. Как передадите эти слова, то, пожалуйста, положите трубку.

Комацу позвонил своему коллеге, передал нужные слова и, не отвечая на его вопросы, прекратил разговор. Когда Лысый кивнул, Хвостатый вытащил шнур и вынес телефонный аппарат из комнаты. Некоторое время Лысый, будто что-то разглядывая, смотрел на тыльные стороны ладоней. Затем, обращаясь к Комацу, голосом, в котором на этот раз, казалось, даже слышалась едва заметная приязнь, сказал:

- На этом сегодня закончим. Разговор продолжим в другой раз. А между тем хорошо подумайте над тем, о чем мы сейчас говорили.

И они оба ушли. После этой встречи Комацу дней десять провел в одиночестве в тесной комнате. Трижды в день парень в маске, как всегда, приносил невкусную пищу. На четвертый день Комацу дали переодеться в пижаму. Под душ его так и не повели. Он мог только помыть лицо в маленьком умывальнике туалета. С каждым днем восприятие действительности становилось все более хрупким.

Комацу догадывался, что, возможно, его привезли в штаб-квартиру «Сакигаке», расположенную в горах префектуры Яманаси. Однажды в телевизионных новостях он ее видел. Она была похожа на экстратерриториальную местность среди глубокого леса, окруженную со всех сторон стенами. Убежать оттуда или просить у кого спасения было невозможно. Даже если бы его убили (возможно, именно это означали слова о «способе, который трудно назвать приятным для обеих сторон»), его тела, наверное, никогда бы не нашли. Впервые в жизни к Комацу так реально близко подступила смерть.

На десятый день (кажется, на десятый, но я в этом не уверен) наконец-то появились упомянутые ранее два человека. По сравнению с предыдущим визитом, Лысый казался немного похудевшим, а потому его лицо было еще более скуластым. Его холодные глаза теперь казались налитыми кровью. Как и прежде, он сел на складной стул, который сам принес, по ту сторону столика напротив Комацу. Лысый долго молчал, уставившись на него красными глазами.

Вид Хвостатого ничуть не изменился. Как и в прошлый раз, он так же стоял, вытянувшись, перед дверью и не отводил своих безразличных глаз от воображаемой точки пространства. Оба были в черных брюках и белых рубашках. Возможно, такой была их униформа.

- Ну что же, поведем дальше наш предыдущий разговор, - наконец открыл рот Лысый. - Разговор о том, как мы поступим с вами.

Комацу кивнул.

- В том числе и о способе, который трудно назвать приятным для обеих сторон.

- У вас, как видно, прекрасная память, - сказал Лысый. - Это правда. В поле зрения замаячил и неприятный конец.

Комацу молчал. А Лысый продолжал:

- И это вполне логично. Конечно, они не хотели бы, если бы могли, идти на крайние меры. Ведь если бы вы теперь у нас неожиданно пропали, то снова могла бы возникнуть сложная ситуация. Как и тогда, когда исчезла Эрико Фукада. Возможно, в таком случае по вам не тосковало бы много людей, но ведь ваше мастерство как редактора высоко ценится, и в издательской отрасли вы, кажется, заметная личность. Да и жена, с которой вы расстались, жаловалась бы на неуплату ежемесячных алиментов. И вот это они не могли бы назвать благоприятным развитием событий.

Сухо откашлявшись, Комацу проглотил слюну.

- *Они* не собираются вас лично критиковать и наказывать. *Они* понимают, что, выдавая в печать повесть «Воздушный кокон», вы не собирались нападать на определенную религиозную организацию. Сначала вы даже не знали о связи между «Воздушным коконом» и этой организацией. Вы затеяли эту аферу, чтобы развлечься и удовлетворить свои амбиции. Но вскоре она позволила вам заработать немалые деньги. Ибо простому служащему платить алименты бывшей жене на воспитание детей, ой как нелегко. В свой план вы втянули и Тэнго Кавану, начинающего писателя, учителя подготовительной школы, неосведомленного о всех его деталях. Сам план был забавным трюком, но выбранное произведение и соучастник оказались неудачными. Ваше дело набрало больший размах, чем вы первоначально планировали. Вы были похожи на гражданских лиц, что забрели на передовую линию и оказались на минном поле. Не

могли ни двигаться вперед, ни отступить назад. Разве это не правда, господин Комацу?

- Может быть, - неопределенно ответил Комацу.

- Кажется, вы все еще хорошо не понимаете во что ввязались. - глядя на Комацу, сказал Лысый и едва заметно прищурился. - Иначе не говорили бы так, будто речь идет о совсем другом человеке. Попробую объяснить вам ситуацию. Вы действительно оказались посреди минного поля.

Комацу молча кивнул.

Лысый снова закрыл глаза и через секунд десять снова открыл их.

- В таком положении вы, конечно, чувствуете себя плохо, но и у них также возникли сложные проблемы.

Набравшись смелости, Комацу спросил:

- Можно у вас спросить об одной вещи?

- Если смогу ответить.

- Изданием «Воздушного кокона» мы нанесли некоторые небольшие хлопоты этой религиозной организации. Вы это хотите сказать?

- Некоторые? Небольшие? – Наоборот! - ответил Лысый. Его лицо немного исказилось. - Вещий голос перестал к ним доноситься. Вы понимаете, что это значит?

- Нет, не понимаю, - сухо ответил Комацу.

- Хорошо. Я также не могу конкретно всего объяснить. В конце концов, и вам лучше этого не знать. Вещий голос перестал к ним доноситься. Больше ничего я сейчас не могу сказать. - Лысый сделал короткую паузу. - И эта беда возникла вследствие обнародования в печатном виде повести «Воздушный кокон».

- Эрико Фукада и Эбисуно-сенсей предполагали, что выход в свет «Воздушного кокона» приведет к такой «беде»? - спросил Комацу.

Лысый кивнул головой.

- Нет, Эбисуно-сэнсэй, наверное, этого не знал. А что думала Эрико Фукада, неизвестно. Можно предположить, что этот поступок не был преднамеренным. А если и был, то само намерение ей не принадлежало.

- Люди считают «Воздушный кокон» обычным фантастическим рассказом, - сказал Комацу. - Невинной фантазией, которую написала ученица средней школы высшей ступени. И действительно немало

критиков высказали мнение, что это просто сюрреалистическое повествование. Никто и не подозревает, что в нем, возможно, раскрыта какая-то важная тайна или конкретная информация.

- Пожалуй, вы правы, - согласился Лысый. - Почти никто из читателей такого не заметил. Однако проблема не в этом. А в том, что тайну нельзя разглашать ни в какой форме.

Хвостатый, неизменно стоя перед дверью, теперь уставился на стену так, словно рассматривал за ней то, чего никто другой не мог видеть.

- Они хотят одного - возвращения голоса, - тщательно подбирая слова, сказал Лысый. - Подземный источник еще не высох. Просто он углубился в неведомое место. Возродить его чрезвычайно трудно, но возможно.

Лысый пристально вглядывался в глаза Комацу. Казалось, мерил глубину, на которой что-то там скрывалось. Как человек, прикидывающий, как разместить мебель в пустой комнате.

- Как я уже говорил, вы оказались посреди минного поля. И не можете ни продвигаться вперед, ни отступить назад. А вот они могут показать вам дорогу, чтобы вы безопасно отсюда выбрались. В таком случае вы спасете свою жизнь, а они спокойно избавятся от надоедливого непрошенного гостя.

Лысый положил ногу на ногу.

- Очень хочется, чтобы вы отступили назад. Им безразлично, что с вами произойдет, но если бы сейчас здесь поднялся большой шум, то у них были бы тоже некоторые хлопоты. А потому, господин Комацу, мы вам покажем дорогу для отступления. Отведем в безопасное тыловое место. А как плату за это хотим, чтобы вы прекратили издавать «Воздушный кокон». Не выпускали дополнительного тиража в виде книг. И, конечно, прекратили бы рекламу. А также отныне полностью прервали отношения с Эрико Фукадою. Ну что, сможете это сделать своими силами?

- Это непросто, но думаю, пожалуй, что, наверное, смогу, - ответил Комацу.

- Господин Комацу, мы с таким трудом привезли вас сюда не для того, чтобы вести разговор на уровне «пожалуй». - Глаза лысого стали еще краснее, а взгляд острее. - Мы не требуем, чтобы вы забрали назад книги, поступившие в продажу. Ибо тогда СМИ подняли бы

большую бучу. Да и мы понимаем, что это сделать вам нереально. Если можно, мы хотели бы втихую это дело уладить. Что уже произошло - обратно не вернуть. Ущерба не отменить. Они хотят только одного - чтобы через определенное время люди перестали обращать внимание на это произведение.

Комацу кивнул в знак того, что все понял.

- Господин Комацу, как я уже говорил, вследствие обнаружения «Воздушного кокона» выплыло несколько неприятных фактов. И если о них станет известно, то все причастные к ним люди испытают общественное наказание. А потому, ради интереса обеих сторон, хотелось бы заключить договор о мире. Они больше не будут вас обвинять. И обеспечат безопасность. Но вы совсем отойдете от дел, связанных с «Воздушным коконом». Неплохой договор, не так ли?

Комацу задумался над этим предложением.

- Хорошо. Я постараюсь ответственно и по существу подойти к этому договору и отойти от издания «Воздушного кокона». Возможно, это займет немного времени, но я найду подходящий способ, как это сделать. А об этой истории я лично смогу полностью забыть. Как и Тэнго Кавана. Ведь изначально он не горел желанием работать над моим заданием. Похоже, что я насильно втянул его в эту историю. Свою часть работы он уже выполнил. С Эрико Фукады, думаю, тоже проблем не будет. Она сказала, что больше не собирается писать рассказов. А вот как поведет себя Эбисуно-сенсей, ничего не могу предсказать. Он хотел окончательно узнать, жив ли Тамоцу Фукада, его товарищ, где он сейчас и что делает. Что бы я не говорил, он, видимо, никогда не успокоится, пока не получит сведений о господине Фукаду.

- Тамоцу Фукада умер, - сказал Лысый спокойным, монотонным голосом, в котором, однако, слышался страшный груз.

- Умер? - Переспросил Комацу.

- Недавно, - сказал Лысый, глубоко вдохнув воздух и плавно выдохнув его.

- Причина смерти - сердечный приступ, мгновенный, без страдания. По нашим данным, сообщения о смерти не было и похоронили его тайком на территории религиозной организации. По религиозным причинам труп сожгли, а прах рассыпали в горах. С юридической точки зрения совершено надругательство над мертвым

человеком, но формальное расследование этого преступления, пожалуй, трудно провести. Но это правда. Обо всем, что касается жизни и смерти, мы не лжем. Пожалуйста, так и передайте Эбисуно-сенсею.

- Смерть была естественной?

Лысый отчетливо кивнул.

- Господин Фукада был для нас действительно драгоценным человеком. Нет, пожалуй, незаменимым и огромной ценности человеком, а не просто драгоценным. О его смерти знает ограниченное число людей, но они глубоко скорбят по этому поводу. Его жена, то есть мать Эрико Фукады, несколько лет назад умерла от рака желудка. Отказалась от химиотерапии, и ее душа преставилась на тот свет в больнице религиозной организации. Ухаживал за больной ее близкий человек.

- Но сообщение о ее смерти не было обнародовано?

Отрицание Комацу не услышал.

- А недавно и господин Фукада умер.

- Все именно так, - подтвердил Лысый.

- После того как вышел из печати «Воздушный кокон»?

Лысый поднял опущенную голову и взглянул на Комацу.

- Да. Господин Фукада умер после того, как вышел в свет «Воздушный кокон».

- Между этими двумя событиями, возможно, есть причинно-следственная связь? - смело спросил Комацу.

Некоторое время Лысый молчал. Думал, что ответить. Потом, словно решившись, открыл рот:

- Хорошо. Чтобы убедить Эбисуно-сенсея, наверное, стоит изложить факты. Правду говоря, господин Фукада был лидером религиозной организации, способным слышать вещей голос. Когда Эрико Фукада, его дочь, опубликовала «Воздушный кокон», этот голос перестал к нему доноситься, а сам господин Фукада закончил свою жизнь. Естественной смертью. Точнее, он кончил свою жизнь естественным образом.

- Эрико Фукада была дочерью лидера, - пробормотал Комацу.

Лысый коротко кивнул.

- Получается, Эрико Фукада довела до смерти собственного отца, - продолжал Комацу.

Лысый снова кивнул.

- Получается, что да.

- Однако религиозная организация все еще существует?

- Существует, - ответил Лысый и посмотрел на Комацу глазами, похожими на извечные камни, сохранившиеся в глубине ледника. - Господин Комацу, издание «Воздушного кокона » нанесло религиозной организации немало ущерба. Но они не собираются из-за этого вас наказывать. Так как это решение уже не дало бы никакой пользы. У них есть своя миссия, которая требует покоя и изолированности.

- И, поэтому, может, стоит обеим сторонам отступить назад и забыть обо всей этой истории?

- Да, если говорить упрощенно.

- Вам пришлось меня похитить, чтобы передать эту мысль?

Впервые в лице Лысого появилось нечто похожее на выражение чувств. Нечто среднее между удивлением и сочувствием.

- Мы с большим трудом привезли вас сюда, чтобы показать, что они настроены совершенно серьезно. И крайних мер не хотели бы употреблять, но если возникнет необходимость, то не будет никаких колебаний. Хотели, чтобы вы почувствовали это на собственной шкуре. Если вы нарушите договоренность, то последствия будут весьма неприятными. Вы поняли?

- Понял, - ответил Комацу.

- Господин Комацу, честно говоря, вам повезло. Возможно, вокруг вас висел густой туман и вы не увидели, что оказались на несколько сантиметров от пропасти. Это стоит вам как следует запомнить. Сейчас у них нет времени, чтобы заниматься вами. У них есть дела гораздо важнее. В некотором смысле вам улыбнулась удача. А поэтому, пока она продолжается...

На этих словах Лысый перевернул обе руки ладонями вверх. Как человек, который хочет проверить, идет ли дождь. Комацу ожидал, что он скажет дальше. Но Лысый молчал. На его лице вдруг появилось выражение усталости. Он медленно встал и, взяв под мышку стоящий стул и не оборачиваясь назад, вышел из этой кубической комнатки. Когда закрылась тяжелая дверь и сухо закрипел её замок, Комацу остался совсем один.

- После этого я еще четыре дня просидел замкнутым в комнате. Главный разговор уже закончился. На их предложение я согласился. И не понимал, почему меня все еще держат. Эти два типа повторно не появлялись, а молодой парень, что меня обслуживал, не говорил ни слова. Я все еще ел ту же пищу, брился электробритвой и терял время, поглядывая на потолок и стены. Когда гас свет, я ложился спать, а когда загорался - просыпался. И в голове все время пережевывал слова, услышанные от Лысого. Я тогда реально почувствовал, что нам повезло. Как и говорил Лысый. Если бы *они* захотели, то могли бы сделать все, что угодно. Если бы решили, то расправились бы жестоко. Я это явственно ощутил, когда оказался в их руках. Может быть, именно с такой целью задержали меня еще на четыре дня после беседы. Ну что ж, тонкая работа.

Комацу взял в руки стакан и глотнул виски с содовой.

- Я проснулся на рассвете, когда мне снова дали понюхать чего-то похожего на хлороформ. Меня положили на скамейке в парке Дзингугайэн. На рассвете в середине сентября было холодно, и я действительно простудился. Сделал это не намеренно, ибо впоследствии целых три дня в горячке пролежал в постели. Но, по всей видимости, даже после такого финала должен считать, что мне повезло.

На этом фразе рассказ Комацу кончился.

- А вы об этом рассказали Эбисуно-сенсею? - спросил Тэнго.

- Да, через несколько дней после освобождения, когда лихорадка отступила, я отправился в горы к Эбисуно-сенсею. И рассказал ему примерно то же самое, что и тебе.

- И что он сказал?

Допив виски с содовой, Комацу заказал еще одну порцию. Предложил вторую и Тэнго, но тот отрицательно покачал головой.

- Эбисуно-сэнсей не раз просил меня повторить рассказ с самого начала и подробно расспрашивал о том, о сём. Конечно, я отвечал все, что мог. Если бы он попросил, то мог бы повторить то же самое еще раз сколько угодно. Как-никак, после разговора с Лысым я четыре дня оставался в одной комнате в одиночестве. Был без собеседника, и времени было достаточно. А потому мысленно пережевывал все, что сказал Лысый, и запомнил каждое слово до мельчайших деталей. Словно человек-магнитофон.

- Но новость о смерти родителей опирается лишь на утверждение Лысого, не так ли? - спросил Тэнго.

- Конечно. Так утверждают они, а убедиться, насколько это правда, невозможно. Но судя по их манере разговаривать, я делаю вывод, что это, видимо, не ложь. Как Лысый сам мне говорил, для них жизнь и смерть - это нечто святое. Когда я закончил рассказ, Эбисуно-сенсей умолк в задумчивости, и на длительное время глубоко замолчал. А потом, ничего не сказав, встал и надолго вышел из комнаты. Очевидно, должен был привыкнуть к смерти своих друзей. Возможно, втайне в душе такую развязку предполагал и готовился к тому, что их уже нет в живых. Однако окончательное сообщение о смерти близких людей нанесло ему, видимо, глубочайшую душевную рану.

Тэнго вспомнил пустую скромную гостиную сенсея, глубокое холодное молчание и периодический птичий крик за окном.

- Итак, мы отступили назад и выбрались с минного поля? - спросил он.

Бармен принес новый стакан виски с содовой. Комацу увлажнил напитком рот.

- Но это не значит, что принято окончательное решение. Эбисуно-сенсей сказал, что нужно время для размышлений. Но разве остается другой выбор помимо того, который предложили эти типы? Конечно, я сразу начал действовать. Постарался в рамках издательства остановить печатание «Воздушного кокона» и практически отказаться от ее переиздания. И не издавать в книжном формате. Издательство хорошо заработало, распродав напечатанный прежде тираж. Во всяком случае, убытков не претерпело. Конечно, добиться одобрения рабочего совещания и директора было непросто - пришлось намекнуть на возможный скандал, связанный с использованием подставного автора. Поэтому начальство перетрусилось и наконец-то послушалось меня. Теперь, думаю, в издательстве ко мне будут относиться гораздо холоднее, но я привык к такому.

- Эбисуно-сенсей поверил их утверждению о смерти родителей Фукаэри?

- Скорее всего, - ответил Комацу. - Я думаю, ему просто нужно было немного времени, чтобы в душе примириться с этим известием и такой реальностью. Мне так кажется, что сектанты настроены

серьезно. Сделав определенную уступку, они, кажется, действительно стремятся избежать дальнейших неприятностей. А потому прибегли к такому грубому шагу, как похищение. Хотели сделать нам жесткое предупреждение. Учитывая то, как легко они избавляются от трупов, а они тайно сожгли даже тела господина Фукады и его жены, пришлось согласиться на их предложение. И хотя сейчас доказать факт сожжения трудно, это всё равно большое преступление. А они о нем смело сказали. Иначе говоря, открыли свое намерение. В этом смысле слова Лысого в значительной степени, наверное, правдивы. Если не в деталях, то, по крайней мере, в главном.

Тэнго оценивал слова, услышанные от Комацу.

- Отец Фукаэри был человеком, который слышит вещей голос. Иначе говоря, исполнял роль прорицателя. Однако вследствие того, что его дочь Фукаэри написала ставший бестселлером «Воздушный кокон», откровения перестали к нему приходить, и отец закончил жизнь естественной смертью.

- Или естественным образом покончил с жизнью, - сказал Комацу.

- И перед сектой встала важная задача - найти нового прорицателя. Ибо если вещей голос перестал к ним доноситься, их сообщество потеряло основание для своего существования. Поэтому они с нами уже не возились. Вот как вкратце все это можно подытожить.

- Возможно.

- В рассказе «Воздушный кокон» содержалась информация, которая для них имела первостепенное значение. Вследствие того, что она разошлась по миру в печатном виде, вещей голос умолк и источник ушел глубоко под землю. И вот что интересно... какую такую важную информацию раскрыла эта книга?

- В последние четыре дня моего заключения в одиночке я упорно об этом думал, - сказал Комацу. - «Воздушный кокон» - короткая повесть. В ней описан мир, в котором появляются и исчезают *LittlePeople*. Героиня, десятилетняя девочка, живет в изолированной общине. Тайно ночью появляются *LittlePeople* и плетут воздушный кокон. Внутри кокона содержится второе «я» девочки, и таким образом возникает связь между *мадзою* и *доотюю*. В том мире есть две Луны. Большая и маленькая - возможно, как символ *мадзы* и *дооты*. Героиня повести - моделью для нее, наверное, стала сама

Фукаэри - отказывается быть *мадзою* и бежит из общины. *Доота* же остается там. Что с ней потом случилось, в рассказе не написано.

Некоторое время Тэнго наблюдал, как тает лед в стакане.

- Прорицателю, видимо, нужно посредничество *дооты*, - сказал Тэнго. - Благодаря *дооте* он впервые смог услышать вещий голос. Или перевести его на земной язык. Чтобы придать правильный вид сообщению, которое посылает вещий голос, нужны две стороны. По словам Фукаэри, нужны реципиент и перципиент. Ради этого прежде всего нужно было соткать воздушный кокон. Только благодаря ему могла родиться *доота*. А для этого нужна правильная *мадза*.

- Вы в этот так убеждены?

Тэнго замотал головой.

- Не совсем. Просто я только что так подумал, когда слушал ваш краткий пересказ сюжета рассказа.

Тэнго не переставал думать о *мадзе* и *дооте*, и когда переписывал повесть и после того, но никак не мог понять все окончательно. И когда разговаривал с Комацу, мелкие части повествования постепенно связались воедино. Тем не менее сомнения оставались. Почему, скажем, на отцовской кровати в санатории появился воздушный кокон, в котором содержалась юная Аомамэ.

- Достаточно интересная система, - сказал Комацу. - Но разве не возникает проблема, когда *мадза* покидает *дооту*?

- Пожалуй, *мадзу* нельзя назвать совершенным существом без *дооты*. Хотя этого конкретно не видно, как в случае Фукаэри, но, вполне вероятно, ей в таком случае чего-то недостает. Возможно, она похожа на человека, потерявшего свою тень. Я не знаю, что произойдет с *доотой* без *мадзы*. Видимо, и она - тоже не совершенное существо. Ведь она, что ни говори, - лишь второе «я». Но в случае Фукаэри *доота* без *мадзы*, возможно, исполняла роль жрицы.

Некоторое время спустя Комацу скривил крепко сжатые губы. Потом открыл рот.

- Тэнго, может, ты считаешь, что все, что ты написал в «Воздушном коконе, происходило в действительности?»

- Нет, не считаю. Лишь временно предполагаю. Продолжим наш разговор, опираясь на такое предположение.

- Хорошо, - согласился Комацу. - Другими словами, предположим, что второе «я» Фукаэри, даже находясь на расстоянии от нее, могло исполнять роль жрицы.

- И именно поэтому секта, зная местонахождение пропавшей Фукаэри, не делала попытки насильно ее возвратить. Так как в ее случае *доота*, даже без *мадзы*, могла выполнять свои обязанности. Возможно, между ними, даже разделенными большим расстоянием, существовала сильная связь.

- Да, пожалуй...

- Мне кажется, что, возможно, они имеют много *доот*. И *LittlePeople* при случае, наверное, плетут много воздушных коконов. Потому что одной перцепиентки недостаточно. А может быть, количество *доот*, способных правильно функционировать, ограничено. Возможно, среди них есть сильные - главные и слабее - вспомогательные, которые функционируют вместе как определенный коллектив, - продолжал Тэнго.

- Вы хотите сказать, что *доота*, которую оставила Фукаэри, главная и *правильно функционирует*?

- Возможно и так, вероятность этого предположения высока. Во всей этой истории Фукаэри всегда занимает центральное положение. Как глаз тайфуна.

Комацу прищурился и сжал пальцы обеих рук на столе. Когда он хотел, он мог быстро и эффективно размышлять.

- Послушай, Тэнго! Я вот подумал, а у нас есть основания предполагать, что Фукаэри, которую мы видели, - в действительности *доота*, а в секте осталась *мадза*?

Слова Комацу ошеломили Тэнго. До сих пор он о таком не думал. Для него Фукаэри была реальной, а не ее копией. Но услышав предположение Комацу, он не исключил и такой возможности. «У меня не бывает месячных. И потому я не забеременею», - сказала Фукаэри в тот вечер после такого странного одностороннего полового акта. Если она - лишь ее второе «я», то, наверное, это естественно. Второе «я» не может себя воспроизвести. На такое способна только *мадза*. Однако Тэнго никак не мог проверить предположение, что, возможно, имел половой акт не с Фукаэри, а с ее вторым «я».

- Фукаэри - яркая личность с собственными нормами поведения. Вряд ли второе «я» этим владеет.

- Действительно, - согласился Комацу. - Ты прав. Прежде всего Фукаэри - личность с собственными нормами поведения. И я должен с этим согласиться. Однако в Фукаэри скрывалась какая-то тайна.

Тэнго чувствовал, что в этой красивой девушке запечатлен важный код, который он должен разгадать. Кто из них реальна Фукаэри, а кто - ее второе «я». А может, ошибочно говорить о таком разделении? И Фукаэри, по обстоятельствам, может выступать в любой форме?

- Все еще остается несколько непонятных вещей, - сказал Комацу и, расцепив пальцы обеих рук, посмотрел на них. Пальцы его, для мужчины средних лет, были длинными и тонкими. - Вещий голос перестал доноситься, источник высох, а прорицатель умер. Что произошло после того с *доотю*? Вряд ли она умерла, как вдова с мужем в Древней Индии.

- Когда реципиента не стало, обязанности перципиента кончились.

- Конечно, это так, если придерживаться вашего предположения... - сказал Комацу. - Неужели Фукаэри написала «Воздушный кокон, осознавая, какими будут последствия? Но Лысый сказал мне, что она нарочно этого не делала. То есть, по крайней мере, она не имела такого намерения. И как все это понимать?

- Бесспорно, истины мы не знаем, - сказал Тэнго. - Но я не думаю, что Фукаэри по какой-то причине намеренно довела отца до смерти. Может, отец, независимо от нее, в силу определенных обстоятельств выбрал смерть. Возможно, она противодействовала этому всем, что делала. А может, отец хотел освободиться от вещего голоса. Но все это лишь безосновательные предположения.

Сморщив нос, Комацу долго раздумывал. Затем, вздохнув, оглянулся вокруг.

- Какой удивительный мир. С каждым днем исчезает линия, разделяющая предположения и реальность. Тэнго, как ты, писатель, определяешь, что такое реальность?

- Реальный мир там, где течет красная кровь, если кольнуть иголкой, - ответил Тэнго.

- Значит, нет сомнения, что этот мир реален, - сказал Комацу и сильно потер ладонью внутреннюю сторону предплечья. Там проступили синие вены. На не очень здоровые вид кровеносные сосуды, что долгие годы страдали от алкоголя, табака, нерегулярной

сексуальной жизни и интриг литературного мира. Комацу выпил остатки виски с содовой и потряс кусками льда в пустом стакане.

- Кстати, ты не мог бы развить дальше свое предположение? Оно становится все более интересным.

- Они ищут замену прорицателю. Вместе им предстоит найти новую *дооту*, которая бы правильно функционировала. Поэтому новому реципиенту нужен новый перципиентэ. - сказал Тэнго.

- Другими словами, нужно найти новую правильную *мадзу*. А если так, то придется еще раз делать воздушный кокон. Чрезвычайно грандиозная задача.

- Поэтому-то они принялись за нас так серьезно.

- Действительно.

- Однако это не означает, что в них нет какой-то цели, - сказал Тэнго. - Они, наверное, на что-то нацелились.

Комацу кивнул.

- И у меня такое впечатление. Поэтому-то они и хотели поскорее избавиться от нас. Чтобы мы не мешали. Кажется, мы сильно мозолили им глаза.

- Чем же?

Комацу пожал плечами. Дескать, и это ему это неизвестно.

- Интересно, что до сих пор передавал им вещей голос? И какая связь существует между этим голосом и *LittlePeople*?

Комацу бессильно покачал головой. На этот вопрос никто из них не имел ответа.

- Ты видел фильм «Космическая одиссея 2001 года»?

- Видел, - ответил Тэнго.

- Мы похожи на обезьян, что там фигурируют, - сказал Комацу. - Обросшие длинными черными волосами, они о чем-то бессодержательном визжат и ходят вокруг «монолита».

В бар зашли два новых посетителя. Как постоянные завсегдатаи, они сели за стойку и заказали коктейли.

- Во всяком случае, ясно одно, - словно подытоживая разговор, сказал Комацу. - Твое предположение убедительное и по-своему логично. Разговаривать с тобой с глазу на глаз всегда приятно. Однако надо выбираться из этого страшного минного поля. В дальнейшем мы уже, думается, не встретимся ни с Фукаэри, ни с Эбисуно-сенсеем. «Воздушный кокон» - безобидное фантастическое

произведение, в котором нет никакой конкретной информации. Нас уже не касается, что такое вещей голос и о чем его послания. Договоримся на этом остановиться, не так ли?

- Сойдем с лодки и вернемся к жизни на суше.

Комацу кивнул.

- Именно так. Я буду каждый день ходить на работу и подбирать для журнала кое-какие рукописи. Ты - учить математике способную молодежь и в свободное время писать роман. Оба вернемся к обыденной мирной жизни. Не будет ни бурного течения, ни водопада. Дни пойдут за днями, а мы будем спокойно стареть. Не возражаешь?

- Ведь другого выбора, кажется, нет.

Кончиком пальца Комацу разгладил морщины на носу.

- Ты прав. Другого выбора нет. Я не хочу, чтобы меня второй раз похитили. Одного раза пребывания в той кубической комнате для меня достаточно. И в следующий раз больше не буду открывать людям того, что скрыто. Потому что и так, от одной мысли о второй встрече с теми типами, сердце колотится. От одного их взгляда человек может умереть естественной смертью.

Комацу поднял над стойкой стакан и заказал третью порцию виски с содовой. Взял в рот новую сигарету.

- Господин Комацу, почему вы до сих пор мне об этом не рассказали? После того похищения прошло немало дней. Более двух месяцев. Было бы лучше, если бы такой разговор состоялся чуть ранее.

- Почему? - задумавшись, повторил Комацу. - Ты прав. Я не раз думал о таком разговоре, но почему-то откладывал и откладывал. Почему? Возможно, из чувства вины.

- Чувства вины? - удивился Тэнго. Он никак не ожидал услышать такие слова из уст Комацу.

- И я имею чувства, - сказал Комацу.

- В чем вина?

Комацу не ответил. Прищурился, некоторое время крутил между губами незажженную сигарету.

- Так Фукаэри знает о смерти родителей? - спросил Тэнго.

- Думаю, что, наверное, знает. Не знаю, когда, но Эбисуно-сэнсэй, наверное, передал ей эту новость.

Тэнго кивнул. Ему же казалось, что, наверняка, Фукаэри давно об этом знала. Не знал только он.

- Значит, мы вылезаем из лодки и возвращаемся к жизни на суше, - сказал Тэнго.

- Именно так. Уходим с минного поля.

- Но разве вы думаете, что можно так легко вернуться к прежней жизни?

- Придется приложить усилия, - ответил Комацу и, чиркнув спичкой, прикурил сигарету. - А тебя что-то конкретное беспокоит?

- Многое вокруг меня уже одновременно закрутилось. Я так чувствую. Кое-что уже изменило свою форму. Мне тажета, так просто я не смогу вернуться к прежней жизни.

- Даже если под угрозой окажется ваша драгоценная жизнь?

Тэнго неопределенно помахал головой. Он чувствовал, что с некоторых пор его подхватил сильный поток, который нес его куда-то в незнакомое место. Но объяснить этого конкретно Комацу он не мог.

Тэнго не признался, что его роман, над которым он сейчас работал, унаследовал мир, описанный в «Воздушном коконе». Комацу, наверное, этого бы не приветствовал. Бесспорно, не приветствовали бы это и люди, связанные с сектой «Сакигаке». Любая невнимательность могла завести его на другое минное поле. Или впутать других людей. Однако роман, обладая своей жизнью и целью, сам почти автоматически продвигался вперед, и Тэнго волей-неволей уже оказался в этом мире. Этот мир был для него не мнимым, а реальным. И в нем текла настоящая красная кровь, если порезать ножом кожу. И в его небе висели рядом две Луны - большая и маленькая.

Глава 19 . Усикава

Что может он и чего не может обычный человек

Было утро спокойного безветренного четверга. Как всегда, Усикава проснулся в шесть часов и умыл лицо холодной водой. Слушая новости радио «NHK», побрился электробритвой. Вскипятил в кастрюле воду и сварил лапшу легкого приготовления. Справившись с ней, выпил растворимого кофе. Свернутый спальный мешок запихал в встроенный шкаф и сел перед фотоаппаратом возле подоконника. Небо на востоке стало очищаться. Ожидался теплый день.

Лица людей, которые шли на работу, уже прочно запечатлелись в его памяти. Фотографировать их не было нужды. От семи до половины восьмого знакомые люди торопливо выходили из дома и направлялись к станции. До ушей Усикавы доносились звонкие голоса школьников, группой проходящих мимо дома в школу. Детские голоса напомнили ему то время, когда его собственные дети были еще маленькими. Его дочерям обучения в школе приносило наслаждение. Они учились играть на пианино, танцевать балетные танцы и имели много друзей. Усикава долго не мог привыкнуть к тому, что у него такие обычные дети. Как это так получилось, что он их отец?!

Когда время выхода на работу кончилось, из дома больше почти никто не показывался. Утихли и звонкие детские голоса. Усикава отложил пульт дистанционного управления фотоаппаратом и, опершись о стену и куря сигарету «Seven Stars», сквозь щель в шторах поглядывал на парадную дверь. Как всегда, после десяти на маленьком красном мотоцикле прибыл почтальон и ловко разложил по ящикам почты корреспонденцию, очевидно, наполовину исключительно рекламные материалы, большинство которых люди выбросят, даже не распечатав. Чем больше солнце поднималось, и чем ближе время приближалось к полудню, тем за окном становилось теплее и большинство людей на улице уже сняло пальто.

Фукаэри появилась на выходе из дома после одиннадцати. Как и прежде, на ней был черный свитер, короткое серое пальто, джинсы, теннисные туфли на резиновой подошве и темные очки. С большой

зеленой сумкой, перекинутой накрест через плечо. Сумка заметно разбухла - видно, была переполнена вещами. Усикава отступил от стены и, подойдя к фотоаппарату, смонтированному на треножке, посмотрел в видоискатель.

Усикава понял, что девушка собирается уходить. Она задумала переселиться куда-то, поэтому уносит все свои вещи в сумке. И сюда больше не вернется. «Наверное, заметила, что я тут скрываюсь, поэтому и решила убраться », - подумал он и почувствовал, как сердце забилось быстрее.

Выйдя из дверей, девушка остановилась и, как прошлый раз, посмотрела вверх. Что-то искала между плетением проводов и трансформатором. В стеклах её очков отражались яркие лучи солнца. Поэтому трудно было прочесть по ее лицу, увидела она что-то или нет. Примерно секунд тридцать она невозмутимо смотрела на небо. Затем, будто что-то вспомнив, взгляд ее вернулся к окну, где прятался Усикава. Она сняла очки и положила в карман пальто. Нахмутив брови, сосредоточила взгляд на телеобъективе замаскированного фотоаппарата. «Она знает! - подумал Усикава, - Догадывается, что я тут скрываюсь и тайно веду наблюдения ». И уже Фукаэри, в обратном направлении, подобно текущей назад воде в искореженных трубах водопровода, через линзы объектива и видоискателя смотрела на Усикаву. Усикава почувствовал, что кожа на обеих его руках покрылась мурашками.

Фукаэри моргнула. Ее веки двигались в задумчивости медленно вниз и вверх, как самостоятельные спокойные существа. Все остальное в ней не шевелилось. Повернув голову, как крупная птица на одиноком острове, она впиалась глазами в Усикаву. А тот не мог отвести своего взгляда от нее. Казалось, что мир перестал двигаться. Ветра не было, ни один звук не всколыхнул воздух.

Вскоре Фукаэри перестала смотреть на Усикаву. Все еще подняв голову, обратила взгляд на небо - туда, куда смотрела раньше. Но уже через несколько секунд и это ее наблюдение закончилось. Выражение ее лица не изменилось. Вынув очки из кармана пальто и напялив их на нос, она пошла по улице, ее походка была плавной и уверенной.

«Может, нужно идти за ней? Тэнго еще не вернулся, поэтому есть время проследить, куда она пошла, - подумал Усикава. - Не мешало бы узнать, куда направилась ». Однако Усикава почему-то не мог

подняться с пола. Казалось, его тело онемело, будто ее острый взгляд, посланный через видеоискатель, забрал у него силы, необходимые для действия.

«Ладно, - пробормотал он себе. - Прежде всего, мне надо найти Аомамэ. Эрико Фукада - интересная личность, но в стороне от основного сюжета. Появляется иногда, чтобы только исполнить вспомогательную роль, а потом исчезает. Если уйдет отсюда, - скатертью ей дорога! »

Выйдя на улицу, Фукаэри поспешила на вокзал, ни разу не оглянувшись назад. Усикава провожал ее взглядом сквозь щель между выцветшими шторами. Когда зеленая сумка, болтавшаяся на ее спине, исчезла, Усикава отполз от фотоаппарата и прислонился спиной к стене. Ждал, когда к нему вернутся силы. Взяв в рот сигарету «Seven Stars», прикурил ее от зажигалки. Глубоко затянулся. Никакого вкуса у дыма не было.

Силы медленно возвращались. Но руки и ноги оставались онемевшими. Усикава отметил только, что в нем вдруг образовалось какое-то едва заметное странное пространство. Настоящая полость. Усикава находился в незнакомой полости, образовавшейся внутри него самого, и не мог подняться. В груди чувствовал тупую боль, но, если быть точным, это не была боль, а нечто похожее на разницу давлений, порожденную на границе полости и остального организма.

Он долго сидел на дне этой полости. Опершись на стену, затягивался сигаретой, не имевшей никакого вкуса. Это пространство в нем оставила девушка, которая только что вышла из дома. «Нет, возможно, всё не так, - подумал Усикава. - Эта полость была в нем издавна, а девушка, видимо, только показала ему ее существование ».

Усикава почувствовал, что своим глубоким острым взглядом Эрико Фукада буквально потрясла не только его тело, а все его естество. Потрясение было такой силы, будто он мгновенно безумно влюбился. Такое чувство он испытал впервые в жизни.

«Нет, этого не могло произойти, - подумал Усикава. - С чего бы это я должен влюбляться в эту девушку? Ведь в этом мире нигде бы не было такой негармоничной пары как я и Эрико Фукада. Чтобы в этом убедиться, даже не надо заходить в ванную комнату и смотреть в зеркало. И дело не только во внешнем виде. Во многих других отношениях я нахожусь далеко от нее ». И в сексуальном плане она

его не привлекала. Ему хватало один-два раза в месяц встречаться со знакомой проституткой. Он договаривался с ней по телефону переспать в гостиничном номере. Делал это так же регулярно, как ходил стричься в парикмахерскую.

«Возможно, это проблема души», - подумал Усикава. После долгих раздумий, он пришел к выводу, что между ним и Фукаэри возникла, так сказать, душевная связь. Произошло нечто почти невероятное, но благодаря взаимной встрече взглядов через замаскированный телеобъектив, они оба, эта красивая девушка и Усикава, достигли понимания по каждому вопросу. За секунду между ним и девушкой произошло нечто похожее на взаимное раскрытие души. Девушка куда-то ушла, а Усикава остался совсем один в своей пустой пещере.

«Эта девушка знала, что сквозь щель штор с помощью телеобъектива я тайно слежу за ней. И знала, что я следовал за ней до самого супермаркета возле станции. Тогда она ни разу не оглянулась, но, наверное, чувствовала мое присутствие », - рассуждал Усикава. Однако в ее глазах он не увидел, что девушка осуждает его поступок. Чувствовал, что она его глубоко понимает.

«Девушка появилась и исчезла. Мы пришли с разных сторон и, когда наши дороги случайно пересеклись, мы на мгновение встретились взглядами - и разошлись в разные стороны. Вряд ли второй раз я встречу с Эрико Фукадою. Такое могло произойти только один раз. И даже если бы повторная встреча состоялась, то чего еще я мог бы от нее ожидать? Мы же всё равно стоим на разных концах планеты. И нет слов, которые бы нас объединили ».

Все еще опершись о стену, сквозь щель штор Усикава следил за движением людей через дверь дома. Может быть, Фукаэри передумает и вернется. Может, вспомнит, что забыла важные вещи в квартире. И, конечно, она не вернулась. Твердо решила куда переехать. Она в любом случае сюда не вернется.

Вторую половину дня Усикава провел в плену глубокого бессилия, которое не имело ни формы, ни веса. Движение крови замедлилось. Глаза заволочило легким туманом, суставы рук и ног слегка поскрипывали. Закрыв глаза, он чувствовал под ребрами острую боль, которую оставил взгляд Фукаэри. Эта боль приходила и

отступала, словно волны, которые одна за другой спокойно накатываются на морской берег. Иногда боль становилась такой резкой, что лицо Усикавы кривилось. Но одновременно она приносила тепло, которого до сего дня Усикава не испытывал. Подобного тепла не приносило воспоминание ни о бывшей жене, ни о двух дочерях, ни о доме с газоном на дворе у Тюоринкане. В его душе всегда было нечто похожее на нерастаявший кусок мерзлой земли. С этой холодной сердцевиной он жил. И даже не чувствовал, что она холодная. Потому как для него это была «нормальная температура». И, видно, взгляд Фукаэри, по крайней мере, временно, растопил этот лед. И одновременно Усикава начал чувствовать тупую боль в груди, которую, наверное, до сих пор заглушал холод в душе. Так сказать, в целях защиты. Однако сейчас он чувствовал его. В определенном смысле даже приветствовал его. Тепло, которое испытывал, пришло в паре с болью. Без него тепла не было бы. Словно состоялся своеобразный бартер.

Усикава глубоко вздохнул и с трудом отслонился от стены, на которую до сих пор опирался. Онемение все еще осталась, но ничто не препятствовало ему двигаться по комнате. Он кое-как поднялся, расправил руки и ноги, покрутил туда-сюда свою толстую короткую шею. Несколько раз сжал и разжал ладони. После того, как всегда, размял мышцы на мате из рисовой соломы. Суставы закрипели, и мышцы понемногу вернули себе прежнюю гибкость.

Настало время, когда люди возвращались с работы, а дети - из школы. «Надо дальше вести наблюдения, - вспомнил Усикава. - Независимо от того, нравится это мне или нет. Правильно это или нет. Начатую работу надо довести до конца. От этого зависит моя судьба. Не годится вечно сидеть на дне этой полости, погрузившись в бесцельные размышления».

Усикава снова уселся перед фотоаппаратом. На улице совсем стемнело, и на входе загорелся свет. Видимо, сработал таймер. Люди заходили в двери дома, напоминая безымянных птиц, возвращающихся в свои убогие гнезда. Среди них не было видно лица Тэнго Каваны. Но он должен был скоро прийти. Ведь не мог он так долго ухаживать за отцом в здравнице. Возможно, к концу недели он наверняка вернется в Токио и придет на работу. Ждать всего

несколько дней. Или - нет, вернется сегодня-завтра. Так подсказывала Усикаве интуиция.

«Возможно, я похож на скользкое, грязное существо - такое же, как червяк, копошащийся под мокрым камнем, - рассуждал Усикава. - Но все равно, пусть так и будет. Ведь одновременно я - способный, выносливый и настойчивый червяк. Так просто не сдамся. Как только наткнусь на след, выслежу до конца. Заползу на высокую отвесную стену. Не дам холоду еще раз вернуться в душу. Сейчас без этого не могу обойтись ».

Сидя перед камерой, Усикава подвигал ладонями рук. Убедился, что все его десять пальцев свободно двигаются.

«Я не могу сделать много такого, что может обычный человек, - подумал Усикава. - В этом нет сомнения. Скажем, играть в теннис и кататься на лыжах. Работать в фирме и иметь счастливую семью. Но, с другой стороны, я могу сделать что-то, чего не может обычный человек. Причем это дело способен сделать успешно. Не надеясь на аплодисменты и денежное вознаграждение зрителей. И не собираюсь показывать людям своё мастерство ».

В половине десятого Усикава закончил свою дневную работу. Вывалил в кастрюльку куриный суп из консервной банки, подогрел его и съел с большим аппетитом. Помутно проглотил два холодных рогалика. Сжевал со шкуркой одно яблоко. Справил малую нужду, почистил зубы, расстелил на полу спальный мешок и залез в него в нижнем белье. Застегнув до шеи молнию, стал похожим на куколку насекомого.

Так закончился один день Усикавы. Наблюдение не было особенно плодотворным. Только одно можно было сказать: Усикаве удалось убедиться, что Фукаэри, собрав свои личные вещи, ушла из квартиры. Куда ушла - неизвестно. Куда.. Усикава в спальном мешке кивнул головой. «Куда, к кому — к этому я не имею никакого отношения», - подумал он. Вскоре его озябшее тело в спальном мешке разогрелось, и одновременно сознание потускнело и пришел глубокий сон. А позже маленькое ледяное зернышко снова крепко засело в душе.

На следующий день тоже не произошло ничего, заслуживающего внимания. Через два дня была суббота, теплый, тихий день.

Большинство людей спало до обеда. Усикава сидел у подоконника, слушая по негромко разговаривающему радиоприемнику новости, сведения о дорожной обстановке и прогноз погоды.

Около десяти утра прилетела большая ворона и некоторое время стояла на безлюдной лестнице перед входом в дом. Она внимательно осмотрелась вокруг и несколько раз словно кому-то кивнула. Ее толстый большой клюв то опускался, то поднимался, а яркие черные крылья блестели в лучах солнца. Потом, как всегда, на маленьком красном мотоцикле приехал почтальон, и ворона поневоле широко расправила крылья и полетела. Когда взлетала, только один раз коротко каркнула. Как только почтальон, разложив по ящикам почтовую корреспонденцию, уехал, прилетела стайка воробьев. Они торопливо чего-то искали, но не заметив ничего, достойного их внимания, сразу перелетели куда то. После этого появился полосатый кот с ошейником против блох. Кот, видимо, был из соседнего дома. Усикава его раньше не видел. Кот залез в высохшую клумбу, справил малую нужду и понюхал. Наверное, что-то ему не понравилось, потому что он недовольно дернул усами и, задрвав хвост, исчез за углом дома.

К полудню из дома вышли несколько жильцов. Судя по их внешнему виду, они отправились к кому-то в гости или просто вышли за покупками. Теперь Усикава узнавал их лица и вообще помнил их всех. Но его ничуть не интересовало, что это за люди и как они живут. Он даже не пытался представить себе подробностей их жизни.

«Ваша жизнь, наверное, имеет для вас большое значение, - рассуждал он. - Я понимаю, она для вас самое дорогое. А вот мне она безразлична. Вы все для меня - лишь вырезанные из бумаги силуэты людей, проходящих перед декорацией. Я требую от вас только одного: «Пожалуйста, не мешайте мне в работе. Будьте и дальше бумажными силуэтами людей».

- Вот так, госпожа Онаси [17]! - наугад обратился Усикава к проходившей перед его глазами женщине средних лет с круглым задом, похожим на грушу. - Вы - только силуэт человека. На самом деле вас нет. Вы это знали? Правда, как для силуэта, вы слишком упитанная, не так ли?

И пока он так думал, все перед глазами казалось бессмысленным и не заслуживающим внимания. «Возможно, всего этого вообще не

существует, - размышлял Усикава. - Возможно, меня обманывают бумажные силуэты несуществующих людей ».

От такой мысли Усикава почувствовал беспокойство. Видимо, подумал он, это следствие того, что он заперся в пустой квартире и целыми днями вел тайное наблюдение.

- Доброе утро, господин Нагамими [18]! - поздоровался Усикава с худым долговязым стариком, которого увидел в видеоискателе. Кончики ушей старика торчали из-под седины, словно рога. - Вышли прогуляться? Ходьба полезна для здоровья. Погода хорошая, поэтому наслаждайтесь ею. Я тоже хотел бы выйти на прогулку, чтобы размять руки и ноги. Но, к сожалению, должен сидеть здесь и следить за дверью этого ничтожного дома.

Старик, в джемпере с застёжками на пуговицах и шерстяных штанах, выпрямив спину, вел на поводке белого верного пса, который, кажется, был очень похож на своего хозяина, но вот держать его в доме не разрешалось. Как только старик исчез из вида, Усикаву беспричинно охватило глубокое уныние и бессилие. «А вдруг, всё это наблюдение, в конце концов, лишь пустая трата сил. Может быть, моя интуиция не стоит ломаного гроша, и я с этой квартирой ничего не добьюсь, только нервы свои треплю. Я как голова божества Дзидзо, [19] которую обычно гладят дети, проходящие мимо.

В обед Усикава съел одно яблоко и крекеры с сыром. А также один рисовый колобок с маринованной сливой. После этого немного поспал у стены. Спал недолго, без снов, и когда проснулся, не мог вспомнить, где он находится. Его память была настоящей пустой коробкой с четырьмя углами. В ней была только одна пустота. Усикава огляделся. Хорошо присмотревшись, увидел, что это - не пустота, а темноватая комната, пустая и холодная, без мебели. Незнакомое место. Сбоку на газете лежало семечко яблока. В голове Усикавы царил беспорядок. «Как я оказался в таком странном месте?» - спрашивал он себя.

Постепенно он вспомнил, что следит за дверью дома, где живет Тэнго. Увидел зеркальный фотоаппарат фирмы «Минолта» с телеобъективом. Он вспомнил также седого старика с длинными ушами, вышедшего на прогулку. Как птицы, что к вечеру

возвращаются к лесу, в его пустой голове медленно воскресала память.

В ней выделялись два основных факта.

1. Эрико Фукада отсюда ушла.
2. Тэнго Кавана еще сюда не вернулся.

В квартире Тэнго Каваны сейчас не было никого. Это безлюдное пространство за закрытыми окнами заполонила тишина. И только иногда ее нарушала работа термостата в холодильнике. Усикава невольно представил себе эту картину. Представить себе безлюдную квартиру - это почти все равно что представить себе мир мертвых. Почему-то вдруг Усикава вспомнил странного сборщика абонентской платы телекомпании «ННК», стучавшего в дверь. Усикава за ним следил, но не заметил, чтобы тот выходил из дома. Возможно, тот сборщик платы совершенно случайно оказался жителем дома. Или кем-то из жильцов, притворяющимся работником «ННК» чтобы доносить соседям. Если это так, то для чего он это делает? Во всяком случае, это - чрезвычайно большая гипотеза. Но как иначе можно объяснить такую удивительную ситуацию, Усикава не представлял.

Тэнго Кавана появился на пороге дома в этот день после обеда около четырех часов дня. Наступал субботний вечер. Тэнго, с поднятым воротником поношенной штормовки, в бейсбольной кепке на голове и с дорожной сумкой на плече, зашел в дом сразу, не останавливаясь перед дверью и не оглядываясь. Сознание Усикавы еще не прояснилось, но здоровенную фигуру, проходившего в его поле зрения, не пропустило.

- О, господин Кавана, поздравляю с возвращением, - пробормотал Усикава и трижды щелкнул затвором фотоаппарата с помощью электропривода. - Как отцовское здоровье? Наверное, вы устали, правда? Отдохните. Приятного возвращения домой. Даже если дом в таком жалком здании. А вот Эрико Фукада собрала свои пожитки и куда-то ушла, пока вас не было.

Но, конечно, его голос Тэнго не услышал. Усикава говорил про себя. Он взглянул на часы и сделал запись в блокноте: «Тэнго Кавана вернулся домой пополудни, в 3:56».

В то время, когда Тэнго Кавана появился перед домом, где-то внутри организма открылась дверь, и ощущение реальности вернулось в сознание Усикавы. Так же, как воздух заполняет вакуум, в одно мгновение его нервная система обострилась и свежие силы разлились по организму. Он присоединился к этому конкретному миру как одна важная часть, что приятно щелкнула при установке. Кровообращение ускорилося, по телу разошлась соответствующая порция адреналина. «Вот и хорошо! Я на это надеялся, - подумал Усикава. - Это - мой мир и мое первоначальное состояние ».

Тэнго появился вновь на пороге дома после семи. Когда стемнело и начал дуть ветер, все вокруг вдруг остыло. На нем была кожаная куртка поверх штормовки с капюшоном и поблекшие голубые джинсы. Он вышел во двор и, остановившись, оглянулся вокруг. Но ничего особенного не заметил. Посмотрел туда, где прятался Усикава, но его не заметил.

«Он не такой, как Эрико Фукада, - подумал Усикава. - Она - особая. Видит то, чего другие люди не видят. А вот ты, Тэнго, - хорошо это или плохо - обычный человек. Меня не видишь ».

Убедившись, что в окружающем пейзаже ничто не изменилось, Тэнго затянул молнию кожаной куртки до самой шеи и, воткнув руки в карманы, двинулся по улице. Усикава сразу натянул на голову вязаную шапку, обмотал шею шарфом, обулся в ботинки и побежал за ним.

На такую подготовку он потратил мало времени, потому намеревался устремиться за Тэнго, как только увидит его на улице. Понятное дело, преследовать - опасный выбор. Тэнго мог немедленно узнать его по приметной фигурой и чертам лица. Но уже стемнело, и если сохранять соответствующую дистанцию, Тэнго, скорее всего, не сможет его заметить.

Тэнго шел по улице медленно, несколько раз оглядывался, но Усикавы не заметил, потому что тот вел себя достаточно осторожно. Казалось, что высокая фигура Тэнго о чем задумалась. Возможно, об исчезновении Фукаэри. Судя по направлению его движения, можно было подумать, что он направляется к станции. Потом сядет на электричку и куда поедет? Если так произойдет, то слежка за ним усложнится. Станция освещается, а в субботний вечер пассажиров

немного. Поэтому фигура Усикавы будет страшно выделяться. В таком случае было бы гораздо разумнее отказаться от преследования.

Однако Тэнго не пошел к станции. Пройдя немного по улице, он свернул в сторону в безлюдный переулок, который вскоре привел его к закусочной под названием «Мугиатама», в которую, видно, захаживала молодежь. Тэнго взглянул на часы, несколько секунд постоял в задумчивости перед дверью, а потом зашел внутрь. «" Мугиатама ", - подумал Усикава и покачал головой. - Что за странное название? »

Стоя за телеграфным столбом, Усикава огляделся. Видимо, Тэнго собирается выпить и перекусить. Это займет минимум полчаса или даже час. Усикава взглядом искал удобное место, где можно было бы потратить время и при этом следить за дверью закусочной. Вблизи виднелась только молочная лавка, небольшая молельня секты «Тэнри» и рисовая лавочка. К тому же все они были закрыты. «Вот досада!» - подумал Усикава. Сильный северный ветер быстро гнал по небу облака. От дневного тепла ничего не осталось. Поэтому, естественно, Усикаву не радовало, что придется в такой зимний холод простоять на обочине дороги полчаса или даже час.

«Может, стоит вернуться назад? - подумал он. Ведь Тэнго зашел только перекусить. Тратить силы, чтобы за ним следить, нет необходимости ». Усикаве самому также захотелось куда-нибудь зайти и съесть чего-то горячего, а после вернуться в съемную квартиру. Видимо, и Тэнго вскоре вернется домой. Такой выбор Усикаву привлекал. Он представил себе, как зашел в теплое помещение и ест рис с курятиной. Ведь он несколько дней не ел ничего питательного. Не мешало бы после длительного перерыва выпить также сакэ. Тем более в такую стужу. Все равно, как только бы он вышел из помещения, хмель сразу выветрился бы.

И одновременно Усикава не исключал другого сценария. Возможно, Тэнго договорился о встрече с кем-то в закусочной «Мугиатама». Такой возможностью он не имел права пренебрегать. Выйдя из дома, Тэнго, ничуть не сомневаясь, направился именно туда. Перед тем как зайти, Тэнго посмотрел на часы. Может, кто-то там его ждал? Или тот кто-то позже появится? Если да, то Усикава не имел права его пропустить. Даже если уши замерзнут, придется

стоять у дороги и следить за дверью закусочной. Усикава волей-неволей прогнал из головы мысль о рисе с курицей и горячем сакэ.

«Может, Тэнго договорился о встрече с Фукаэри. А может, с Аомамэ, - подумал Усикава со щемящей болью в душе. - И все сомнения в сторону — всё же выносливость - моя сильная сторона. Если есть хоть малейший шанс, я не выпущу его из рук. И в дождь, и в ветер, и в жару, и под ударами дубинки - потому как неизвестно, когда снова его поймаю, если сейчас выпущу ». Он по собственному опыту знал, что в мире существуют гораздо более невыносимые муки, чем те, которые выпали ему сейчас.

Спрятавшись всем телом за телеграфным столбом и стоячей афишей коммунистической партии, Усикава не спускал глаз с двери закусочной. Зеленым шарфом обвил шею до самого носа и обе руки засунул в карманы куртки. Почти не шевелился, разве что иногда добывал из кармана туалетную бумагу и вытирал нос. Иногда со станции Коэндзи ветер приносил объявления через громкоговоритель. Некоторые из прохожих, заметив Усикаву в полумраке, от напряжения прибавляли ходу. Его лицо никто из них не видел, но приземистая фигура Усикавы, что была видна им, словно зловещая кукла, их пугала.

«Собственно говоря, что Танго там пьет и ест?» - думал Усикава. И чем больше думал, то все больше становился голодным и холодным. Но не мог не давать волю воображению. О чем-либо, а не обязательно о горячем сакэ и рисе с курицей. Хотелось забраться куда-нибудь в теплое помещение и съесть чего-то обычного. Но стоя в темноте, на ветру, он мог вытерпеть все, кроме подозрительных взглядов прохожих.

Однако другого выбора у Усикавы не было. Ничего другого не оставалось, как, стоя на холоде, ждать, когда Тэнго закончит кушать и выйдет из закусочной. Усикава вспомнил дом в Тюоринкане и его обеденный стол. Каждый вечер на нем, как он помнил, была горячая пища. Но какая, он не мог вспомнить. «А что же я тогда ел?» - вспоминал Усикава. Казалось, будто все это происходило в предыдущей жизни. У него был обеденный стол с горячими блюдами в новом доме в пятнадцати минутах ходьбы от станции Тюоринкан по линии Одакю. Имел двух маленьких дочерей, которые играли на

пианино, небольшой дворик с газоном и породистого щенка, что по нему бегали.

Через тридцать пять минут Тэнго вышел из закуской. «Неплохо. А могло бы быть хуже, - убеждал себя Усикава. - Несчастных долгих тридцать пять минут - это гораздо лучше, чем несчастный длинный час ». Усикава замерз, и только его уши еще не окоченели. Пока Тэнго находился в закуской, на ее пороге не появился никто из посетителей, кто мог бы привлечь внимание Усикавы. Зашла только одна молодая парочка. Но никто не выходил. Очевидно, Тэнго ни с кем не встречался. Усикава последовал за ним, как и прежде, сохраняя соответствующую дистанцию. Тэнго пошел той же самой дорогой, которой пришел. Возможно, собирался вернуться домой. Однако на полпути он повернул на незнакомую для Усикавы улицу. Видимо, пошел домой другой дорогой. По-прежнему сзади казалось, что его фигура с широкой спиной углубилась в размышления. Вроде, еще глубже, чем в прошлый раз. Тэнго уже не оглядывался. Поглядывая на окружающий пейзаж и прочитывая номера домов, Усикава пытался запомнить его маршрут, чтобы на следующий день самому пройти по нему еще раз. Усикава не был знаком с этой местностью, но каждый раз усиливающийся непрерывный грохот машин, похожий на шум водяного потока, подсказывал ему, что он приближается к 7-й кольцевой дороге.

«Неплохо, - подумал Усикава. - Он куда-то направляется. Я так и думал. Получается, бесполезным была моя слежка ».

Тэнго быстрым шагом проходил по улице жилого района. Был субботний вечер с холодным ветром. Люди замкнулись в теплых квартирах и сидели перед телевизорами с горячими напитками в руках. По улице почти никто не шел. Усикава следовал за Тэнго на достаточном расстоянии. В целом, следить за ним было легко. Мощный, высокого роста, он не терялся даже в толпе. Уходя, ничего лишнего не делал. Слегка опустив голову, всегда о чем-то думал. Был искренним, честным человеком. Неспособным что-то скрывать. «В отличие от меня», - заметил Усикава.

Скрывать любила и бывшая жена Усикавы. Не просто любила, а не могла без этого жить. От нее не удавалось получить точного ответа даже на вопрос: «Который сейчас час?». И в этом она отличалась от

Усикавы. Он-то скрывал, только если была необходимость. Только когда этого требовала работа. Если бы кто-то спросил его, сколько сейчас времени, он, конечно, ответил бы точно, если не было причины лгать. И делал это любезно. А вот жена в любой ситуации, по любому поводу всегда врал. Ревностно скрывала даже то, что этого не требовало. И скрыла, что старше его на семь лет. Он понял это только тогда, когда они подали заявление о регистрации брака, но сделал вид, что ничего не заметил. Не мог понять, зачем было лгать о том, что когда-то обязательно откроется. Ведь его не беспокоила разница в их возрасте. А волновало многое другое.

Чем дальше от станции, тем меньше людей попадалось на улице. Вскоре Тэнго зашел в маленький парк. Неказистый детский парк в жилом массиве. Безлюдный. «Это же естественно, - подумал Усикава. - Немного найдется людей, которые хотели бы провести некоторое время в детском парке декабрьским вечером под холодным ветром ». Тэнго прошел под холодным светом уличного фонаря и направился к детской горке. Стал на ее ступеньки и поднялся наверх.

Спрятавшись в тени телефона-автомата, Усикава следил за поведением Тэнго. «Детская горка? - Усикава поморщился. - Зачем в такой холодный вечер взрослому человеку залезать на детскую горку? Ведь путь до дома, в котором живет Тэнго, неблизкий. Наверное, он нарочно пришел сюда с определенной целью». Парк нельзя было назвать привлекательным. Маленький, запущенный. С детской горкой, двумя качелями, маленькими перекладинами и песочницей. С одним фонарем, как будто освещающим край света, и неуклюжей, безлистной дзельквой. Замкнутая общественная уборная будто стала полотном для неприличных надписей. Ничто здесь не могло ни успокоить человеческой души, ни разбудить ее воображения. Хотя, возможно, кое-что из этого можно было бы найти ранним маем. Но только не ветряным декабрьским вечером.

«Неужели Тэнго договорился с кем-то встретиться в этом парке? Неужели ожидает его прихода? Вряд ли », - решил напоследок Усикава. В поведении Тэнго ничего об этом не свидетельствовало. Зайдя в парк, он не обратил внимания на другие спортивные снаряды, а направился к детской горке. Казалось, более ничего другого не имел в мыслях. *«Тэнго пришел сюда, чтобы подняться на детскую горку »*, - твердо решил Усикава.

Возможно, Тэнго издавна понравилось, поднявшись туда, предаваться размышлениям. Может, детская горка в вечернем парке лучше подходила ему для решения математических уравнений и придумывания сюжета художественного произведения. Видимо, его мозг работал энергично, когда вокруг него становилось все темнее, ветер холоднее, а парк принимал еще более запущенный вид. Усикава не представлял себе, о чем думают и как размышляют обычно писатели или математики. Его практический ум только подсказывал ему, что при любых условиях нужно упорно следить за поведением Тэнго. Стрелки часов как раз показывали восемь.

Тэнго сидел на детской горке, согнув свою большую фигуру. И смотрел на небо. Иногда вертел головой влево-вправо, но потом, сосредоточив внимание в одном направлении, больше не отрывал от него глаз. Его голова не шевелилась. Усикава вспомнил популярную некогда сентиментальную песню Кю Сакамото [20] с таким началом: «Посмотри на звезды в ночном небе, на маленькие звезды». Остальных слов этой песни он не знал. Да и не очень хотел знать. Сентиментальность и чувство справедливости несколько его не касались. Неужели Тэнго смотрел на звезды в ночном небе по какому-то сентиментальному поводу?

Усикава тоже поднял взгляд на небо. Однако звезд не увидел. Мягко говоря, квартал Коендзи в столичном районе Сугинами не годился для наблюдения звездного неба. Неоновые огни и уличное освещение придавало небу удивительный окрас. Может быть, некоторые люди, напрягая зрение, распознавали там несколько звезд. Но для этого, наверное, им была нужна чрезвычайная острота зрения и сосредоточенность. К тому же в этот вечер облака двигались, как никогда, быстро.

Но все равно Тэнго сидел невозмутимо на детской горке, приковав взор к одному месту в вечернем небе.

«Не человек, а какое-то сплошное недоразумение, - подумал Усикава. - Да разве таким ветренным зимним вечером есть необходимость залезать на детскую горку, чтобы смотреть на небо и думать? " Однако у него не было оснований, чтобы ругать Тэнго. Задача Усикавы состояло в том, чтобы следить за ним. А за любые неприятные последствия для него Тэнго не отвечал. Как свободный

гражданин, он имел право разглядывать небо с любимого места в любое время года.

Усикава почувствовал, что замерзает. Он уже давно хотел справиться малую нужду. Но приходилось терпеть. На общественной уборной висел огромный замок. И хотя прохожих не было видно, Усикава не мог этого сделать за кабиной телефона-автомата.

«А не лучше ли поскорее отсюда убраться? - переминаясь с ноги на ногу, думал Усикава. - Тэнго, хоть ты и думаешь, углубляешься в сантименты и наблюдаешь небесные тела, все равно ты, наверное, замерз. Лучше бы ты вернулся домой и погрелся. Дома бы тебе было гораздо лучше, чем здесь, даже если там тебя никто не ждет».

Однако Тэнго не собирался вставать. Наконец он перестал смотреть в ночное небо и взглянул на дом через дорогу. Новый, шестиэтажный, со светом в половине окон. Тэнго пристально в него всматривался. Это же попытался сделать Усикава, но ничто в нем не привлекло к себе его внимание. Обыкновенный дом, каких много. Не фешенебельный, но достаточно высокого класса. Замечательного дизайна, с дорогой облицовочной плиткой. С хорошим освещенным парадным входом. Не то что дешевый, почти развалюха, дом, где жил Тэнго.

Поглядывая на этот дом, Тэнго, наверное, мечтал в нем жить. Ну нет, вряд ли. Насколько было известно Усикаве, Тэнго не придавал особого значения выбору жилья. Так же равнодушно относился к одежде. И, пожалуй, не испытывал особого недовольства проживанием в теперешнем дешевом доме. Довольствовался тем, что имел над головой крышу, чтобы укрыться от холода. Он был именно таким человеком. И, конечно, на детской горке думал о чем-то совсем другом.

Некоторое время посмотрев на окна дома, он снова перевел свой взгляд на небо. Так же сделал и Усикава. С того места, где спрятался Усикава, открывалась только половина неба, а вторую заслоняли ветви дзельквы, электрические провода и здания. Поэтому Усикава не знал, какую часть неба рассматривает Тэнго. По небу, как стремительные военные полчища, одна за другой перемещались несметные тучи.

Наконец Тэнго поднялся и, как летчик, окончивший одиночный бурный ночной полет, молча спустился с детской горки. Прошел под

светом уличного фонаря и оставил парк. Немного поколебавшись, Усикава решил больше за ним не следить. Понадеялся, что тот, наверное, вернется домой. Кроме того, во что бы то ни было хотел справить малую нужду. Убедившись, что Тэнго ушел, Усикава зашел в парк и в темноте, за общественной уборной, опорожнил переполненный до предела мочевого пузыря в кусты.

Помочившись за время, которого хватило бы длинному товарному поезду для прохождения через железнодорожный мост, Усикава поправил брюки и, закрыв глаза, глубоко, с облегчением, вздохнул. Стрелки его часов показывали 8:17. Итак, Тэнго находился на детской горке минут пятнадцать. Еще раз проверив, что Тэнго нет, Усикава направился к детской горке и своими короткими кривыми ногами поднялся по ее ступеням. Сел на холодные перила и посмотрел примерно в том же направлении, в котором перед тем смотрел Тэнго. Хотел узнать, что, собственно, тот так пристально смотрел.

В общем Усикава имел неплохое зрение. Хотя из-за астигматизма немного косил, но в обыденной жизни даже обходился без очков. Но на этот раз, как ни напрягал зрение, ни одной звезды на небе не увидел. Зато его внимание привлек к себе полная на две трети Луна, плывший почти посреди неба. Её темный силуэт, похожий на родинку, явственно проступал в просветах между летящими безудержными облаками. Это была обычная зимняя Луна. Холодная, бледная, с загадками и намеками, унаследованными с давних времен. Она плыла в небе молча, как не моргающий мертвец.

И тут Усикава остолбенел. На время даже забыл дышать. Так как в просвете между облаками, чуть поодаль от знакомой Луны, заметил еще одну Луну. Гораздо меньше привычного, пепельно-зеленого цвета и деформированную. И, несомненно, это был тоже Луна. Звезд такой величины нигде в мире нет. Она висела на одном месте, следовательно, не была и искусственным спутником.

Усикава закрыл глаза и через несколько секунд снова открыл их. Наверное, галлюцинация. *Такого не может* быть. Но сколько раз он не закрывал и не открывал глаза, новая небольшая Луна не исчезала. Пряталась за тучами, но опять появлялась, когда они проплывали мимо.

«*Именно это разглядывал Тэнго*», - подумал Усикава. Тэнго Кавана приходил сюда, чтобы посмотреть на неё или удостовериться,

что она еще существует. Он и раньше знал, что на небе плывут две Луны. В этом нет сомнения. Увидев их, он не удивился. Сидя на детской горке, Усикава глубоко вздохнул. «Что же это за мир? - спросил он себя. - В какую вселенную я попал? »

Ответа не было. Ветер гнал несметные тучи по небу, в котором висели, словно загадка, две Луны, большая и малая.

«Одно можно твердо сказать: в этом мире я раньше не был. Знакомая мне Земля имеет только один спутник, - рассуждал Усикава. - Это - несомненный факт. А теперь их стало два ».

Усикава поймал себя на мысли, что будто уже раньше где-то видел подобную картину. Он напряг сознание и отчаянно стал искать, что стало причиной такого «дежавю». Скривив лицо и выпятив зубы, обеими руками копался на темном дне своего сознания. И наконец вспомнил. «Воздушный кокон». И в этой повести, почти в конце, появились две Луны. Большая и маленькая. Лун стало на небе две, когда *мадза* родила *дооту*. Фукаэри создала этот рассказ, а Тэнго добавил к нему подробное описание.

Усикава невольно оглянулся. Однако перед ним был тот же, что и всегда, мир. Окна дома через дорогу заслоняли белые кружевные занавески, за которыми спокойно горел свет. Ничего удивительного. *Только количество Лун была иным.*

Усикава осторожно спустился с детской горки. И будто избегая взгляда обеих Лун, поспешил из парка. «Неужели с моей головой творится что-то неладное? - думал он. - Но нет, я не сошел с ума. Мои мысли твердые, как новые гвозди, и реалистичные. Я забиваю их в реальность точно, под правильным углом. У меня нет никаких личных проблем. Я с полным сознанием. Только окружающий мир свихнулся.

И причину этой ненормальности я должен найти. Любой ценой ».

Глава 20 . Аомамэ

Первое звено моего преображения

В воскресенье ветер утих, и внезапно, в отличие от вчерашнего вечера, день стал теплым и тихим. Люди сбросили тяжелые пальто и теперь могли наслаждаться солнечным лучами. Но, как всегда, независимо от погоды на улице, Аомамэ проводила время в квартире с зашторенными окнами.

Слушая на малой громкости «Симфониетту» Яначека, она, используя спортивное снаряжение, занималась стретчингом, энергично разминая мышцы. Аомамэ каждый раз тратила почти два часа, чтобы выполнить полную программу упражнений. Готовила блюда, подметала квартиру и, сидя на диване, читала «В поисках утраченного времени». Наконец дошла и до третьего тома - «У Германтов». Она старалась иметь меньше свободного времени. На телеканале «NHK» смотрела только новости – в полдень и в семь вечера. Как всегда, запоминающихся новостей не было. Ну, нет, были. Многие люди в мире теряли жизнь. Большинство из них погибало в страшных мучениях. Сталкивались поезда, тонули паромы, разбивались самолеты. Продолжались беспорядки, которым не было видно конца, творились коварные убийства, происходила страшная межэтническая резня. Были засухи, вызванные климатическими изменениями, наводнения и голод. Аомамэ искренне сочувствовала людям, которые стали жертвами таких трагедий и стихийных бедствий. Однако сейчас не происходило ничего, что имело бы непосредственное влияние на нее.

В парке через дорогу играли здешние дети. Они наперебой что-то выкрикивали. Слышно было, как вороны на крыше резкими голосами о чем-то переговаривались. В воздухе пахло началом зимы.

Однажды Аомамэ поняла, что с тех пор, как поселилась в этом доме, ни разу не испытывала сексуального возбуждения. Не хотела ни с кем заниматься сексом и ни разу не ласкала себя. Возможно потому, что была беременна. Очевидно, вследствие этого изменилось выделение гормонов. И такое положение дел, во всяком случае, ее удовлетворяло. Ведь, если бы она и захотела мужчину, то при таких условиях, не смогла бы найти партнера. Отсутствие месячных ее

радовало. Хотя обычно она их легко переносила, но все равно теперь ей казалось, будто сбросила с плеч груз, который долго несла на себе. Утешало то, что, по крайней мере, хлопот стало чуть меньше.

За три месяца волосы заметно стали длиннее. В сентябре они едва доходило до плеч, а теперь уходили за лопатки. В детстве мать своими руками их коротко подрезала, и в средней школе, из-за занятий спортом, они тоже почти всегда были короткими. Теперь волосы казалось ей даже чересчур длинными, но она их не трогала, потому что не могла как следует аккуратно подстричь. Только челку подравнивала. Днем волосы связывала сзади хвостиком, а вечером распускала. И, слушая музыку, раз сто расчесывала расческой. Свободного времени для ухаживания за волосами теперь у неё было много.

Обычно косметикой Аомамэ не увлекалась, тем более находясь в таком одиночестве. Но чтобы хоть немного упорядочить жизнь, она тщательно ухаживала за своей кожей. Используя крем и лосьон, массируя лицо и перед сном обязательно накладывала на неё маску. Кожа у нее с детства была здоровой, а потому незначительный уход сразу делал ее гладкой и привлекательной. А возможно, за это надо было благодарить беременность. Аомамэ слышала, что, мол, кожа становится гладкой, когда женщина забеременеет, и теперь видела подтверждение таким словам. Во всяком случае, сидя перед зеркалом и глядя на свое лицо с распущенными волосами, она чувствовал, что стала красивее, чем прежде. По крайней мере, в душе у нее появился покой, свойственный зрелой женщине.

Пожалуй, с детства она не считала себя привлекательной. Она ни разу не слышала, чтоб ее кто-то называл красивой. Наоборот - мать относилась к ней, как к безобразному ребенку. «Вот если бы ты была красивее ...» - любила говорить она. Что подразумевало - если бы Аомамэ была красивой и привлекательной, то удалось бы больше людей обратить в их веру. А потому с детских лет она старалась не смотреть на себя в зеркало. А когда была нужда, останавливалась ненадолго перед ним и быстро, по-деловому, проверяла детали своей внешности. Таковую вот имела привычку...

Когда-то Тамаки Оцука призналась, что ей нравятся черты ее лица. «Твое лицо неплохое, даже замечательное, - сказала она. - Просто тебе нужно больше уверенности». Услышав это, Аомамэ

очень обрадовалась. Теплые слова подруги принесли Аомамэ, стоявшей на пороге половой зрелости, душевное успокоение. Она стала думать, что, возможно, она не такая противная, как и дальше повторяла ее мать. Но даже и Тамаки Оцука ни разу не назвала ее красивой.

И теперь, впервые в жизни, Аомамэ подумала, что в ее внешности, возможно, есть нечто хорошее. Как никогда раньше, она теперь садилась перед зеркалом и пристально всматривалась в своё лицо. Тем не менее, никаких признаков самовлюбленности в себе не заметила. Она по-деловому осматривала свое лицо, отраженное в зеркале, под разными углами так, будто наблюдала другую самостоятельную личность. Сама Аомамэ не могла определить, стало ли она красивее, или, может, она осталась такой же, как и раньше, но изменилось ее собственное ощущение.

Иногда перед зеркалом Аомамэ решительно хмурилась. Так же, как давно когда-то. Лицевые мышцы растягивались в разные стороны, и черты ее лица заметно менялись и разделялись. На нем выступали все чувства, которые только есть в мире. Красота и уродство. Под одной углом зрения она казалась злым демоном Яся, под вторым - клоуном. Еще под другим углом зрения был виден какой-то хаос чувств. А когда переставала хмуриться, мышцы медленно, как рябь на воде, разглаживались, и лицо принимало предыдущее выражение. Тогда Аомамэ открывала себя новую, несколько отличную от прежней.

«Правда же! Было бы хорошо, если бы ты могла естественнее улыбаться, - часто повторяла Тамаки Оцука. - А так твое лицо зря размягчается». Ноб Аомамэ не умела естественно, с равнодушным видом, улыбаться к людям. А когда получалось это делать, на лице появлялась вымученная холодная улыбка. Тогда собеседник напрягался и чувствовал себя неудобно. А вот Тамаки Оцука могла улыбаться очень естественно и дружелюбно. На первой же встрече любой проникался благосклонным отношением к ней. И наконец, оказавшись в плену отчаяния, она лишила себя жизни, оставив Аомамэ, которая не умела хорошо улыбаться.

Было тихое воскресенье. Люди, поощренные солнышком, пришли в детский парк напротив. Дали детишкам поиграть в песочнице и покачаться на качелях. Некоторые из детей катались с горки. Сидя на

скамейке, старые люди неумоимо следили за детскими играми. Сидя на садовом стуле на балконе Аомамэ невольно посматривала на эту мирную картину сквозь щели в пластиковых жалюзи. Мир ни на секунду не останавливался. В нем никто не задумывал убийства, никто не преследовал убийц. Никто не прятал в ящике комода завернутый в колготки пистолет, заряженный патронами калибра девять миллиметров.

«Неужели и я когда-либо, как они, буду частью спокойного нормального мира? - спрашивала она сама себя. - Смогу однажды пойти вместе со своим маленьким созданием в парк и качать его на качелях и катасть с детской горки? Буду жить, не думая об убийстве и не боясь стать жертвой? Неужели такая возможность существует в мире этого 1Q84 года? Или ее надо искать в другом месте? И самое главное - тогда со мной будет ли Тэнго? »

Аомамэ перестала следить за парком и вернулась в комнату. Закрывает стеклянную дверь и зашлонила шторы. Детские голоса утихли. Легкая грусть окутал ее душу. Отгороженная от окружающего мира, она была заперта на ключ изнутри. «Днем не нужно следить за парком, - подумала она. - В такое время Тэнго не придет. Ему хочется видеть две яркие Луны ».

Скромно поужинав и помыв посуду, Аомамэ тепло оделась и вышла на балкон. Укутав колени шерстяным одеялом, села удобно на садовый стул. Вечер был безветренный. Небо устелили легкие облака, которые так любят любители акварельной живописи, - словно первая попытка тонкого прикосновения кисти. Несмотря на них, большая Луна, полная на две трети своего размера, посылала на землю свой ясный свет. В это время из своего укрытия Аомамэ не могла увидеть вторую, маленькую, Луну. Поскольку та пряталась за зданиями. Но она знала, что она там есть. Чувствовала её существование. В зависимости от угла зрения, она иногда исчезала из ее поля зрения. Но вскоре, несомненно, появится.

Спрятавшись в квартире этого дома, Аомамэ научилась изгонять сознание из собственной головы. Могла по собственному желанию делать ее пустой. Она неумоимо следила за парком и, прежде всего, за детской горкой. Но ни о чем не думала. Э, нет, возможно, сознание работало. Но в целом, оно всегда было скрыто, будто в толще воды.

Аомамэ не знала, что происходит в её подсознании. Однако сознание периодически всплывала на поверхность. Как зеленая черепаха или дельфин, который высунул голову, чтобы подышать. И тогда она внезапно узнавала, что еще о чем-то думала. Набравшись свежего кислорода, её сознание потом опять куда погружалась. Исчезало. И Аомамэ снова ничего не думала. Становилась наблюдательным устройством, завернутым в мягкий кокон, направляющим свой невинный взгляд на детскую горку.

Она смотрела на парк. И одновременно ничего не думала. Если же в ее поле зрения появлялось нечто новое, её сознание сразу реагировала. А вот сейчас ничего не происходило. Ветра не было. Обоюдоострые, как медицинский зонд, ветви дзельквы не шевелилось. Мир полностью остановился. Аомамэ взглянула на часы. Пошел девятый час. Пожалуй, сегодня уже ничего не произойдет. Наступил тихий воскресный вечер.

В восемь двадцать три мир снова сдвинулся с места.

Аомамэ вдруг заметила мужчину, который сидел на детской горке и смотрел на небо. Ее сердце быстро сжалось до размера детского кулачка. Сокращение продолжалось так долго, что казалось, будто сердце больше не заработает. Потом вдруг оно расширилось до прежнего размера и возобновило работу. Отдаваясь сухим эхом, по всему организму с бешеной скоростью побежала свежая кровь. Сознание Аомамэ моментально всплыло на поверхность, встrepенулось и принялось за действия. «Тэнго», - машинально подумала Аомамэ.

Но когда колышущиеся поле зрения улеглось, ей стало ясно, что это не он. Широкую голову этого низкого, как подросток, мужчины покрывала вязаная шапка странной формы – в соответствии с формой головы. Одет он был в темно-синее пальто, на шее повязан зеленый шарф. Шарф был слишком длинный, а пальто раздутое настолько, что, казалось, пуговицы сейчас оторвутся. Аомамэ догадалась, что это был тот «парень», которого она вчера вечером мельком увидела на выходе из парка. Но в действительности он был не юношей, а взрослым мужчиной среднего возраста. Низкорослый, коренастый, с короткими руками и ногами. С поразительно большой сплюснутой головой.

Аомамэ вдруг вспомнила Фукускеголового, о котором рассказывал по телефону Тамару. Мужчину, который крутился возле усадьбы в Адзабу и присматривался к женскому убежищу. Внешность человека, сидевшего на детской горке, полностью совпадала со вчерашним описанием Тамару. Этот подозрительный мужчина продолжал проводить свои поиски, и теперь, наконец, добрался сюда. Надо принести пистолет. И чего это она именно сегодня оставила его в спальне? Глубоко подышав, Аомамэ прежде всего выровняла сердцебиение и успокоила нервы. Нет уж, не надо спешить. Хватать пистолет еще не требуется.

Во-первых, этот человек не ведет наблюдения за ее домом. Сидит на перилах детской горки и в том же положении, как Тэнго, поглядывает на небо. Похоже, что размышляет над тем, что сам видит. Долго не шевелится. Будто совершенно забыл это делать. На квартиру Аомамэ внимания совсем не обращает. Она растерялась. Собственно, что это означает? «Он пришел сюда в погоне за мной. Видимо, он принадлежит к секте. Бесспорно, хитрый преследователь. Потому добрался до меня от дома в Адзабу. Тем не менее, сейчас без проблем выставил себя передо мной и, словно замороженный, смотрит на вечернее небо ».

Аомамэ легко встала, приоткрыла стеклянную дверь и, войдя в комнату, села перед телефоном. Дрожащими пальцами стала набирать номер Тамару. Обязательно надо ему сообщить, что Фукускеголового сейчас видно из ее квартиры. На детской горке парка через дорогу. Следующие действия Тамару сам определит и, наверное, даст тебе совет. Однако набрав первые четыре цифры, Аомамэ остановилась и, не выпуская из рук трубки, прикусила губы.

«Еще слишком рано, - подумала она. - Относительно этого человека слишком много непонятого. Если Тамару расправится с ним как с опасным фактором, непонятое останется непонятым. Интересно, почему этот человек ведет себя так же, как недавно Тэнго. Сидит на той же детской горке в той же позе и смотрит туда же на небо. Будто подражает ему во всем. Аомамэ понимала, что, видимо, его взгляд также сосредоточен на двух Лунах. Если это правда, может быть, между ними и Тэнго существует некая связь. Может, он еще не узнал, что я скрываюсь в этом дома. Поэтому так открыто, совсем не скрываясь от меня, сидит спиной ко мне, расположившись на детской

горке. Чем больше она об этом думала, тем все убедительнее становилось это ее предположение. В таком случае, возможно, я смогу добраться до квартиры Тэнго, если прослежу за этим человеком. Он выступит в роли моего проводника ». От такой мысли её сердце с каждым разом всё сильнее и быстрее забилось. Аомамэ положила трубку.

Она решила отложить на потом сообщение Тамару. Прежде всего надо было много чего сделать. Конечно, ее подстерегает опасность. Ибо она, преследуемая, собирается следить за преследователем. И, кроме того, ее соперник, наверное, опытный профессионал. Тем не менее таким важным случаем нельзя пренебречь. «Возможно, для меня это последний шанс, - подумала Аомамэ. - А этот человек, видно, о чем-то сильно задумался».

Она поспешила в спальню и, отодвинув ящик комода, достала пистолет фирмы «Heckler & Koch». Сняла с предохранителя и, громко щелкнув, загнала патрон в патронник, потом опять его поставила на предохранитель. Пистолет засунула сзади за пояс в джинсы и вернулась на балкон. Человек со сплунутой головой все еще в той же позе смотрел вверх. Его голова ничуть не шевелилась. Казалось, все его внимание сосредоточилось на том, что он видел на небе. Аомамэ хорошо понимала его настроение. Такая картина действительно завораживала.

Аомамэ вернулась в комнату, одела теплую, на пуху, куртку и надела на голову бейсбольную кепку. Напялили на нос простые темные очки. Этого оказалось достаточно, чтобы ее вид преобразился. Обмотала шею серым шарфом, сунула в карман кошелек и ключи от квартиры. Бегом спустилась по лестнице и вышла во двор. Резиновые подошвы ее теннисных туфель беззвучно ступали по асфальту. Ощущение чего твердого под ногами после длительного перерыва придавало ей уверенности.

Выйдя во двор, Аомамэ убедилась, что Фукусеголовый все еще сидит на том же месте. С заходом солнца температура неуклонно снижалась, но ветра, по-прежнему не было. Наоборот, царил приятная прохлада. Затаив дыхание, Аомамэ с равнодушным видом прошла мимо парка. Фукусеголовый не обратил на нее никакого внимания. Его взгляд по-прежнему был устремлен вверх. Она догадывалась, хотя сама и не видела, что этот человек, наверное,

установился на обе Луны, что плыли вдвоем в холодном, безоблачном небе.

Миновав парк, она вскоре свернула направо и пошла обратно. Зашла в тень и взялась следить, что происходит на детской горке. Сзади, на поясице, чувствовала пистолет. Твердый и холодный, как смерть. Это ощущение успокаивали возбужденные нервы.

Ждать пришлось минут пять. Человек медленно поднялся, стряхнул пыль с куртки и, еще раз взглянув на небо, решительно спустился с детской горки. Оставив парк, двинулся в сторону станции. Следить за ним было совсем нетрудно. Воскресным вечером в жилом квартале редко попадались люди, и, отпустив его даже на достаточное расстояние, Аомамэ не опасалась потерять его. Кроме того, Фукусеголовый, кажется, совсем не подозревал, что, возможно, кто-то идет за ним по пятам. Ни разу не оглядываясь, шел с неизменной скоростью. Как человек, который о чем-то думает. «Какая ирония! - рассуждала Аомамэ. - Преследователь не замечает, что его преследуют».

Вскоре стало ясно, что человек не направляется к вокзалу Коэндзи. Пользуясь картой двадцати трех районов Токио, которая была в квартире, Аомамэ подробно запомнила географию местности вокруг ее многоквартирного дома. Так как в случае критической ситуации должна была досконально знать, куда двигаться. Поэтому поняла, что на полпути Фукусеголовый свернул в сторону, хотя изначально направлялся к станции Коэндзи. Кроме того, она заметила, что он не знаком с окружающей местностью. Два раза останавливался на повороте, неуверенно озирался вокруг и проверял на телеграфных столбах номера жилых блоков.

Впоследствии он несколько ускорял ход. Аомамэ предположила, что, видимо, он вернулся на знакомую территорию. И действительно, миновав районную начальную школу, а потом, немного пройдя узкой улочкой, он зашел в старый трехэтажный дом. Убедившись, что мужчина исчез внутри, Аомамэ подождала пять минут. Она совсем не хотела столкнуться с ним в дверях. Над дверью висела железобетонный козырек крыльца, а на землю бросала желтый свет круглая электролампа. На доме не было видно ничего похожего на вывеску или табличку с фамилиями. Возможно, это был безымянный

дом. Во всяком случае, казалось, что прошло много времени с тех пор, как его построили.

Когда прошло пять минут, Аомамэ направилась к дому. Быстро прошла под желтым освещением и открыла дверь. В маленьком холодном холле не было ни души. Старая люминесцентная лампа то и дело трещала. Откуда-то доносились телевизионные звуки. Слышно было, как ребенок визгливым голосом что-то требовал от матери. Аомамэ вынула из кармана куртки свой собственный ключ и, легонько помахивая им, чтобы в случае чего показать, что она здесь живет, прочитала фамилии на почтовых ящиках. Не очень надеялась увидеть на одной из них фамилию Фукусеголового, но решила попробовать. Ведь в таком малом доме проживает не так много людей. И когда следующий миг увидела фамилию Кавана, перестала слышать все окружающие звуки. Аомамэ оцепенела перед этим почтовым ящиком. Окружающий воздух так страшно поредел, что нечем было дышать. Ее слегка приоткрытые губы мелко дрожали. А время бежало. Она хорошо понимала, что такое её поведение глупое и опасное. Мужчина, которого она преследовала, был где-то здесь. И мог в любую минуту появиться в дверях. Однако Аомамэ не могла оторваться от почтового ящика. Маленькая надпись с фамилией Кавана парализовал её разум и заморозил её организм. Разумеется, она не имела доказательства, что житель с фамилией Кавана - это Тэнго Кавана. Фамилия Кавана не является широко распространенной, но и была не такой редкой, как Аомамэ. Однако если Фукусеголовый как-то связан с Тэнго, то, по ее предположению, велика вероятность того, что речь идет именно о Тэнго Кавана. Номер квартиры был 303. Случайно таким же, как у нее.

«Что же делать?» - подумала Аомамэ, крепко сжав губы. Ее мысли вертелись непрерывно по одному кругу. Но выхода не было видно. Что же делать? Но торчать перед почтовым ящиком она не могла. Наконец Аомамэ решилась и по неприветливым бетонным ступенькам лестницы поднялась на третий этаж. Мелкие трещины в некоторых местах на полутемном полу свидетельствовали о течении времени. Резиновые подошвы ее теннисных туфель неприятно шуршали.

Аомамэ остановилась перед квартирой номер 303. На обычных железных дверях увидела табличку с напечатанным именем Кавана. Без имени. От этих двух иероглифов [21] повеяло страшным холодом и неестественностью. И одновременно в них притаилась глубокая загадка. Стоя перед дверью, Аомамэ внимательно прислушалась. Обострила все свои ощущения. Но из-за двери ничего не услышала. Даже не знала, есть ли свет в квартире. У двери был звонок.

Аомамэ колебалась. Прикусив губы, думала: "Нажать на кнопку или нет?" «А вдруг это хитро придуманная ловушка? - рассуждала она. - Может, за дверью скрывается Фукусеголовый и, словно злой карлик в темном лесу, с отвратительной улыбкой на губах ждет меня? Нарочно показался на детской горке, чтобы заманить меня сюда и схватить? Как приманку использовал то, что я ищу Тэнго. Подлый и хитрый тип. Ухватился за мое уязвимое место. Другого способа не было, чтобы заставить меня открыть дверь изнутри ».

Удостоверившись, что рядом нет никого, она вынула из джинсов пистолет. Опустила вниз предохранитель и, чтобы можно было быстро выхватить его, сунула в карман куртки. Сжав правой рукой рукоятку, указательный палец приложила к спусковому крючку. Большим пальцем левой руки нажал на кнопку звонка.

Слышно было, как внутри квартиры раздается медленная мелодия звонка, совсем не соизмеримая с бешеным биением ее сердца. Сжимая в руке пистолет, она ждала, когда откроется дверь. Но она не открылась. Не было также признаков того, что кто-то заглядывает в глазок. Сделав небольшую паузу, Аомамэ снова зазвонила. Мелодия прозвучала снова так громко, что люди в столичном районе Сугинами должны приподнять голову и наострить уши. Правая рука Аомамэ, державшая пистолет, вся вспотела. Но реакции не было.

Лучше убраться отсюда. Ведь жителя квартиры 303 с фамилией Кавана, кем бы он ни был, нет дома. Кроме того, сейчас где-то в этом доме прячется зловещий Фукусеголовый. Оставаться здесь дольше опасно. Аомамэ поскорее спустилась по лестнице и, еще раз глянув на почтовый ящик, вышла во двор. Опустив голову, быстро прошла под желтым освещением и направилась по улице. Оглянулась, чтобы убедиться, что никто за ней не следит.

Ей пришлось многое передумать. И так же многое решить. Она ощупью поставила пистолет на предохранитель и в безлюдном месте

засунула оружие сзади за пояс в джинсы. «Не стоит излишне надеяться, - напоминала она себе. - Не стоит хотеть слишком многого. Возможно, житель квартиры с фамилией Кавана - действительно Тэнго. А может, и нет. Когда появляется надежда, душа пользуется этой возможностью и начинает действовать. И вот когда надежда не оправдывается, человек впадает в отчаяние, а отчаяние порождает бессилие. Сердце разрывается, и теряется бдительность. Сейчас для меня это наибольшая опасность ».

Аомамэ не знала, какими фактами и доказательствами располагает Фукускеголовый. Но он реально приблизился к ней. На расстояние протянутой руки. «Надо напрячь все силы и не зевать,

- подумала она. - Противник опытный и опасный. Малейшая ошибка может обернуться для меня смертью. Прежде всего, нельзя было так легкомысленно приближаться к этому старому дому. Он в нем где-то притаился и, наверное, обдумывает, как хитро меня поймать. Как ядовитый кровожадный паук, расставляющий в темноте свою паутину.

Когда Аомамэ вернулась на свою квартиру, ее решимость окрепла. Она должна была действовать только одним способом.

На этот раз Аомамэ набрала полностью номер Тамару. После двенадцати звонков положила трубку. Скинула шапку и куртку, положила пистолет в ящик комода и выпила два стакана воды. Вскипятила воды для приготовления чая. Поглядывая сквозь щели между шторами на парк через дорогу, убедилась, что там нет никого. Стоя перед зеркалом в ванной комнате, расчесала щеткой волосы. Однако пальцы обеих рук не двигались плавно. Напряжение не снималось. Когда Аомамэ наливала кипяток в чайничек, зазвонил телефон. Конечно, от Тамару.

- Недавно я увидела Фукускеголового, - сказала она.

Наступило молчание.

- Если недавно увидели, то это означает, что его уже там нет?

- Да, - ответила Аомамэ. - Он недавно был в парке напротив дома, но теперь его уже нет.

- Как давно это было?

- Минут сорок назад.

- А почему вы тогда сразу не позвонили?

- Не было времени. Я должна была проследить за ним.

Тамару медленно, словно выдавливая из себя, вздохнул.

- Проследить за ним?

- Потому что не хотела упустить его из виду.

- А я же вам говорил ни в коем случае не выходить на улицу.

Аомамэ тщательно подбирала слова.

- Но я не могла просто сидеть, сложа руки, и смотреть, как ко мне приближается опасность. Если бы я вам позвонила, вы не смогли сразу сюда прибыть. Ведь так?

Тамару откашлялся.

- Итак, вы проследили за Фукускеголовым.

- Похоже, что он не догадывался, что я слежу за ним.

- Профессионал может так притворяться, - сказал Тамару.

«Тамару прав. Возможно, это была хитро придуманная ловушка »,

- подумала Аомамэ, но признать свою ошибку перед ним уже не могла.

- Конечно, вы - так можете, а тот человек, по моему мнению, такого высокого уровня не достиг. Может, он способный, но не настолько, как вы.

- Возможно, кто-то его подстраховывал.

- Нет. Он был один.

Тамару сделал короткую паузу.

- Хорошо. Так вы проследили, куда тот тип пошел?

Аомамэ назвала адрес дома, описала внешний вид мужчины. Не указала только номера квартиры. Тамару все это записал в блокнот. Он поставил несколько вопросов, на которые Аомамэ дала как можно более точный ответ.

- Вы его заметили в парке напротив вашего дома? - Спросил Тамару.

- Да.

- Что он там делал?

Аомамэ пояснила, что он сидел на детской горке и долго смотрел на вечернее небо. Однако о двух Лунах не сказала.

- Смотрел на небо? - спросил Тамару. Через трубку было слышно, как его мышление набирает каждый раз всё больше и больше оборотов.

- На небо, на Луну или на закат - на что-то в этом роде.

- И без проблем выставил на детской горке свою фигуру?

- Именно так.

- Вам не кажется это странным? - спросил Тамару твердым, сухим голосом, который вызвал в воображении растение в пустыне, выросшее в конце сезона, когда впервые в том году выпал снег. - Тот мужчина вас выследил. Ему осталось сделать только еще один шаг. Отлично! Однако он беззаботно сидел на детской горке и смотрел на зимнее вечернее небо. На вашу квартиру не обращал внимания. По моему, такая история имеет какую-то свою логику.

- Возможно. Странная история. И, как мне тоже показалось, нелогичная. Но все равно я не могла не обратить на него внимания.

Тамару вздохнул.

- Однако все это кажется мне очень опасным.

Аомамэ молчала.

- Вы попытались проследить за ним, но хоть немножко смогли разгадать загадку? - спросил Тамару.

- Не смогла, - ответила Аомамэ. - Но наткнулась на интересную вещь.

- Какую, например?

- Из надписей на почтовом ящике в доме я узнала, что в нем, на третьем этаже, живет человек с фамилией Кавана.

- Ну и что?

- Вы слышали о книге «Воздушный кокон», которая этим летом стало бестселлером?

- В газетах читал. Её автор, Эрико Фукада, - на самом деле дочь последователей секты «Сакигаке». Она куда-то пропала, и возникло подозрение, что, возможно, ее похитили люди этой секты. Полиция проводила расследование. Но книги я еще не читал.

- Эрико Фукада - не просто дочь последователей, а лидера секты «Сакигаке». Одним словом, она - дочь человека, которого я собственными руками послала в иной мир. А Тэнго Кавана - автор-невидимка, который по поручению редактора, кардинально переписал «Воздушный кокон». Таким образом, книга фактически стала совместным произведением двух людей. Наступило длительное молчание. За такое время можно было пройти из одного конца продолговатой комнаты в другой, взять словарь, что-то прочитать и вернуться обратно. Затем Тамару открыл рот.

- Но ведь нет твердого доказательства, что житель дома с фамилией Кавана - это Тэнго Кавана.

- Пока нет, - признала Аомамэ. - Но если бы это был тот самый человек, то вся история, возможно, стала бы логичной.

- Детали подошли бы друг к другу, - сказал Тамару. - И откуда вы знаете, что Тэнго Кавана - автор-невидимка «Воздушного кокона»? Об этом нет открытых публикаций. Иначе в противном случае поднялся бы большой скандал.

- Я слышала это из уст лидера. Он открыл мне эту правду перед смертью.

Голос Тамары стал чуть холоднее.

- Вы должны были рассказать мне об этом гораздо раньше. Не так ли?

- Тогда этому факту я не придавала важного значения.

Снова наступила короткая пауза. Аомамэ не догадывалась, о чем Тамару сейчас думает. Но знала, что он не любит оправданий.

- Пусть будет по-вашему, - наконец сказал Тамару. - Если быть кратким, то вы хотите сказать, что, возможно, таким способом Фукускеголовый использует Тэнго Кавану, чтобы затем с помощью этой ведущей нити попытается приблизиться к вашему месту пребывания.

- Думаю, это не исключено.

- Только я вот что не совсем хорошо понимаю, - сказал Тамару. - Каким образом Тэнго Кавана стал той путеводной нитью для вашего поиска? Ведь между ним и вами, кажется, не было никакой связи. Вы убрали отца Эрико Фукады, а Тэнго Кавана исполнял только роль автора-невидимки книги.

- Связь была, - ровным голосом сказала Аомамэ.

- Вы хотите сказать, что между вами и Тэнго Каваной существует непосредственная связь?

- Мы с ним когда-то учились в одном классе начальной школы. Я думаю, что, возможно, он является отцом ребенка, которого собираюсь родить. Дополнительные объяснения я не могу сейчас вам предоставить. Потому что это, так сказать, очень личное дело.

В трубке было слышно, как кончик шариковой ручки постукивает по столу.

- Личное дело ... - сказал Тамару таким голосом, словно на ровной каменной дорожке заметил какое-то удивительное животное.

- Извините, - сказала Аомамэ.

- Понятно. Очень личное дело. Больше не буду спрашивать, - сказал Тамару. - Так что конкретного вы хотите от меня?

- Прежде всего, я хотела бы знать, житель с фамилией Кавана - действительно ли Тэнго Кавана. Если бы можно было, я сама хотела бы в этом убедиться. Но для меня опасно приближаться к тому дому.

- Безусловно, - подтвердил Тамару.

- Кроме того, Фукусеголовый наверняка прячется где-то в этом доме и что-то затевает. Если бы он обнаружил мое место пребывания, то, думаю, пришлось бы принимать жесткие мероприятия.

- В известной степени он установил, что вы имеете отношение к мадам, и тщательно перебирает несколько различных фактов и связать их воедино. Конечно, пропустить это мимо внимания нельзя.

- И еще одно я хотела бы у вас спросить, - сказала Аомамэ.

- Спрашивайте.

- Если упомянутый житель дома - действительно Тэнго Кавана, то я хотела бы, чтобы с ним ничего не случилось. Если же все таки кому-то и придется боль испытать, то я вместо него с удовольствием соглашусь на такую роль.

Тамару снова на минутку замолчал. На этот раз не было слышно ничего, даже стука кончика шариковой ручки по столу. Он погрузился в размышления в мир молчания.

- Первые две ваши просьбы я могу выполнить, - сказал Тамару. - Потому что это относится к моим рабочим обязанностям. А вот о третьей просьбе я ничего не могу сказать. В нем замешано много личного, чего я не могу понять. Кроме того, по собственному опыту я знаю, что не так легко справиться с тремя задачами одновременно. Волей-неволей приходится ставить что-то на первое место.

- Неважно. Можете предпочесть что-то так, как считаете это нужным. Но запомните, что пока я живу, я непременно должна встретиться с Тэнго. Так как обязана кое-что ему сказать.

- Обязательно запомню, - пообещал Тамару. - Для этого в голове еще есть свободное место.

- Спасибо, - сказала Аомамэ.

- О нашем разговоре я должен доложить начальству. Это деликатная проблема. Решить ее по своему усмотрению не имею права. Пока разговор на этом закончим. Из дома больше не выходите. Сидите под замком. Если выйдете - будут неприятности. А возможно, они уже есть.

- Но зато я о преследователе смогла собрать несколько фактов.

- Ну, хорошо, - словно сдаваясь, произнес Тамару. - Из того, что я услышал, вы вроде бы не сделали никакой ошибки. Это я признаю. Но не теряйте бдительности. Нам еще точно неизвестно, что он задумал. Учитывая все обстоятельства, можно догадываться, что за его спиной стоит некая организация. Вы еще имеете тот предмет, что я передал вам раньше?

- Конечно.

- Пока что лучше держать его под рукой.

- Так и сделаю.

После короткой паузы разговор прервался.

Аомамэ погрузилась глубоко в белую ванну с горячей водой и, долго согреваясь, думала о Тэнго. То, что он, возможно, живет в квартире на третьем этаже старого дома. Вспомнила грубые железные двери и табличку с напечатанным именем Кавана. Интересно, как выглядит его квартира и как он в ней живет?

В воде она приложила обе руки к груди и медленно, несколько раз, их погладила. Соски стали как никогда ранее, твердыми и чувствительными. «Вот было бы хорошо, если бы эти руки принадлежали Тэнго», - подумала она. Аомамэ представила себе его широкие ладони. Какими сильными и нежными были бы они. Видимо, ее грудь под его ладонями нашла бы глубокое наслаждение и покой. Вскоре Аомамэ заметила, что ее груди немного увеличилась. «Нет, это не галлюцинация. Они разбухли и стали сверху мягкими. Может, потом, что она забеременела. Или просто, независимо от беременности, стали большими. словно это первое звено моего преображения».

Аомамэ приложила руку к животу. Он еще недостаточно раздулся. Вот почему она не чувствовала тошноты. Но она знала, что внутри него скрывалось *ее маленькое создание*. «Возможно, - подумала она, - они отчаянно хотят не моей смерти, а этого

маленького существа, из-за того, что я убила их лидера. - От такой мысли она задрожала. - Во что бы то ни было я должна встретиться с Тэнго, - снова твердо решила она. - Объединить свои силы с его, и защищать *это маленькое создание* как самую дорогую драгоценность. До сих пор в жизни я уже многое потеряла. И только в этом случае я никому ничего и никого не отдам ».

Забравшись в постель, Аомамэ некоторое время почитала книгу. Однако дремота не приходила. Аомамэ закрыла книгу и сложила руки на животе, словно защищая его. Лежа щекой на подушке, думала о двух зимних Лунах в небе над парком. О *мадзу* и *дооту*. Свет двух планет, смешиваясь, заставлял колыхаться ветви безлистной дзельквы. Наверное, вот сейчас Тамару размышляет, как выбраться из этого положения. Его голова работает с большим напряжением. Аомамэ представила себе, как он, нахмутив брови, кончиком шариковой ручки стучит по столу. Затем, будто убаюканная этим однообразным непрерывным ритмом постукивания, она оказалась в мягких объятиях сна.

Глава 21 . Тэнго

Где-то в закоулке головы

Зазвонил телефон. Цифры будильника извещали 2:05. Была ночь нового дня - понедельника. Конечно, вокруг царила тьма. Тэнго спокойно и крепко спал. Без всяких сновидений.

Прежде всего, ему пришло в голову, что звонит Фукаэри. В такую неуместную пору делать это могла только она. «Или Комацу», - в следующее мгновение подумал он. Потому как отношения Комацу ко времени не укладывались в здравый смысл. Но этот звонок, скорее всего, не принадлежал и ему. Вообще звучал настойчиво и поделовому. Кроме того, несколько часов назад Тэнго встречался с Комацу и обо всем подробно поговорил.

Понятное дело, был выбор - пропустить мимо ушей этот звонок и дальше спать. В общем, Тэнго так и хотелось это сделать. Однако звонок, будто исключая любую другую возможность, ни на миг не унимался. Казалось, он будет брнчать до рассвета. Тэнго встал с постели и, натыкаясь на что-то, поднял трубку.

- Алло! - еле ворочая языком, сказал он. Казалось, будто вместо мозга голову заполнял замороженный салат. На свете есть люди, которые не знают, что салат не следует замораживать. Так как, если потом его размораживают, он теряет свой вкус. Хотя говорят, что, возможно, именно это - лучшее его качество. Приложив трубку к уху, Тэнго услышал шум ветра. Капризного ветра, пролетающего узкой долиной между гор, слегка шевеля шерсть тонконогих оленей, которые пьют прозрачную воду, наклонившись над потоком. Но это не был шум ветра. А чье-то дыхание, увеличенное аппаратурой.

- Алло! - повторил Тэнго.

Возможно, это кто-то балуется. Или, может, телефонная линия неисправна.

- Алло! - отозвался кто-то незнакомым женским голосом.

Не Фукаэри. И не замужняя подруга.

- Алло! - сказал Тэнго. - Тэнго слушает.

- Тэнго, - сказала собеседница.

Наконец разговор вроде бы завязался. Но с кем он говорит, Тэнго не догадывался.

- Кто вы?

- Куми Адати, - ответила женщина.

- А-а, это ты? - удивился Тэнго.

Это была молодая медсестра Куми Адати, которая жила в доме, из которого он слышал крик совы.

- Что случилось?

- Вы спали?

- Ага, - ответил Тэнго. - А ты?

Вопрос был бессмысленным. Конечно, сонный человек не может звонить по телефону. И чего это он задал такой глупый вопрос? Наверное, потому, что в его голове содержится замороженный салат.

- Я на работе, - сказала она. И откашлялась. - Послушайте, господин Кавана недавно умер.

- Господин Кавана умер, - ничего не понимая, повторил Тэнго. Неужели кто-то так может сообщать, что он, Тэнго, умер?

- Тэнго, вашего отца не стало, - уточнила медсестра.

Тэнго бессодержательно переложил трубку из правой руки в левую.

- Не стало, - повторил он.

- Я дремала в комнате отдыха, когда во втором часу раздался звонок вызова из палаты вашего отца. Я удивилась, потому что, будучи долгое время без сознания, он не мог позвонить, но сразу побежала. Прибежала, и он уже не дышал. И сердце перестало биться. Разбудила дежурного врача, который оказал неотложную помощь, однако она была бесполезной.

- Итак, ты хочешь сказать, что отец сам нажал на кнопку звонка?

- Возможно. Никто другой это сделать не мог.

- Какая причина смерти? - Спросил Тэнго.

- Я вам сама ничего не могу сказать. Но, кажется, он не страдал. Лицо было спокойное. Как бы это сказать ... казалось, что в конце осени в безветренный день с дерева упал листок. Может, я плохо выразилась?

- Нет, совсем не плохо, - ответил Тэнго. - По-моему, хорошо.

- Сегодня сможете к нам приехать?

- Думаю, что смогу. - С понедельника должны были восстановиться лекции в подготовительной школе, но если умер отец,

то уж как-то он обойдется без них. - Сяду на первый экспресс. И где-то к десяти прибуду.

- Была бы вам очень благодарна. Потому нужно уладить некоторые дела.

- Дела? - Спросил Тэнго. - Надо что-то конкретно приготовить?

- Вы - единственный человек из семьи господина Каваны?

- Пожалуй.

- Тогда возьмите с собой собственную печать. Может, пригодится. А удостоверение о правильности печати имеете?

- Думаю, что да.

- На всякий случай прихватите и его. Ничего другого, думаю, не потребуется. Ваш отец сам, кажется, все приготовил.

- Все приготовил?

- Ага. Когда еще был в полном сознании, он подробно распорядился о расходах на похороны, по одежде и месту захоронения. Был очень предусмотрительным человеком. Так сказать, практичным.

- Действительно таким он и был, - подтвердил Тэнго и потер пальцем висок.

- В семь утра кончится мое дежурство, и я пойду домой спать. Зато на работу придут медсестры Тамура и Омура и, думаю, все вам подробно объяснят. Тамура - медсестра средних лет в очках, Омура - медсестра, которая вставляла шариковую ручку в волосы.

- Спасибо за все, что вы сделали, - сказал Тэнго.

- Не за что, - ответила Куми Адати. А потом, будто вдруг что-то вспомнив, добавила: - Примите, пожалуйста, от меня искренние соболезнования.

- Спасибо, - сказал Тэнго.

Тэнго не мог больше спать, а потому вскипятил воды и выпил приготовленного кофе. Благодаря этому голова немного пришла в норму. Он почувствовал, что вроде бы проголодался, а поэтому съел сэндвич с помидорами и сыром, хранившимися в холодильнике. Но сэндвич почти не имел вкуса - так бывает, когда человек ест в темноте. Затем Тэнго вынул расписание поездов и узнал о времени отхода экспресса в Тате. Хотя прошло всего два дня, как он в субботу

вернулся из «Кошачьего города», но приходится снова туда возвращаться. Но на этот раз не надолго - на один-два дня.

Когда часы показал четвертый час утра, Тэнго помылся и побрился. Расческой пытался пригладить взъерошенную кучу волос, но, как всегда, это ему не совсем хорошо удавалось. А, всё равно! Они днем сами улягутся.

Смерть отца его особо не потрясла. Тэнго уже провел вместе с ним, находящимся без сознания, полностью обездвиженным, две недели. Было видно, что сам отец воспринимает свое приближение к смерти как свершившийся факт. Подобные слова звучат странно, но, казалось, что после такого решение он сам выключил рубильник жизни и оказался в коматозном состоянии. Врачи не могли определить, что привело его к коме. А вот Тэнго знал, что отец сам решил умереть. Или не захотел больше жить. Свет его сознания погас, все ощущения заперли свои двери и ждали наступления нового времени года, как опавший листок, по словам Куми Адати.

Со станции Тикури на такси он прибыл в приморский санаторий в десять тридцать. Как и накануне, в воскресенье, был спокойный зимний день. Солнечные лучи щедро одаривали своим теплом присохшую траву во дворе, а незнакомый пестрый кот, греясь на солнышке, неторопливо и тщательно облизывал свой хвост. Медсестры Тамура и Омура встретили Тэнго у парадного входа. Каждая тихим голосом успокаивала его, и он был благодарен им за сочувствие.

Тело отца содержалось в неприметной комнатке неприметной части здравницы. Медсестра Тамура провела туда за собой Тэнго. Свет люминесцентной лампы под потолком делал белые стены этой кубической комнатки без окон еще белее. На невысоком, по пояс, комоду стояла стеклянная ваза с тремя белыми хризантемами, возможно поставленными сегодня утром. Старые, пыльные круглые часы на стене показывал точное время. И неизвестно о чем свидетельствовали. Никакой другой мебели и украшений не было. Наверное, немало старых людей так же прошло через эту скромную комнатку. Они молча зашли и молча вышли. Хотя комнатка выполняла вполне практическую роль, в ней витала по-своему торжественная атмосфера с важной информацией.

Лицо отца ничем не отличалось от того, каким было при жизни. Даже взгляд вблизи почти не давал оснований считать, что отец мертв. Его лицо имело неплохой цвет, а подбородок и верхняя губа были на удивление гладкими - очевидно, кто-то умело их сбрил. Глубокий сон с потерей сознания и смерть сейчас между собой по виду особо не отличались. Просто стали ненужными питание и выделения организма. Если организм оставить в таком состоянии, то через несколько дней начнется его гниение. Вот в чем и заключается основная разница между жизнью и смертью. Но, конечно, прежде чем это произойдет, останки сожгут.

Пришел давно знакомый врач и, выразив сожаление, рассказал Тэнго историю смерти отца. Объяснял подробно, любезно и долго, но, если говорить коротко, то его рассказ сводился к одному: «Причина смерти не совсем понятна». Несмотря на многочисленные анализы, не удалось установить чего-то конкретно больного. Скорее наоборот - их результаты показывали, что отец совершенно здоров. И только нарушение функций мозга вызвали подозрение. Однако почему-то, по непонятной причине, в определенный момент отец впал в коматозное состояние и функции его организма медленно, но неустанно, снижались, а обморок не проходил. И когда снижение функций достигло такого уровня, что поддерживать жизнь дальше стало тяжело, отец неизбежно оказался в лапах смерти. Все это было хорошо понятно, но с точки зрения врача оставалось немало проблем. Поскольку не удавалось определить причины смерти. Конечно, ее можно было связать с глубокой старостью, но отцу было только шестьдесят пять лет и он по этой причине не попадал под симптомы болезни.

- Как личный врач вашего родителя я должен написать справку о его смерти, - робко сказал упомянутый врач. - Собираюсь сформулировать причину смерти такими словами: «Сердечная недостаточность, вызванная длительным коматозным состоянием». Вы не против?

- А разве вы хотите сказать, что истинная причина смерти отца - не «сердечная недостаточность, вызванная длительным коматозным состоянием»? - спросил Тэнго.

Врач немного смутился.

- В том то и дело, что в работе его сердца до последнего времени не замечалось никаких нарушений.

- Но и в работе других органов чего-то похожего на нарушения не было.

- Вы правы, - неохотно согласился доктор.

- Но в справке необходимо указать точную причину смерти?

- Именно так.

- С профессиональной точки зрения это понятно, но сейчас сердце остановилось, не так ли?

- Конечно. Сердце остановилось.

- Так это же и есть своеобразная недостаточность, не правда ли?

Врач над этим задумался.

- Если работу сердца считать нормой, то это действительно недостаточность. Вы правы.

- Тогда так и напишите. Мол, причина смерти - «сердечная недостаточность, вызванная длительным коматозным состоянием». Я не возражаю.

Врач будто облегченно вздохнул. Сказал, что за полчаса сможет приготовить справку. Тэнго поблагодарил. Врач ушел, а на его месте осталась медсестра Тамура в очках.

- Может, побудете какое-то время с отцом? - спросила она.

Вопрос был стандартным. Он звучал по-деловому.

- Нет, в этом нет необходимости. Спасибо, - ответил Тэнго.

Даже оставшись наедине с мертвым отцом, ему не о чем было с ним говорить. Как не было и тогда, когда тот еще жил. А когда тот умер, то тема для разговора тем более не появилась.

- Итак, перейдем в другое место и поговорим о нашей программе. Вы не возражаете? - сказала медсестра.

Тэнго ответил, что не имеет ничего против.

Перед тем как выйти от умершего, медсестра Тамура легонько сложила ладони у своей груди. Так же сделал Тэнго. Людям свойственно природное уважение к покойнику, недавно совершившему личный подвиг под названием «смерть». Затем они вышли из комнатки без окон и направились в столовую. Там не было никого. Из большого окна, которое выходило во двор, лился яркий солнечный свет. Оказавшись на свету, Тэнго облегченно вздохнул. Никаких следов покойника уже не было. Перед ним открылся мир,

который предназначен для жизни людей. Даже если он неверный и несовершеннолетний. Медсестра Тамура налила в кружки теплого зеленого чая. Сидя друг против друга, они некоторое время молча его пили.

- Переночуете где-нибудь сегодня? - спросила она.

- Собираюсь переночевать, но еще не заказал место в гостинице.

- А почему бы вам не поспать в палате, в которой до сих пор находился ваш отец? Она сейчас пустая. В таком случае вам не придется платить за ночлег. Конечно, если вы не против.

- Конечно, не против, но ... - несколько удивленно ответил Тэнго. - Разве так разрешается делать?

- Разрешается. Никто из нас не будет возражать, если это вам подойдет. Кровать приготовим позже.

- А что я теперь должен делать, какие документы оформлять? - спросил Тэнго.

- Когда получите справку о смерти от лечащего врача, пойдете в городскую управу за разрешением на кремацию, а после этого выпишите отца из книги регистрации. Пока это - самое главное. А о делах, касающихся пенсии и переводе банковского счета на другое лицо, поговорите с адвокатом.

- Адвокатом? - удивился Тэнго.

- Господин Кавана, то есть ваш отец, договорился с адвокатом обо всех процедурах, которые придется пройти после его смерти. Адвокат - это не нечто особенное. В нашей здравнице много старых людей, которые часто имеют проблемы с решением таких вопросов, как распределение наследства, а потому во избежание юридических проблем, в сотрудничестве с местным юридическим управлением адвокат дает им юридические советы. А в роли нотариуса также составляет завещания. Расходы на него невелики.

- А разве отец оставил завещание?

- Об этом поговорите, пожалуйста, с адвокатом. Потому что я ничего об этом не могу сказать.

- Понятно. А я смогу с ним встретиться в ближайшее время?

- Уже решено, что он придет сюда в три часа. Мы сами так распорядились, чтобы его поторопить и вас лишнее время не задерживать.

- Отлично! - похвалил Тэнго предусмотрительность медсестры. Почему-то женщины старше его возрастом, с которыми он имел дело, всегда оказывались предусмотрительными.

- Во всяком случае, прежде всего, поезжайте в городскую управу, выпишите отца из книги записей актов гражданского состояния и получите разрешение на кремацию, хорошо? Иначе дело никак не сдвинется с места, - сказала медсестра Тамура.

- Значит, мне сейчас надо ехать в Итикаву? Ведь он там зарегистрирован. В этом случае я не успею вернуться сюда до трех часов.

Медсестра покачала головой.

- Когда ваш отец устроился в этот санаторий, то все сведения о нем сразу были переправлены из Итикавы к Тикури. Это делается на всякий случай, чтобы потом не пришлось тратить лишнего времени.

- Идеально приготовился, - восхищенно сказал Тэнго.

Похоже, будто отец от самого начала знал, что умрет здесь.

- Действительно, - согласилась медсестра. - До сих пор такого никто не делал. Все думают, что прибыли сюда временно. Но на самом деле... - запнулась она и, словно намекая на следующие слова, сложила обе руки на груди. - Во всяком случае, ехать в Итикаву вам не надо.

Тэнго завели в одноместную палату, в которой отец провел несколько последних месяцев. На кровати лежал полосатый матрас, без простыни и одеяла. На столике стояла простая лампа, в узеньком шкафу висело несколько голых вешалок. На книжной полке не было ни одной книги. Все личные вещи куда-то перенесли. Однако Тэнго не мог вспомнить, какие это были вещи. Он положил сумку на пол и огляделся вокруг. В палате все еще оставался легкий запах лекарств. Тэнго даже чувствовал воздух, который выдыхал больной. Он распахнул окно и проветрил комнату. Выцветшие шторы закачались от ветра, словно юбочка игривой девочки. Несмотря на это, Тэнго вдруг подумал, как было бы хорошо, если бы рядом находилась Аомамэ и молча сжимала его руку.

На автобусе Тэнго доехал до городской управы, в окошке показал справку о смерти отца и получил разрешение на кремацию через

двадцать четыре часа после смерти. Подал прошение об изъятии записи отца из книги регистрации, связанного с его смертью, и получил соответствующую справку. Все эти формальности забрали немного времени, но в принципе оказались чрезвычайно простыми. Не требовали самоуглубления и знаний. Ничем не отличались от сдачи в утиль старого автомобиля. Медсестра Тамура сделала в канцелярии три копии документов, которые Тэнго принес с городской управы.

- В половине третьего, еще перед появлением адвоката, сюда придет человек из фирмы ритуальных услуг «Дзенкося», - сказала медсестра. - Дайте, пожалуйста, этому человеку копию разрешения на кремацию. Все остальное фирма возьмет на свою ответственность. Ваш отец еще при жизни обсудил с ответственным представителем фирмы план похоронных мероприятий. Расходы оплачены заранее. Поэтому вам не надо ничего делать. Конечно, если вы не имеете каких возражений.

Тэнго ответил, что нет.

После себя отец почти не оставил личных вещей. Старая одежда, несколько книг - вот и все.

- Может, хотите взять что-то на память? Скажем, радиоприемник с будильником, старые механические ручные часы или очки для дальнорезких, - спросила медсестра Тамура.

- Ничего не хочу, распорядитесь всем так, как считаете нужным, - ответил Тэнго.

Точно в половине третьего как-то незаметно пришел распорядитель фирмы ритуальных услуг в черном костюме - худощавый мужчина лет пятидесяти с лишним, с длинными пальцами, большими глазами и черной высушенной бородавкой на носу. Видно, он много времени проводил на солнце, потому что загорел полностью, до кончиков ушей. Тэнго не мог понять, отчего он никогда не видел полного сотрудника такой фирмы. Этот человек примерно объяснил ему, как будут проходить похороны. Говорил вежливо и медленно. Очевидно, намекал, что в таком деле нечего спешить.

- Ваш отец еще при жизни хотел как можно более скромных похорон. Кремации в достаточно простой гробу. Сказал, что совсем

обойдется без алтаря, церемонии, чтение сутр, посмертного имени, цветов и речей. Не хотел и личной могилы. Он был согласен, чтобы его останки после кремации остались в каком-то совместном склепе. А поэтому, если вы не возражаете ...

На этом мужчина запнулся и большими черными глазами посмотрел вопросительно на Тэнго.

- Если отец этого хотел, то и я не имею возражений, - глядя собеседнику прямо в лицо, сказал Тэнго.

Распорядитель кивнул и опустил глаза вниз.

- Значит, сегодня будет последняя ночь пребывания родных с покойником, которого мы поместим в ритуальном зале нашей фирме. После этого фирма отвезет его завтра пополудни, в час дня, до ближайшего крематория. Вы не возражаете?

- Не возражаю.

- Будете присутствовать на кремации?

- Буду, - ответил Тэнго.

- Хорошо, - будто облегченно вздохнув, сказал распорядитель. - Мне неудобно об этом сейчас говорить, но этот документ я показывал вашему отцу при его жизни. Вы могли бы его одобрить?

После этих слов своими длинными пальцами, похожими на лапки насекомых, распорядитель вынул из папки счет и передал его Тэнго. Почти непосвященный в погребальные дела, он, однако, с первого взгляда понял, что похороны обойдется достаточно дешево. И, разумеется, возражений не имел. Взял шариковую ручку и подписался на документе.

Еще до трех часов дня пришел адвокат и в присутствии Тэнго какое-то время разговаривал с распорядителем фирмы ритуальных услуг. Как специалист со специалистом, они обменялись короткими фразами. О чем был разговор, Тэнго не совсем хорошо понимал. Похоже, они хорошо понимали друг друга. Видимо, в маленьком городке все знают всех.

Перед неприметным черным ходом у покойницкой стоял фургон фирмы ритуальных услуг. Все его окна, кроме водительских, были темные, а черный корпус - без надписей и знаков. Худощавый распорядитель вдвоем с седым водителем перенесли отца на кровать с колесиками и подтолкнули к фургону. Фургон специальной конструкции, с высокой потолком и рельсами, позволял переместить

кровать внутрь. Хлопнув задней дверью и поклонившись Тэнго, распорядитель залез в автомобиль, и тот отошел. Четыре человека - Тэнго, адвокат, медсестра Тамура и медсестра Омуре - проводили черную автомашину фирмы «Тойота» сложенными вместе ладонями рук.

Адвокат и Тэнго беседовали в углу столовой, сидя друг напротив друга. Адвокату было приблизительно лет сорок пять и, в отличие от распорядителя фирмы ритуальных услуг, он был достаточно упитанным. Хотя стояла зима, он обливался потом. А что уж говорить о лете - тогда, наверное, он страшно мучился. Его серый шерстяной костюм резко отдавал нафталином. Над его узким лбом росли слишком густые черные волосы. Откормленное тело и густые-прегустые волосы никак не гармонировали между собой. Веки были тяжелыми и опухшими, глаза - узкими, и если хорошо присмотреться, то в глубине они вроде бы даже светились дружелюбием.

- Ваш отец поручил мне составить завещание. Правда, за этим громким названием не стоит ничего особенного. Это вовсе не завещание, упомянутое в детективных романах, - сказал адвокат и откашлялся. - Вообще, оно похоже на простую записку. Я вам сейчас коротко её опишу. В завещании прежде всего определяется план проведения похорон. Кажется, его содержание вам недавно пояснил представитель фирмы ритуальных услуг, не так ли?

- Объяснил. Скромные похороны.

- Хорошо, - сказал адвокат. - Именно этого хотел ваш отец. Все сделать как можно скромнее. Похоронные расходы покрыты за счет его сбережений, а лечение оплачивалось из денежного обеспечения, единовременно переданного во время его устройства в эту здравницу. То есть, вы, господин Тэнго, не будет иметь финансового бремени.

- Вы хотите сказать, что никому я не буду ничего должен?

- Именно так. Все заранее оплачено. Кроме того, на отцовском счету в почтовом отделении Тикури остались деньги, которые принадлежат вам как наследнику. Придется только переоформить этот счет на себя. Для этого вам нужно иметь документ об изъятии отца из книги записей актов гражданского состояния, собственную выписку из нее и удостоверение о правильности личной печати. С такими документами в руках обратитесь непосредственно к

упомянутому почтовому отделению и собственноручно подпишете нужные документы. Эта процедура займет определенное время. Как вы сами знаете, в японских банках и почтовых отделениях относятся придирчиво к форме документов.

Адвокат достал из кармана пиджака платок и вытер пот со лба.

- Вот все, что я должен передать вам о наследовании имущества. Кроме сбережений, ваш отец ничего другого не оставил - ни страховки жизни, ни ценных бумаг, ни недвижимости, ни драгоценностей, ни антикварных вещей. Вам все ясно из моего короткого объяснения?

Тэнго молча кивнул. Все сделано в отцовском духе. Однако перспектива наследования отцовской сберегательной книжки Тэнго подавила. Ему показалось, что на него набросили несколько тяжелых мокрых шерстяных одеял. Если бы была возможность, он бы не хотел ее брать. Но сказать это тучному, с густыми волосами, приветливому адвокату не решился.

- Кроме того, я храню от отца один конверт. Я взял его с собой и хотел бы вам сейчас передать.

Этот разбухший, большого формата, коричневатый конверт был крепко заклеен липкой лентой. Дородный адвокат добыл его из портфеля и положил на стол.

- Я храню его с тех пор, как переговорил с господином Кавана вскоре после его прибытия в этот санаторий. В то время он был еще в полном сознании. Конечно, иногда его здоровье барахлило, но в целом жил он без осложнений. И тогда он мне сказал, что в случае смерти хотел бы передать этот конверт законному наследнику.

- Законному наследнику? - несколько удивленно переспросил Тэнго.

- Да, законному наследнику. Конкретного имени ваш отец не назвал. Но, кроме вас, другого конкретного преемника нет.

- Насколько мне известно, так оно и есть.

- Тогда я передаю его вам, - сказал адвокат, указывая на конверт. - Можете поставить свою подпись на расписке?

Тэнго подписал документ. Коричневатый деловой конверт, лежавший на столе, казался безличным, чужим. На нем, на обеих сторонах, не было ни одной надписи.

- Я хотел бы задать вам один вопрос, - обратился Тэнго к адвокату. - Когда-нибудь отец хоть раз произносил мое имя? Или называл сыном?

Размышляя над этим вопросом, адвокат снова достал из кармана платок и вытер пот со лба. Потом кивнул головой.

- Нет, господин Кавана неизменно употреблял только слова «законный наследник». По-другому ни разу не высказывался. Я это запомнил, потому что это меня немного удивило.

Тэнго молчал.

- Но сам господин Кавана хорошо знал, что законный наследник - это вы, господин Тэнго. Лишь в переговорах со мной не упоминал вашего имени. А вас что-то беспокоит? - сказал адвокат, словно выступая в роли посредника.

- Нет, - возразил Тэнго. - Отец всегда был немного странным.

Вроде успокоившись, адвокат улыбнулся и слегка кивнул. Потом передал Тэнго выписку из книги регистрации.

- Во избежание юридических ошибок в случае у вашего отца какого-нибудь заболевания, я осмелился проверить его запись в книге регистрации. По ее данным, вы, господин Тэнго, - единственный сын господина Каваны. Ваша мать через полтора года после вашего рождения умерла. Отец второй раз не женился, и в одиночку сумел вас вырастить. Его родителей, братьев и сестер уже нет на свете. Так что вы действительно единственный его законный наследник.

Когда адвокат, выразив сожаление, вышел, Тэнго остался сидеть и невозмутимо разглядывать переданный ему конверт, лежавший на столе. Адвокат сказал, что его отец - настоящий, а мать действительно умерла. Возможно, что это неоспоримый факт. По крайней мере, в юридическом смысле. Однако, чем доказательней становился этот факт, то, казалось, все больше удалялась истина. Почему?

Тэнго вернулся в отцовскую палату и, сидя за столом, попытался разорвать прочно заклеенный коричневатый конверт. Возможно, в нем скрывается ключ к разгадке тайны. Но открыть конверт было непросто. В палате он не нашел ни ножниц, ни чего либо другого, что бы их заменило. Пришлось ногтями отрывать одну за другой липкие ленты. А когда с трудом открыл конверт, то обнаружил в нем еще несколько других конвертов, так же крепко заклеенных. Действительно, в отцовском духе. В одном содержалось наличными

пятьсот тысяч иен - точно пятьдесят новеньких банкнот по десять тысяч, завернутых несколько раз тонкой бумагой. Был также листок бумаги с надписью: «Деньги на крайний случай». Несомненно, это написал отец. Небольшими, аккуратными, черта за чертой, четко выписанными иероглифами. Мол, «используй в случае необходимости для уплаты непредвиденных расходов ». Отец не надеялся, что «законный наследник » будет иметь достаточно денег.

Самый толстый конверт заполняли вырезки из старых газет и похвальные грамоты. Все они касались Тэнго. Похвальная грамота за отличные успехи на математическом конкурсе в начальной школе и статья в местной газете. Фотография с полученными наградами. Аттестат об успехах в учебе, похожий на произведение искусства, с высокими оценками по всем предметам. Кроме того, другие документы, удостоверяющие его исключительные способности как вундеркинда. Фотография в форме дзюдоиста в средней школе, улыбающегося, с флажком победителя в полуфинале. Все увиденное потрясло Тэнго. Выйдя на пенсию, отец оставил жилье, которое ему предоставляла корпорация «ННК», и переселился в съемную квартиру в Итикаве, а напоследок оказался в санатории Тикури. Переезжая не один раз с одного места на другое, он почти не сохранил личных вещей. Кроме того, их отношения, отца и сына, в течение многих лет охладели. И, несмотря на это, отец не расставался с блестящим наследием того времени, когда Тэнго был вундеркиндом, как с чем-то очень для него дорогим.

Еще в одном конверте содержались различные документы, касающиеся работы отца как сборщика абонентской платы «ННК». Ежегодные награды его успешной, усердной работы. Несколько простых похвальных грамот. Фотография, сделанная совместно с коллегами во время экскурсии. Старое удостоверение личности. Записи о пенсии и уплаченных взносах за страхование на случай заболевания. Много непонятных подробностей о заработной плате. Документ о выплате при выходе на пенсию... Она была удивительно скудной, если учитывать, что отец гнул спину на «ННК» более тридцати лет. В сравнении с блестящими достижениями Тэнго в начальной школе, вознаграждение отца, казалось, равнялась нулю. Возможно, с точки зрения общества, отцовская жизнь действительно «равнялось нулю». Но для Тэнго она не была такой. Отец бросил на

его душу тяжелый груз и густую тень. Вместе со сберегательной книжкой.

В этом конверте не было ничего, что свидетельствовало бы об отцовской жизни перед тем, как он получил работу в «ННК». Казалось, она началось только тогда, когда он стал сборщиком абонентной платы этой корпорации.

В последнем, маленьком и тонком, конверте была одна черно-белая фотография. И больше ничего. Ее, старую, но не выцветшую, будто пропитанную водой, покрывала бледная пленка. На ней было изображение родителей с ребенком. Отец, мать и ребенок. Судя по виду, младенцу не было еще и года. Мать, в японской одежде, нежно держала его на руках. За спиной виднелись тории [22] храма. Одежда подсказывала, что была зима. А посещения синтоистского храма, возможно, свидетельствовало о праздновании Нового года. Прищурился глаза, будто от яркого света, мать улыбалась. В межбровье отца, одетого в темное, немного великоватое пальто, образовались две глубокие продольные морщины. На его лице прочитывалось: «Я не могу все это принимать за чистую правду». Младенец, казалось, растерялся перед широтой и холодом мира.

Как ни крути, этот молодой отец был отцом Тэнго. С молодыми чертами лица, но уже на редкость зрелый, худой и с запавшими глазами. Напоминал бедного крестьянина из далекого села. Очень упрямого и подозрительного. С короткой стрижкой и сутулого. Он мог быть его отцом. Если да, то младенец, - возможно, сам Тэнго, а женщина, которая его держит, - его мать. Мать была чуть выше отца, с хорошей осанкой. Отец уже более тридцати пяти лет, матери - двадцать пять.

Конечно, эту фотографию Тэнго видел впервые в жизни. Вообще ему все еще никогда не приходилось рассматривать семейной фотографии. И не видел также собственной, с детских лет. Отец объяснял, что они жили бедно и не могли купить фотоаппарат, а также не имели возможности сфотографироваться всей семьей. Тэнго тогда в этом сомневался. И это в самом деле была неправда. Фотография, сделанная в то время, осталась. Их одежда не был роскошными, но вполне позволяли показаться перед людьми. Да и, казалось, не жили они настолько бедно, что не могли купить фотоаппарат. Тэнго сфотографировали вскоре после рождения, -

видимо, в 1954-1955 году. Он перевернул фотографию - на ней не было ни даты, ни места фотографирования.

Тэнго пристально рассматривал лицо вроде бы своей матери. Изображение было маленьким и, к тому же, расплывчатым. Возможно, с помощью увеличительной лупы удалось бы разглядеть её мелкие черты, но такого инструмента, конечно, он не имел под рукой. Но он сумел приблизительно оценить её внешность. На овальном лице виднелся маленький нос и пухлые губы. Мать не была красавицей, но со своей миловидностью смотрелась неплохо. По крайней мере, по сравнению с неотесанным отцовским видом казалась гораздо изысканнее и умнее. И это обрадовало Тэнго. Ее волосы были аккуратно уложены, а лицо поражало выразительным выражением. Возможно, перед объективом фотоаппарата она напряглась. Японская одежда на ней немного скрывала форму ее тела.

Судя по изображению на фотографии, трудно было назвать родителей идеальным супругами. Видно, сказывалась разница в возрасте. Тэнго попытался представить себе, как они оба где-то случайно встретились, объяснились между собой и, женившись, родили одного сына, но это ему не удавалось. По фотографии он не мог абсолютно ничего прочесть. Возможно, их связало вместе как супругов не сердечная близость, а какое-то обстоятельство. А возможно, все сложилось по-другому. Ведь человеческая жизнь - это лишь следствие ряда беспричинных, а часто и brutальных событий.

Затем Тэнго пытался установить, совпадает ли загадочная женщина из его фантазий (или потока детских воспоминаний) с изображением матери на этой фотографии. Но вспомнил, что совсем не помнит ее лица. Да и женщина, расстегнув блузку и высвободив грудь из-под бюстгалтера, давала сосать их незнакомому мужчине. При этом она глубоко, словно задыхаясь, вздыхала. Тэнго помнил только это. Некоторый чужой человек сосал грудь его матери. Кто-то забрал то, что должно было принадлежать исключительно ему, Тэнго. Возможно, для младенца это была явная угроза. На лицо матери он тогда не обратил внимания.

Тэнго положил фотографию в конверт и задумался над ее содержанием. Отец хранил ее до самой смерти. Значит, дорожил матерью. Сколько Тэнго себя помнил, мать уже была умершей от болезни. По данным адвоката, он был единственным ребенком,

родился от покойной матери и отца, сборщика абонентской платы «ННК». Это был факт, подтвержденный книгой семейной регистрации в записи актов гражданских состояний. Но документ городской управы не может засвидетельствовать, что этот человек - его биологический отец.

- У меня нет сына, - прежде чем впасть в глубокое коматозное состояние, заявил отец.

- Тогда скажите, кто же, собственно, я такой? - спросил Тэнго.

- Ты - никто, - ответил отец просто и беспрекословно.

Услышав эти слова, Тэнго убедился, что между ним и этим мужчиной нет кровного родства. И подумал, что освободился от тяжелых оков. Однако с течением времени он усомнился, что отец говорил тогда правду.

- Я - никто, - повторил он вслух.

Внезапно Тэнго пришло на ум, что молодая мать на фотографии похожа на его замужнюю подругу. Ее звали Кёко Ясуда. Чтобы успокоить сознание, он сильно нажал кончиком пальца на середину лба. И еще раз достал из конверта фотографию. Маленький нос, пухлые губы. Немного выпяченный подбородок. Другая прическа, но черты лица действительно такие, как у Кёко Ясуда. Собственно, что это значит?

И почему отец решил передать Тэнго после своей смерти эту фотографию? При жизни не дал ему никакой информации о матери. Даже прятал такую семейную реликвию. И лишь в последний момент, без всяких объяснений, передал ему эту блеклую фотографию. Зачем? Чтобы избавить сына от сомнений или еще больше сбить с толку?

Тэнго понял только одно: отец вовсе не собирался объяснять ему никаких обстоятельств, зафиксированных на фотографии. Ни при жизни, ни тем более теперь, после смерти. «Вот фотография. Я даю тебе только ее. А об остальном сам додумайся», - возможно, так он и сообщал.

Лежа навзничь на голом матрасе, Тэнго смотрел на потолок из фанеры, покрытой белой краской. Без текстуры и сучков, с несколькими прямыми швами. Именно это со дна своих глазных впадин, наверное, наблюдал отец в последние месяцы своей жизни. А может, его глаза уже ничего не видели. Во всяком случае, его взгляд был обращен туда. Независимо от того, видел он или нет.

Закрыв глаза, Тэнго представил себе, как лежит здесь и медленно умирает. Однако для тридцатилетнего мужчины, который не имел проблем со здоровьем, смерть находилась далеко за пределами воображения. Тихо дыша, он следил за тем, как по стене передвигался отблеск заходящего света. Тэнго решил ни о чем не думать. Это для него не было трудно. Он слишком устал, чтобы на чем-то конкретном сосредоточиться. При случае хотел немного поспать, но, возможно, от переутомления не мог заснуть.

Где-то в шесть пришла медсестра Омура и сообщила, что в столовой приготовили еду. Тэнго сказал, что не голоден, но эта грудастая упитанная медсестра не отступала. Настаивала, чтобы он хоть чем заморил червячка. Она почти приказывала. Бесспорно, была профессионалом, умеющим логически убедить человека выполнить приказ, касающегося его здоровья. Тем более, что Тэнго не умел противиться логическому приказу, особенно исходящим от женщины старше его возрастом.

Когда они спустились по лестнице, то встретили там Куми Адати. Медсестры Тамуры не было. Тэнго сел вместе с Куми Адати и медсестрой Омура за один стол. Он съел немного салата и вареных овощей, затем принялся за суп из мисо, лука и моллюсков. После выпил горячего чая.

- Когда состоится кремация? - Спросила Куми Адати.

- Завтра после полудня, в час, - ответил Тэнго. - После нее, пожалуй, вернусь к Токио. Меня ждет работа.

- Еще кто-нибудь, кроме вас, будет на кремации?

- Нет, думаю, не будет никого. Только я один.

- А вы не возражаете, если я приду? - спросила Куми Адати.

- На кремацию моего отца? - удивился Тэнго.

- Да. По правде говоря, ваш отец мне очень нравился.

Тэнго невольно положил палочки для еды на стол и посмотрел на медсестру. Неужели она действительно говорила о его отце?

- Например, чем именно? - спросил он.

- Был честным и не говорил ничего лишнего, - сказала она. - В этом был похож на моего покойного отца.

- Гм..., - пробормотал Тэнго.

- Мой отец был рыбаком. Умер, когда ему еще не было и пятидесяти.

- Погиб в море?

- Нет. Умер от рака легких. Много курил. Не знаю почему, но буквально все рыбаки - заядлые курильщики. Из них дым постоянно так и валит.

Тэнго задумался над услышанным.

- Возможно, было бы лучше, если бы и мой отец был рыбаком.

- Почему вы так думаете?

- Почему? - переспросил Тэнго. - Просто так мне показалось. Что было бы лучше, если бы он работал рыбаком, а не сборщиком абонентской платы.

- Если бы ваш отец был рыбаком, то вы это воспринимали бы с большей охотой?

- Думаю, что, по крайней мере, многое в моей жизни сложилось бы иначе.

Тэнго представил себе, как он, маленький мальчик, утром выходного дня вместе с отцом идет на рыбацкой лодке. Резкий морской ветер с Тихого океана и брызги воды бьют ему в лицо. Однообразно урчит дизельный мотор. Бьющий в нос запах рыбацких сетей. Тяжелая работа, полная опасности. Малейшая ошибка смертельна. Но по сравнению со сбором абонентской платы у жителей Итикавы, в этом случае дни, наверное, были бы более естественными и содержательными.

- Пожалуй, сбор абонентской платы - ужасно тяжелая работа, не так ли? - сказала медсестра Омуре, поедая рыбу, вареную с овощами.

- Пожалуй, - согласился Тэнго.

По крайней мере, она была непосильной для него.

- Однако ваш отец успешно с ней справлялся, правда? - Сказала Куми Адати.

- Думаю, достаточно успешно, - ответил Тэнго.

- И похвальные грамоты получал, - сказала Куми Адати.

- Ой... - медсестра Омуре вдруг положила палочки для еды. - Я совсем забыла. Просто ужас! И чего это я вспомнила о такой важной вещи только сейчас? Подождите минутку. Должна обязательно сегодня это вам передать.

Медсестра Омура вытерла платочком губы и, оставив еду, поспешила из столовой.

- А всё же, что это за важное дело? - задумчиво спросила Куми Адати.

Но, конечно, Тэнго не догадывался.

Ожидая возвращения медсестры Омур, он послушно нес в рот овощной салат. В столовой ужидали еще несколько человек. За одним столом сидели трое стариков, но все они молчали. За другим ел какое-то блюдо и серьезно читал развернутую вечернюю газету седоватый мужчина в белом халате.

Вскоре примчалась медсестра Омур с бумажным пакетом в руке и вынула из него аккуратно сложенную униформу.

- Может, с год назад, когда господин Кавана еще был в полном сознании, я взяла ее от него на хранение, - сказала эта упитанная медсестра. - Он хотел, чтобы его положили в гроб в этой униформе. Поэтому я отнесла ее в химчистку и посыпала инсектицидами.

Это была хорошо знакомая униформа служащего «ННК», которую бы Тэнго ни с чем не перепутал. Брюки были аккуратно выглаженные. А сама она отдавала острым запахом порошка от насекомых. На время Тэнго потерял дар речи.

- Господин Кавана сказал мне, что хочет, чтобы его сожгли в этой униформе, - сообщила медсестра Омур и, снова аккуратно сложив униформу, сунула ее в бумажный пакет.

- А потому сегодня я передаю ее вам, господин Тэнго. Принесите ее завтра в фирму ритуальных услуг и попросите переодеть отца в нее.

- Но так делать не годится. Униформа предоставлена корпорацией для временного пользования. После выхода на пенсию ее надо вернуть «ННК», - неуверенным голосом возразил Тэнго.

- Не переживайте, - сказала Куми Адати. - Если мы промолчим, то никто об этом не знает. Даже если пропадет одна старая униформа, «ННК», думаю, не обеднеет.

С этим согласилась и медсестра Омур.

- Господин Кавана тридцать лет трудился на «ННК» - с утра до вечера обходил квартиры жителей. Наверное, часто попадал в неприятности и выполнял страшно большую норму. Разве можно

пожалеть для него одной униформы? Ведь он пользовался ею не для того, чтобы делать зло.

- Да, правда. И я храню матроску из средней школы, - сказала Куми Адати.

- Униформа служащего «ННК» и школьная матроска - это совершенно разные вещи, - вмешался Тэнго, но никто его не поддержал.

- И я засунула матроску в стенной шкаф, - сказала медсестра Омуро.

- Иногда надеваешь ее и показываешься мужчине? В белых носочках? - пошутила Куми Адати.

- Это нормально, - сказала медсестра Омуро с серьезным выражением лица, подперев щеку рукой. - Может быть, хорошо кое-кого стимулирует.

- Во всяком случае, - обращаясь к Тэнго, сказала Куми Адати, чтобы закончить разговор о матроске, - господин Кавана дал четко понять, что хочет умереть в униформе «ННК». И мы должны выполнить такую его волю, ведь правда?

Взяв бумажный пакет с отцовской униформой, Тэнго вернулся в палату. Вместе с ним пришла Куми Адати и взялась стелить постель. Новой, с запахом крахмала, простыней, новым одеялом, новым пододеяльником и новой подушкой. После такой обмены отцовская кровать изменилось до неузнаваемости. Тэнго почему-то вспомнил густые волосы на лобке Куми Адати.

- В последнее время ваш отец постоянно находился в коматозном состоянии, - разглаживая складки на простыне, сказала Куми Адати. - Но я думаю, что он не был совершенно без сознания.

- Почему ты так думаешь?

- Потому что, мне так казалось, ваш отец иногда посылал кому-то сообщение.

Стоя у подоконника и глядя на улицу, Тэнго повернулся к медсестре.

- Сообщение?

- Да, ваш отец часто постукивал по краю кровати. Его рука спала вниз и выстукивала - тук-тук, тук-тук - что-то похожее на азбуку Морзе.

Куми Адати сама постучалась легонько кулаком по краю кровати.

- Это похоже на некий сигнал, правда?

- Я думаю, что это не сигнал.

- Тогда что?

- Он стучал в дверь, - сухим голосом сказал Тэнго. - Входная дверь какого-нибудь дома.

- Возможно, это действительно так, как вы говорите. Мне даже казалось, будто кто-то стучит в дверь. - Куми Адати прикрыла глаза. - Так выходит, что даже потеряв сознание, господин Кавана все еще собирал абонентскую плату?

- Пожалуй, - ответил Тэнго. - Где-то в закоулке своей головы.

- Как в древности воин, что после смерти не расставался с сурьмой, - восторженно сказала Куме адат.

Тэнго молчал, не зная, что ответить.

- Видно, ваш отец очень любил эту работу. Любил ходить и собирать абонентскую плату «NHK».

- Дело не в том, любил или не любил, - сказал Тэнго.

- А, собственно, в чем?

- Просто отец умел выполнять ее лучше кого бы то ни было.

- Вот как! Неужели? - удивилась Куми Адати. И задумалась над услышанным. - Возможно, что в определенном смысле это правильное решение.

- Возможно, - сказал Тэнго, поглядывая на сосновый бор. - Возможно, что так.

- А вот, например, вы, что умеете делать лучше всего? - спросила медсестра.

- Не знаю, - глядя ей прямо в глаза, ответил Тэнго. - Действительно не знаю.

Глава 22 . Усикава

Казалось, ее глаза жалели

Тэнго появился на пороге дома в шесть пятнадцать воскресным вечером. Выйдя во двор, остановился и, словно что-то ища, осмотрелся. Перевел взгляд дело налево, затем - слева направо. Посмотрел в небо и под ноги. Но, кажется, не заметил ничего необычного. И быстрым шагом пошел по улице. Усикава следил за ним сквозь щель между шторами.

На этот раз Усикава не пошел вслед за Тэнго. Тот ничего при себе не имел. Свои большие руки засунул в карманы невыглаженных брюк из плотной хлопчатобумажной ткани. Поверх свитера, закрывавшего всю шею, одет был в коричнево-зеленый вельветовый пиджак. Волосы были взъерошены. В кармане пиджака торчала толстая книга малого формата. Наверное, собрался пойти куда-нибудь перекусить. И пусть идет, куда ему хочется.

В понедельник Тэнго должен был прочитать несколько лекций. Об этом Усикава узнал, заранее позвонив по телефону в подготовительную школу. Секретарша подтвердила, что, господин Кавана в следующий понедельник будет читать лекции в соответствии с учебным планом. Вот и хорошо, что наконец-то Тэнго вернется к своим ежедневным занятиям. Судя по его характера, сегодня вечером он никуда далеко не уедет. (Если бы тогда Усикава проследил за ним, то убедился бы, что тот отправился в бар в районе Йоцуя на встречу с Комацу.)

Примерно в восемь Усикава, в куртке, с шарфом вокруг шеи и вязаной шапкой на голове, быстро вышел из дома, чтобы осмотреть окружающую местность. Тогда Тэнго еще не вернулся домой. Задержался что-то слишком долго, если учесть, что собирался просто неподалеку перекусить. Если бы Усикава, выходя на улицу, был невнимателен, то мог бы столкнуться с Тэнго во время его возвращения домой. Но, не смотря на такой риск, Усикава во что бы то ни стало должен был выйти из дома и сделать одно дело. По памяти в нескольких местах он свернул в сторону, прошел мимо нескольких ориентиров и, хотя иногда колебался, но добрался-таки до детского парка. Хотя сильный вчерашний ветер утих, стужа ушла, и

вечер был теплый, в парке не было ни души. Усикава еще раз огляделся и, убедившись, что никого не видно, поднялся по ступенькам на детскую горку. Сел на вершине и, опершись на перила, посмотрел в небо. Как и вчерашним вечером, почти на том же месте виднелась яркая Луна, полная на две трети своего размера. Вокруг неё не было ни облачка. Наряду с яркой Луной, будто сопровождающая её, в небе плыла, немного деформированная, зеленая Луна.

«Я всё же не ошибся», - подумал Усикава. Он вздохнул и покачал головой. Это не был сон и не был оптический обман. Несомненно, над безлистной дзельквой плыли две Луны - большая и маленькая. Казалось, будто со вчерашнего вечера они невозмутимо ждали, когда на детскую горку вернется Усикава. Они знали, что он вернется. Будто сговорившись, они хранили молчание, полное загадочных намеков, и хотели, чтобы и он к ним присоединился. Приказывали, чтобы никому об этом не обмолвился. Прикладывали указательный палец, пахнувший пеплом, к своим губам.

Сидя на детской горке, Усикава попытался шевельнуть мышцами лица в разные стороны. И для верности вскоре убедился, что в его чувствах нет ничего неестественного и необычного. Ничего. К добру или к несчастью, лицо было тем же самым, что и всегда.

Усикава считал себя реалистом. И *на самом деле* он был таким. Ничего метафизического и абстрактного не хотел. Если что-то существовало, то независимо от того, согласовывалось ли оно с логикой или нет, он воспринимал это прежде всего только как реальность. Таким был основной принцип его мышления. Не законы и логика порождают реальность, а реальность - законы и логику. А потому Усикава решил, что придется признать как факт, что на небе теперь две Луны.

«О том, что будет потом, лучше подумать спустя какое-то время», - рассуждал он. Стараясь не вдаваться в излишние размышления, Усикава невозмутимо взирал на две Луны - большую желтую и маленькую, деформированную, зеленую. Пытался привыкнуть к этой картине. «*Надо такое положение дел принять*», - приказывал сам себе. Он не знал, как объяснить, почему могло так произойти. Однако пока в эту проблему не стоит углубляться. Прежде всего, важно подумать, *как действовать в таком положении*. Не было другого выхода, как принять все это за рамками логики. И это было начало.

Усикава пробыл там минут пятнадцать. Опершись на перила детской горки, и почти не шевелясь, приспособившись к увиденной картине. Как водолаз, долго привыкающий к давлению воды, купался в лунном свете и поглощал его кожей. Инстинкт подсказывал ему, что это очень важно.

Затем этот человек со сплюснутой головой встал, спустился с детской горки и, в плену неописанных замыслов, вернулся в свою квартиру. Окружающий пейзаж казался ему теперь несколько иным, чем был прежде. «Очевидно, под влиянием лунного сияния », - подумал Усикава. Лунный свет немного изменило облик всем предметам. Вследствие этого он несколько раз чуть не сбился с дороги. Оказавшись перед парадной дверью дома, посмотрел на третий этаж - в окне квартиры Тэнго свет не горел. Здоровенный учитель подготовительной школы еще не вернулся домой. Очевидно, пошел не только перекусить в ближайшую закусочную. Возможно, где-то с кем-то встречается. Может, с Аомамэ. Или с Фукаэри. «Поэтому, видимо, я упустил важную возможность », - подумал Усикава. Однако сейчас от таких мыслей пользы не было никакой. Каждый раз, когда Тэнго выходил из дома, слежка за ним создавала большую опасность. Если бы Тэнго хоть раз его заприметил, все дело свелось бы на нет.

Вернувшись в квартиру, Усикава сбросил пальто, шарф и шапку. В кухне раскрыл банку тушенки и стоя съел его с булочкой. Выпил банку тепловатого кофе. Но почти ни в чем не испытывал вкуса. Он не мог определить, в чем была причина - в пищевых продуктах или в его вкусовых ощущениях. А может, в двух Лунах, запечатлевшихся в глубине его глаз. Где-то раздался дверной звонок - слышалась его тихая мелодия. Звонок прозвучал дважды, после одной паузы. Но это не очень его беспокоило. Звонок, возможно, доносился с другого этажа.

Доев бутерброд и допив кофе, Усикава медленно курил сигарету, чтобы вернуть свою голову к реальности. Повторно проверил, что ему сейчас надо делать. После того, наконец, подошел к подоконнику и сел перед фотоаппаратом. Включил электрическую печку и в ее красном свете погрел руки. Был примерно девятый час воскресного вечера. К дому почти никто не приходил. Но Усикава хотел засечь момент, когда вернется Тэнго.

Вскоре из дома вышла женщина в черной теплой, на пуху, куртке, которой он ни разу не видел. Ее шею, вместе с губами, закрывал серый шарф. На ней были очки с черной оправой и бейсбольная кепка. Таким способом она пыталась избежать человеческих взглядов и скрыть свое лицо. Шла торопливо, широкими шагами, и голыми руками. Усикава автоматически нажал на кнопку, и электропривод трижды щелкнул затвором фотоаппарата. «Надо проследить, куда пойдет эта женщина», - подумал Усикава. Но пока он вставал, она вышла на улицу и скрылась в вечерней темноте. Насупленный Усикава махнул на все рукой. Если бы он сейчас обулся, то, учитывая быстрый женский шаг, все равно не догнал бы ее.

Усикава воссоздал в памяти все только что увиденное. Рост - примерно сто семьдесят сантиметров. Узкие синие джинсы и белые теннисные туфли на резиновой подошве. Одежда - поразительно новая. Возраст - от двадцати пяти до тридцати лет. Волосы, неизвестной длины, заткнутые за воротник. Из-за большой объемной теплой, на пуху, куртки ее фигура не угадывалась, но, судя по форме ее ног, женщина, наверное, была худощавой. А ее красивая осанка и быстрая походка показывали, что она молода и здорова. Наверное, каждый день занимается каким-либо спортом. Все эти особенности совпадали с образом Аомамэ, который сложился в голове Усикавы. Хотя, конечно, он не мог утверждать, что это была именно она. Похоже, что она страшно опасается попасть кому-нибудь на глаза. Всю ее переполняла напряженность. Как актрису, что боится преследования папарацци. Однако не было здравого смысла в том, чтобы считать, что известная актриса, за которой гоняются СМИ, заходила в этот убогий многоквартирный дом в квартале Коэндзи.

Поэтому Усикава временно предположил, что это была Аомамэ.

Она пришла на встречу с Тэнго. Но он сейчас куда-то направился. В его квартире свет не горел. Аомамэ пришла к нему, но его не застала и волей-неволей пошла домой. Возможно, эти два звонка принадлежали ей. Тем не менее, по мнению Усикавы, была еще одна нелогичность. Будучи объектом преследования, она должна была жить так, чтобы не попадаться никому на глаза и избегать опасности. Если бы она хотела повидать Тэнго, то, конечно, должна была прежде всего проверить, есть ли он дома. И тогда зря не подставляла бы себя под угрозу разоблачения.

Все еще сидя перед фотоаппаратом, Усикава перебирал в голове различные варианты, но не мог придумать никаких логических выводов. Поведение женщины, выбравшейся из своего убежища, так неудачно замаскированной, да еще и зашедшей в этот дом, не отвечала, по мнению Усикавы, характеру Аомамэ. Она, наверное, была гораздо более осторожной и внимательной. И это Усикаву озадачило. Он и не предполагал, что, возможно, сам ее сюда привел.

Во всяком случае, он решил, что завтра пойдет в пристанционную фотомастерскую и проявит все фотопленки. Пожалуй, среди них найдется и фотография загадочной женщины.

Усикава дежурил перед фотоаппаратом до десяти вечера, но после того, как женщина вышла, никто не появлялся на входе в здание. Было так тихо и безлюдно, как на театральной сцене после спектакля при малом стечении зрителей. «Что случилось с Тэнго?» - размышлял Усикава. По его сведениям, Тэнго никогда так поздно не задерживался в городе. Тем более что завтра снова начинались его лекции в подготовительной школе. А может, он уже вернулся и быстро уснул, когда Усикава выходил из дома.

После десяти Усикава почувствовал, что страшно устал. От сильной дремоты почти не мог открыть глаза. Для него, привыкшего поздно ложиться, это было необычно. В случае необходимости он мог вообще не спать. И только в сегодняшний вечер дремота безжалостно навалилась на его голову, словно каменная плита на древней могиле.

«Возможно, я слишком долго смотрел на те две Луны, - подумал он. - И, пожалуй, многовато их сияния впитал в себя ». Луны все еще оставили на его сетчатке свои тусклые изображения, их темные силуэты парализовали мягкую часть его мозга. Так некоторые пчелы парализуют своим жалом большую гусеницу и на ее поверхности кладут свои яички. А их личинки, вылупившиеся из яичек, живут, поедая гусеницу, неспособную шевелиться. Усикава нахмурился и прогнал из головы зловещее представление.

«Да ладно! - убеждал себя Усикава. - Пожалуй, не стоит так добросовестно ожидать возвращения Тэнго. Он когда-нибудь, да придет, и сразу же заснет. Ведь кроме этого дома, ему некуда вернуться. Это наверняка! ».

Усикава с трудом сбросил брюки и свитер и в одной рубашке с длинными рукавами и коротких рабочих штанах забрался в спальную

мешок. И, свернувшись калачиком, сразу уснул. Спал очень крепким сном, почти близким к коматозному состоянию. Когда засыпал, будто слышал, как кто-то стучит в дверь. Однако сознание уже перенесло этот стук в другой мир. Ничего различить не удавалось. От попытки сделать это силой все тело скрипело. А потому, не открывая глаз, он больше не искал содержания того звука и снова погрузился в трясину глубокого сна.

Попрощавшись с Комацу, Тэнго вернулся домой через полчаса после того, как Усикава заснул. Он почистил зубы, повесил на плечики пропахший дымом пиджак и, переодевшись в пижаму, лег спать. Спал до двух часов ночи, когда вдруг зазвонил телефон, и пришло известие о смерти отца.

Усикава проснулся после восьми утра, в понедельник, когда Тэнго, чтобы наверстать прерванный сон, уже спал в вагоне экспресса, следовавшего в Тате. А в то время Усикава, сидя перед фотоаппаратом, ждал, когда Тэнго отправится из дома в подготовительную школу. И, естественно, Тэнго не появлялся. Поэтому, когда часы показали первый час дня, Усикава махнул на все рукой. С ближайшего телефона-автомата позвонил в подготовительную школу и поинтересовался, состоятся ли по расписанию лекции господина Кавана.

- Лекций господина Кавана сегодня не будет. Так как вчера вечером с его родными вдруг произошло несчастье, - ответил женский голос.

Усикава поблагодарил и положил трубку.

Несчастье с родными? Очевидно, речь шла о его отце, который работал сборщиком абонентской платы «ННК». Того, что находился где-то далеко в здравнице. Для ухода за ним в течение какого-то времени Тэнго ездил туда и только два дня назад вернулся. По всей видимости, отец умер. Если да, то Тэнго снова покинул Токио. «Возможно, уехал тогда, когда я еще спал. И чего это я так долго и крепко спал?» - подумал Усикава.

«Во всяком случае, Тэнго остался совсем один в этом мире, - рассуждал Усикава. - Отроду был одиноким, а теперь еще больше. Одинок как палец. Ему еще не исполнилось и двух лет, как его мать

на минеральных водах в префектуре Нагано задушил какой-то человек. Убийцу так и не поймали. Она бросила своего мужа и, забрав с собой маленького Тэнго, сбежала с этим молодым человеком. И вдруг куда-то исчезла. Почему парень убил ее - неизвестно. Даже неясно, действительно ли убил. В номере гостиницы нашли женщину, задушенную ночью поясом от пижамы, а молодого человека, который был с ней, не стало. Как не крути, а подозрение пало на него. И на этом все и кончилось. Получив сообщение о трагедии, отец приехал с Итикавы и забрал покинутого маленького сына к себе. Возможно, я должен был рассказать об этом Тэнго. Разумеется, он должен был знать эту правду. Но он сказал, что не хочет слышать ничего о своей матери из уст такого человека, как я. Поэтому я и не рассказал. Увы. И это его проблема, а не моя ».

«Так или иначе, независимо от того, есть тут Тэнго, или его нет, придется всё же следить за домом, - напоминал себе Усикава. - Вчера вечером я видел загадочную женщину, похожую на Аомамэ. Но я не уверен, что это именно она. Что такая вероятность очень велика, подсказывает мне моя сплюснутая голова. Она не очень хороша, но обладает острой интуицией новейшего радара. Так что, если эта женщина - Аомамэ, то вскоре, наверняка, снова навестит Тэнго. О смерти его отца она еще не знает ». Так предполагал Усикава. Видимо, ночью Тэнго получил это известие и рано утром уехал. Очевидно, они не могли связаться по телефону. Если так, то она непременно еще раз придет сюда. У неё какое-то важное дело, ради которого должна придти даже вопреки угрозе. Поэтому в этот раз обязательно надо проследить за ней. И заранее тщательно подготовиться.

Если так сделать, то, возможно, удастся в определенной степени разгадать тайну существования двух Лун в этом мире. Усикаве хотелось знать его загадочную суть. Хотя, нет, это - лишь побочное дело. Моя задача состоит прежде всего в том, чтобы установить место нахождения Аомамэ. И как подарок с хорошей *наклейкой* передать ее тем двум зловещим типам. А до того времени, независимо от того, на небе одна или две Луны, мне надо быть реалистом. Потому, что и говорить, это - моя сильная сторона ».

Усикава зашел в пристанционную фотомастерскую и передал для проявки пять пленок по тридцать шесть кадров. А получив готовые

фотографии, зашел в ближайший семейный ресторан и, наслаждаясь жареным цыпленком, приправленным кэрри, просматривал их по дате. Почти на всех фотографиях были лица знакомых обитателей. Он с некоторым любопытством рассматривал только три из них: Фукаэри, Тэнго и загадочной женщины, которая вчера вечером вышла из дома.

Глаза Фукаэри его напрягли. И с фотографии девушка смотрела ему прямо в лицо. Несомненно, она знала, что Усикава следит за ней оттуда. И, возможно, снимает скрытым фотоаппаратом. Об этом сообщала пара ее прозрачных глаз. Она видела все насквозь и совсем не одобряла его поступка. Ее прямой взгляд безжалостно пронизывал его сердце. Его поведению не было оправдания. Но одновременно она не осуждала и не презирала Усикаву. В некотором смысле ее очаровательные глаза простили его. «Нет, не простили», - передумал Усикава. Ее глаза, казалось, скорее, *жалели его*. Узнав, что его поступок низкий, она отнеслась к нему с жалостью.

Так продолжалось одно мгновение. В то утро Фукаэри сначала посмотрела вверх электрических столбов, затем, быстро повернув голову, перевела взгляд на окно, за которым прятался Усикава, и, заглянув в объектив замаскированного фотоаппарата, через видоискатель уставилась в глаза Усикавы. Потом ушла. Сначала время остановилось, а затем снова пошло. Максимум прошло три минуты. За такое короткое время она осмотрела все закоулки его души, разглядела в ней его грязь и низость, молча пожалела и исчезла.

От ее взгляда Усикава почувствовал между ребрами острую боль, словно от укола большой иглы, которой чинят рисовые циновки. Он чувствовал себя ужасно испорченным и отвратительным. "Но мне ничем уже не помочь, - подумал Усикава. - Потому что я действительно ужасно испорченный и отвратительный ". А поэтому, естественный и чистый, полный сожаления взгляд Фукаэри еще глубже огорчал его душу. Лучше было бы, если бы обвинял, презирал, проклинал и осуждал. Лучше, если бы били по голове бейсбольной битой. Тогда можно было бы перетерпеть. А так ...

По сравнению с ней Тэнго был гораздо приятнее лицом. На фотографии он стоял у входа и также смотрел в сторону Усикавы. Как и Фукаэри, внимательно смотрел вокруг. Но в его глазах ничего не

отражалось. Его чистые, незнающие многого глаза не могли заметить ни фотоаппарата, спрятанного за шторами, ни Усикаву за ним.

После Усикава сосредоточился на фотографиях загадочной женщины. Их было три. Бейсбольная кепка, очки с черной оправой, шарф вокруг шеи, до самого носа. Черты лица непонятны. На всех фотографиях при слабом освещении бейсбольная кепка бросала тень на лицо. Однако эта женщина точно совпадала с образом Аомамэ, который до сих пор создал себе Усикава в голове. Он взял все три фотографии в руки и по очереди рассматривал их, словно козыри. И чем больше смотрел, тем больше убеждался, что это не кто иная, как Аомамэ.

Усикава позвал официантку и спросил, что у них сегодня на десерт. Официантка ответила, что персиковый пирог. Усикава попросил принести его и кофе.

"Если это была не Аомамэ, - рассуждал Усикава, ожидая пирога, - то у меня уже никогда в жизни не будет возможности встретиться с женщиной по фамилии Аомамэ".

Персиковый пирог оказался намного лучше испечённым, чем ожидал Усикава. С сочным персиком под хрустящей корочкой. Конечно, персик был из банки, но как десерт семейного ресторана вполне годился. Усикава съел пирог до последней крошки, выпил кофе и весьма довольный вышел во двор. Зашел в супермаркет, купил продуктов на три дня и, вернувшись в съемную квартиру, сел перед фотоаппаратом.

Наблюдая за дверью дома, оперся на стену и под лучами солнца несколько раз проваливался в дремотное состояние. Но это его не беспокоило. Так как во время сна, скорее всего, не пропустил ничего существенного. Тэнго уехал из Токио на похороны отца, а Фукаэри, видимо, сюда уже не вернется. Она знает, что Усикава следит. Также очень маленькая вероятность и того, что загадочная женщина наведается сюда засветло. Она осторожна. Начинает действовать, когда стемнеет. Однако и когда стемнело, загадочная женщина не появлялась. Те же, как всегда, жители выходили пополудни покупать продукты, вечером прогуливались или возвращались домой более уставшими, чем когда шли на работу. Усикава только взглядом сопровождал их движение. Затвором фотоаппарата не щелкал. Снимать их больше не было нужды. Сейчас его интерес

сосредоточился на трех лицах. Остальные были только безымянными прохожими. От нечего делать он обращался к ним, называя наугад выбранными именами.

- Господин Мао (своей прической этот человек напоминал Мао Цзэдуна), спасибо за вашу работу!

- Господин Нагамими, сегодня был хороший день для прогулки, не правда ли?

- Госпожа Агонаси, снова идете покупать продукты? Чем вы будете ужинать сегодня вечером?

Усикава следил за дверью дома до одиннадцати вечера. Потом широко зевнул и решил закончить сегодняшнюю работу. Выпил бутылку зеленого чая, съел несколько крекеров и скурил одну сигарету. Когда над умывальником чистил зубы, посмотрел на кончик выдвинутого языка, который давно не рассматривал. Его густо покрывал что-то похожее на мох. Как настоящий мох, оно отсвечивало легким зеленым окрасом. Он тщательно осмотрел этот мох под светом. Что-то зловещее. Оно крепко облепило весь язык и никак не собиралось отпадать. "Если так пойдет дальше, то я, возможно, стану Моховым человеком, - подумал Усикава. - Начиная от языка, кожа на теле обрастет зеленым мхом. Как панцирь черепахи, тихо живущей в болотистой местности ". От одной мысли об этом его настроение испортилось.

Усикава тихонько вздохнул, перестал думать о своем языке и погасил свет в уборной. В темноте неторопливо разделся и залез в спальный мешок. Застегнул доверху молнию и свернулся, как насекомое.

Когда он проснулся, вокруг было темно. Повернул голову, чтобы посмотреть на часы, но их не было на своем месте. На мгновение Усикава растерялся. Перед сном он обязательно проверял, где стоят часы, чтобы в темноте сразу узнать, который час. Такова была его многолетняя привычка. Почему же тогда часов нет? Сквозь щель в шторах со двора пробивался слабый свет, но он падал только в один угол комнаты. Остальное окутывала ночная тьма.

Усикава почувствовал, как все быстрее и быстрее забилося его сердце. Ноздри расширились, а дыхание стало более бурным. Как

будто происходящее было продолжением неприятного и кошмарного сна.

Однако это был не сон. Всё происходило *в действительности*. Над ним, у головы, кто-то стоял. Усикава чувствовал его присутствие. В темноте возникла черная тень, и Усикава понял, что кто-то всматривается в его лицо. Сначала его мышцы замерли. Но через долю секунды Усикава пришел в себя и машинально попытался расстегнуть вниз молнию спального мешка.

Не теряя времени, незнакомец схватил рукой шею Усикавы. Так быстро, что тот даже не успел закричать. Усикава почувствовал на своей шее мышцы сильного и тренированного мужчины. Его руки безжалостно, как тиски, сжимали шею Усикавы. Мужчина не сказал ни слова. Даже не было слышно, как он дышит. Усикава извивался, сопротивлялся в спальном мешке. Руками раздирал его нейлоновую внутреннюю сторону, бился обеими ногами. Пробовал кричать. Но зря. Заняв удобную позицию на мате, незнакомец не шевелился, а только постепенно добавлял силы своим мышцам на руках. Действовал успешно. Все больше сжимал горло Усикавы - так, что тот еле дышал. В голове Усикавы, что оказался в таком отчаянном состоянии, мелькнул вопрос: "Как этот человек забрался в квартиру?". Ведь дверь была на замке. Изнутри висела цепочка. И окно надежно замыкалось. "Как же он смог проникнуть в комнату? Если бы возился с ключом, то было бы слышно, и я, безусловно, проснулся бы". "Он - профессионал, - подумал Усикава. - И в случае необходимости, несколько не задумываясь, сможет отнять у человека жизнь. Опытный в таких делах. Может, его послали из "Сакигаке"? В конце концов, они решили расправиться со мной? Почитали, что я уже им не нужен, а только мешаю? Если это так, то они ошиблись. Ведь еще один шаг - и Аомамэ была бы в их руках". Усикава пытался докричаться до незнакомца. Остановись, сначала послушай меня. Но голоса не было слышно. В горле не было воздуха, чтобы двигать голосовыми связками, да и язык застрял там, словно камень. Горло было теперь полностью пережато. Воздух не поступал в легкие. Они отчаянно хотели свежего кислорода, но его нигде не было. Усикаве казалось, будто тело отделилось от сознания. Тело корчило в спальном мешке, а сознание погружалось в густую и тяжелую атмосферу. Руки и ноги внезапно онемели. "Почему?" - спросил себя

Усикава с ослабленным сознанием. - Почему я должен умирать в таком плачевном состоянии? " Разумеется, ответа не было. Впоследствии с потолка спустилась бескрайняя тьма и окутала все вокруг.

Усикава очнулся, когда уже не лежал в спальном мешке. Руки и ноги окоченели. Он чувствовал, что у него на глазах повязка, а под щекой циновка. Горло уже ничто не душило. Легкие, сжимаясь с шумом кузнечного меха, поглощали свежий воздух. Холодный, зимний. Получив кислород, восстановился кровоток, и сердце со всей силой рассыпало эту красную жидкость до последних кончиков нервной системы. Усикава иногда кашлял, но главное внимание уделял дыханию. А тем временем медленно оживали руки и ноги. В глубине ушей было слышать, как бьется сердце. "Я еще живу", - подумал Усикава в темноте.

Он лежал ничком на полу с руками, связанными за спиной мягкой тканью. Так же связанными были лодыжки ног. Не очень сильно, но опытным способом. Усикава мог только перекатываться. Он удивлялся, почему еще живет и дышит. Это еще не была смерть. То было приближенное к ней, но не смерть. По обе стороны горла остались два клубки боли. Моча, вытекшая из него, начала остывать. Но Усикава совсем не испытывал от этого неудобства. Наоборот. Ведь боль и холод свидетельствовали, что он еще жив.

- Так просто ты не умрешь, - сказал мужской голос, словно прочитав настроение Усикавы.

Глава 23 . Аомамэ

Несомненно, там был свет

Наступила полночь, воскресенье перешло в понедельник, но спать не хотелось.

Аомамэ вылезла из ванны, накинула на себя пижаму и, забравшись в постель, потушила свет. Хотя она допоздна была на ногах, перевозбужденный организм не успокаивался. И делать она ничего не могла, поскольку инициативу в решении проблемы, не теряя времени, передала Тамару. «Так что, как бы там ни было, лучше лечь спать, а завтра утром, на свежую голову, снова подумать », - решила Аомамэ. Однако ни одна часть её сознания не дремала, а тело бесцельно требовало деятельности. По всей видимости, сон не собирался приходить.

Аомамэ примирилась с таким положением - вылезла из кровати и накинула на пижаму халат. Вскипятила воду и, приготовив крепкого чая, маленькими глотками стала пить его за кухонным столом. В голове всплывали какие-то мысли, но какие, она не могла определить. Как дождевые облака, они были объемными и густыми. Имели форму, но их очертания она не видела. Очевидно, между формой и очертаниями существовало несоответствие. С кружкой в руке Аомамэ подошла к окну и сквозь щель в шторах посмотрела на детскую горку. Разумеется, там не было ни души. После первой холодной ночи все - и качели, и песочница, и детская горка - было заброшено. Царила необычайно тихая ночь. Без ветра, без всякой тучки. И только над замерзшими деревьями плыли рядом две Луны - большая и маленькая. Хотя их положение вследствие вращения Земли менялось, они все еще находились в поле зрения Аомамэ, как и в предыдущую ночь.

Стоя так, Аомамэ вспомнила старый дом, куда зашел Фукусеголовый, и табличку с фамилией на дверях квартиры номер 303. На белой табличке двумя иероглифами была напечатанна фамилия Кавана. С мятыми уголками и местами с едва заметными пятнами от сырости, она не была новой. С тех пор как ее установили на двери, прошло много времени.

Тамару, наверняка, выяснит всё о жителе той квартиры, действительно ли это Тэнго Кавана, или совсем другой человек с фамилией Кавана. Вскоре, а возможно и завтра, об этом сообщит. Он ни на что зря времени не тратит. И на этот раз все станет известным. «Возможно, вскоре я смогу увидеться с Тэнго », - подумала Аомамэ. И от такой возможности в нее перехватило дыхание. Как будто вокруг неё образовался разряженный воздух.

«Но, возможно, не все складывается так благополучно. Даже если жилец квартиры номер 303 - Тэнго Кавана, всё равно, где-то в том доме прячется зловещий Фукусеголовый. И втайне замышляет что-то нехорошее, - размышляла дальше Аомамэ. - Пожалуй, разрабатывает хитрый план, как неотступно следя за мной и Тэнго, воспрепятствовать нашей встрече ».

«Нет, не надо беспокоиться, - успокаивала она себя. - Тамару - надежный человек. И, насколько мне известно, самый знающий, способный и опытный. Если получил поручение, то обязательно сумеет справиться с Фукусеголовым. Ведь от него исходит угроза не только мне, но и Тамару, к тому же, он стал фактором опасности, который надо устранить.

Но если выяснится, что по какой-то неизвестной причине встреча с Тэнго приведет к нежелательным последствиям, то что мне тогда делать? Ведь Тамару, бесспорно, исключит возможность нашей встречи. Даже не смотря на то, что между мной и им существует нечто близкое к взаимной симпатии. Это правда. Однако, в любом случае, он предпочтет интересы и безопасность хозяйки усадьбы в Адзабу. Это его главная задача. Он действует не только ради Аомамэ ».

От таких мыслей она забеспокоилась. Она не могла знать, на каком месте среди его приоритетов стоит вопрос о ее встрече с Тэнго. То, что она открыла Тамару правду о своем отношении к Тэнго, - возможно, ее роковая ошибка. «Вопрос о своих отношениях с Тэнго я от начала до конца должна была решить собственными силами, - думала Аомамэ. - А сейчас вернуться обратно уже нельзя. И что ни говори, а я открылась Тамару. Но тогда не могла сделать по-другому. Фукусеголовый, наверное, ждал, когда я приду, и в таком случае мне самой пришлось бы совершить самоубийство. А время неумолимо

шло. Чего-то ожидать и просто смотреть я уже не могла. Открывшись Тамару и перепоручив ему решение моей проблемы, я, может быть, сделала лучший выбор из всех возможных вариантов».

Аомамэ перестала думать о Тэнго. Ведь чем дольше думала, тем все больше нити мыслей перепутывались между собой. Она решила больше ни о чем не думать. Не смотреть на Луну. Лунный свет тревожило ее душу. Он менял уровень воды в приливах в заливе и потрясал жизнь леса. Допив последний глоток крепкого чая, Аомамэ отошла от окна и ополоснула кружку в умывальнике. Хотела глотнуть капельку бренди, но во время беременности употреблять алкоголь не могла. Она села на диван и включив рядом маленькую лампу, решила еще раз перечитать «Воздушный кокон». До сих пор она читала эту книгу, по крайней мере, раз десять. Повесть не длинная, и она запомнила даже отдельные подробности текста. Но все равно решила прочитать произведение еще раз внимательнее. Все равно не может заснуть. Возможно, что-то в нем раньше пропустила.

«Воздушный кокон» - это нечто похожее на код. Возможно, Эрико Фукада наговорила это рассказ с определенной целью - чтобы передать некое послание. Сделав его текст технически совершенным, Тэнго фактически его полностью переписал. Они вдвоем создали произведение, которое нашло отклик в сердцах многих читателей. По словам лидера «Сакигаке», «Они оба имели качества, которые дополняли друг друга. То, чего не хватало Тэнго, имела Эрико, а то, чего недоставало ей, имел он. Они дополняли друг друга и, объединив силы, выполняли одну работу ». И если верить лидеру, то после того, как «Воздушный кокон» стала бестселлером, была раскрыта какая-то тайна о *LittlePeople*, активная связь с ними прервалась, а «вещий голос» перестал говорить. Вследствие этого высох источник, и перестала течь вода. И за того, что влияние этой книги оказалось настолько большим, Аомамэ сосредоточила свое внимание на каждом ее строке.

Когда стрелки настенных часов показали два тридцать, Аомамэ уже прочитала две трети книги. На этом месте она закрыла ее и попыталась выразить свои самые сильные впечатления словами. До нее, наконец, дошло если не откровение, то хотя бы послание, близкое к твердой уверенности.

Я попала сюда не случайно.

Так гласило это послание.

Я должна была здесь оказаться.

До сих пор она считала, что попала в 1Q84 год по чужой воле. «Согласно каким-то намерениям железнодорожную стрелку перевели, в результате чего поезд, в котором я ехала, свернул с главного пути на боковую ветку и въехал в этот дивный новый мир, - рассуждала Аомамэ. - Я не заметила, как оказалась здесь. В мире с двумя Лунами на небе и *LittlePeople*. В мире, куда есть вход, но откуда нет выхода.

Так объяснял мне лидер перед смертью. «Поезд» - это повесть, к которой приложил руки Тэнго, а я - незаменимая её составная часть. Вот почему я сейчас здесь. В полностью пассивной форме. Так сказать, в непонятной второстепенной роли растерянно брожу среди густого тумана ».

«Но это еще не все, - подумала Аомамэ. - *Это еще не все.* Я попала сюда не просто по чужой воле, без собственного желания. Конечно, что-то из чужой воли в этом есть. Но одновременно я сама выбрала это место.

Я нахожусь здесь по собственной воле ».

В этом она не сомневалась.

«И причина, почему я здесь, понятна. Она только одна. Желание встретиться и соединиться с Тэнго, - рассуждала Аомамэ. - Это - единственная причина моего пребывания в этом мире. Стоп! Наоборот - это единственная причина того, что этот мир во мне существует. А возможно, речь идет о взаимном отражении в двух зеркалах, поставленных друг напротив друга. Я - часть этого мира, а сам мир - часть меня самого ».

Понятное дело, Аомамэ не могла знать, книгу с каким сюжетом теперь писал Тэнго. Возможно, в том мире две Луны на небе. Может, в нем появляются и исчезают *LittlePeople*. Самое большее - она могла так только предполагать. Но понимала, что это произведение одновременно его и её.

Она это поняла, когда повторно прочитала сцену, в которой девушка, главный персонаж рассказа, вместе с *LittlePeople* каждую ночь в погребке сплетала воздушный кокон. Следя глазами за подробным и ярким описанием, Аомамэ чувствовала нечто теплое внизу живота. Испытывала волшебное, незгладимое тепло. Его

источник был маленьким, но с весомым сердечником. Она легко догадывалась, что это за источник и что означает выделение тепла. Это - *ее маленькое создание*. Оно выделяет тепло, реагируя на картину того, как девушка, главный персонаж рассказа, вместе с *LittlePeople* создает воздушный кокон.

Аомамэ положила книгу на стол, отстегнула пуговицу пижамы и приложила ладонь к животу. Ладонь ощутила тепло. Казалось, там даже чуть-чуть виднеется розовый свет. Аомамэ погасила лампу и, напрягая в темноте зрение, не отрывала взгляда от живота под ладонью. От почти незаметного излучения. Но, несомненно, там был свет. «Я - не одинока, - подумала Аомамэ. - Мы сможем встретиться вместе. Благодаря одновременному вхождению в одно и то же художественное произведение. И если это произведение не только Тэнго, но одновременно и моё, то я также смогу присоединиться к написанию его сюжета, - рассуждала она. - Наверное, смогу что-то в него добавить или что-то в нем изменить. И самое главное - смогу по собственной воле определить его окончания. Разве не так? »

Аомамэ думала над такой возможностью.

Так как она сможет это сделать?

Аомамэ еще не знала как. Но была уверена, *что такая возможность есть*. А пока это только теория, которой недостает конкретики. Крепко сжав губы, в полной темноте она думала. О чрезвычайно важном.

«Мы оба - совместная команда. В новом произведении я и Тэнго - такая же способная команда, как Тэнго и Эрико Фукада при написании «Воздушного кокона». Наша общая воля или ее подводное течение начинает это сложное произведение и продвигает его вперед. Возможно, этой работы на поверхности не видно. А потому, даже не видя друг друга, мы сможем соединиться в одно целое. С одной стороны, мы пишем художественное произведение, а с другой - произведение управляет нами. Разве это не так?

Однако остается один вопрос. Очень важный.

Собственно, что означает *это маленькое создание* в произведении, которое мы пишем? Какую роль оно выполняет?

Это маленькое создание сильно реагирует на сцену, в которой *LittlePeople* с девушкой, главным персонажем повести, создают

воздушный кокон. В моем лоне оно выделяет незначительное, но осязаемое на ощупь тепло и излучает тусклый розовый свет. Как воздушный кокон. Неужели мое лоно исполняет роль «воздушного кокона»? Неужели я - *мадза*, а это маленькое создание - моя *доота*? Неужели к тому, что я забеременела без полового акта, причастны *LittlePeople*? Неужели они каким-то ловким способом использовали мое лоно как «воздушный кокон»? Может, они воспользовались мною, чтобы создать для себя новую *дооту*?

Ну нет, этого не может быть, - твердо заявила она. - *Это невозможно.*

Как говорил лидер, теперь *LittlePeople* потеряли свою активность. Вследствие широкого распространения напечатанной книги они наткнулись на препятствие в своих действиях. Моя беременность, наверное, была для них незаметной, недоступной для их вмешательства. Тогда, собственно говоря, *кто* или *какая сила* сделали ее возможной? »

Аомамэ этого не знала.

Она не сомневалась лишь в одном: что *это маленькое создание* - бесценная жизнь, совместный плод Тэнго и ее. Аомамэ еще раз приложила руку к низу живота. Нежно нажала на источник тусклого розового света, будто обрамляя его своей рукой. И долго распространяла по всему телу тепло, которое чувствовала под ладонью. «Во что бы то ни стало, я должен защитить *это маленькое создание*, - решила она в ночной темноте. - Не позволю никому похитить его. Нанести ему ущерб. Мы защитим и вырастим его ».

Аомамэ вернулась в спальню и, сбросив халат, залезла в постель. Легла на спину и, приложив руку к низу живота, вновь почувствовала под ладонью тепло. Ее тревога уже исчезла. Колебаний не было. «Я должна быть еще сильнее, - подумала она. - Душой и телом одновременно ».

Вскоре тихо, словно клуб дыма, к ней пришел сон и окутал ее со всех сторон. На небе все еще плыли две Луны.

Глава 24 . Тэнго Покинуть «Кошачий город»

Останки отца, в аккуратно выглаженный униформе сборщика абонентской платы «NHK», положили в простой, возможно, даже самый дешевый, гроб. Действительно некрасивый, будто переработанный из коробок из-под печенья. Покойник был невысокого роста, но внутри гроба почти не оставалось свободного места. Сделанный из фанеры, он был без всяких украшений. «Вы не возражаете против такого гроба?» - несмело спросил распорядитель фирмы ритуальных услуг. Тэнго ответил, что не возражает. Эту гроб в каталоге выбрал и оплатил сам отец. Если покойник не имел к нему никаких возражений, то и Тэнго не возражал.

Отец, лежащий в скромном гробу в униформе сборщика абонентской платы «NHK», не походил на мертвого. Казалось, он просто немного отдыхает во время рабочего перерыва. И вот сейчас проснется, наденет на голову шапку и уйдет собирать остальную абонентскую плату. Эмблема «NHK», пришитая на униформе, словно была частью его кожи. Он пришел в этот мир в униформе и в ней сгорит в крематории. Глядя на него сейчас, Тэнго не мог вспомнить на отце никакой другой одежды, кроме этой. Он сгорит в огне, как одетые в доспехи воины, выступающие в музыкальной драме Вагнера.

Во вторник утром на глазах у Тэнго и Куми Адати гроб закрыли крышкой, которую прибили гвоздями. После того положили в катафалк - чрезвычайно практичный фургон фирмы «Тойота», которым перевезли останки отца из здравницы в фирму ритуальных услуг. Только теперь кровать на колесиках заменили гробом. Наверное, это был самый дешевый катафалк. Совсем без величавых украшений. Не звучала и музыка из оперы «Сумерки богов ». Однако Тэнго не находил причин для возражения относительно формы катафалка. Кажется, и Куми Адати это не беспокоило. Это было только транспортное средство. Самое главное, что человек исчезал из этого мира, а люди, которых они оставляли, хотели этот факт запечатлеть себе в душе. Тэнго и медсестра сели в такси и поехали вслед за катафалком.

Крематорий размещался неглубоко в горах, в стороне от дороги, ведущей к морскому побережью. Сравнительно новое здание, лишенное малейшей индивидуальности, оно походила не на крематорий, а на какой завод или государственное учреждение. И только красивый, тщательно ухоженный двор и высокий дымоход, который торжественно поднимался в небо, давали понять, что у него особое назначение. В этот день, видимо, крематорий не был переполнен, а потому гроб, не теряя времени, поднесли к высокотемпературной печи. Когда гроб медленно исчез в печи, захлопнулась дверца, похожая на люк подводной лодки. Пожилой служащий в рукавицах поклонился Тэнго и нажал кнопку розжига. Куми Адати сложила вместе ладони перед запертыми дверцами печи. Следуя ее примеру, Тэнго сделал так же.

Почти час, пока не закончилась кремация, Тэнго и Куми Адати провели в комнате отдыха. Медсестра купила в торговом автомате две банки горячего кофе, который они молча выпили. Сидели рядом на скамейке, перед которой открывалось большое окно. За окном простирался двор, заросший увядшей травой, с неухоженными деревьями. На ветвях виднелись две черные птицы неизвестного вида. Небольшие, но с длинными хвостами, они пронзительно кричали. А потом задирали свои хвосты. Над деревьями висело голубое, без единого облачка, зимнее небо.

Поверх короткого черного платья на Куми Адати было кремовое пальто из шерстяной байки. Тэнго надел темно-серый пиджак из ткани «елочкой» поверх черного свитера с круглым вырезом. На ногах было темно-коричневые мягкие кожаные ботинки. Это был самая официальная одежда из того, что он имел.

- И моего отца здесь сожгли, - сказала Куми Адати. - Все присутствующие на похоронах беспрестанно курили. Поэтому казалось, что под потолком висит облако. Потому как, что ни говори, почти все его товарищи были рыбаками.

Тэнго представил себе эту картину. Группа загорелых людей, в необычных черных костюмах, то и дело пыхтят сигаретами. И скучают по товарищу, умершему от рака легких. Однако сейчас в комнате ожидания были только они двое - Тэнго и Куми Адати. Вокруг царила полная тишина. Ничто её не нарушало, разве что несчастый пронзительный птичий крик. Не было слышно ни музыки,

ни человеческих голосов. Солнце посылало на землю свои кроткие лучи, которые, проникая через окно в комнату, образовывало под их ногами молчаливый солнечный кружок. Время шло медленно, как вода при приближении к устью реки.

- Спасибо, что вы пошли со мной, - сказал Тэнго после продолжительного молчания.

Куми Адати протянула руку и положила ее на его руку.

- Потому что одному трудно. Лучше, чтобы кто-то был рядом. Вот в чем дело.

- Возможно, что и так, - согласился Тэнго.

- Смерть человека, при любых обстоятельствах, - страшное событие. Поскольку в мире образуется еще одна могила. Нам нужно относиться к ней правильно, с уважением. Иначе могила не закроется.

Тэнго кивнул.

- Могилу нельзя оставлять открытой, - сказала Куми Адати. - Потому что в нее может кто-нибудь упасть.

- Но иногда умерший человек уносит с собой тайны, - сказал Тэнго. - И когда могилу зарывают, тайны так и остаются тайнами.

- Я думаю, что так и надо.

- Почему?

- Если умерший человек их забрал, то это означает, что тайны нельзя было открывать.

- Почему нельзя было открывать?

Куми Адати отпустила руку Тэнго и посмотрела ему прямо в глаза.

- Наверное, в них было нечто, что мог понять только умерший человек. То, чего он не сумел бы объяснить словами в течение длительного времени. Он должен был держать их только при себе. Как драгоценные личные вещи.

Тэнго молча смотрел на солнечный кружок под ногами на полу из тускло отсвечивающего линолеума. Перед кружком виднелись изношенные мягкие кожаные ботинки Тэнго и простенькие черные туфли-лодочки Куми Адати. Они были рядом, но напоминали картину, увиденную вдали, за несколько километров отсюда.

- А у вас, Тэнго, есть или нет нечто такое, чего вы не можете кому-то объяснить?

- Может быть, есть, - ответил Тэнго.

Медсестра молча скрестила свои стройные ноги в черных чулках.

- Ты говорила, что раньше умирала, это правда? - спросил Тэнго.

- Да, я однажды умерла. Одинокой ночью, когда падал холодный дождь.

- И ты помнишь, как это произошло?

- Ага, помню. Я часто вижу это во сне. Во вполне реалистичном и всегда одинаковом. Не сомневаюсь, что так было в действительности.

- Может, это реинкарнация?

- Реинкарнация?

- Ну, перевоплощение. Переселение души.

Куми Адати над этим задумалась.

- Неужели? Возможно, что и так. А может, нет.

- И тебя после смерти так же сожгли?

Она покачала головой.

- Я этого не помню. Потому что это произошло после смерти. Я только помню, что умерла. Кто-то меня душил за горло. Незнакомый мужчина, которого я никогда не видела.

- Его лицо помнишь?

- Конечно. Я же видела его не один раз во сне. Если бы встретила на улице, сразу узнала бы.

- Если бы действительно встретила его на улице, то что бы делала?

Куми Адати потеряла нос щепотью пальца. Будто проверяла, нос еще на своем месте или нет.

- Я сама об этом не раз думала. Что делала бы, если бы действительно встретила на улице? Возможно, убежала. Или, может, украдкой проследила бы за ним. Заранее невозможно сказать.

- Зачем следила бы?

- Не знаю. Может, этот человек обладает какой-то важной тайной обо мне. Если бы повезло, может, открыла бы ее.

- Какую тайну?

- Например, почему я здесь.

- Но этот человек однажды уже вроде бы убил тебя.

- Возможно, - медсестра слегка сжала губы - это опасно. Конечно, я это хорошо понимаю. Пожалуй, лучше всего было бы - это куда-то убежать. Но предполагаемая тайна так меня манит, что не могу дать

себе никакого совета. Совсем как кот, который видит темную дыру - не может туда не заглянуть.

Когда кончилась кремация, Тэнго, вместе с Куми Адати, забрал прах отца и положил в маленькую урну. Держа урну в руках, он не знал, что с ней делать. Оставить её где-нибудь не годилось. Растерянный Тэнго, все еще с урной, вместе с медсестрой ехал на такси до вокзала.

- Остальные мелкие дела я сама улажу, - сказала Куми Адати в такси.

Затем, немного подумав, добавила: - Если вы не против, поставлю урну в склеп.

Услышав эти слова, Тэнго удивился.

- А вы сможете это сделать?

- Почему же нет? Смогу, - ответила медсестра. - Потому что бывают даже такие случаи, когда на похороны никто из родни не приезжает.

- Ты мне очень помогла бы, если бы так сделала, - сказал Тэнго.

Он немного испытывал угрызения совести, но, признаться, с облегчением вздохнул, когда передал урну медсестре.

«Я больше не увижу этот прах, - подумал он тогда. - Останется только память. Но и она когда-нибудь развеется, как пепел на ветру».

- Я здешняя, а потому почти со всеми необходимыми формальностями могу справиться. Так что вам, Тэнго, лучше немедленно возвращаться в Токио. Конечно, мы вас любим, но вам не стоит оставаться здесь надолго.

«Покинуть "Кошачий город"», - подумал он.

- Спасибо тебе за все, - сказал Тэнго.

- Тэнго, можно вас кое о чем предостеречь? Это, в действительности, настоящее предостережение.

- Конечно, можно.

- Может быть, что ваш отец ушел на тот свет с тайной. И поэтому вы выглядите немного растерянным. Я понимаю ваше настроение. Но, Тэнго, вам не стоит заглядывать в темный ход. Пусть этим занимаются коты. Вы никуда не доберетесь, даже если будете это делать. Лучше думайте о будущем.

- Надо зарыть могилу? - спросил Тэнго.

- Именно это я хотела сказать, - ответила Куми Адати. - Так говорит и сова. Вы ее помните?

- Конечно.

Сова - бог-хранитель лесов, мудрое существо, а потому наделяет нас ночным умом.

- Сова еще кричит в этом лесу?

- Она никуда не улетает оттуда, - ответила медсестра. - Она постоянно там.

Куми Адати следила за тем, как Тэнго садился в электричку, которая направлялась в Тате. Как будто вынуждена была собственными глазами убедиться, что он на ней отбывает из этого городка. Махала рукой на перроне, пока не исчезла его фигура.

Домой, в квартал Коэндзи, Тэнго вернулся во вторник, в семь пополудни. Включил свет, сел на стул перед обеденным столом и оглянулся вокруг. Комната ничуть не изменилась с тех пор, как вчера утром он ее оставил. Шторы плотно заслоняли окно, на столе лежала груда напечатанных листов его рукописи. В стакане торчало шесть аккуратно очиненных карандашей. В умывальнике лежала помытая посуда. Часы молча отсчитывали время, а настенный календарь показывал, что год приближается к своему последнему месяцу. В комнате, как никогда, было тихо. Стояла даже слишком чрезмерная тишина. А может, так только казалось. Может быть потому, что совсем недавно он был свидетелем смерти человека. И могила в мире еще не закрылась.

Выпив стакан воды, он стал под горячий душ. Тщательно помыл голову, прочистил уши и обрезал ногти. Надел новые трусы и рубашку, которые достал из ящика. Надо избавиться от всех запахов «Кошачьего города». *«Конечно, мы вас любим, но вам не следует оставаться здесь надолго»*, - сказала Куми Адати.

Есть он не хотел. Работать тоже не хотелось, раскрывать книжку не было никакого желания. Слушать музыку не собирался. Физически Тэнго устал, но его нервная система находилась в удивительно возбужденном состоянии. А потому лечь и заснуть не мог. В тишине, что его окутывала, было нечто искусственное.

«Ох, как не хватает здесь Фукаэри! - подумал он. - с ее глупостями, бессодержательными вещами. С ее однообразным, без

вопросительной интонации, языком ». Он давно хотел услышать, как она говорит. Но знал, что она больше сюда не вернется. А почему - не мог объяснить. Она сюда уже не придет. Скорее всего.

Он хотел поговорить с кем-нибудь. С кем угодно. Если бы была возможность, с замужней подругой. Но как связаться с ней – он не знал. У него не было ни её адреса, ни телефонного номера, а кроме того, ему сообщили, что она исчезла.

Тэнго попытался набрать рабочий номер Комацу - номер прямой связи с телефонным аппаратом на его столе. Однако трубку никто не брал. Даже после пятнадцати звонков.

«Кому еще можно позвонить?» - подумал Тэнго.

Но подходящего собеседника не вспомнил. Решил позвонить Куми Адати, но передумал, так как тоже не знал ее телефонного номера.

Потом он подумал о темной могиле, которая открылась сейчас в мире. Не большая, но глубокая. Если заглянуть в нее и громко крикнуть, то, возможно, еще удастся поговорить с отцом? Может, мертвый скажет правду?

«Вы никуда не доберетесь, даже если будете это пытаться делать, - сказала Куми Адати. - Лучше думайте о будущем ».

«Вопрос не в этом, - подумал Тэнго. – Вернее, не только в этом. Возможно, я никуда не добрался бы, даже если бы знал правду. Однако мне надо знать причину, почему не добрался бы. Если бы знал, может быть, куда-нибудь пришел».

«Вам все равно, отец вы мне или нет, - обращался он к темной могиле. - Вам безразлично. Вы умерли, взяв с собой часть меня, а я остался жить с частью вас. Этот факт уже не изменится, независимо от того, есть между нами кровное родство или нет. Время прошло и мир продвинулся вперед ».

Тэнго показалось, что за окном прокричала сова. Но, конечно, это ему только почудилось.

Глава 25 . Усикава

«Холодный или не холодный... но Бог здесь есть»

- Так просто ты не умрешь, - сказал мужской голос сзади, словно прочитав настроение Усикавы. – Ты лишь на короткое время потерял сознание. Еще немного - и плохо кончил бы.

Голос был незнакомый - невнятный и нейтральный. Не высокий и не низкий. Не очень жесткий и не очень мягкий. Как тот, что сообщает об отправке или прибытии самолета или же о положении на фондовом рынке.

«Какой сегодня день? - силился вспомнить Усикава. - Наверное, ночь с воскресенья на понедельник. Э нет, возможно, уже вторник ».

- Господин Усикава, - сказал незнакомец. - Можно так к вам обращаться?

Усикава молчал секунд двадцать. После этого вопроса мужчина без всякого предупреждения нанес ему короткий удар в левую почку. Сзади. Бесшумный, но страшно сильный удар. Острая боль пронзила все тело Усикавы. Все органы судорожно сжались, и он не мог нормально дышать, пока боль немного не ослабла. А потом сухо закашлял.

- Я вежливо спросил. Хочу услышать ответ. Если не можете говорить, кивните или покачайте головой. Этого будет достаточно. Этого требует этикет, - сказал мужчина. - Можно так к вам обращаться?

Усикава несколько раз кивнул.

- Господин Усикава, вашу фамилию легко запомнить. Я проверил кошелек, бывший в ваших брюках. Нашел водительское удостоверение и визитную карточку. «Штатный директор нового Японского общества содействия развитию науки и искусства ». Замечательный титул, не правда ли, господин Усикава? Однако, что же делает в этом месте, прячась и пользуясь скрытым фотоаппаратом, этот самый штатный директор?

Усикава молчал. Речь всё еще не вернулась к нему.

- Лучше ответьте, - сказал мужчина. - Я вам советую. А то вдруг почку отобью, всю жизнь будет болеть, и от боли не избавитесь.

- Следил за человеком, который здесь живет, - наконец ответил Усикава неровным, прерывающимся голосом, который ему, с завязанными глазами, казался чужим.

- За Тэнго Кавана?

Усикава кивнул.

- За Тэнго Кавана, исполнившего роль соавтора книги «Воздушный кокон », не так ли?

Усикава снова кивнул, а потом откашлялся. «Этот незнакомец об этом знает», - подумал он.

- По чьему заказу? - спросил человек.

- «Сакигаке».

- Господин Усикава, я так и думал, - сказал мужчина. - Но почему сейчас секта должна следить за поведением Тэнго Каваны? Для них он - не такая важная фигура.

Усикаве не давала покоя мысль: «Что это за человек и что он хочет узнать?» Кто - неизвестно, но, по крайней мере, его не подслала секта. Но все равно Усикава не знал, радоваться этому или наоборот - нет.

- Я же вас спрашиваю! - сказал незнакомец. И пальцем сильно нажал на левую почку.

- Он связан с одной женщиной, - почти простонал Усикава.

- Как ее фамилия?

- Аомамэ.

- И почему вы ее преследуете? - спросил человек.

- Потому что она нанесла вред лидеру секты.

- Нанесла вред? - переспросил мужчина. - То есть, если говорить проще, убила?

- Да, - ответил Усикава. И подумал, что перед таким собеседником ничего нельзя скрыть. Раньше или позже придется всё рассказать.

- Однако об этом никто не знает. - Это - их тайна.

- Сколько людей в секте знает об этой тайне?

- Горстка.

- Среди них и вы?

Усикава кивнул.

- То есть вы занимаете в секте достаточно важное положение?

- Нет, - возразил Усикава и покачал головой. Когда повернул голову, почувствовал боль от удара, нанесенного почке. - Я просто мальчик на побегушках. Чисто случайно кое-что узнал.

- Не вовремя оказались в ненужном месте. Вы это хотите сказать?

- Да, именно так.

- Кстати, господин Усикава, вы сейчас самостоятельно действуете?

Усикава кивнул.

- Странно. Ведь, как правило, слежки и преследования проводят группой. По крайней мере, в составе трех человек, включая, для верности, поставщика информация. И вы, несомненно, постоянно действуете организовано. Самостоятельные действия - вещь действительно неестественная. Вот почему ваш ответ мне не нравится.

- Я не член секты, - сказал Усикава. Его дыхание выровнялось, а речь наконец стала нормальной. - Секта лишь наняла меня на выполнение работы. Обращаются ко мне, когда удобно пользоваться услугами постороннего человека.

- Как штатным директором «Нового Японского общества содействия развитию науки и искусства»?

- Это фиктивная организация. Она создана главным образом для того, чтобы секта могла избегать налогов. Я действую как независимый предприниматель, никак не связанный с сектой, но выполняю ее заказ.

- Как наёмный солдат?

- Нет, не как наёмный солдат. Я только собираю информацию по их просьбе. Грубую работу, если возникает потребность, берут на себя члены секты.

- Секта велела вам следить за Тэнго Кавана и установить его связь с Аомамэ?

- Да.

- Что-то не то, - сказал мужчина. - Неправильный ответ. Если бы секта собиралась установить этот факт, то есть связь между Аомамэ и Тэнго Каваной, то не поручила бы вам одному проводить слежку. Для выполнения такой задачи создала команду из своих людей. В таком случае удалось бы избежать ошибок и можно было бы эффективно использовать оружие.

- Но на самом деле всё было так, как я рассказываю! Я лишь выполнял указания сверху. Почему мне одному поручили эту работу, я сам не знаю. - голос Усикавы снова стал неровным и прерывистым.

«Если бы секте « Сакигаке » стало ясно, что у меня все еще нет доказательств о связи между Аомамэ и Тэнго Кавана, то она меня уничтожила бы, - подумал Усикава. - И в таком случае все осталось бы никому неизвестным ».

- Я не могу привыкнуть к неправильным ответам, - холодным тоном сказал мужчина. - Господин Усикава, вы это должны зарубить себе на носу. Потому что можете получить еще один удар в ту же почку. Но когда я бью - моей руке больно, к тому же, моя цель не заключается в том, чтобы наносить серьезный ущерб вашей почке. Поскольку я не имею против вас личной злости. Моя цель - получить правильный ответ. А значит, сейчас я поступлю по-другому. Пошлю вас на морское дно.

«Морское дно? - подумал Усикава. - Что на самом деле собирается сделать этот человек? »

Мужчина вроде бы вынул что-то из кармана. Послышался шорох какой-то пленки - и голова Усикавы оказалась в пакете из плотного полиэтилена, в котором хранят замороженные пищевые продукты. Затем его шею охватило большое резиновое кольцо. «Этот человек собирается меня задушить », - понял Усикава. Когда он попытался дышать, рот заполнился полиэтиленовой пленкой. Перекрыло ноздри. Обе легкие стали отчаянно требовать свежего воздуха. Но его нигде не было. Пленка прочно прилипла к лицу, буквально превратившись в смертельную маску. Вскоре все мышцы тела начали конвульсивно вздрагивать. Усикава пытался сорвать пакет с головы, но, конечно, руки не слушались - были связаны за спиной. Мозг в голове раздувался, словно воздушный шар, и чуть не разрывался. Усикава хотел закричать. Он во что бы то ни стало нуждался в свежем воздухе. И, конечно же, несмотря на все усилия, голоса не было слышно. Язык разбух во рту. Сознание покидала голову.

Вскоре с шеи сняли резиновое кольцо, а с головы сорвали полиэтиленовый пакет. Усикава, широко открыв рот, глотнул воздух. А потом, как зверь, который пытается ухватить зубами что-то ему недостижимое, изо всех сил безумно задышал.

- Как вам понравилось морское дно? - спросил человек, ожидая, когда Усикава выровняет дыхание. Его голос все еще звучал безразлично. – Вы достаточно глубоко погрузились. Наверное, увидели много чего неизведанного. Драгоценный опыт.

Усикава не мог ничего ответить. Не было голоса.

- Господин Усикава, я уже не раз вам повторял, что мне нужен правильный ответ. А потому последний раз спрашиваю: это секта вам приказала следить за поведением Тэнго Кавана и установить связь между ним и Аомамэ? Это очень важный момент. От нее зависит человеческая жизнь. Хорошо подумайте и дайте мне правильный ответ. Ложь я сразу почувствую!

- Секта этого не знает, - наконец сказал Усикава.

- Вот это правильный ответ. Секта еще не узнала, что между Аомамэ и Тэнго Кавана существует связь. Вы еще не передали им эту информацию, не так ли?

Усикава кивнул.

- Понятно. И я раньше тоже попадал в такую передрыгу, - словно ведя пустопорожнюю светскую беседу, сказал мужчина. - Человек без жизненного опыта не понял бы, как мне было тяжело. Страдания не поддаются обобщению. Каждый человек имеет свои особенности. Если немного изменить знаменитое выражение Толстого, то можно сказать, что наслаждения похожи друг на друга, а вот каждое страдание чем то отличается от другого. И назвать их приятными нельзя. Вам так не кажется?

Усикава кивнул. Он все еще задыхался.

А человек продолжал:

- Так, может, поговорим честно и искренне, без утайки? Согласны?

Усикава кивнул.

- Если повторится неправильный ответ, то снова я опущу вас на морское дно. На этот раз немного глубже и медленнее. До последней черты. Ненароком может так случиться, что вы уже не вернетесь обратно. Такой неприятности вам, наверное, не хочется. Не правда ли, господин Усикава?

Тот кивнул головой.

- Похоже, что у нас есть нечто общее, - сказал мужчина. - Как видно, мы оба - одиноки волки. Или бездомные собаки. Откровенно

говоря, отбросы общества, от рождения не привыкли к организации. То есть изначально не можем ее принять. Все делаем сами. Сами решаем, сами действуем, сами берем на себя ответственность. Приказы сверху получаем, но коллег и подчиненных нет. Полагаемся только на свою голову и руки. Правда?

Усикава кивнул.

- Это - наша сильная и одновременно слабая сторона. Например, на этот раз вы немного перестарались. Не доложили секте о ходе расследования событий, и собирались сами уладить дело. Хотели добиться личных заслуг как можно более привлекательным способом. И потеряли бдительность, не так ли? - сказал мужчина.

Усикава снова кивнул.

- Была какая-то причина, чтобы так действовать?

- Своим промахом я причастен к смерти лидера.

- Каким образом?

- Я расследовал биографию Аомамэ. Тщательно проверил ее перед тем, как она встретила с лидером. И ничего подозрительного не заметил.

- Однако она подступилась к лидеру со злым умыслом и всё-таки убила его. А вы не выполнили как следует порученного задания и должны обязательно за это ответить. То есть, вас использовали и выбросили. Но вы слишком много знали о секте. Поэтому чтобы выжить, вы должны преподнести этим типам голову Аомамэ. Вы это хотите сказать?

Усикава кивнул.

- Жаль, что вы это сделали, - сказал мужчина.

Жаль, что сделал?... И Усикава задумался своей сплющенной головой над этими словами. А потом догадался:

- Это вы придумали план убийства лидера?

Мужчина на это не ответил. Но Усикава понимал, что его молчаливый ответ не является отрицанием.

- Что вы собираетесь со мной делать? - спросил наконец Усикава.

- Что делать? Правду говоря, еще не решил. Сейчас спокойно подумаю. Все зависит от вашего поведения, - ответил Тамару. - У меня к вам несколько вопросов.

Усикава кивнул.

- Я хотел бы, чтобы вы назвали мне номер телефона членов «Сакигаке», которые должны поддерживать с вами непосредственную связь.

Усикава немного поколебался, но, в конце концов, назвал этот номер. Скрывать его сейчас под страхом смерти не стоило. Тамару записал его.

- Фамилия?

- Не знаю, - соврал Усикава. Но Тамару над этим особо не задумался.

- Крутые типы?

- Довольно крутые.

- Но не профессионалы?

- Шустрые. Приказы сверху выполняют без всяких колебаний. Но не профессионалы.

- Что вы узнали об Аомамэ? - спросил Тамару. - Знаете, где она прячется?

Усикава в отрицании покачал головой.

- Не знаю. Поэтому неотступно слежу тут за Тэнго Кавана. Если бы знал, то давно бы туда наведалься.

- Логично, - сказал Тамару. - Кстати, как вы поняли, что между Аомамэ и Тэнго Кавана есть какая-то связь?

- Не сидел на месте, а собирал информацию.

- Каким способом?

- Исследовал всю биографию Аомамэ. С самого детства. Она посещала начальную муниципальную школу в Итикава. И Тэнго Кавана родом из Итикавы. А потому я побывал в этой школе и, как ожидал, обнаружил, что два года они учились в одном классе.

Тамару тихо фыркнул, как кот.

- Интересно. Вы провели действительно необычное расследование. Наверное, потратили на него много времени и усилий. Я восхищаюсь вами, господин Усикава.

Усикава молчал. Пока что вопросов к нему не было.

- Меня все же интересует, - сказал Тамару, - кто-нибудь сейчас, кроме вас, знает о связи между Аомамэ и Тэнго Каваной.

- Вы знаете.

- Я имею в виду, знает ли кто из вашего окружения.

Усикава помахал головой.

- Среди тех, с кем я имею дело, знаю об этом только я.

- Не врете?

- Нет, не вру.

- Кстати, вы знаете, чтоб Аомамэ беременна?

- Беременна? - переспросил Усикава. В его голосе слышалось удивление. - От кого?

Тамару не ответил.

- Действительно не знали?

- Не знал. Правду говорю.

Некоторое время Тамару молча разгадывал, в самом ли деле реакция Усикавы настоящая или нет. А потом сказал:

- Понятно. Вроде бы правда, что вы не знали. Поверю. Кстати, вы долгое время рыскали вокруг «Усадьбы плакучих ив» в Адзабу. Я не ошибаюсь?

Усикава помотал головой.

- Зачем?

- Хозяйка этой усадьбы посещала элитный спортивный клуб, в котором инструктором работала Аомамэ. Похоже, будто обе женщины установили дружеские личные отношения. Рядом с усадьбой хозяйка устроила приют для женщин, ставших жертвами домашнего насилия. Под очень строгой охраной. На мой взгляд, слишком жесткой. Поэтому я, естественно, предположил, что, может, в нем скрывается и Аомамэ.

- И что дальше?

- Однако после определенных размышлений я в этом усомнился. Владелица усадьбы – богатый и влиятельный человек. И если бы она даже и прятала Аомамэ, то не у себя. А как можно дальше. Поэтому я перестал крутиться вокруг усадьбы в Адзабу, а переключился на Тэнго Кавану.

Тамару снова тихо фыркнул.

- У вас сильная интуиция и голова может работать логически. Вы настойчивы. А потому жаль, что согласились на роль простого мальчика на побегушках. Вы давно на этой работе?

- Раньше я работал адвокатом, - сказал Усикава.

- Понятно. Наверное, успешным. Но, наверное, поступили слишком уверенно и, нечаянно поскользнувшись, упали. Поэтому теперь, прогорев на чём-то, исполняете роль мальчика на побегушках

за мелочь в новейшей религиозной секте. Видимо, так всё и случилось.

Усикава кивнул.

- Да.

- Вы ничего не сделаете, - сказал Тамару. - Таким, как мы, отщепенцам, которые могут положиться только на себя, нелегко держаться на поверхности жизни. Даже если им вроде бы везет, они все равно обязательно где-то падают. Так устроен мир. - Суставы его сжатого кулака зловеще затрещали. - Вы рассказывали секте об усадьбе в Адзабу?

- Нет, никому, - честно признался Усикава. - Мое подозрение относительно усадьбы было лишь предположением. Охрана особняка оказалась настолько суровой, что я не получил никаких доказательств.

- Прекрасно, - сказал Тамару.

- Наверное, это вы ею руководили?

Тамару не ответил. Его роль заключалась в том, чтобы спрашивать, а не отвечать на вопросы.

- Пока вы давали правильный ответ на мои вопросы, - сказал Тамару. - По крайней мере, в главном. Когда я окунул вас на морское дно, вы потеряли желание говорить неправду. Всё же по вашему голосу сразу видно, когда пробуете солгать. Я вас напугал.

- Я не вру, - сказал Усикава.

- Это хорошо, - сказал Тамару. - Лишних страданий испытывать не хочется. Кстати, вам известно, кто такой Карл Юнг?

Под повязкой на глазах Усикава невольно нахмурил брови. «Карл Юнг? Собственно, о чем теперь собирается говорить этот человек?» - подумал он.

- Психолог Юнг?

- Да.

- Немножко, - осторожно ответил Усикава. - Что он родился в Швейцарии в конце девятнадцатого века. Был учеником Фрейда, но позже отошел от него. Автор идеи о коллективном подсознании. Вот все, что я знаю о нем.

- Неплохо, - сказал Тамару.

Усикава ожидал, что Тамару расскажет далее.

- Карл Юнг имел элегантный дом в тихом фешенебельном квартале на берегу Цюрихского озера, в котором богато жил вместе с семьей. Однако нуждался в месте, чтобы уединиться для своих глубоких размышлений. А потому нашел себе участок с выходом на озеро на краю глухой деревни Болинген и построил там небольшой дом. Совсем не виллу. Собственными руками сложил из камня круглое здание с высоким потолком. Камень брал с близкогогорасположенной каменоломни. Тогда в Швейцарии надо было иметь квалификацию каменщика, чтобы что-то строить из камня. А потому Юнг ее добился и даже вступил в гильдию каменщиков. Возведение дома своими руками имело для него важное значение. Одной из главных причин этого была и смерть матери.

Тамару сделал короткую паузу.

- Этот дом называли «Башней». Юнг спроектировал его по образцу сельских хижин, которые встречал во время путешествия по Африке. Построил его без перегородок, как можно проще. Считал, что этого достаточно, чтобы в нем жить. Без электричества, газа и водопровода. Вода стекала в дом с недалекой горы. Однако, как потом выяснилось, это был лишь начальный вариант. Впоследствии, в соответствии с потребностями, в доме появились внутренние стены, второй этаж, а после - несколько пристроек. На стенах Юнг своими руками нарисовал картины, которые отражали разделение сознания индивида и ее развитие. Этот дом, так сказать, исполнял роль пространственной модели мандалы. Для его завершения Юнг потратил примерно двенадцать лет. Для него как исследователя дом был чрезвычайно интересным. Вы об этом слышали?

Усикава покачал головой.

- Этот дом все еще стоит на берегу Цюрихского озера. За ним следят потомки Юнга, но, увы, никого внутрь не пускают, а потому неизвестно, что там есть. Говорят, будто и теперь на камне над входом в «Башне» сохраняется такая надпись, отчеканенная руками самого Юнга: «Холодный или не холодный... Бог здесь есть». [24] Тамару еще раз сделал паузу.

- «Холодный или не холодный... Бог здесь есть», - еще раз тихо повторил Тамару. - Понимаете?

Усикава покачал головой.

- Нет, не понимаю.

- Признаться, и я не совсем хорошо понимаю содержание фразы. В ней какой-то глубокий намек, который не поддается простому толкованию. Но почему-то именно эти слова сам Юнг просто не мог не отчеканить долотом на камне над входом в дом. И меня почему-то эти слова издавна сильно захватывали. Я не понимал их смысла, но даже в таком виде они глубоко запали мне в душу. О Боге я мало знаю. Имею о нем не очень хорошее впечатление, так как вырос в детском доме, который содержала католическая церковь. Там я испытал много издевательств. И там всегда было холодно. Довольно холодно или даже страшно холодно. Даже среди лета. И если Бог всё-таки там был, признаков, что он относится ко мне дружелюбно, я не видел. Но все равно эти слова незаметно проникли в тонкие извилины моей души. Я иногда закрываю глаза и раз за разом их повторяю. И тогда очень успокаиваюсь. «Холодный или не холодный, но Бог здесь есть». Извините, вы не могли бы их повторить?

- «Холодный или не холодный, но Бог здесь есть», - негромко повторил Усикава непонятные слова.

- Погромче повторите, я не услышал.

- «Холодный или не холодный, но Бог здесь есть», - на этот раз можно отчетливее сказал Усикава.

Закрыв глаза, Тамару некоторое время наслаждался отголоском этих слов. Потом, будто наконец-то что-то решив, глубоко вдохнул и выдохнул. Открыл глаза и посмотрел на свои руки. На них были тонкие резиновые, словно для проведения операции, перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

- Простите, - спокойно сказал он.

В этом слове послышалось нечто торжественное. Тамару снова взял полиэтиленовый пакет и надел его на голову Усикавы. Сжал шею толстым резиновым кольцом. Так быстро, что тот не успел и рта раскрыть. Усикава хотел протестовать, но, в конце концов, не смог произнести ни одного слова, да их, естественно, никто бы и не услышал.

«Почему? - подумал он под полиэтиленовым пакетом. Я честно рассказал все, что знал. Зачем меня теперь убивать? »

Головой, что чуть не разрывалась, он вспомнил небольшой дом в Тюоринкани и двух маленьких дочерей. И их небольшого пса с длинным туловищем, которого никогда не любил. Пес был

глуповатый, часто лаял, постоянно дергал зубами ковер, а в новом коридоре все время делал лужи . И кардинально отличался от разумной дворняжки, которую в детстве сам Усикава держал. И все же раз в жизни он всё же вспомнил того непутового пса, который носился по травянистому двору.

Тамару краем глаза посматривал на связанного Усикаву, корчившегося на мате, как гигантская рыба, выброшенная на берег. Как бы тот не бушевал, не было опасений, что его услышат в соседней квартире. Тамару хорошо знал, с какими страданиями Усикава умирает. Однако это - самый чистый и самый искусный способ убийства человека. Без воплей и кровотечения. Его глаза следили за секундной стрелкой водонепроницаемых часов фирмы «TAG Heuer». Через три минуты руки и ноги Усикавы перестали дергаться. Сначала они, будто в унисон, мелко задрожали, а потом внезапно замерли. Тамару пощупал затылок Усикавы и, проверив пульс, убедился, что тот потерял все признаки жизни. Слегка отдавало мочой. Усикава не сдержался - на этот раз его мочевого пузырь полностью опорожнился. Упрекать его было невозможно. Смерть была мучительной.

Тамару снял с его шеи резиновое кольцо, а с головы сорвал пакет, который частично попал в рот. Усикава, с широко открытыми глазами и криво приоткрытым ртом, был мертв. Виднелись его щербатые зубы и язык, поросший зеленым мхом. Такое картину мог бы нарисовать Мунк. Сплюснутая голова Усикавы еще больше подчеркивала ее уродство. Наверное, он же настрадался.

- Извините, - сказал Тамару. - Но это не значит, что нам нравится такое делать.

Пальцами обеих рук Тамару размягчил лицевые мышцы Усикавы, исправил перекошенный подбородок - и на его лицо уже можно было смотреть. Полотенцем из кухни вытер слюну вокруг его рта. Потратил довольно много времени, но лицо Усикавы стало чуть лучше. По крайней мере, теперь человек невольно от него не отворачивался бы. Только глаза никак не удавалось закрыть.

- Как пишет Шекспир, - спокойным голосом заговорил Тамару, обращаясь к тяжелой сплюснутой голове Усикавы. - «Умерев сегодня - завтра уже не умрешь». Так что, может посмотрим на это с лучшей стороны.

Тамару не мог вспомнить, из какого произведения эта фраза - из «Генриха IV» или «Ричарда III». Но для него это было не существенно, потому что не думал, что Усикава теперь захочет точно знать, откуда взята цитата. Тамару развязал веревку на руках и ногах Усикавы. Чтобы не было видно следов на коже, он перевязал их мягким полотенцем. Веревку, полиэтиленовый пакет и резиновое кольцо положил в заранее приготовленную сумку. Проверил личные вещи Усикавы и решил забрать все его фотографии. Вместе с фотоаппаратом и треножником. Нежелательно, чтобы стало ясно, что Усикава за кем-то следил. Возник бы вопрос: собственно, за кем. И тогда могла бы вынырнуть на поверхность фамилия Тэнго Кавана. Тамару забрал также блокнот, плотно заполненный мелкими иероглифами. Не оставил ничего важного. Только спальный мешок, продукты, смену белья и труп несчастного Усикавы. Из нескольких визитных карточек с надписью: «Новое Японское общество содействия развитию науки и искусства. Штатный директор » прихватил одну и сунул в карман пальто.

- Извините, - еще раз на прощание сказал он, обращаясь к мертвому Усикаве.

Тамару зашел в кабину телефона-автомата возле станции, вставил в его щель телефонную карточку и набрал номер, полученный от Усикавы. Номер был столичный - возможно, из района Сибуя. После шестого звонка кто-то поднял трубку. Без всяких предисловий Тамару назвал адрес в квартале Коэндзи и номер квартиры.

- Вы записали? - спросил он.

- А вы могли бы повторить еще раз?

Тамару повторил. Собеседник записал и вслух повторил запись.

- Там находится господин Усикава, - сообщил он. - Вы его знаете?

- Господин Усикава? - переспросил собеседник.

Тамару пропустил мимо ушей его слова и продолжал:

- Господин Усикава находится там, но, увы, уже не дышит.

Кажется, смерть его не была естественной. В его кошельке есть несколько визитных карточек с надписью: «Штатный директор Нового Японского общества содействия развитию науки и искусства ». Если полиция обнаружит труп, то рано или поздно, наверное,

станет ясна его связь с вами. И тогда, возможно, вам придется туго. Так не лучше ли его убрать? Думаю, вы это умеете делать.

- А кто вы такой? - спросил собеседник.

- Доброжелательный информатор, - ответил Тамару. - Нам тоже не нравится полиция. Так же, как и вам.

- Смерть не была естественной?

- По крайней мере, он не умер спокойно от старости.

Собеседник на минуту умолк.

- Собственно, что там делал господин Усикава?

- Не знаю. Подробности можно расспросить лишь у самого господина Усикавы, но, как я только что сказал, он в таком состоянии, что не сможет ответить.

Собеседник сделал короткую паузу.

- Может, вы имеете отношение к молодой женщине, которая приезжала в гостиницу «Окура»?

- Такой вопрос бесполезен - на него нет ответа.

- Я однажды с ней встречался. И вас понимаю. Я хотел бы ей кое-что передать.

- Слушаю.

- Мы не намерены причинять ей вреда, - сказал собеседник.

- Но я знаю, что вы ее настойчиво разыскиваете.

- Это правда. Мы давно ее ищем.

- Однако вы только что сказали, что не намерены причинять ей вреда, - сказал Тамару.- Почему?

Наступило недолгое молчание.

- Короче говоря, в определенный момент ситуация изменилась. Конечно, наши люди глубоко скорбят по поводу смерти лидера. Но с этим вопросом уже покончено. Лидер болел и в некотором смысле сам хотел поставить точку в своей жизни. А потому мы не собираемся больше преследовать Аомамэ в этом деле. Сейчас мы хотели бы с ней переговорить.

- О чем?

- Об общих интересах.

- Но это выгодно только вам. Даже если вам надо с ней переговорить, она, возможно, этого не захочет.

- Не сомневаюсь, что нам есть о чем поговорить. Можем вам кое-что предложить. Скажем, свободу и безопасность. А также знания и

информацию. Мы не могли бы встретиться для переговоров на нейтральной территории? В любом месте, по вашему выбору. Гарантируем стопроцентную безопасность. Не только ей, но также всем людям, причастным к этому делу. Никому не придется больше бежать и скрываться. Думаю, переговоры не повредят ни одной стороне.

- Это только слова, - сказал Тамару. - А какие есть основания доверять вашему предложению?

- Во всяком случае, я прошу передать их Аомамэ, - настаивал собеседник. - Ситуация такова, что время не ждет, а кроме того, мы можем сделать еще несколько уступок. Если же вам нужны конкретные основания для доверия, то мы и над этим подумаем. Мы всегда готовы к разговору, если позвоните.

- Вы не могли бы немного понятнее объяснить? Зачем вам он нужен? Собственно говоря, что случилось, раз ситуация так настолько изменилась?

Немного помолчав, собеседник продолжил:

- Нам и дальше надо слышать вещей голос. Для нас это - словно щедрый источник. Мы не должны его потерять. Вот что сейчас я могу вам сейчас сказать.

- Значит, вам Аомамэ необходима для поддержания этого источника.

- Я не могу объяснить вам этого несколькими словами. Скажу вам только, что она имеет в этом отношении.

- А как насчет Эрико Фукады? Вам и она нужна?

- Эрико Фукада теперь нам особенно не нужна. Нам безразлично, где она и что делает. Свою миссию она выполнила.

- Какую миссию?

- Все это труднообъяснимая история, - ответил собеседник после короткой паузы. - Извините, но сейчас я не могу открывать вам всех обстоятельств.

- Лучше подумайте, в каком положении вы оказались, - сказал Тамару. - Сейчас мяч на нашей стороне. Мы можем вам позвонить, а вы нам - нет. Вы даже не знаете, кто мы такие. Ведь так?

- Вы правы. Инициатива в ваших руках. Неизвестно, кто вы такие. Но это не тема для телефонного разговора. Я и так уже слишком много вам рассказал. Больше, чем имел на это право.

Тамару на минуту умолк.

- Хорошо. Мы подумаем над предложением. Нам тоже нужно посоветоваться. Возможно, позвоним через несколько дней.

- Ждем вашего звонка, - ответил собеседник. - Но еще раз повторяю: переговоры не повредят ни одной стороне.

- А если мы отклоним ваше предложение?

- Тогда нам придется делать всё по-своему. У нас для этого есть достаточно силы. Возможно, характер дела изменится на более грубый, и доставит хлопоты вашим людям. Кем бы вы ни были, вам не удастся выйти из данной истории невредимыми. Да и вряд ли такой поворот дела будет для обеих сторон приятным.

- Возможно. Но для этого нужно время. А как вы сказали, ситуация такова, что промедление не в ваших интересах.

Собеседник слегка откашлялся.

- Может, нужно время, а может, и нет.

- Это станет ясно в ходе практических действий.

- Именно так, - согласился собеседник. - Но, обратите внимание, я хочу подчеркнуть еще один важный пункт. Если использовать вашу метафору, то мяч действительно может быть сейчас на вашей стороне. Но вы не знаете основные правила игры.

- И это тоже станет понятным в ходе практических действий.

- Если игра не удастся, то ее последствия будут плохими.

- Для обеих сторон, - сказал Тамару.

Наступила короткая многозначительная пауза.

- Что будете делать с господином Усикавой? - спросил Тамару.

- При первой возможности заберем его. Сегодня ночью.

- Квартира не заперта.

- Спасибо, - сказал собеседник.

- Кстати, ваши люди глубоко опечалены смертью господина Усикавы?

- Смерть любого человека всегда вызывает глубокую печаль.

- Он достоин печали. Это был, по-своему, способный человек.

- Но недостаточно, правда?

- Нет на свете человека, который мог бы жить вечно.

- Вы так думаете? - спросил собеседник.

- Конечно, - ответил Тамару. - Я так думаю. А вы - нет?

- Жду вашего звонка, - не отвечая на вопрос, холодно сказал собеседник.

Тамару молча положил трубку. Дальнейшая беседа была лишней. В случае необходимости он мог снова позвонить. Выйдя из телефонной кабины, направился к припаркованному автомобилю - неприметной, темно-синей старой модели «Toyota-Corolla». Проехав минут пятнадцать, остановился перед безлюдным парком и, убедившись, что поблизости нет никого, бросил в бак полиэтиленовый пакет, веревку, резиновое кольцо и перчатки, которыми пользуются врачи во время операции.

- Там всегда глубоко скорбят по поводу смерти человека, - пробормотал Тамару, запустив мотор и пристегиваясь ремнем безопасности.

«Это самое главное, - подумал он.- Надо должным образом скучать по умершему человеку. Хотя бы короткое время ».

Глава 26 . Аомамэ Очень романтично!

После полудня, во вторник, зазвонил телефон. Сидя на мате для упражнений по йоге, Аомамэ широко разводила ноги и растягивала подвздошно-поясничные мышцы. Ее движения, с виду простые, были жесткими, и рубашка на ней пропиталась потом. Остановив упражнение и вытирая лицо полотенцем, Аомамэ подняла трубку.

- Фукусеголового уже нет в том доме, - сказал Тамару, как всегда без единого предисловия. И без «Алло, алло!».

- Уже нет?

- Не стало. Его убедили.

- Убедили, - повторила Аомамэ.

Наверное, какими-то силовыми методами Тамару избавился от Фукусеголового.

- А житель дома по фамилии Кавана - Тэнго Кавана, которого вы ищете.

Мир вокруг Аомамэ то расширялся, то сужался. Как и ее сердце.

- Вы слушаете? - Спросил Тамару.

- Слушаю.

- Только сейчас Тэнго Кавана нет дома. Уже несколько дней.

- С ним все в порядке?

- Сейчас его нет в Токио, но, пожалуй, с ним все в порядке,

Фукусеголовый арендовал квартиру на первом этаже в доме, где жил Тэнго Кавана, и караулил, когда вы придете на встречу. Установил скрытый фотоаппарат и следил за входом в дом.

- Меня сфотографировал?

- Трижды. Вечером, когда вы были в шляпке, глубоко надвинутой на голову, в очках и шарфе, а потому мелких черт лица на фотографиях не видно. Но, несомненно, это вы. Если бы вы еще раз туда пошли, может быть, имели бы неприятности.

- Значит, то, что я положила на вас, - правильное решение?

- Если вообще в этом случае можно говорить о правильном решении.

- Так или иначе, я уже перестала беспокоиться, - сказала Аомамэ.

- Тот человек больше не причинит вам вреда.

- Потому что вы его *убедили*.

- Проблема требовала решения. Окончательного, - сказал Тамару.
- Все фотографии я забрал. Фукускеголовый ставил своей целью дождаться вашего появления, а Тэнго Кавана был только живой приманкой. А потому они уже не имеют оснований ему вредить. Поэтому, наверное, с ним все в порядке.

- Прекрасно, - сказала Аомамэ.

- Тэнго Кавана преподает математику в подготовительной школе для поступающих в университет, которая размещена в квартале Йойоги. Он вроде бы способный учитель, но работает всего несколько дней в неделю, а потому, наверное, зарабатывает немного. Живет скромно, один, в невзрачном доме.

Закрыв глаза, Аомамэ почувствовала ушами, как бьется ее сердце. Граница между миром и ею стерлась.

- Работая учителем математики в подготовительной школе, он одновременно пишет свой роман. На переписывании «Воздушного кокона» в роли автора-невидимки только подрабатывал. Но имеет собственные литературные амбиции. Это неплохо. Умеренное честолюбие способствует развитию человека.

- Как вы об этом узнали?

- Его не было дома, а потому я проник в запертую квартиру, своим способом. Из всех моих ключей ни один не подошел. Я понимал, что нарушать тайну чужого частного жизни плохо, но должен был провести некоторое расследование. Для одинокого молодого человека, его квартира была аккуратно прибрана. Газовая плитка вычищена до блеска. Внутри холодильника царит чистота и порядок, в его глубине нет гнилой капусты. Было видно, что он гладит одежду. Годился бы в хорошие компаньоны. Если бы, конечно, я не был геем.

- И еще что вы узнали?

- Я позвонил в подготовительную школу и расспросил о расписании его лекций. По словам женщины, которая взяла трубку, поздно ночью, в воскресенье, в какой-то больнице, что в префектуре Тиба, умер отец Тэнго Кавана. А потому, он должен был срочно уехать из Токио на похороны. Поэтому его занятий в понедельник не будет. Когда и где пройдут похороны, она не знала. Во всяком случае, похоже, что следующая лекция будет в четверг, когда он, возможно, вернется в Токио.

Конечно, Аомамэ помнила, что отец Тэнго работал сборщиком абонентской платы «NHK». Еженедельно совместно с отцом Тэнго проходил одним и тем же маршрутом. Она несколько раз встречала его на улицах Итикава. Однако лицо его отца она не могла вспомнить. Сам он был худощавый, невысокого роста, одетый в униформу сборщика абонентской платы. И совсем не походил на Тэнго.

- Если Фукускеголового уже нет, то я могу пойти на встречу к Тэнго?

- В любом случае, - сразу ответил Тамару. - Фукускеголового хорошо *убедили*. Но, признаюсь, чтобы покончить с этим делом, я должен был позвонить в секту. И сказать им об одной вещи, которая не должна была попасть в руки правоохранительных органов. Если бы о ней стало известно, то они могли бы подробно расспросить жильцов дома. И тогда ваш друг, возможно, попал бы под их подозрение. Справиться с этой вещью мне самому было трудно. Если бы среди ночи я тащил ее, то, что ни говорите, не мог бы выкрутиться и внятно ответить на профессиональные вопросы первого попавшегося полицейского. А вот в секте есть рабочие руки и возможность быстро перемещаться. Да и к такой работе они привыкли. Как в тот раз, когда другое дело вынесли из отеля «Окура». Понимаете, что я хочу сказать?

Аомамэ мысленно переводила термины, которые использовал Тамару, на реальный язык.

- Наверное, *убеждения* были не в очень жесткой форме?

Тамару едва фыркнул.

- К сожалению, тот человек знал слишком много.

- Секта знает, что делал Фукускеголовый в том доме? - спросила Аомамэ.

- Он работал на секту, но до того дня действовал совершенно самостоятельно. И пока не докладывал заказчикам о последних находках. Нам это выгодно.

- Однако сейчас они знают, что он там что-то делал.

- Конечно, знают. Поэтому вам лучше не подходить к тому дому. Фамилия Тэнго Каваны как автора «Воздушного кокона» и его адрес, наверное, значатся в их контрольном списке. Возможно, они еще не докопались до личной связи между ним и вами. Но если они будут расследовать причину пребывания Фукускеголового в квартире того

дома, то, конечно же, сразу всплывет и фамилия Тэнго. Это лишь вопрос времени.

- Но, если повезет и пока это выяснится, надеюсь, пройдет довольно много времени. И связи между смертью Фукусеголового и Тэнго, возможно, не удастся установить.

- Да. Если повезет, - повторил Тамару. - Если эти типы не будут такими бдительными, как я ожидаю. А я обычно не полагаюсь на предположение типа «если повезет». И именно поэтому до сих пор я живу без крупных промахов.

- А потому, мне лучше не приближаться к тому дому.

- Безусловно, - подтвердил Тамару. - Наша жизнь висит на волоске. Большая бдительность никогда не будет излишней.

- Интересно, Фукусеголовый знал, что я скрываюсь в этом доме?

- Если бы знал, то вы сейчас были бы где-нибудь очень далеко, недостижимой для меня.

- Но он подошел ко мне очень близко.

- Это верно. Хотя я думаю, что, возможно, его привела к вам только какая-то простая случайность.

- И поэтому он так по-глупому подставился на детской горке.

- Именно поэтому. У него даже в мыслях не было, что вы его там увидите. Даже не догадывался о такой возможности. И это, в конце концов, стоило ему жизни, - сказал Тамару. - Кажется, я уже говорил, что наша жизнь висит на волоске.

На несколько секунд воцарилось молчание. Тяжелая пауза, которую приносит смерть любого человека.

- Фукусеголового не стало, но секта все еще преследует меня.

- А вот тут что-то непонятное, - сказал Тамару. - В самом начале они собирались вас поймать и узнать, какая организация стоит за планом убийства лидера. Вы бы сами не могли его подготовить. Любому было понятно, что вы имели какую-то поддержку. Если бы вас поймали, то, наверное, подвергли бы очень суровому допросу.

- Поэтому я и нуждалась в пистолете, - сказала Аомамэ.

- Естественно, и Фукусеголовый хорошо знал, - продолжал Тамару, - что секта охотится за вами, чтобы допросить и наказать. Но через какое-то время ситуация, кажется, сильно изменилась. После ухода со сцены Фукусеголового, когда я беседовал по телефону с одним из представителей секты, мне было сказано, что они уже не

намерены причинять вам вреда. И хотят, чтобы я вам это передал. Конечно, это может оказаться ловушкой. Но мне показалось, что они говорили правду. По их словам, в некотором смысле лидер сам хотел смерти. Так мне объяснял упомянутый представитель. То есть это было в своем роде самоубийство лидера, а потому вас, мол, уже не надо наказывать.

- Это правда! - сухим голосом подтвердила Аомамэ. - Лидер изначально знал, что я пришла убить его. И хотел, чтобы я это сделала. В тот вечер в номере люкс отеля «Окура».

- Его охранники вас не раскусили. А вот лидер с самого начала видел ясно все ваши намерения.

- Каким-то образом, неизвестно как, но он все знал заранее, - сказала Аомамэ. - Он меня там ждал.

После короткой паузы Тамару сказал:

- И что же там что произошло?

- Мы заключили соглашение.

- Я об этом ничего не слышал, - сказал Тамару строгим голосом.

- У меня не было возможности вам рассказать.

- Так объясните сейчас, какого рода была эта сделка.

- Пока я в течение часа разминала ему мышцы, он рассказывал.

Оказывается, он знал о Тэнго. И почему-то даже о связи между мной и Тэнго. Сказал, что хочет, чтобы я убила его. Чтобы, мол, я скорее освободила его от непрерывных невыносимых мук. Сказал, что взамен за это сможет спасти жизнь Тэнго. Поэтому я и решила оборвать жизнь лидера секты. Но даже если бы я не приложила к этому своих рук, он все равно бы умер, так как неуклонно приближался к смерти. Хотя, если вспоминать его прежние поступки, мне хотелось оставить его и дальше страдать...

- Но об этом соглашении вы не доложили мадам.

- Я отправилась туда, чтобы убить лидера, и я выполнила свою задачу, - ответила Аомамэ. - А Тэнго - это вообще мое личное дело.

- Пусть будет по-вашему, - примирившись, сказал Тамару. - Вы действительно полностью выполнили свою задачу. Это я признаю. И признаю то, что вопрос о Тэнго - ваше личное дело. Но есть еще один вопрос - примерно в это же время вы почему-то забеременели. А это так просто нельзя *обойти молчанием*.

- Не примерно, а в то же самое время. В тот вечер, когда в центре столицы неистово грохотал гром и бушевал ливень. Именно в тот вечер, когда я *отправила* на тот свет лидера. А как я уже говорила – я забеременела без полового акта.

Тамару вздохнул.

- Учитывая характер проблемы, мне остается только верить вашим словам или совсем не верить. До сих пор я считал вас человеком, достойным доверия, и хотел бы сейчас вам верить. Но на этот раз я не вижу в ваших словах логики. Так как я, вообще-то, логичный человек, придерживающийся дедуктивного способа мышления.

Аомамэ молчала.

- А нет ли какой-то причинно-следственной связи между убийством лидера и вашей загадочной беременностью? - спросил Тамару.

- Ничего не могу сказать.

- Вы не допускаете возможности, что зародыш в вас - от лидера? Что каким-то способом - неизвестно, каким - он оплодотворил вас. В таком случае было бы понятно, почему они любой ценой хотят вас схватить. Потому что им нужен наследник лидера.

Сжимая в руке трубку, Аомамэ покачала головой.

- Нет, такого не может быть. Ребенок от Тэнго. Я в этом уверена.

- И мне остается только верить вашим словам или совсем не верить.

- И я не могу дать другого объяснения.

Тамару снова вздохнул.

- Пусть будет по-вашему. Временно поверим вашим словам, что ребенок от Тэнго Кавана. Вы в этом уверены. Однако в этом все еще нет логики. С самого начала они собирались вас поймать и строго наказать. Но в определенный момент что-то произошло. А может, кое-что выяснилось. И теперь вы им *потребовались*. Они говорят, что гарантируют вам при себе полную безопасность. И хотели бы переговорить об этом непосредственно с вами. Так что же, собственно, произошло?

- Да я им и не нужна, - ответила Аомамэ. - Думаю, им нужен мой будущий ребенок. В какой-то момент они о нем узнали.

- Да! Да! – где-то отозвался одинокий голос *LittlePeople* в роли клакера.

- Я совсем не успеваю за вашими мыслями, - сказал Тамару. И еще раз фыркнул. - Связь все еще не видна.

«Связь не видна, потому что на небе видны две Луны! - подумала Аомамэ. - Вот почему все потеряло связь ». Но вслух ничего не сказала.

- Да! Да! – где-то подхватили хором шестеро других *LittlePeople*.

- Им нужно слышать *вещий голос*. Так сказал мой собеседник по телефону. Так как, потеряв голос, секта может погибнуть. Я не понимаю, что конкретно означает «слышать вещий голос ». Может, ребенок в вашем животе - это то, кто будет «слышать вещий голос»?

Аомамэ легонько приложила руку к низу живота. «Мадза и доота», - подумала она, но вслух эти слова не произнесла. Чтобы этого не услышали две Луны.

- Не знаю, - ответила Аомамэ, тщательно подбирая слова. - Но другой причины, почему я им нужна, не вижу.

- Тем не менее, возникает еще вопрос, по какой причине ваш ребенок, рожденный от Тэнго Кавана, будет иметь такие необычные способности?

- Не знаю, - ответила Аомамэ.

«Может, в обмен за собственную жизнь лидер поручил мне родить наследника, - пришло ей в голову. - Возможно, с этой целью в тот грозовой вечер он временно открыл канал, соединяющий между собой разные миры, и соединил в одно целое меня и Тэнго ».

- Независимо от того, от кого этот ребенок и какие у него врожденные способности, вы не намерены договариваться с сектой, правда? Даже если бы благодаря такой договоренности вы что-то и получили. Даже если бы они с радостью открыли вам не одну тайну.

- Ни в коем случае.

- И независимо от ваших ожиданий они, возможно, насильно попытаются завладеть *вашим ребенком*. Любым способом, - продолжал Тамару. - Ваша слабая сторона - Тэнго Кавана. Можно даже сказать, почти единственная. Но значительная. Если они о ней узнают, то, наверное, на ней сосредоточат все свое внимание.

Тамару говорил правду. Тэнго Кавана был не только целью жизни для Аомамэ, но и одновременно роковым слабым звеном.

- Оставаться здесь и далее - очень опасно. Надо перебраться в гораздо безопасное место еще до того, как они узнают о вашей связи с Тэнго Каваной, - посоветовал Тамару.

- Сейчас *в этом мире* нигде нет безопасного места, - сказала Аомамэ.

Некоторое время Тамару оценивал ее мнение. Потом спокойно сказал: - Так что вы думаете делать?

- Прежде всего, мне нужно встретиться с Тэнго. А до тех пор не могу отсюда выехать. Даже если это чем-то будет мне угрожать.

- И что вы будете делать при встрече?

- Я знаю, что необходимо сделать.

На минуту Тамару замолчал.

- Без всякого сомнения?

- Неизвестно, как все сложится. Но я знаю, что надо делать. Без всякого сомнения.

- Но не собираетесь мне об этом рассказывать.

- Извините, но пока не могу. Никому не могу рассказывать, а не только вам. Если бы рассказала, то в ту же минуту, наверное, весь мир узнал бы.

Обе Луны прислушиваются. И *LittlePeople*. И стены комнаты. Ничего нельзя было выпускать из души. Приходилось держать ее за толстой стеной.

Доб Аомамэ донесся сухой регулярный звук, бесцветный и одинокий - на том конце телефонной линии Тамару постукивал кончиком шариковой ручки.

- Пусть будет по-вашему. Я попытаюсь связаться с Тэнго Каваной. Но прежде придется получить согласие от мадам. Мне было приказано как можно скорее перевезти вас куда-либо. А вы сказали, что в любом случае отсюда не уедете, пока не увидите с Тэнго Каваной. Объяснить ей эту причину будет непросто. Вы понимаете?

- Логично объяснить что-то нелогичное чрезвычайно трудно.

- Именно это я хотел сказать. Пожалуй, это даже труднее, чем встретить настоящую жемчужину в «Устричном баре», что в квартале Роппонги. Но все равно я постараюсь.

- Спасибо, - сказала Аомамэ.

- Ваше настойчивое утверждение кажется мне крайне нелогичным. Я не вижу логической связи между причиной и

следствием. Но, слушая вас, я постепенно стал чувствовать, что могу с ним временно согласиться. Сам не знаю, почему.

Аомамэ хранила молчание.

- Мадам верит и доверяет вам, - сказал Тамару. - А потому, думаю, она, возможно, найдет основание, чтобы организовать вам встречу с Тэнго Кавана, если вы так твердо настаиваете. Наверное, вы с ним крепко связаны.

- Как ничто на этом свете, - сказала Аомамэ.

«Как ничто на любом свете», - поправила она мысленно.

- И даже если, - продолжал Тамару, - я откажусь установить контакт с Тэнго, ссылаясь, как и говорил, на большую опасность, вы все равно пойдете на встречу с ним в том доме.

- Безусловно, пойду.

- И никто не сможет вам в этом помешать.

- Думаю, что не сможет.

Тамару сделал короткую паузу.

- Что я должен передать Тэнго Кавана?

- Чтобы он пришел на детскую горку, как только стемнеет. В любое время вечером. Он поймет, если передадите, что это сказала Аомамэ.

- Ясно. Так и передам. Чтобы пришел на детскую горку, как только стемнеет.

- Передайте также, чтобы забрал все ценные вещи, которые не хочет оставлять. Но чтобы его руки были свободны.

- И куда он их понесет?

- Далек, - ответила Аомамэ.

- Как далеко?

- Не знаю, - сказала Аомамэ.

- Хорошо. Передам ему ваше послание, если, конечно, мадам позволит. И постараюсь гарантировать вам наиболее полную безопасность. По-своему. Однако опасность постоянно вас будет сопровождать. Поскольку они, кажется, обезумели. Одним словом, вам самой придется себя защищать.

- Понимаю, - спокойно ответила Аомамэ. Ее ладонь все еще касалась низа живота. «Не только себя», - подумала она.

Когда телефонный разговор закончился, Аомамэ в изнеможении села на диван. И, закрыв глаза, подумала о Тэнго. Думать о другом

уже не могла. Ей стало трудно дышать, будто кто-то сжал грудь. Но эта мука была приятной. Она могла терпеть ее сколько угодно. «Он живет *совсем рядом*, - подумала она. - На расстоянии десяти минут ходьбы пешком ». От такой мысли внутри ее тела стало тепло. Он живет одиноким и преподает математику в подготовительной школе. Живет в скромной, аккуратно убранной квартире, сам себе готовит блюда, гладит одежду и пишет роман. Аомамэ позавидовала Тамару. Если бы могла, хотела бы так же проникнуть в одинокое жилище Тэнго. В ее пустынной тишине коснуться его вещей. Проверить остроту карандашей, которыми он пользуется, взять в руки его кофейную чашку, понюхать запах, оставшийся на его одежде. Прежде чем встретиться с ним, хотела бы пройти такую стадию знакомства с его жизнью.

Аомамэ не знала, с чего начала бы, если бы вдруг, без какой-то предварительной подготовки, оказалась лицом к лицу с ним. Как только представляла себе такую встречу, у неё сразу перехватывало дыхание, а в голове шумело. Она могла много чего рассказать ему. И не знала, что именно надо будет сказать, если бы такой момент настал. Все, что она хотела рассказать, превращаясь в слова, теряло свое важное значение. Во всяком случае, сейчас Аомамэ могла только ждать. Спокойно и осторожно. И сложить в большую кожаную сумку через плечо все нужные вещи, чтобы сразу выбежать из дома, как только увидит фигуру Тэнго, и больше сюда не возвращаться. А таких вещей было не очень много. Наличные в банкнотах, смена одежды и заряженный пистолет фирмы «Neckler & Koch». Пистолет положила так, чтобы могла выхватить его как можно скорее. Костюм от Дзюнко Симادا на плечиках вынула из шкафа и, проверив, нет ли на нем складок, повесила на стене гостиной. Приобщила к нему белую блузку, чулки и туфли на высоком каблуке от Шарля Журдана. А также бежевый весенний плащ. Еще собрала ту же одежду, в которой когда-то спускалась аварийными лестницами столичной скоростной автострады. Конечно для декабрьского вечера плащ был всё же слишком тонким. Но другого выбора у нее не было.

Так приготовившись, Аомамэ села на садовый стул на балконе и через щели в пластиковых жалюзи сосредоточила взгляд на детской горке парка. «Ночью, в воскресенье, умер отец Тэнго, - рассуждала Аомамэ. - От момента медицинского освидетельствования смерти до

кремации должно пройти двадцать четыре часа. Так требовал закон. Если это учесть, то кремация могла состояться во вторник. То есть сегодня. После похорон Тэнго вернется *оттуда* в Токио не раньше, чем сегодня вечером. Мои слова Тамару передаст ему после приезда. Поэтому раньше этого разговора Тэнго не появится в парке. Кроме того, на улице еще светло.

Перед смертью лидер поместил в мое лоно *это маленькое создание*. Таково мое предположение. А может, интуитивная догадка. Если это правда, то неужели я просто выполняю волю этого покойника и направляюсь туда, куда он указал? »

Аомамэ поморщилась. Никак не могла прийти к определенному выводу. «Тамару предполагает, что, возможно, по сокровенным замыслам лидера я забеременела *«тем, кто слышит вещей голос»*. Возможно, в виде «пространственного кокона». Но почему такая роль выпала мне? И почему моим партнером в этом должен быть Тэнго Кавана? Это также не имеет объяснения.

Во всяком случае, до сих пор вокруг меня происходили различные события, связь между которыми оставалась непонятной, и абсолютно не удавалось определить принципы, на которых они основываются, и направление их развития. И вот, наконец, я оказалась в сегодняшнем текущем положении. Но на более я не согласна », - решительно попытожила Аомамэ.

Она еще больше скривила лицо.

«*Будущее отличается от прошлого*, - рассуждала дальше Аомамэ. - Больше никто не сможет произвольно манипулировать мной. Отныне я буду придерживаться собственных принципов и действовать согласно собственной воле. Во что бы то ни стало буду защищать свое маленькое создание. Отчаянно бороться за него. Ибо это моя жизнь, и во мне мой ребенок. Чего бы кто не запрограммировал для своих целей, ребенок, безусловно, наш - мой и Тэнго. И никому я его не отдам. Независимо от того, хорошо это или плохо, я сама определю принципы и направление действия. Пусть все это запомнят ».

На следующий день, в среду, в два часа пополудни зазвонил телефон.

- Послание я передал, - без всяких предисловий сказал Тамару. - Он сейчас в собственной квартире. Сегодня утром я разговаривал с ним по телефону. Точно в семь вечера он придет к детской горке.

- Он меня помнит?

- Конечно, очень хорошо помнит. И тоже, кажется, долго вас искал.

«Лидер говорил правду. Тэнго также меня разыскивал », - подумала Аомамэ. Даже этой информации ей было достаточно. Ее душа наполнилась счастьем. Никакие другие слова в мире не имели значения.

- Обещал взять с собой все ценные вещи. Как вы сказали. Допускаю, что среди них будет и рукопись начатого романа.

- Не сомневаюсь, - сказала Аомамэ.

- Я проверил все вокруг того скромного дома. По моим наблюдениям, там все чисто. Не заметил подозрительных людей, которые бы за домом следили. Квартира Фукускеголового пуста. Вокруг тихо, но не настолько, чтобы насторожить. Люди секты скрытно убрали труп и скрылись. Видимо, считали неразумным долго задерживаться. Я по-своему тщательно всё осмотрел и, думаю, ничего не пропустил.

- Вот и хорошо.

- Однако нынешнюю ситуацию можно характеризовать лишь словами «возможно» и «пока что». Потому что она постоянно изменяется. Да и я, конечно, не совершенен. Возможно, что-то важное упустил. И не исключено также, что они способнее меня.

- А потому мне придется самой защищаться.

- Как я раньше и предостерегал, - сказал Тамару.

- За все вам спасибо.

- Я не знаю, где и что вы теперь будете делать, - сказал Тамару. - И если вы куда-то далеко уедете и мы больше не увидимся, я буду немного скучать. Мягко говоря, у вас редкий характер. Такого человека как вы - я уже не увижу.

Аомамэ улыбнулась.

- И у меня о вас осталось такое же впечатление.

- Мадам очень нуждалась в вас. Так сказать, как в личном спутнике. А потому, глубоко опечалена тем, что приходится с вами

расставаться. Сейчас она не может подойти к телефону. Хочет, чтобы вы это поняли.

- Я понимаю, - сказала Аомамэ. - И я не смогла бы говорить.

- Вы сказали, что уезжаете далеко. Как далеко? - спросил Тамару.

- Это расстояние нельзя измерить числами.

- Как расстояние между человеческими сердцами.

Аомамэ закрыла глаза и глубоко вздохнула. Казалось, она вот-вот заплачет. Но всё же сдержалась.

- Искренне желаю, чтобы все сложилось как можно лучше, - спокойным голосом сказал Тамару.

- Извините, но я не могу отдать вам пистолет, - сказала Аомамэ.

- Неважно. Это личный подарок от меня. Если он вам будет мешать, можете выбросить его в Токийский залив. Таким образом, мир на один небольшой шаг приблизится к разоружению.

- В конце концов, возможно, я так и не выстрелю из пистолета. Вопреки словам Чехова.

- И это не важно. Лучше не стрелять. Двадцатый век приближается к своему концу. Нынешнее положение отличается от того, что было во времена Чехова. Кареты не мчатся по мостовым, а дамы не носят корсетов. Мир пережил нацизм, взрыв атомной бомбы и современную музыку. За это время заметно изменился даже метод написания художественных произведений. Короче, нечем заниматься, - сказал Тамару. - И у меня еще один вопрос. Сегодня вечером, в семь часов, вы встретитесь с Тэнго Каваной на детской горке.

- Если все пойдет хорошо, - сказала Аомамэ.

- Собственно, что вы будете делать на детской горке, если с ним встретитесь?

- Вдвоем смотреть на Луну.

- Очень романтично! - восторженно сказал Тамару.

Глава 27 . Тэнго

Возможностей этого мира - недостаточно

Тэнго спал, когда в среду утром зазвонил телефон. До самого утра он не мог уснуть, и в его организме еще оставалось выпитое им виски. Встав с постели, он удивился, увидев, что вокруг уже совсем светло.

- Господин Кавана? - спросил какой-то человек с незнакомым голосом.

- Я слушаю, - ответил Тэнго, и поскольку голос незнакомца звучал тихо и по-деловому, предположил, что разговор будет идти о формальностях, связанных со смертью отца. Но будильник показывал только около восьми часов утра. В такую пору не могли звонить из городского управления или фирмы ритуальных услуг.

- Извините, что так рано звоню, просто должен спешить.

«Спешное дело. Какое?» - подумал Тэнго.

Его голова была все еще как в тумане.

- Вы помните Аомамэ? - спросил собеседник.

Аомамэ? От этого слова опьянение и дремота куда-то исчезли. Сознание вдруг, как декорации на сцене, изменилось. Тэнго крепче сжал в руке трубку.

- Помню, - ответил он.

- Довольно редкая фамилия.

- Она училась со мной в одном классе начальной школы, - с трудом сдерживая голос, сказал Тэнго.

Незнакомец сделал короткую паузу.

- Господин Кавана, вам интересно сейчас поговорить об Аомамэ?

Тэнго показалось, что этот человек говорит как-то странно, особому, будто исполняет роль в переведенной авангардистской пьесе

- Если не интересно, то не будем терять времени. И сразу закончим разговор.

- Интересно, - поспешил ответить Тэнго. - Но, простите, с кем имею честь разговаривать?

- У меня для вас сообщение от Аомамэ, - не ответив на вопрос, сказал человек. - Аомамэ хотела бы с вами встретиться. А как вы на это смотрите? Согласны на такую встречу?

- Согласен, - ответил Тэнго. Откашлявшись, он проглотил слюну. - Я давно хотел с ней встретиться.

- Вот и хорошо. Она тоже хочет с вами увидеться. И вы хотите того же.

Тэнго вдруг показалось, что в комнате заметно похолодало. И он накинул на пижаму джемпер, который лежал рядом.

- Как это можно сделать? - спросил Тэнго.

- Вы сможете подняться на детскую горку, как только стемнеет? - спросил человек.

- На детскую горку? - переспросил Тэнго. «Собственно, о чем говорит этот человек?» - подумал он.

- Я только передаю то, что сказала Аомамэ. Мол, вы поймете, если я так скажу. Она хочет, чтобы вы поднялись на детскую горку.

Тэнго машинально коснулся копны волос, взъерошенных после сна. «Детская горка ... Я с неё смотрел на две Луны. Очевидно, речь идет о ней », - рассуждал он.

- Кажется, понимаю, - сухим голосом сказал Тэнго.

- Хорошо. Далее: она хочет, чтобы вы взяли с собой ценные вещи, которые не готовы оставить. Чтобы после такого приготовления уехать очень далеко.

- *Ценные вещи, которые не готов оставить?* - удивленно повторил Тэнго.

- Именно так.

Тэнго задумался.

- Не совсем хорошо понимаю. «Уехать очень далеко» означает, что больше сюда не вернусь?

- Этого я не знаю, - ответил мужчина. - Как я вам только что говорил, я лишь передаю ее послание.

Проводя пальцами по всклокоченным волосам, Тэнго думал. Поехать? ... А потом сказал:

- Возможно, я заберу с собой пачку бумаг и документы.

- Думаю, это не проблема, - сказал мужчина. - Имеете право выбрать то, что хотите. Что же касается того, как нести, то желательно, чтобы ваши руки были свободными.

- Чтобы руки были свободными, - повторил Тэнго. - То есть чемоданчик не годится?

- Думаю, что нет.

Судя по голосу, трудно было определить возраст, внешность и телосложение собеседника. Ему не хватало конкретных признаков. Его не удалось бы вспомнить сразу после телефонного разговора. Индивидуальность и чувство - если такие были - прятались где-то глубоко.

- Это все, что я имел вам передать, - сказал мужчина.

- Аомамэ здорова? - спросил Тэнго.

- С физическим здоровьем проблем нет, - внимательно ответил собеседник. - Однако сейчас она оказалась в несколько напряженном положении. Каждое ее движение требует бдительности. Любая неосторожность может нанести ей вред.

- *Может нанести ей вред*, - машинально повторил Тэнго.

- Желательно не опоздать, - сказал мужчина. - В этом деле время - важный элемент.

«*Время - важный элемент*, - мысленно повторил Тэнго. - Этот человек неправильно подбирает слова или, может, я слишком нервничаю? »

- Думаю, что смогу подняться на детскую горку сегодня вечером, в семь, - сказал Тэнго. - Если же по какой-то причине не смогу сегодня, то приду завтра в то же время.

- Хорошо. Детскую горку, о которой идет речь, вы знаете?

- Знаю.

Тэнго взглянул на часы. До встречи оставалось одиннадцать часов.

- Кстати, я слышал, что в это воскресенье умер ваш отец.

Позвольте выразить вам мои соболезнования, - сказал мужчина.

Тэнго поблагодарил почти автоматически. И подумал: «А почему этот человек об этом знает?»

- А вы не могли бы еще немного рассказать об Аомамэ? - спросил Тэнго. - Скажем, где она и что делает.

- Она не замужем, работала инструктором спортивного клуба, в районе Хиро. Была знающим свое дело и способным инструктором. Но в силу обстоятельств уволилась с этой работы. И недавно, чисто случайно, поселилась вблизи квартиры господина Каваны. Остальные вы сможете услышать непосредственно из ее уст.

- А в каком напряженном положении она сейчас оказалась?

Мужчина на это не ответил. Или сам не захотел, или же просто считал, что не надо отвечать. Похоже было на то, что вокруг Тэнго собиралось все больше и больше подобных людей.

- Итак, на детской горке, сегодня, в семь, - сказал мужчина.

- Постойте! - спохватился Тэнго. - Еще один вопрос. От одного человека я получил предупреждение, что за мной кто-то следит. Поэтому надо быть осторожным. Извините, может быть, это вы?

- Нет, не я, - сразу ответил мужчина. - За вами следил кто-то другой. Но, во всяком случае, бдительность не помешает. Как и советовал тот человек.

- Возможно, слежка за мной как-то связана с тем, чтоб Аомамэ оказалась в особом положении?

- *В несколько напряженном положении*, - поправил человек. - Гм... возможно. Наверное...

- А это не создает опасность?

Сделав паузу, человек подбирал слова так, будто раскладывал по кучкам горошинки разного сорта.

- Если опасностью для себя вы называете то, что не сможете встретиться с Аомамэ, то это действительно опасность.

Тэнго попытался мысленно, понятными для себя словами перевести этот уклончивый ответ. И хотя его подоплёки не мог прочесть, почувствовал в нем напряжение.

- То есть, может случиться так, что мы больше никогда не встретимся?

- Именно так.

- Понятно. Буду очень внимательным, - ответил Тэнго.

- Извините, что я так рано позвонил. Видимо, разбудил вас.

Сказав это, незнакомец сразу оборвал разговор.

Некоторое время Тэнго разглядывал черную трубку в руке. Когда разговор закончился, он, как и ожидал, не смог вспомнить мужской голос. Еще раз взглянул на часы. Было десять минут девятого. Как скоротать время до семи часов вечера? Сначала он принял душ, вымыл голову, как-то расчесал взъерошенные волосы. Затем перед зеркалом побрился. Тщательно почистил зубы, даже зубной нитью. Выпил томатного сока, хранившегося в холодильнике, вскипятил в чайнике воды. Смолв кофейные зерна, приготовил кофе, поджарил один тост. Сварил яйцо всмятку. Все делал сосредоточенно, тротя

больше времени, чем обычно. И все же было только половина девятого.

Сегодня вечером я встречу Аомамэ на детской горке. Как только он начал думать об этом, его охватило такое чувство, будто функции его организма разделились на отдельные части и рассеялись на все четыре стороны. Руки, ноги и лицо устремились кто во что горазд. Собрать ощущения воедино надолго он не мог. И хотя он старался что-нибудь делать - не сумел сосредоточиться. Не мог ни читать, ни, естественно, писать. Ему не сиделось также на одном месте. Удавалось только мыть посуду в кухне, стирать белье, наводить порядок в ящиках комода и убирать постель. И что бы он ни делал, через каждые пять минут останавливался и смотрел на настенные часы. И тогда каждый раз думал, что время будто движется все медленнее.

Аомамэ знает.

Так рассуждал Тэнго, в очередной раз заточивая кухонный нож над раковиной умывальника. «Она знает, что я несколько раз забирался на детскую горку в парке. И, наверное, видела, как я сидел на горке и смотрел на небо». О другом он не мог думать. Представил себе собственную фигуру, освещенную уличным фонарем, на детской горке. Тогда он совсем не чувствовал, что кто-то его видит. Интересно, откуда она за ним наблюдала? «Не важно, откуда, - подумал он. - Это не важно. Независимо от того, откуда она наблюдала - она теперь меня узнает с первого взгляда». От такой мысли всего его переполнила большая радость. «Долгие годы она думала обо мне так же, как и я о ней». Это ему казалось невероятным. В этом мире, похожем на подвижный лабиринт, не встречаясь на протяжении двадцати лет, две человеческие души - мужчины и женщины - оставались неизменно связанными.

«Но почему тогда Аомамэ меня не окликнула? Все было бы проще. Вообще как она узнала, что я здесь живу? Как она или тот человек узнали мой номер? Я не люблю, чтобы мне звонили, а потому его нет в телефонной книге». Во всей этой истории много чего непонятного. Ее сюжетные линии перепутаны. И нельзя определить, как они связаны и существует ли между ними причинно-следственная связь. Но если подумать, то окажется, что с появлением на сцене Фукаэри эта история перестала находиться в неизменном состоянии: в

ней слишком много вопросов и слишком мало разгадок. Однако этот беспорядок хоть и медленно, но все же близится к концу. Такое складывается общее впечатление.

«Во всяком случае, в семь часов сегодняшнего вечера, по крайней мере некоторые сомнения, наверное, развеются, - размышлял Тэнго. - Мы встретимся на детской горке. Не как беспомощные десятилетние мальчик и девочка, а как самостоятельные и свободные взрослые мужчина и женщина. Как учитель математики подготовительной школы и инструктор спортивного клуба. Собственно, о чем мы там будем разговаривать? Неизвестно. Во всяком случае, обязательно будем разговаривать. Заполним пробелы, чтобы иметь общее представление друг о друге. И, если воспользоваться странным выражением того незнакомца, мы вроде бы сможем отсюда куда-то уехать. Поэтому надо собрать ценные вещи, которые нельзя просто бросить. И упаковать их в сумку так, чтобы руки были свободными».

Тэнго особо не жалел, что уедет отсюда. Он прожил в этой квартире семь лет, и три раза в неделю читал лекции в подготовительной школе, но у него ни разу не было ощущения, что именно эта квартира лучше всего подходит ему для жизни. Она была для него только временным убежищем, похожим на остров среди водного пространства. Не стало также замужней подруги, с которой он раз в неделю устраивал здесь тайное свидание. Ушла отсюда после временного пребывания и Фукаэри. Он не знал, где они сейчас и что делают. Во всяком случае, они незаметно исчезли из его жизни. Что же касается работы в подготовительной школе, то его там, бесспорно, кто-то заменит. И без Тэнго этот мир будет беспрепятственно двигаться. Если же Аомамэ хочет куда-то с ним уехать, то он не будет колебаться.

Что такое для него ценные вещи, которые хотелось бы забрать с собой? Наличные в виде пятидесятитысячных банкнот и пластиковая банковская карта. Это все, так сказать, его богатство. На обычном банковском счете у него примерно один миллион иен. [25] Хотя нет, не только эта сумма. На счет была еще перечислена доля гонорара за «Воздушный кокон». Он собирался вернуть деньги Комацу, но так и не сделал этого. Кроме того, отпечатанные листы начатого романа. Их нельзя оставлять. Они не имеют коммерческой ценности, но для него они значат много. Рукопись Тэнго засунул в бумажный пакет, а

пакет - в твердую красновато-коричневую нейлоновую сумку, с которой ездил на работу в школу. Она стала достаточно тяжелой. Дискеты положил в карман куртки. Электронную печатную машинку взять не мог, но блокнот и авторучку забрал. Итак, что еще?

Тэнго вспомнил служебный конверт, полученный от адвоката в Тикури, содержащий отцовскую сберкнижку, его зарегистрированную печать, выписку из книги регистрации и загадочную, вроде бы как семейную, фотографию. Видимо, ее следует принять за настоящую. И, конечно, табель начальной школы и почетную грамоту «ННК». Смену белья и туалетные принадлежности решил не брать, потому что не поместятся в дорожной сумке. В случае необходимости их можно будет купить.

Убрав все в сумку, он пока не представлял, что делать дальше. Ни мыть посуду, ни гладить одежды вроде бы уже было не нужно. Еще раз взглянул на настенные часы. Было десять тридцать. Подумал, что надо бы позвонить товарищу, которого просил читать лекции в подготовительной школе, но вспомнил, что тот не любит, когда ему утром звонят. Тэнго, одетый, лег на кровать и начал размышлять о различных возможных вариантах встречи.

Последний раз он встречался с Аомамэ в десятилетнем возрасте. Теперь им обоим по тридцать. За это время они многое пережили. Приятного и не очень приятного - возможно, последнего даже больше. Их внешность, характер и жизненная среда, наверняка, изменились. Она уже не девочка, а он - не подросток. Неужели Аомамэ действительно его разыскивала? Тэнго представил себе, как они встретятся на детской горке, вблизи взглянут друг на друга и разочаруются. Возможно, им даже не о чем будет разговаривать. Такое тоже вполне может случиться. И это совершенно естественно.

«Может, на самом деле не надо встречаться? - спрашивал он себя. - Может, было бы лучше хранить в душе надежду на случайную встречу, но так и не встретиться? Тогда можно было бы постоянно жить с надеждой. С небольшим, но драгоценным источником тепла, который согревал бы все тело. Со слабым огоньком, бережно защищенным ладонями от ветра, который мог, однако, просто погаснуть под бурным дуновением реальности ».

Примерно час, уставившись глазами в потолок, Тэнго попеременно подвергался этим двум взаимно противоречивым

чувствам. Более всего он хотел встретиться с Аомамэ. И одновременно боялся оказаться с ней один на один. Заранее оцепенев в душе от неудобного молчания и холодного разочарования, что могли бы тогда возникнуть. Казалось, он разрывался надвое. Большой и крепкого телосложения, Тэнго знал, что чрезвычайно хрупок, когда попадает под действие внешней силы. Но не встретиться с Аомамэ не мог. Именно этого сильно хотела его душа на протяжении двадцати лет. Он не мог бы убежать, даже если все закончится разочарованием.

Устав созерцать потолок, он, лежа на спине, какое-то время поспал. Минут сорок- сорок пять, спокойным сном, без сновидений. Глубоким, приятным сном после сосредоточенного изнурительного воображения. Если подумать, то за последние несколько дней он спал мелкими, нерегулярными урывками. Но сегодня к вечеру он должен был избавиться от накопившейся усталости. Выйти отсюда с новым бодрым здоровым настроением и направиться к детской горке. Интуитивно чувствовал, что его организм нуждается в непринужденной передышке.

Когда погружался в сон, слышал голос Куми Адати. А может, ему только показалось, что слышит. *Как только рассветет, вам надо отсюда уходить. Пока выход не перекрыт.*

Это был голос Куми Адати и одновременно - ночной совы. В его памяти они неразрывно смешались. Сейчас ему прежде всего был нужен ум. Ночной ум, что пророс глубоко в землю. Возможно, его удастся найти только во сне.

В половине седьмого, закинув за плечи сумку, Тэнго вышел из дома. Одет он был совсем так же, как и тогда, когда ходил к детской горке. В старой кожаной куртке поверх ветровки с капюшоном, синих джинсах и коричневых рабочих ботинках. Изношенных, но столь привычных, что они казались частью его организма. Возможно, сюда он больше не вернется. Табличку с фамилией на дверях и почтовом ящике на всякий случай снял. Об остальном можно подумать позже.

Стоя на выходе из дома, осмотрелся внимательно вокруг. Если верить Фукаэри, то за ним кто-то следит. И, как и в прошлый раз, ничего подозрительного не заметил. Привычный пейзаж остался прежним. После захода солнца на улице не было людей. Сначала он направился медленно к вокзалу. Иногда оглядывался, чтобы

проверить, что его никто не преследует. Несколько раз, без надобности, сворачивал в узкую улочку и останавливался - мол, нет ли за ним «хвоста». Тот человек по телефону говорил, что надо быть бдительным. Ради себя и ради Аомамэ, оказавшейся в напряженном положении.

«В самом ли деле человек, который звонил, действительно знаком с Аомамэ?» - вдруг подумал Тэнго. - Это, случайно, не умело ли подготовленная ловушка? » Задумавшись над такой возможностью, он забеспокоился. Если это ловушка, то ее, наверное, подстроила секта «Сакигаке». Может быть, как автор-невидимка «Воздушного кокона», Тэнго, попал в их черный список. А потому, тот странный человек, Усикава, как их сообщник, пытался завести сомнительный разговор о какой-то финансовой помощи. Кроме того, Тэнго сам приютил Фукаэри и жил вместе с ней в течение трех месяцев. Этого было достаточно, чтобы испортить настроение секте.

«Однако, - рассуждал Тэнго, - зачем им заманивать меня в свою ловушку, используя Аомамэ как приманку? » Они уже знают его адрес. И бежать он не сможет. Если же они имеют к нему какое-то дело, то могли бы поговорить с ним прямо. Зачем тратить силы и время, чтобы заманивать его на ту детскую горку? Конечно, если же - наоборот - они пытаются выманить Аомамэ, используя Тэнго как приманку, то все складывается по-другому.

Но зачем им похищать Аомамэ?

Такой причины он нигде не находил. Может, между «Сакигаке» и Аомамэ существует некая связь? Однако развить дальше свою аргументацию Тэнго не сумел. Оставалось только расспросить непосредственно ее. Конечно, если удастся встретить. Во всяком случае, как говорил тот человек, осторожность - превыше всего. Для безопасности Тэнго выбрал дорогу окольным путем и проследил, не идет ли за ним кто-нибудь. Потом быстрыми шагами направился к детскому парку.

В парк он пришел без семи минут семь. Там было темно, уличный фонарь рассеивал по всем его закоулкам равномерный искусственный свет. Был благословенный теплый день, но как только солнце скрылось за горизонтом, температура воздуха резко снизилась и подул холодный ветер. Несколько спокойных теплых дней ушли в

прошлое, и снова собиралась господствовать лютая зима. Ветви дзельква, похожие на дрожащие в предостережении старческие пальцы, сухо потрескивали.

В нескольких окнах окрестных домов горел свет. В парке не было ни души. Сердце под кожаной курткой медленно отбивало свой четкий ритм. Тэнго несколько раз энергично потёр ладонями рук и попытался убедиться в нормальности своих чувств. «Все в порядке. Я готов. Нечего бояться», - убеждал он себя. Наконец, решившись, начал подниматься на детскую горку.

Поднявшись туда, сел на верхнюю ступеньку в такой же позе, как прежде. Деревянная основа детской горки была холодной и слегка влажной. Засунув руки в карманы куртки и прислонившись спиной к перилам, Тэнго смотрел на небо, заполненное облаками разных размеров - большими и маленькими. Прищурился, он искал две Луны. Но, видимо, сейчас они прятались за облаками. Не густыми, а легкими белыми. Однако и такой их толщины было достаточно, чтобы скрыть лунные диски от людских глаз. Облака неторопливо передвигались с севера на юг. Казалось, ветер наверху дул не сильно. А может, они плыли высоко в небе. Во всяком случае, они совсем не спешили.

Тэнго взглянул на часы. Было без трех минут семь. Секундная стрелка точно отмеряла время. Аомамэ все еще не появлялась. Некоторое время он смотрел, разглядывая, будто как какую-то редкость, как передвигается секундная стрелка. Потом закрыл глаза. Как и облака на небе, он никуда не спешил. Неважно, даже, если придется какое-то время ждать. Тэнго перестал думать и отдался течению времени. Сейчас самым важным было, чтобы время плыло естественно и равномерно.

Все еще с закрытыми глазами, он старательно, словно настраивая радио на определенную волну, прислушивался к звукам окружающего мира. Вначале он услышал непрерывный грохот автомобилей, которые курсировали по 7-й кольцевой дороге. Грохот, похожий на шум тихоокеанского прибоя, который довелось слышать в санатории Тикуры. Казалось, к нему даже примешивались резкие крики чаек. Иногда слышались короткие отрывистые предупредительные сигналы трейлеров, которые делали задний ход. Резко и предостерегающе лаял большой пес. Где-то далеко кто-то кого-то громко звал. Голоса

доносились неведомо откуда. Плотно зажмурив глаза, Тэнго утратил способность определять направление и расстояние до того места, откуда прилетали отдельные звуки. Иногда дул зябкий ветер, но холод он не чувствовал. На время Тэнго забыл о погоде и не реагировал на ветер.

Очнувшись, он заметил, что кто-то стоит рядом и сжимает его большую правую руку своей, подобно маленькому котенку, который в поисках тепла, залез в карман его кожаной куртки. Все произошло скачкообразно, когда сознание пробудилось. Без каких-либо предпосылок положение изменилось на одну ступеньку. «Странно», - подумал Тэнго, все еще с закрытыми глазами. Почему так произошло? Иногда время шло невыносимо медленно, а иногда - перепрыгивало сразу через несколько этапов.

Убедился, что рядом действительно кто-то есть, что кто-то еще сильнее сжал его широкую руку своими длинными гладкими сильными пальцами.

«Аомамэ », - подумал Тэнго, но вслух этого не произнес. Да и глаз не открыл. Только ответил на рукопожатие своим пожатием. Он помнил эту руку. За двадцать лет ни разу не забывал ее прикосновения. Понятное дело, это была уже не была маленькая рука десятилетней девочки. На протяжении этих двадцати лет ее рука, наверное, касалась многого, многое поднимала и сжимала. Много предметов разнообразной формы. И в ней чувствовалась сила. Однако Тэнго сразу понял, что это та самая рука. С тем же пожатием и тем же самым стремлением что-то ему передать. Промежуток времени в двадцать лет мигом растворился в нем и закрутился вихрем. Все картины, виденные им за это время, все слова, все ценности в его душе, мощным вихрем завертелись вокруг него, словно на гончарном круге. Тэнго молча наблюдал это зрелище, как человек, своими глазами наблюдающий смерть и возрождение планеты.

Хранила молчание и Аомамэ. Они оба, на холодной детской горке, безмолвно сжимали друг другу руки. Заново стали десятилетней девочкой и десятилетним мальчиком. Одиноким девушкой и одиноким парнем. Школьная аудитория после уроков, в начале зимы. Они, беспомощные, не знающие, что можно дать друг другу и что требовать. Их еще никто до сих пор действительно не любил, и они

никого не любили. Они никого не обнимали, и их никто не обнимал. И они не знали, чем обернется и куда заведет их этот случай. Они зашли тогда в комнату без дверей. И выйти из нее не смогли. И больше никто другой не мог сюда зайти. Они тогда не знали, что в мире этот миг и это пространство - единственное совершенное место, в котором одинокий человек не чувствует себя одиноким.

Неизвестно, сколько времени прошло - пять минут, час или целый день. А может, вообще время остановилось. Тэнго этого не понимал. Он только знал, что может сколько угодно молча находиться на детской горке, чувствуя пожатие руки Аомамэ. Так же теперь, как и десять лет назад.

А еще ему потребовалось время, чтобы приспособиться к этому новому миру. Надо было заново научиться чувствовать, созерцать, подбирать слова, дышать и двигаться. Ради этого пришлось собрать все время этого мира. И, возможно, времени только этого мира было не достаточно.

- Тэнго, - прошептала Аомамэ. Не громко и не тихим голосом, который ему что-то обещал. - Открой глаза.

Тэнго открыл глаза. Время снова пришло в движение.

- Луна видна, - сказала она.

Глава 28 . Усикава

И часть его души

Останки Усикавы освещала люминесцентная лампа под потолком. Отопление было выключено, одно окно открыто. Благодаря этому в комнате было холодно, как в леднике. Посередине нее, как во время совещаний, стояли собранные воедино столы, на них навзничь лежал Усикава, в зимнем теплом белье, покрытый сверху старым шерстяным одеялом. Его живот под ним торчал, словно муравейник среди поля. Вопросительно открытые глаза, которых никто так и не смог сомкнуть, закрыли куском ткани. Через чуть-чуть приоткрытый рот он уже не дышал и не говорил. Темя было еще более плоским, чем при жизни, и казалось еще загадочнее. Вокруг него плачевно вились грубые черные кудрявые волосы, как на лобке.

На Лысом была теплая, на пуху, куртка, а на Хвостатом - куртка, пошита из коричневой замши, с меховым воротником. Одежда на них как-то странно болталась. Казалось, её поспешно взяли на складе без всякого выбора и совершенно без примерки. В морозном помещении белым облачком пар дыхания вырывался у них изо рта. В комнате было трое - Лысый, Хвостатый и Усикава. В ряду трех окон с алюминиевыми рамами под самым потолком одно было открыто, чтобы поддерживать низкую температуру в комнате. Кроме столов, на которых лежали останки Усикавы, в ней не было никакой другой мебели. Всюду царила безликость и деловитость. Здесь и труп Усикавы казался таким же безликим и деловитым.

Никто не произносил ни слова. Комната была погружена в полную тишину. Лысому приходилось о многом думать. Хвостатый же вообще никогда не говорил. Усикава же был, вообще-то, типом разговорчивым, но вечером, два дня назад, невольно испустил дух.

Лысый, в глубоком раздумье, медленно расхаживал перед столами, на которых лежал Усикава. Его маршрут был одинаковый, изменялось только направление движения при подходе к стене. Когда он шел по бледному желто-зеленому дешевому ковру, его кожаные ботинки не издавали никаких звуков. Как всегда, Хвостатый стоял неподвижно у двери. Слегка расставив ноги и выпрямив спину, уставившись в какую-то точку пространства. Казалось, он совсем не

чувствовал ни усталости, ни холода. О том, что он жив, свидетельствовало только периодическое быстрое моргание и регулярно выдыхаемый изо рта пар.

В тот день, засветло, в этой холодной комнате собралось для совещания несколько человек. Руководство было в разъездах, и пришлось потратить целый день, чтобы дождаться кворума. Совещание было тайным - разговор велся тихим сдержанным голосом, чтобы никто о нём не узнал. Все это время останки Усикавы лежали на столах, словно экспонат на выставке-ярмарке металлорежущих станков. Труп уже окоченел. И мог испортиться, по крайней мере, через за три дня. Собравшиеся обсуждали несколько практических вопросов, то и дело поглядывая на Усикаву.

Пока продолжалась совещание, даже когда речь шла о покойнике, в комнате не ощущалось ни печали, ни уважения к нему. Этот задубелый коротенький труп внушал в их душах только ощущение своеобразного поучительного урока и повторной переоценки собственного поведения. Прошедшего времени уже никак не удастся вернуть, а решение, которое принесла смерть покойного, касалось только его самого. Вот это и было самым поучительным уроком или переоценкой поведения.

Что делать с останками Усикавы? Решение, очевидно, было известно с самого начала. Если бы полиция узнала о смерти Усикавы, то провела бы тщательное расследование и, наверняка, установила бы причастность его к секте. Нельзя было подвергаться такой опасности. То есть, когда труп немного отойдет от холода, его надо незаметно перенести в большую печь и быстро сжечь. Превратить в черный дым и серый пепел. Дым поднимется в небо, а пепел, рассеянный на поле, станет удобрением для выращивания овощей. Такая работа до сих пор неоднократно исполнялась под руководством Лысого. Останки лидера, к примеру, были большими, и их пришлось распиливать на части цепной пилой. А вот с этим небольшим человечком в этом не было необходимости. Это радовало бритоголового, так как он вообще не любил работы, связанной с кровью. Не переносил вида ее, когда речь шла и о живом человеке, и о мертвом.

Мужчина, занимающий в настоящее время пост начальника секты, поставил Лысому вопросы. Собственно говоря, кто убил Усикаву?

Зачем надо было его убирать? Какую цель ставил себе Усикава, поселившись в арендованной квартире в квартале Коендзи?

Как руководитель охраны Лысый должен был дать ответ на эти вопросы. Но в действительности, он эти ответы не знал. Во вторник, на рассвете, ему позвонил загадочный человек (это был Тамару) и сообщил, что по такому-то адресу в такой-то квартире лежит труп Усикавы. Разговор между ними была деловой и, одновременно, полный намеков. После того разговора Лысый немедленно вызвал двух здешних подчиненных членов секты, в рабочей одежде квартирных перевозчиков, прибывших на указанное место в микроавтобусе «Toyota-Hiace». Пришлось потратить некоторое время, чтобы убедиться, что им не было приготовлено ловушки. Они все четверо остановили микроавтобус вдали от дома, и один из них обследовал дом вокруг. Осторожность была нужна, чтобы полиция не арестовала их, когда они зайдут в квартиру. Уже затвердевший труп Усикавы они засунули в перевозочный контейнер, вынесли его во двор и положили в багажник. Стояла холодная ночь, а потому вокруг не было людей. С помощью карманного фонарика они осмотрели все закоулки квартиры, ища следов преступления, но не нашли ничего, заслуживающего внимания. Только минимальное количество вещей, нужных для повседневного существования - пищевые продукты, маленькая электрическая печь и спальный мешок, которым пользуются альпинисты. В баке для мусора они обнаружили только пустые жестянки из-под консервов и пластиковые стаканы. Видимо, спрятавшись в этой квартире, Усикава за кем-то следил. Зоркие глаза Лысого заметили на мате у окна легкие следы от треножника. Но фотоаппарата не было. Не осталось и фотографий. Наверное, их забрал убийца Усикавы. Конечно, вместе с фотопленкой. Нападение на Усикаву, видно, произошло во время сна в спальном мешке, потому что он был в нижнем белье. Возможно, кто-то бесшумно проник в квартиру. Смерть убитого сопровождалась большими страданиями, потому как белье сильно пропиталась мочой.

В префектуру Яманаси на микроавтобусе ехало их только двое - Лысый и Хвостатый. Остальные остались в Токио. Всю дорогу за рулем сидел Хвостатый. Микроавтобус свернул с столичной скоростной автострады на центральную скоростную дорогу и направился на запад. На рассвете дорога была пустой, но Хвостатый

строго соблюдал правила движения. Если бы его остановил полицейский, то им был бы конец - номер на микроавтобусе был заменен на ворованный, а в его багажнике был контейнер с трупом. Оправдаться они никак не смогли бы. Поэтому всю дорогу сидели молча.

Когда утром прибыли на территорию секты, тамошний врач осмотрел труп Усикавы и подтвердил, что его задушили. Правда, на его шее не было никаких заметных следов. Врач предположил, что, возможно, на голову Усикавы надели что-то похожее на мешок. Обследование рук и ног показало, что и их никто не связывал. Не было также признаков избиения и пыток. На лице не сохранилось ничего, что свидетельствовало бы о его предсмертных муках. На лице застыло, так сказать, только вопросительное удивление, на которое никто не имел ответы. Как ни крути, а Усикаву все-таки убили, но труп не был изувеченным. Врача это удивляло. И, возможно, после смерти кто-то сделал ему специфический массаж лица, чтобы оно приобрело спокойное выражение.

- Безошибочная профессиональная работа, - пояснил Лысый мужчине, исполняющему роль начальника. - На теле нет никаких следов. Скорее всего, он даже не кричал. Если бы кричал, то, наверняка, ночью бы в доме его услышали. Любитель так не мог бы сделать.

- Зачем надо было уничтожить Усикаву руками профессионала? Лысый внимательно подбирал слова.

- Мне кажется, господин Усикава за кем-то следил. За кем-то таким, за кем следить было не нужно, и о чем он сам не догадывался.

- Может быть, за тем самым, кто убил лидера?

- Твердых доказательств нет, но такая вероятность достаточно большая, - ответил Лысый. - Наверное, его подвергли процедурам, похожим на пытки. Почему, не знаю, но, безусловно, его жестко допрашивали.

- И что он выдал?

- Наверное, все, что знал, - ответил Лысый. - Не сомневаюсь.

Однако по этому делу ему предоставляли ограниченную информацию. А потому все, что он высказал, не нанесет нам реального ущерба.

Сам Лысый тоже имел весьма ограниченную информацию. Но знал гораздо больше, чем такой посторонний человек, как Усикава.

- Если вы сказали, что это работа профессионала, то получается, что к ней причастен криминал? - спросил человек в роли начальника.

- Так не действуют ни якудза, ни простые бандиты, - отрицательно покачивая головой, ответил Лысый. - Такие типы ведут себя гораздо наглее и не боятся пустить кровь. Совершенства в убийстве не добиваются. Убийца же господина Усикавы оставил нам ясное послание. Мол, их организация - чрезвычайно квалифицированная и на наше вмешательство ответит точным ударом. Поэтому, дескать, нам нечего совать нос в их дела .

- Какие дела?

Лысый кивнул головой.

- Да я и сам не знаю, какие конкретно. В последнее время господин Усикава действовал самостоятельно. Я не раз требовал доложить промежуточные результаты, но он аргументировал это тем, что еще не может выдать весь материал в законченном и оформленном виде. Возможно, он лично хотел раскрыть это дело. А потому погиб с собранной информацией в своей голове. Господин Усикава, которого откуда-то привел лидер, действовал как отдельная боевая единица. К организованному действию не привык. Судя по исполнению им моих приказов, я не мог им управлять.

Лысый пытался уточнить критерии ответственности. Секта уже существовала как организация. И как таковая имела свои правила, которые определяли четко определенные наказания за любые промахи.

- Так за кем же следил Усикава из своей квартиры в том доме?

- Этого я еще не знаю. Если думать логически, то вроде бы за кем-то, кто жил в доме или поблизости. Наши люди, оставшиеся в Токио, этот вопрос расследуют на месте, но еще ни о чем не докладывают. Очевидно, расследование займет определенное время. Может, лучше мне отправиться в Токио и самому этим заняться.

Лысый невысоко оценивал практические способности подчиненных, оставленных в Токио. Они были верными людьми, но не очень сообразительными. Никаких подробностей о сложившейся ситуации они не сообщали. Он сам справился бы со всем намного лучше. Желательно было бы подробнее узнать и об офисе Усикавы.

Хотя, вполне вероятно, тот человек, который звонил по телефону, уже этим занялся.

Но начальник был против поездки в Токио. Велел ему и Хвостатому оставаться в штаб-квартире, пока ситуация не станет более прозрачной.

- Может, господин Усикава следил за Аомамэ? - спросил начальник.

- Нет, не за Аомамэ, - ответил Лысый. - Если бы Аомамэ была там, то он сразу сообщил бы о ней. Ведь таким образом он выполнил бы задачу и закончил бы порученную работу. Возможно, господин Усикава следил там за кем-то, кто был связан с ее местом пребывания или, возможно, имел с ней связь. В таком предположении есть своя логика.

- И именно тогда, когда господин Усикава за кем следил, кто-то убил его?

- Возможно, - продолжал Лысый. - он слишком близко подошел к опасному месту. Возможно, имел честолюбивую цель - получить точные и надежные сведения. Если бы наблюдение проводилось вместе с нами, то мы друг друга защищали бы и такого результата, наверняка, не было бы.

- По телефону ты говорил непосредственно с этим человеком. У нас были какие-то шансы на совместные переговоры с Аомамэ?

- Не думаю. Они были бы только тогда, если бы она сама захотела с нами разговаривать. Этот нюанс ощущалось и в словах того человека, говорившего по телефону. В конце концов, все зависит от ее желания.

- Она должна была бы радоваться, что мы гарантируем ей безопасность и не ставим вопрос о убийстве лидера.

- Но они добивались дополнительных сведений. Почему мы хотим встретиться с Аомамэ? Почему стремимся к миру с ними? О чем конкретно собираемся вести переговоры?

- Если они добиваются информации, то это означает, что ничего точно не знают.

- Вы правы. А заодно и мы о них не имеем точной информации. Все еще не знаем причины, почему они задумали такой тщательный план и потратили столько усилий, чтобы убить лидера.

- Во всяком случае, нам надо ждать от них ответа и одновременно не прекращать поиска Аомамэ. Даже если при этом придется наступить кому-то на хвост.

Сделав короткую паузу, Лысый сказал:

- У нас крепкая организация. Мы можем собрать людей и быстро и эффективно действовать. Мы целеустремленные, с высоким боевым духом и в случае необходимости способны на самопожертвование. Но если говорить о нашей технической подготовке, то мы - лишь случайный набор дилетантов, которые не прошли никакой специальной подготовки. По сравнению с нами противоположная сторона - профессионалы со своим ноу-хау, действующие хладнокровно, и в любом случае ни в чем не колеблются. И уже имеют во всех действиях большой опыт. А, как вы знаете, господин Усикава не был разиней.

- Что конкретно вы собираетесь делать сейчас, чтобы не прекращать поиски?

- Целесообразнее было бы воспользоваться теми *ценными разведанными*, которые, кажется, собрал господин Усикава. Любыми данными.

- Получается, что собственных ценных разведанных у нас нет?

- Да, это так, - неохотно, но искренне признался Лысый.

- Мы должны разыскать и заполучить Аомамэ, несмотря ни на угрозы, ни на жертвы. Как можно скорее.

- Это - нам приказ от «вещего голоса», не так ли? - спросил Лысый, и повторил: - Как можно быстрее поймать Аомамэ, несмотря ни на угрозы, ни на жертвы?

Начальник промолчал. К дальнейшей информации Лысый не имел доступа, поскольку не принадлежал к руководству секты, а был лишь руководителем исполнительного подразделения. Но, скорее всего, он знал, что, возможно, это было последнее сообщение, которое жрицы от голоса услышали.

Когда Лысый ходил по вымороженной комнате мимо останков Усикавы, в его сознании что-то мелькнуло. Он остановился и, недовольно сдвинув брови, попробовал это что-то распознать. Когда Лысый остановился, Хвостатый у дверей слегка изменил позу, долго выдохнул и центр тяжести своего тела сместил на другую ногу.

«Коэндзи», - вспомнил Лысый, копаясь на темном дне своей памяти. Медленно, осторожно, нащупывал тонкую нить. Кто же, связанный с этой историей, жил в квартале Коэндзи. Да, собственно, кто?

Вынув из кармана потертый грубый блокнот, Лысый торопливо стал листать его страницы. И убедился, что память не подвела его. Тэнго Кавана проживал в квартале Коэндзи столичного района Сугинами. Покойный Усикава снимал квартиру в том же доме. На первом этаже, а не на третьем, как Тэнго Кавана. Видимо, Усикава следил там за Каваной? В этом теперь не было никакого сомнения. Одинаковый адрес - не случайность.

Но почему, находясь в таком сложном и запутанном положении, Усикава должен был следить за поведением Тэнго Каваной? Лысый очень давно не вспоминал адреса Тэнго Кавана, ибо совсем перестал им интересоваться. Тэнго Кавана переделал книгу «Воздушный кокон», которую написала Эрико Фукада. Когда ее произведение получило от литературно-художественного журнала премию молодого автора и после опубликования стало бестселлером, Тэнго Кавана интересовал людей из секты. Высказывались догадки, что, возможно, он сыграл во всем этом важную роль и обладает некой особой тайной. Однако потом, когда его роль выяснилась, оказалось, что он был лишь подставным писателем, автором-невидимкой, который по просьбе Комацу переделал повесть и получил небольшую долю гонорара. Вот и все. Больше ничто за ним не стояло. А теперь секта заинтересовалась тем, где находится Аомамэ. И, несмотря на это, Усикава сосредоточил все свое внимание на учителе подготовительной школы. Устроил ему настоящую засаду. И поэтому укоротил себе жизнь. Почему? - Лысый не находил этому объяснение. Бесспорно, Усикава наткнулся на какие-то следы. Очевидно, он думал, что узнает о месте пребывания Аомамэ, если следить за Тэнго Кавана. Именно поэтому в съемной квартире установил у окна фотоаппарат на треножнике и, наверное, уже давно выслеживал его. Неужели между Тэнго Каваной и Аомамэ существует какая-то связь? Если существует, то какая именно?

Лысый молча перешел в соседнюю, теплую комнату, набрал номер и позвонил в Токио. В комнату многоквартирного дома в квартале Сакурагаока, что в столичном районе Сибуя. Позвал двух

своих подчиненных и приказал немедленно вернуться в квартиру Усикавы в квартале Коендзи, чтобы проследить, не появится ли Тэнго Кавана, здоровенный мужчина с короткими волосами. Такого нельзя не заметить. Если он будет уходить из дома, то нужно проследить за ним, чтобы обязательно узнать, куда направляется. И ни в коем случае не отставать от него. Сам же он скоро придет им на помощь.

Лысый вернулся в комнату с останками Усикавы и сообщил Хвостатому, что они немедленно едут в Токио. Тот лишь коротко кивнул. Никаких объяснений не требовал. Поняв, что от него хотят, действовал быстро. Когда Лысый вышел из комнаты, Хвостатый запер ее на ключ, чтобы никто из посторонних туда не заглянул, и на улице среди десяти автомашин на стоянке выбрал черную «Nissan-Gloria». Они оба сели в нее, и, повернув уже воткнутый в замок зажигания ключ, Хвостатый, в этот раз сидевший за рулем, запустил мотор. Как всегда, бензобак автомобиля был полон. И номерной знак, и место регистрации машины были законными. Чрезмерная скорость теперь им ничем не грозила.

Лысый вспомнил, что не получил от начальника разрешения на возвращение в Токио, когда они уже ехали скоростной трассой. Возможно, позже ему будет тяжело. Неприятный разговор неотвратим. Но сейчас нельзя терять ни минуты. Только прибыв в Токио, можно все выяснить. Лысый нахмурился. Ограничения, которые накладывала система на своих последователей, иногда его раздражали. Предписаний становилось все больше. Но он знал, что вне организации не сможет прожить. Он - не одинокий волк. А только одна из шестеренок механизма, которым управляют сверху.

Лысый послушал по радио последние восьмичасовые новости. Затем, выключив радио, опустил спинку сиденья и немного подремал. Проснувшись, почувствовал, что проголодался (Он уже не помнил, когда последний раз нормально ел), но на то, чтобы остановиться на заправочной станции и купить что-нибудь перекусить не было времени. Надо было спешить.

Впрочем, в это время Тэнго уже встретился с Аомамэ на детской горке. И Лысый и Хвостатый об этом ничего не знали. А в небе над головами Тэнго и Аомамэ плыли две Луны.

Труп Усикавы спокойно лежал в холодной темной комнате. Без посторонних людей, без света, запертый снаружи на замок. Сквозь окна под потолком внутрь помещения проникало бледное лунное сияние, которого Усикава не мог видеть. А потому не мог знать, сколько Лун на небе - одна или две.

В комнате не было часов, которые бы отмеряли время. Возможно, с тех пор, как Лысый и Хвостатый ушли, прошел час. Если бы в комнате кто-то оставался, то он, наверное, испугался бы, увидев, как неожиданно рот Усикавы зашевелился. Такое страшное событие выходило за пределы здравого смысла. Ведь, конечно же, Усикава уже был мертв, а его останки полностью застыли от холода. Однако его рот, мелко задрожав, шевельнулся и потом, со скрипом, открылся.

Посторонний человек подумал бы, что, скорее всего, Усикава начинает что-то рассказывать. Хочет сообщить живым какую-то важную информацию, известную только мертвым. Этот человек, испугавшись, проглотил бы слюну и обязательно стал бы ждать, что же будет дальше. Было бы страшно, но интересно, какую такую тайну ему собираются сейчас открыть?

Но из раскрытого рта Усикавы не вылетел ни один звук. Из него молча, затаив дыхание, вылезло шестеро *LittlePeople*, сантиметров пять высотой. Они, в маленьких одеждах, шли по языку, поросшему зеленым мхом, переступали через грязные кривые зубы и один за другим выходили наружу. Как шахтеры, что вечером, после работы, возвращаются на землю. Но и лицо, и одежда *LittlePeople* были чистыми, без каких-то грязных пятен. В этом они не имели ничего общего с людьми.

Когда шестеро *LittlePeople* вылезли изо рта и спустились на столы под останками Усикавы, то встряхнулись всем своим телом и постепенно начали увеличиваться. Они могли так делать в соответствии со своими потребностями. Но их рост не превышало одного метра. И не мог быть меньшим, чем три сантиметра. Когда их рост достиг шестидесяти-семидесяти сантиметров, они перестали сотрясаться телом и поочередно спустились на пол. Лица *LittlePeople* не выражали ничего. Но и не были похоже на маски. У них были обыкновенные лица. В целом, такие же, как у вас, у меня, но чуть

меньше. Просто сейчас им не надо было своими лицами ничего выражать.

Как видно, они особенно не спешили, но и не медлили. У них было как раз столько времени, сколько нужно было для выполнения их работы. Не много и не мало. Все шестеро, без посторонней команды, спокойно сели сплошным кольцом, с диаметром в два метра, на полу.

Затем один из них, молча подняв руку, вытащил из воздуха тонкую нить, длиной сантиметров пятнадцать, прозрачную, с кремовым оттенком на белом фоне, и положил ее на пол. Второй сделал точно так же. Следующие три повторили такие же действия. И только последний, шестой, повел себя по-другому. Вышел из круга, поднялся на стол и вырвал с треском один волосок из кудрявой шевелюры на сплюснутый голове Усикавы. Она заменила ему нить из воздуха. Первый из *LittlePeople* привычным движением своих рук сплел вместе пять нитей с воздуха и волосок Усикавы.

Таким способом шестеро *LittlePeople* создавали новый воздушный кокон. На этот раз все молчали. И хором ничего не выкрикивали.

Молча извлекали из воздуха нити, вырывали волосы с головы Усикавы и в стабильном, размеренном ритме быстро выплетали воздушный кокон. Даже в очень холодной комнате не было видно, как они выдыхают изо рта пар. Посторонний человек, наверное, удивился бы. А может, он на это не обратил бы внимания, потому что вокруг было и так слишком много странного.

Хотя *LittlePeople* упорно, неутомимо работали, но за одну ночь они, конечно, не могли сплести полный кокон. Для этого нужно было как минимум трое суток. Но они не спешили. Так как знали, что до того момента, как останки Усикавы отойдут от холода и их засунут в печь, пройдет двое суток. А за двое суток работу удастся закончить. Требуемое для этого время они имели. Поэтому не переутомлялись.

Усикава лежал на столах под бледным лунным светом. С широко открытым ртом и открытыми глазами, которые прикрывал кусок ткани. В его последнем взгляде застыл дом, купленный в Тюоринкани, и песик, что игриво бегал по маленькому газону.

И часть его души сейчас превращалась в воздушный кокон.

Глава29 . Аомамэ

Второй раз руки друг друга не отпустим

- Тэнго, открой глаза, - прошептала Аомамэ.

Тэнго открыл глаза. Время снова пришло в движение.

- Луна видна, - сказала она.

Тэнго поднял голову и посмотрел на небо. Именно тогда, в разрыве облака, над голыми ветвями дзельква, показались две Луны - большая желтая и маленькая, деформированная, зеленая. *Мадза и доота*. Край облака, который только что пронесся над ними, продемонстрировал им легкий смешанный окрас. Как будто кто-то ненароком брызнул на подол юбочки краской.

После этого Тэнго взглянул на Аомамэ, стоящую рядом. Она уже не была худощавой от недоедания десятилетней девочкой, которую мать небрежно подстригла, одетой в старое, не по ее размером, платье. Прежнего облика почти не осталось. И все же он с первого взгляда понял, что это - Аомамэ и никто другой - ее лицо с парой больших глаз за двадцать лет ничуть не изменилось. Ее прозрачные глаза выражали уверенность в достижении своих целей. Хорошо знали, что ей надо увидеть. Они смотрели ему прямо в лицо. Заглядывали в его душу.

За прошедшие двадцать лет в незнакомых для него местах Аомамэ стала красивой взрослой женщиной. Мигом безоговорочно впитав в себя все эти годы и места, Тэнго смог сделать их своей живой плотью и кровью. Теперь они уже стали его собственными.

«Что-то надо делать», - подумал он, но не высказал этого вслух. Его губы слегка шевелились и искали в воздухе соответствующих слов. Но нигде их не находили. Из его рта ничего, кроме пара, белого выдыхаемого воздуха, похожего на одинокий, затерянный в океане остров, не выходило. Глядя ему в глаза, Аомамэ только коротко кивнула головой. Тэнго понял ее движение. Да, можно ничего не говорить. Она все еще сжимала в кармане его руку. И ни на миг не вынимала оттуда своей.

- Мы видим одно и то же, - заглядывая ему в глаза, тихо сказала она. Аомамэ уже знала, что это - вопрос и одновременно утверждение. Однако требовала четкого ясного подтверждения.

- Лунных дисков два, - сказала Аомамэ.

Тэнго кивнул. Лун действительно было две. Но вслух он этого не высказал. Почему-то не удавалось. Только это и подумал.

Закрыв глаза, Аомамэ наклонилась и прижалась щекой к его груди. Припала ухом к сердцу. Прислушалась к его мыслям.

- Я хотела знать, - сказала она, - что мы живем в одном мире и видим одно и то же.

Тэнго заметил, как вдруг огромный столб вихря в его душе рассеялся. Теперь его окружал только зимний вечер. Свет в нескольких окнах многоквартирного дома через дорогу, в котором скрывалась Аомамэ, свидетельствовал, что кроме них в мире живут также и другие люди. Это казалось им обоим странным. И даже нелогичным. Тэнго легонько нагнулся и понюхал волосы Аомамэ. Прямые и красивые, из-под которых, словно робкое существо, чуть-чуть выглядывало маленькое розовое ушко.

- Разлука длилась очень долго, - сказала Аомамэ. «Долго, очень долго», - подумал и Тэнго. Но одновременно почувствовал, что двадцать лет перестали быть реальными. Скорее, пролетели как один миг, в который всё поместилось.

Вынув руку из кармана, Тэнго обнял Аомамэ. И сразу под своими ладонями почувствовал упругость ее тела. Подняв голову, еще раз взглянул на обе Луны, которые сквозь разрыв в облаке все еще бросали на землю странное, смешанное из разных красок сияние. Облака передвигались по небу очень медленно. Под этим сиянием Тэнго остро осознал, как сильно душевное состояние может изменить ощущение времени. Двадцать лет - это долго. За такой его промежуток многое может произойти. Много может появиться и многое - исчезнуть. Все меняет форму и качество. Это долго. Но для души, которая смогла наконец твердо определиться, этот срок не слишком большой. Скажем так, если бы даже их случайная встреча была бы от сегодняшнего дня еще через двадцать лет, то он, определенно, пережил бы ее с таким же чувством, как сейчас. Тэнго в этом не сомневался. И даже если бы они достигли пятидесятилетнего возраста, он так же, как сейчас, волновался бы и растерялся. Скорее всего, чувствовал бы такую же радость и уверенность.

Так думал Тэнго, но вслух этого не высказывал. Однако знал, чтоб Аомамэ внимательно улавливает каждое его невысказанное слово.

Прижавшись своим маленьким розовым ушком к его груди, она прислушивалась к движениям его души. Совсем как человек, который может воссоздать в воображении живые яркие пейзажи, вода кончиком пальца по карте.

- Я не хотела бы отсюда уходить и хотела бы совсем забыть о времени, - тихо сказала Аомамэ. - Но нам нужно сделать одно дело.

«Мы уезжаем», - подумал Тэнго.

- Да, мы уезжаем, - сказала Аомамэ. - И как можно скорее. Так как остается уже мало времени. А вот куда - не могу выразить словами.

«И не нужно», - подумал Тэнго.

- Не хочешь знать, куда? - спросила она.

Тэнго помотал головой. Ветер реальности не потушил сердечного огонька. Теперь ничего не имело большого значения.

- Мы никогда не расстанемся, - сказала Аомамэ. - Это совершенно очевидно. Во второй раз руки друг друга мы больше никогда не отпустим.

Надвинулась новая туча и надолго заслонила обе Луны. Как будто на сцене бесшумно опустился занавес. И мир охватила еще более глубокая тьма.

- Надо спешить, - прошептала Аомамэ.

И они оба встали на детской горке. Их тела снова слились в одно целое. А руки крепко сжимали друг друга, как у маленьких детей, которые в лесной чаще в полной темноте наощупь ищут выход из леса.

- Мы сейчас покинем «Кошачий город», - впервые заговорил Тэнго.

Аомамэ с радостью восприняла его голос.

- «Кошачий город»?

- Город, в котором днем царит глубокое одиночество, а ночью – только одни большие кошки. Через город протекает красивая река, а через неё перекинут старый каменный мост. В таком месте мы не можем больше оставаться.

«Этот мир мы называли по-разному, - подумала Аомамэ. - Я называла его миром «1Q84» года, а он - «Кошачьим городом». Но эти названия обозначали одно и то же ». Аомамэ еще крепче сжала его руку.

- Да, мы сейчас покинем «Кошачий город». Вместе, вдвоем, - сказала она. - И как только оставим его, то никогда, ни днем, ни ночью, не будем жить отдельно.

Когда они оба торопливо покидали детский парк, обе Луны спрятались за медленным облаком.

Облако закрыла глаза и одной, и другой Луне, а мальчик и девочка, взявшись за руки, выбрались из леса.

Глава 30 . Тэнго

Если не ошибаюсь

Покинув парк, они оба вышли на автостраду и остановили такси. Аомамэ попросила водителя ехать в Сангендзя вдоль государственного шоссе номер 246.

Только теперь Тэнго, наконец, обратил внимание на то, как выглядела Аомамэ. На ней, поверх модного зеленого костюма с короткой юбочкой, был, подпоясанный поясом, легкий весенний плащ, слишком тонкий для такого времени года. На ногах у нее были чулки и яркие туфли на высоких каблуках. На плече висела плотно набитая вещами тяжелая черная кожаная сумка. На руках не было перчаток, а на шее - шарфа. Ни колец, ни цепочек, ни сережек на Аомамэ не было. Не пахла духами. Все, что она имела на себе и чего не имела, казалось ему чрезвычайно правильным и естественным. Он не мог придумать, что можно было бы в её облике изменить, и что именно в сложившуюся гармоничную картину добавить, или, наоборот, убрать.

Такси мчалось 7-й окружной дорогой к государственному шоссе номер 246. Дорожную обстановку, на удивление, ничего не осложняло. Движение было беспрепятственным. Как только такси тронулось, они оба, и Аомамэ, и Тэнго долго молчали. Радио было выключено, неразговорчивым оказался и молодой водитель. До их ушей доносился только непрерывный, однообразный шорох автомобильных шин. Аомамэ прижалась к Тэнго и опять сжала его большую ладонь. Как будто она боялась, что если отпустит, то во второй раз не найдет. Мимо них проплывал ночной город, похожий на морское течение, расцвеченное светлячками.

- Мне нужно тебе многое рассказать, - через какое-то время сказала Аомамэ. - Но, кажется, я не смогу всего объяснить, пока туда не приедем. Поскольку остается мало времени. Но даже если бы такое время было, вряд ли я смогла бы всё рассказать.

Тэнго слегка покачал головой. Не надо себя заставлять. Они позже вдвоем смогут восполнить все жизненные куски. Если в этом когда-то будет необходимость. Сейчас Тэнго даже казалось, что в этих

забытых страницах их жизни и неразгаданных загадках, если они общие для них обоих, он находит радостное чувство, близкое к любви.

- Что мне нужно знать о тебе в первую очередь? - спросил Тэнго.

- А что ты знаешь про меня нынешнюю? - вместо ответа спросила Аомамэ.

- Почти ничего, - ответил он. - Только то, что ты - инструктор спортивного клуба, не замужем и живешь в квартале Коендзи.

- И я о тебе почти ничего не знаю. Разве только, что ты преподаешь математику в подготовительной школе в квартале Ййойги, холостяк и написал текст «Воздушного кокона».

Тэнго посмотрел в глаза Аомамэ. От удивления его губы чуть-чуть раскрылись. Об этом знало чрезвычайно ограниченное количество людей. Неужели Аомамэ как-то связана с той сектой?

- Не беспокойся. Мы вместе, и на одной стороне, - сказала Аомамэ. - Чтобы объяснить все обстоятельства, почему я это знаю, нужно потратить много времени. Но мне известно, что «Воздушный кокон» создан благодаря твоему сотрудничеству с Эрикой Фукадо. И что и ты, и я попали в мир двух Лун. И еще одно - что я беременна. Может быть, от тебя. Думаю, что вот эту важную новость тебе нужно знать немедленно.

- Ты беременна?

Возможно, водитель прислушивался. Но Тэнго даже не думал об этом.

- В течение двадцати лет мы ни разу не встречались и не были с тобой наедине, - сказала Аомамэ. - и все же я забеременела от тебя. Так что теперь я собираюсь родить твоего ребенка. Хотя это не укладывается ни в какую логику.

Тэнго молча ждал продолжения ее рассказа.

- Ты помнишь, как в начале сентября поднялась страшная буря?

- Хорошо помню, - ответил он. - Весь день стояла прекрасная погода, но как только стемнело, вдруг загрохотал гром и началась гроза. Станцию Акасака-Мицукэ затопила вода, и на время подземка остановилась.

«LittlePeople безобразничают», - говорила тогда Фукаэри.

- И в тот грозовой вечер я забеременела, - сказала Аомамэ - Но ни в тот день, ни в течение несколько месяцев до того дня, у меня не было ни с кем соответствующих контактов.

Аомамэ подождала, пока Тэнго осознает этот факт. Потом продолжала:

- Но это, бесспорно, произошло тем вечером. И я уверена, что забеременела от тебя. Объяснить, как это произошло, не могу. Просто мне это ясно.

В голове Тэнго воскресло воспоминание о том странном единственном половом акте с Фукаэри. На улице бушевала гроза, а в оконные стекла били крупные капли дождя. Как говорила Фукаэри, тогда бесчинствовали *LittlePeople*. Когда он, онемев всем телом, спал на спине, Фукаэри, усевшись на него верхом, вставила в себя его эрегированный пенис и забрала из него все семя. Казалось, она находилась в трансе. Глаза ее были закрыты, будто она погрузилась в медитацию. У нее были большие круглые груди, но волосы на ее лобке не росли. Все это казалось нереальным, но все на самом деле так и происходило. На следующее утро Фукаэри вроде даже не вспоминала вчерашнего случая. Или просто не показывала ему, что все помнит. Да и самому Тэнго прошедшее событие казалось скорее неким практическим занятием, а не половым актом. Тем грозowym вечером Фукаэри воспользовалась онемением его тела для того, чтобы успешно собрать его семя. Буквально до последней капли. Он до сих пор помнит это странное чувство. Тогда Фукаэри производила впечатление совсем другого человека.

- Да, я помню, - сухо ответил Тэнго, - тогда со мной произошло событие, которое нельзя объяснить никакой логикой.

Аомамэ посмотрела ему в глаза.

- Тогда я не понимал, что это означает. Да и сейчас точно не понимаю. Но если ты забеременела в тот вечер и ничего другого не помнишь, то, несомненно, у тебя мой ребенок.

«Возможно, Фукаэри была передаточным звеном. Такую роль ей определили. Быть каналом, связавшим его с Аомамэ. Что-то нас обоих физически соединило на мгновение», - думал Тэнго.

- Со временем я расскажу тебе подробно, что тогда произошло, - сказал он. - Но вот сейчас не нахожу для этого нужных слов.

- А ты действительно веришь, что во мне твой ребенок?

- Искренне верю, - ответил Тэнго.

- Прекрасно, - сказала Аомамэ. - Только это я и хотела знать. Если ты веришь, то остальное меня не волнует. И объяснения не нужны.

- Так ты беременна? - снова спросил Тэнго.

- Уже четыре месяца.

Аомамэ взяла руку Тэнго и приложила ее к низу живота под плащом. Затаив дыхание, он искал признаки жизни этого существа. Оно, несомненно, было еще маленьким, но Тэнго, ему так показалось, почувствовал ладонью его тепло.

- Так куда мы уедем? Ты, я и это маленькое создание.

- Куда-нибудь, - ответила Аомамэ. - В мир с одной Луной на небе. Туда, где я должна была быть с самого рождения. Где *LittlePeople* не имеют силы.

- *LittlePeople*? - и Тэнго чуть нахмурился.

- Ты подробно описал их в «Воздушном коконе». Какой у них вид и что они делают.

Тэнго кивнул.

- Они существуют в этом мире. Как ты их и описал, - сказала Аомамэ.

Когда Тэнго переделывал «Воздушный кокон», *LittlePeople* были для него только порождением буйной фантазии семнадцатилетней девушки. А может, только метафорой или символом. Даже сейчас он не верил, что они действительно существуют в этом мире и имеют реальную силу.

- В этом мире существуют не только *LittlePeople*, но также воздушные коконы, мадзы, дооты и две Луны, - сказала Аомамэ.

- А ты знаешь дорогу, по которой можно уйти из этого мира?

- Мы уйдем отсюда той дорогой, которой я сюда пришла. Другого выхода я не могу придумать, - ответила она, и добавила: - Рукопись своего недописанного романа ты взял с собой?

- Взял! - ответил Тэнго и легонько постучал ладонью по красно-коричневой сумке на плече. И опять удивился: откуда она о нем знает?

Аомамэ сдержанно улыбнулась.

- И это для меня не секрет.

- Похоже, что ты многое знаешь, - сказал Тэнго.

Он впервые видел, как она улыбается. Улыбка был робкой, но Тэнго почувствовал, как мир вокруг него начал изменяться.

- Не расставайся с ним, - сказала Аомамэ. – Для нас он имеет большое значение.

- Будь спокойна. Не расстанусь.

- Мы прибыли *в этот мир*, чтобы встретиться. Того, что это была наша цель, мы и сами не знали. Нам пришлось выдержать много испытаний и пережить многие неприятности. Пройти через нелогичное, необъяснимое. Удивительное. Кровавое и печальное. Иногда прекрасное. От нас требовали обязательств, и мы их давали. Нас подвергали испытаниям, и мы их выдержали. И мы достигли своей цели, ради которой пришли сюда. И вот сейчас нас подстерегает опасность. Они хотят забрать *дооту*, находящуюся во мне. Ты знаешь, что означает *доота*?

Глубоко вдохнув, Тэнго спросил:

- Так ты собираешься обзавестись от меня *доотю*?

- Да, хочу этого. Не знаю точно, каким способом, но собираюсь помочь *дооте* появиться на свет или как-то через воздушный кокон, или же, благодаря тому, что я сама исполню роль кокона, просто родить её. А они хотят нас троих поймать, чтобы их система имела новый «вещий голос».

- Какая же роль мне теперь выпадает? Ведь, мне кажется, я чуть больше, чем просто отец *дооты*...

- Ты ... - начала Аомамэ и запнулась. Вокруг них вдруг образовалась пустота, которую затем им совместными усилиями долго пришлось заполнять.

- Я твердо решил тебя найти, - сказал Тэнго. - Но не сумел. *Ты* меня нашла. Кажется, будто я почти ничего не сделал. И это, думаю, несправедливо.

- Несправедливо?

- Я многим тебе обязан. Но тебе, в конце концов, ничем не помог.

- Ты мне ничем не обязан, - откровенно сказала Аомамэ. – Но ты привел меня сюда. Непостижимым способом. И теперь мы вместе.

- Кажется, я однажды видел эту *дооту*, - сказал Тэнго. - Или то, что эта *доота* для меня означает. В твоём облике, образе десятилетней девочки, она спала в слабом свете воздушного кокона. Я касался ее руки. Но так было только один раз.

Аомамэ прижалась головой к его плечу.

- Тэнго, мы друг другу ничем не обязаны. Сейчас нам надо подумать, как спасти это маленькое создание. Они наступают нам на пятки. Я уже слышу их шаги.

- Я ни за что вас обоих никому не отдам. Тебя и это наше маленькое творение. Благодаря встрече мы достигли цели, ради которой пришли в этот мир. Хотя в нем опасно... А ты знаешь выход из него?

- Кажется, знаю, - ответила Аомамэ. - Если не ошибаюсь.

Глава 31. Тэнго и Аомамэ

Как горошина в стручке

Когда они вышли из такси, Аомамэ встала у перекрестка и огляделась вокруг. Заметив под скоростной автострадой темный склад материалов за оградой из листового железа, она, взяв Тэнго за руку, направилась туда через дорожный переход.

Она не помнила, где тогда отогнула лист железа, но настойчиво ощупав всю ограду, все-таки нашла это место – узкую щель, через которую можно было пролезть одному человеку. Аомамэ пригнулась и очень аккуратно, чтобы не зацепиться костюмом за что-нибудь острое, проскользнула на заброшенный склад. Съжившись всем своим крупным телом, туда за ней пробрался и Тэнго. Внутри всё было так же, как и в апреле. Выцветшие мешки с цементом, ржавое железо, пожухлый бурьян, кучи старой бумаги и кое-где белый голубиный помет. За восемь месяцев здесь ничего не изменилось. Видимо, с тех пор ни один человек здесь не появлялся. Это было всеми забытое место в центре столицы, под главной автомагистралью.

- Это именно то место? - оглядываясь, спросил Тэнго.

Аомамэ кивнула.

- Если здесь не будет выхода, то мы никуда не сможем уйти.

В темноте она искала аварийную лестницу, которой когда-то спустилась. Узенькую лестницу, которая соединяла столичную скоростную автостраду с землей. «Она должна здесь быть, - убеждала она себя. - Я должна в это верить».

Аварийная лестница нашлась. На самом деле это было жалкое подобие лестницы. Гораздо более неказистая и опасная, чем была в её воспоминаниях. «Такой лестницей я спустилась сверху вниз?», - удивлялась Аомамэ. И все же это была та лестница, и, главное, она была. Теперь оставалось сделать все наоборот - подняться наверх. Она сняла туфли на высоких каблуках от Шарля Журдана и засунула их в сумку, а саму сумку забросила через плечо. В одних чулках стала на первую ступеньку.

- Иди за мной, - обернувшись, сказала она Тэнго.

- А может, лучше, чтобы я пошел первым? - обеспокоенно спросил он.

- Нет, я пойду впереди.

По этой лестнице спустилась она. Поэтому должна была первой и подниматься. Теперь перекладины были намного холодней, чем тогда, когда она спускалась. Руки сразу замерзли, и, казалось, все чувства тоже онемели. И ветер, дующий между опорами автострады, был намного сильнее и резче. Своим равнодушием лестница бросала ей вызов и ничего хорошего не обещала.

Аварийная лестница исчезла, когда в начале сентября она её искала на автостраде. Тогда спуск вниз для неё был закрыт. А вот сейчас подъем с заброшенного склада материалов на земле был открыт. Путь вверх был свободен. Как того и ожидала Аомамэ. А предчувствие, что для этого направления аварийная лестница еще существует, у неё было. «Во мне *маленькое создание*, - рассуждала она. - Если оно имеет некую особую силу, то наверняка защитит меня и покажет правильный путь ».

Лестница существовала. Но пока не было ясно, действительно ли она ведёт к столичной скоростной автостраде. Возможно, на полпути она перекрыта и заканчивается глухим углом. Ведь в этом мире может произойти что угодно. И только поднявшись наверх, можно воочию убедиться, что там есть и чего там нет.

Она поднималась осторожно, ступенька за ступенькой. Когда глядела вниз, видела, что Тэнго следует за ней. Иногда со свистом дул резкий, до боли, ветер и распахивал ее весенний плащ и обнажал бедра под короткой юбочкой. Ветер трепал ее волосы и, прибивая их к лицу, закрывал ей поле зрения. Из-за этого даже становилось трудно дышать. Аомамэ жалела, что не завязала волосы сзади узлом и не взяла перчаток. И почему она до таких простых вещей не додумалась? Но уже было поздно жалеть о чём-то. Ведь в ее голове была только одна мысль: одеться так же, как тогда, когда спускалась по лестнице. Поэтому ничего другого теперь не оставалось, как крепко держаться лестницы и подниматься вверх.

Дрожа от холода, она упорно двигалась вверх, поглядывая на многоквартирный дом на той стороне наземного шоссе - пятиэтажное здание из светло-коричневого кирпича. Тот самый, который видела, когда спускалась вниз. В половине окон горел свет. Так сказать, почти перед самым ее носом. Возможно, его жителям неинтересно было наблюдать, как ночью кто-то поднимается аварийными

лестницами, хотя фигуры Аомамэ и Тэнго были прекрасно видны в свете фонарей шоссе номер 246.

К счастью, в окнах дома никто не стоял. Шторы были задернуты. И в самом деле, кто же в такой морозный вечер специально выйдет на балкон и будет смотреть на аварийные лестницы столичной скоростной автострады?

На одном балконе на грязном садовом стуле стояло каучуковое деревце в горшке, Аомамэ видела его там и тогда, когда в апреле спускалась по лестнице вниз. Оно было еще более убогим и жалким, чем то, которое она оставила в квартире в квартале Дзиюгаока. Может быть, в течение прошлых восьми месяцев оно так и торчало неизменно на том же месте. Его, поплёкшего, запихнули в захолустье этого мира и, наверное, забыли. И, пожалуй, совсем не поливали водой. Но это деревце придалоб Аомамэ какую-то отвагу и поддержку, когда она, полная тревоги и сомнений, с промерзшими руками и ногами, поднималась шаткими ступенями. «Все в порядке, я не ошиблась. По крайней мере, я наткнулась на ту самую дорогу, по которой когда-то сюда пришла, - рассуждала она. - Это деревце выполняет для меня роль неприметного ориентира.

В прошлый раз, когда я спускалась аварийными лестницами, видела не только одну жалкую паутину. Я тогда вспоминала о Тамаки Оцука. О том, как летом, я, ученица средней школы старших классов, путешествовала с этой лучшей подругой, и ночью, в постели, касалась голым телом ее тела. Отчего, как раз тогда, во время спуска аварийной лестницей, все это вдруг вспомнила?» Поднимаясь теми же ступенькам, Аомамэ снова вспомнила свою подругу. И ее гладкую, хорошей формы, грудь, которая своей полнотой всегда вызывала в Аомамэ зависть. «Она совсем отличалась от моей, недоразвитой, - думала она. - Но теперь этой груди уже нет на свете».

Потом она подумала о Аюми Накано. О том, как эту одинокую женщину-полицейского, с наручниками на руках, кто-то задушил поясом от банного халата в номере отеля Сибуи. О том, как эта молодая женщина с несколькими душевными ранами направилась в бездну смерти. Она также имела полную грудь.

Аомамэ искренне оплакивала смерть обоих подруг. Грустила, что их нет больше на этом свете. Жалела, что их пышные груди бесследно исчезли.

«*Прошу вас, защитите меня*, - мысленно обращалась она к подругам. – *Умоляю вас. Мне нужна ваша помощь* ». Она надеялась, что обе несчастные девушки, может быть, услышат ее безмолвную мольбу. «Не сомневаюсь, что они меня защитят», - думала Аомамэ.

Когда, наконец, прямая лестница достигла служебного перехода, ей и ему пришлось продвигаться вперед, согнувшись и держась за низкие перила. Далее лестница шла зигзагом, не совсем удобная, но, по крайней мере, гораздо лучше, чем прежде. Насколькоб Аомамэ помнила, она вела к площадке аварийной остановки на скоростной автостраде. От движения по ней крупногабаритных автомашин, что теперь грохотали достаточно громко, служебный переход качался, словно лодка от боковых волн.

Оглянувшись назад и убедившись, что Тэнго у нее за плечами, Аомамэ протянула свою руку к его руке. Она была теплой. Аомамэ не могла понять, почему она оставалась теплой в такой холодный вечер, даже несмотря на то, что Тэнго держался перекладин лестницы голыми руками.

- Осталось пройти еще немного, - сказала она, наклонившись к его уху. Пришлось повысить голос, чтобы перекричать грохот машин и свист ветра. - Эта лестница выведёт нас на автостраду.

«Если, конечно, лестница не перекрыта», - подумала, но вслух этого не сказала.

- Ты с самого начала думала ею подняться? - спросил Тэнго.

- Да. Если бы нашла её.

- И, невзирая на это, специально так оделась. Но тесная юбка и туфли на высоких каблуках, думаю, не годятся для того, чтобы подниматься по крутой лестнице.

Аомамэ снова улыбнулась.

- Потому что так надо было. Когда-нибудь я тебе все объясню.

- У тебя очень красивые ноги, - сказал Тэнго.

- Они тебе понравились?

- Очень.

- Спасибо, - сказала Аомамэ.

Потянувшись в узком проходе железного помоста до Тэнго, она поцеловала его ухо, сморщенное, как цветная капуста, и холодное.

Далее служебный переход упирался в узкую крутую лестницу. Ступни Аомамэ замерзли, а пальцы окоченели. Чтобы не споткнуться, пришлось быть внимательной. Она поднималась по лестнице, убирая рукой волосы, взъерошенные холодным ветром, от которого слезились глаза. Держась перила, чтобы не потерять равновесия под порывами ветра, она двигалась вперед осторожно и думала о Тэнго, который шел вслед за ней. О его большой руке и холодном ухе, похожем на цветную капусту. О *маленьком создании*, что было в ней. О черном пистолете, спрятанном в сумке. И о семи заряженных патронах калибра девять миллиметров.

«Во что бы то ни стало надо выбраться из этого мира. И поэтому надо искренне верить, что эта лестница обязательно выведёт к скоростной автострате. *Надо верить* », - убеждала она себя.

Вспомнила, что тем грозным вечером перед смертью сказал лидер. Слова песни. Она и сейчас хорошо их помнила.

Мир без твоей любви -
Парад клоунов, полный фальши.
Но если бы ты поверила мне -
Мир изменился бы,
Стал настоящим

«Что бы ни случилось, и что бы я ни делала, всеми своими силами я должна сделать этот мир настоящим. Нет, должна это сделать не одна, а вместе с Тэнго. Мы соберем все наши силы воедино. Ради нас обоих и ради нашего *маленького творения* », - рассуждала Аомамэ.

Остановившись на плоской площадке лестницы, она оглянулась назад. Там был Тэнго. Она протянула к нему руку. Он ее пожал. По-прежнему она чувствовала в ней тепло. Это придало ей уверенности в своих силах. Она снова потянулась всем телом к нему и поцеловала его сморщенное ухо.

- А знаешь, я однажды хотела отдать жизнь за тебя, - призналась Аомамэ. - Еще немного, и действительно погибла бы. Была на несколько миллиметров от смерти. Ты веришь?

- Верю, - ответил Тэнго.
- Искренне веришь?
- Искренне, - честно признался он.

Аомамэ кивнула и отпустила его руку. И снова двинулась вперед по лестнице. Когда через несколько минут ступени лестницы закончились, Аомамэ оказалась на столичной скоростной автостраде номер три. Аварийная лестница не была перекрыта. Ее предчувствие оправдалось, а усилия были вознаграждены. Но прежде чем перелезть через железный заборчик, она, тыльной стороной ладони, вытерла слезы, выступившие на глазах.

- Автострада номер три! - молча оглядевшись вокруг, восхищенно сказал Тэнго. – И здесь в самом деле выход из этого мира?

- Да, - подтвердила Аомамэ. - Здесь вход в этот мир и выход из него.

Тэнго поддерживал ее сзади, когда она, приподняв кверху короткую юбочку, перебиралась через железный заборчик. За заборчиком была аварийная площадка, на которой могли остановиться два автомобиля. Сюда Аомамэ пришла в третий раз. Перед глазами торчал рекламный щит фирмы «Эссо». *Впустите тигра в свой бензобак.* То же изображение, тот же самый тигр. Все еще стоя босиком, она замерла. И полной грудью вдыхала ночной воздух, переполненный выхлопными газами. Он казался ей, как никогда, свежим. *«Вернулась»,* - подумала она. - *Мы сюда вернулись».*

Как и в прошлый раз, на столичной скоростной автостраде был страшный затор. В том направлении, где он произошел, ряды машин почти не двигались. Увидев это, Аомамэ удивилась: «Что такое? Почему на автостраде всегда пробка, когда я сюда прихожу? Ведь обычно в такое время эта дорога в центр города редко забита автомашинами. Наверное, где-то впереди произошло дорожное происшествие». В обратном направлении движение было нормальным. А вот в центр - безнадежно медленным.

Вслед за ней Тэнго также перелез через железный заборчик. Просто легко перепрыгнул, высоко подняв одну ногу. И встал рядом с ней. Они оба молча смотрели на грохочущие ряды автомашин, будто люди, впервые в жизни стоявшие на берегу моря и ошеломленно наблюдающие как под ногами одна за другой разбиваются волны. Не отрывали от них взгляда и пассажиры автомашин. Растерявшись от

непривычного зрелища, они не знали, что о нем думать. В их глазах проглядывало скорее подозрение, чем любопытство. Собственно говоря, что делает здесь эта молодая парочка? Она вдруг неожиданно вынырнула из темноты и замерла на аварийной площадке автострады. Женщина в ярком костюме под легким весенним плащом и в одних чулках, без туфель. И высокий мужчина в поношенной кожаной куртке. У обеих фигур сумки за плечами. Может быть, где-то недалеко отсюда у них испортилась автомашина или же с ними произошло ДТП? Но никакой их машины не было видно. Да и, кажется, они особо и не просили о помощи.

Наконец, взяв себя в руки, Аомамэ надела вынутые из сумки туфли на высоких каблуках. Поправила на себе юбку и привычно повесила сумку на плечо. Завязала спереди пояс плаща. Облизала языком сухие губы и пригладила пальцами челку на лбу. Вынула платок и вытерла слезы. Потом снова прижалась к Тэнго. Они стояли и, не говоря ни слова, сжимали руки друг друга, как и тогда, двадцать лет назад, в декабре после уроков в аудитории начальной школы. В этом мире не было никого, кроме них обоих. Они глядели, как перед их глазами медленно двигаются автомобили. Но в действительности ничего не видели. Им было всё равно, что они ничего не видят и не слышат. Пейзаж, звуки и запахи вокруг них потеряли свое первоначальное значение.

- Ну так что, мы попали в другой мир? - наконец спросил Тэнго.
- Возможно, - ответила Аомамэ.
- Может быть, стоит проверить?

Способ такой проверки был только один, но никто из них не нуждался в подтверждении это вслух. Молча подняв голову, Аомамэ посмотрела на небо. То же, почти одновременно, сделал и Тэнго. Оба искали в небе лунные диски, которые, по их оценкам, должны были быть над рекламным щитом фирмы «Эссо». Однако там они их не нашли. Видимо, сейчас они прятались за тучами, которые ветер неторопливо относил к югу. Аомамэ и Тэнго ждали. Им не нужно было спешить. У них было сейчас много общего времени, чтобы наверстать упущенное. Торопиться было незачем. Тигр на рекламном щите фирмы «Эссо», с заправочным шлангом в одной лапе и заученной улыбкой на морде, искоса поглядывал на них обоих, сжимавших руки друг другу.

И вдруг Аомамэ заметила то, чего не было в прошлый раз. Некоторое время не понимала, что привлекло её внимание. Прищурившись, сосредоточилась. И, в конце концов, догадалась. Силуэт тигра на рекламном щите был обращен к ним левым боком. Но она помнила, что в действительности раньше там был его правый бок. *Изображение тигра было повернуто на сто восемьдесят градусов.* Она машинально поморщилась. Ее сердце бешено забилося. И появилось такое ощущение, будто в её организме что-то движется в противоположном направлении. «Но, в действительности, как такое можно подтвердить или опровергнуть? Неужели я настолько уверена в своей памяти?» - подумала Аомамэ. Она не могла поручиться, что это правда. Просто ей так показалось. Иногда память человека подводит.

Этот вопрос она сохранила в себе. Пока не могла высказать его вслух. Закрыв глаза, выравнивала дыхания, унимала сердцебиение и ждала, когда тучи разойдутся. Пассажиры в автомобилях следили за ними сквозь стеклянные окна. Собственно, почему так пристально всматривается в небо эта парочка? Почему так крепко держатся за руки? Некоторые люди поворачивал голову туда, куда смотрели они оба. Но там виднелись только белые облака и рекламный щит фирмы «Эссо». *Впустите тигра в свой бензобак.* Повернувшись левым боком к людям, которые проезжали мимо, этот тигр, гордо подняв свой полосатый розовый хвост, любезно призвал их потреблять всё больше и больше бензина.

Потом облака разошлись, и показалась Луна.

Диск был один. Привычная желтая одинокая Луна. Та Луна, которая молча плывет над полями, поросшими мискантом, отражаясь белой тарелкой на поверхности тихого озера и украдкой озаряя крыши затихших домов. Та самая, что катит воды на песчаные берега морей во время прилива, обдавая мягким светом зверей и защищая ночных путешественников. Та, что на третий день после появления на небе, своим серпиком раскрывает оболочку человеческой души, а став полной, высушивает её, капля за каплей, мрачное одиночество. Луна молча, в одиночестве, висела над рекламным щитом фирмы «Эссо». Рядом с ней не было другой - зеленой небольшой Луны, с деформированной формой. Тэнго и Аомамэ, даже не сговариваясь,

смотрели на один и тот же пейзаж. Аомамэ сжимала его большую руку. И исчезло ощущение, будто в её организме что-то двигалось в противоположном направлении.

«Мы вернулись в 1984 год, - говорила она себе. - 1984 года уже нет. Вокруг мир, какой был прежде.

Но неужели и впрямь, так просто, мир вернул себе первоначальный вид? Разве лидер секты перед смертью не утверждал, что обратной дороги нет?

А может, это еще один мир? Или же мы перебрались в третий мир, отличный от предыдущего? В мир, в котором улыбается тигр, повернувшись к нам не правым, а левым боком? И разве теперь нас не ждут новые загадки и новые законы?

Всё может быть, - рассуждала дальше Аомамэ. - По крайней мере, отрицать этого сейчас я не могу. Но я и не уверена в чем-то одном. Во всяком случае, я уже не в том мире с двумя Лунами на небе. И держу руку Тэнго. Мы попали в опасный мир, где ни одна логика не имеет силы, в суровых испытаниях нашли друг друга и выбрались оттуда. Чего нам теперь бояться, независимо от того, куда мы попали - обратно в предыдущий, или в новый мир? Если нам выпадут новые испытания, мы сможем их преодолеть. По крайней мере, мы уже не будем одинокими ».

Расслабившись, Аомамэ прижалась к большой груди Тэнго, как к чему то надежному и безопасному. Приложив ухо, прислушалась, как бьется его сердце. Отдавшись в его руки, она казалась себе горошинкой в стручке.

- Куда и как отсюда мы можем уйти? - спросил Тэнго, спустя бог знает сколько времени.

Разумеется, оставаться здесь надолго не годилось. Но столичная скоростная автострада не имела обочины или тротуара. До съезда на Икедзири было недалеко, но даже при дорожном заторе проход между автомашинами казался слишком опасным. Кроме того, они не надеялись, что кто-то на автостраде остановит автомобиль на взмах их руки. Они, конечно, могли воспользоваться телефоном службы поддержки и позвонить в администрацию автострады, чтобы попросить помощи, однако тогда пришлось бы внятно объяснять причину, как они оба здесь оказались. И даже, если бы они пешком

дошли до съезда на Икедзири, сборщик платы за проезд автомобилей отругал бы их. О спуске же лестницей, по которой они только что поднялись, понятное дело, не могло быть и речи.

- Не знаю, - ответила Аомамэ.

Она действительно не знала, что теперь делать и куда идти, ее роль лидера закончилась, когда они поднялись наверх. Думать и решать, что правильно, а что нет, она уже была не в силах. У нее не осталось ни капли горючего. Она не имела другого выхода, как положиться на другую силу.

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого.

Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки.

Аминь.

Слова молитвы вылетали изо рта сами собой. По условному рефлексу. Не надо было думать. Ни одно из этих слов в эту минуту не имело значения. Сейчас они были только звуком, рядом закодированных знаков. Но, произнося их машинально, она чувствовала, как ее охватывает странный настрой. Можно сказать – даже набожный. В глубине что-то стучало в ее сердце. «Что бы это ни было, хорошо, что оно не причиняет мне вреда, - подумала Аомамэ. - Хорошо, что я смогла добраться сюда – и не важно, куда ».

- *Да придет Царствие Твое*, - повторила она вслух. Как всегда делала в начальной школе, когда ученикам давали еду. Независимо от того, что означала эта фраза, она искренне этого желала. - *Да придет Царствие Твое*.

Будто расчесывая пальцами волосы, Тэнго гладил ее по голове.

Минут через десять он остановил такси, проезжающее мимо. Сначала они оба не могли поверить своим глазам. Такси без пассажира медленно двигалось по столичной скоростной автостраде, парализованной затором. Когда Тэнго неуверенно поднял руку, задняя дверь такси сразу открылась и они оба сели в него. Торопливо,

словно опасаясь, что призрак исчезнет. Молодой водитель в очках, обратившись к ним, сказал:

- На автостраде пробка, а потому я скоро уйду от неё на Икедзири. Вы не против? - для мужчины его голос был пронзительным, но не раздражающим.

- Нет, - ответила Аомамэ.

- По правилам, на скоростной дороге законодательством запрещено подбирать пассажиров.

- Например, каким таким законодательством? - спросила Аомамэ. Ее лицо, отраженное в зеркальце водителя, слегка нахмурилось.

Таксист не мог сразу вспомнить названия такого закона. А лицом Аомамэ в его зеркальце набирало все более угрожающее выражение.

- Ну хорошо, - сменил он тему разговора. - Так куда вам надо?

- Можете довезти нас до станции Сибуя, - ответила Аомамэ.

- Счетчик не выключен, - сказал таксист, - но я возьму с вас плату за проезд дорогой вниз, а не по автостраде.

- А почему это вы ехали без пассажира? - поинтересовался Тэнго.

- Довольно запутанная история, - усталым голосом произнес тот. - Хотите послушать?

- Хотим, - сказала Аомамэ.

Она хотела услышать, что рассказывают люди в этом новом мире, даже если эта история окажется длинной и скучной. Возможно, в ней откроются какие-то новые тайны или какие-то новые намеки.

- Вблизи парка Кинута я подобрал мужчину среднего возраста, который попросил ехать в университет «Аояма-гакуин» по скоростной автостраде. Мотивировал это тем, что если ехать государственной дорогой, то недалеко от Сибуя можно попасть в пробку. Тогда еще не было информации о заторе на столичной скоростной автостраде. Движение на ней был нормальным. Как тот пассажир и говорил, в квартале Йога я выехал на скоростную автостраду. И, как сами видите, оказался в пробке - на дорожной развязке Танимати, возможно, столкнулись машины. И вот я еду по автостраде, но до съезда на Икедзири никак не могу добраться. А тем временем мой пассажир встретил свою знакомую. Когда мы надолго застряли около Канадзава, эта знакомая сидела за рулем серебристого автомобиля «Mercedes-Benz coupe», случайно двигавшегося параллельной полосой. Опустив стекло, они о чем-то переговорили, и

она предложила ему перейти к себе. Потом пассажир извинился передо мной, и сказав, что расплатится за весь проезд автострадой попросил меня остановиться и выпустить его, так как он хочет пересечь к знакомой. Выпустить пассажира на автостраде - неслыханное дело, но все равно движения не было никакого, поэтому я не возражал. Пассажир перебрался в серебристый мерседес. Дал мне сверху счетчика, но я уже был вне себя. Потому что не мог двигаться. С трудом добрался сюда. Оставалось совсем немного до съезда на Икедзири. И вдруг увидел, как вы подняли руку. Это что-то невероятное. А вы как думаете?

- Вероятное, - коротко ответила Аомамэ.

В тот вечер они остановились в номере высотной гостиницы в квартале Акасака. Погасив свет, разделись и, улегшись в постель, обнялись. Они могли много рассказать друг другу, но это можно было сделать на рассвете. Прежде всего, нужно было узнать другое. Они молча, в темноте, долго исследовали тело друг друга. Десятью пальцами и ладонями изучали одно за другим его отдельные части. С трепетом в груди, словно маленькие дети, ищущие сокровища в таинственной комнате, они нащупывали их, и поцелуем ставили на них свою печать. Когда вся эта работа по изучению была закончена, Аомамэ, взяв в руку твердый пенис Тэнго, долгое время сжимала его. Так же, как тогда в аудитории, после уроков, сжимала его руку. По её ощущениям, это было лучшее из всего, что она только знала. Просто чудо. Затем Аомамэ раздвинула ноги и медленно впустила его в себя. До самого дна. Закрыв в темноте глаза, глубоко втягивала в себя воздух, а потом долго выдыхала. Тэнго кожей чувствовал ее теплое дыхание.

- Я постоянно представляла себе, как ты меня так обнимаешь, - замерев, прошептала она ему на ухо.

- Как занимаешься со мной сексом?

- Да.

- С десяти лет это себе представляла? - спросил Тэнго.

Аомамэ засмеялась.

- Нет, конечно. Только тогда, когда стала немного старше.

- И я представлял себе то же самое.

- Что ты во мне?

- Да, - ответил Тэнго.
- И теперь все так, как ты себе представлял?
- Все еще не могу поверить, что это правда, - честно признался он.
- Мне все еще кажется, будто я и дальше всё это себе воображаю.

- Но это правда.
- Она кажется слишком восхитительной, чтобы быть ею.
Аомамэ в темноте улыбнулась. Потом приложила свои губы к его губам. Их языки переплелись.

- Тебе не кажется, что моя грудь слишком маленькая? - спросила она.

- Как раз такая, какая надо, - ответил он, положив руку на ее грудь.

- Ты действительно так думаешь?
- Конечно, - сказал он. - Ты стала бы иной, если бы грудь была больше.

- Спасибо, - сказала она и добавила: - Кроме того, правая и левая груди отличаются друг от друга размером.

- И в таком виде они хороши, - сказал он. - Левая - это левая, а правая - это правая. Ничего в них не надо менять.

Аомамэ приложила ухо к груди Тэнго.

- Я долго была одинока. И многое меня глубоко ранило. Вот было бы хорошо, если бы я могла встретиться с тобой раньше. Тогда не пришлось бы так долго блуждать кружным путём.

Тэнго покачал головой.

- А вот я так не думаю. Именно сейчас - то время, когда мы должны были встретиться.

Аомамэ заплакала. Долго сдерживаемые слезы покатались из глаз. Их крупные капли падали на простыню, словно дождь. Не отпуская Тэнго, она мелко дрожала и не переставала плакать. А он, обняв ее обеими руками, крепко прижимал к себе. «Теперь, наверное, он будет делать так постоянно», - радовалась она.

- Надо было столько времени, чтобы мы поняли, какими одинокими мы были, - сказал Тэнго.

- Двигайся, - сказала она ему на ухо. - Медленно и долго.

Тэнго послушался ее. Двигался очень медленно. А между тем Аомамэ, спокойно дыша и прислушиваясь к собственному сердцебиению, держалась за его могучее тело, как человек, который

тонет. Перестав плакать и думать, отдалившись от прошлого и будущего, приспособливалась всем своим существом к его движению.

Под утро они оба в гостиничных купальных халатах стояли перед большим окном и держали в руках бокалы с красным вином, которое заказали в гостиничной службе. Аомамэ пригубила бокал только для виду. Им все еще не хотелось спать. Из окна своего номера на семнадцатом этаже они могли вволю наблюдать Луну. Тучи куда-то улетучились, и ничего не загораживало их поле зрения. Хотя на рассвете Луна переместилась достаточно далеко, она все еще висела над городским горизонтом. Становясь все более пепельной, она вот-вот должна была закончить свои обязанности и нырнуть за горизонт.

Заказывая вчера номер, Аомамэ, у женщины за конторкой гостиничного администратора, попросила, независимо от оплаты, номер на одном из верхних этажей, откуда была бы видна Луна. «Самое главное условие - чтобы мы могли видеть Луну», - подчеркнула она. Женщина за конторкой отнеслась любезно к молодой парочке, внезапно появившейся в отеле. Тем более, что в тот вечер в нем совершенно случайно оказалось много свободных мест. Кроме того, она с первого взгляда почувствовала к ним симпатию. Послала коридорного проверить, хорошо ли видна Луна в одном из номеров-люкс для новобрачных, затем передала Аомамэ ключ. И взяла плату за номер с особой скидкой.

- Разве сегодня полнолуние? - заинтересованно спросила она Аомамэ. До сих пор она слышала от жильцов различные многочисленные требования, пожелания и просьбы. Но еще ни разу не встречала таких клиентов, кто бы так серьезно просил номер, из которого должна была хорошо видна Луна.

- Нет, - ответила Аомамэ. - Такая фаза Луны прошла. Теперь Луна на две трети от своего размера. Но это не важно. Главное - чтобы её было видно.

- Вы любите смотреть на Луну?

- Обожаем, - улыбаясь, ответила Аомамэ.

Хотя уже рассветало, Лун не становилось больше. На небе оставался только один, привычный, диск Луны. Единственный спутник, который исконно крутится с неизменной скоростью вокруг

Земли. Поглядывая на Луну, Аомамэ приложила руку к низу живота и еще раз убедилась, что он заключает в себе *маленькое создание*. Чувствовала, что живот немного увеличился.

«Какой это мир, я еще не знаю, - рассуждала она. - Но независимо от того, какой он, я в нем, наверное, останусь. *Мы* в нем останемся. Возможно, и в нём нас подстерегают его угрозы и опасности. Наверное, этот мир переполнен своими загадками и противоречиями. И многими темными дорогами, которыми придется пройти. Но это не важно. Безразлично. Я с удовольствием его приму. И никуда отсюда не уйду. Что бы ни случилось, мы останемся в этом мире с одной Луной. Втроем - Тэнго, я и наше маленькое творение.

«*Впустите тигра в свой бензобак*», - говорил тигр фирмы «Ессо». Он обращен к нам левой стороной своего силуэта. Но это не важно. Ведь его улыбка естественная и теплая. Поверим ему. Это самое главное», - и она улыбнулась так же. Естественно и дружелюбно.

Аомамэ протянула руку. Ее взял Тэнго. Они стояли вместе, объединившись в одно целое, и молча смотрели на Луну, проплывающую над домами. Освещенный новым утренним солнцем, лунный диск быстро терял свою ночную яркость, пока не превратился в кружочек, вырезанный из пепельной бумаги, висевший в небе.

Примечания

1

Натто - перекисшая и высушенная масса из соевых бобов. (Здесь и далее - прим, переводчика.)

2

Коан - вопрос, используемый для познания сущности дзэн-буддизма.

3

Отрывок из «Токийского дневника» Хяккена Утида (1889-1971), известного своими многочисленными дзуйхицу (японскими эссе) и короткими рассказами с неожиданным поворотом сюжета.

4

Якудза - японские гангстеры.

5

Исаак Динесен - псевдоним датской писательницы Карен Бликсен (1885-1962), которая в своей главной книге «Из Африки» (1937) колоритно описывает свою жизнь в Африке.

(пер. Аркадий Кабалкин)

6

Прерванный половой акт (лат.).

7

Японская группа 70-х годов.

8

Йосуи Иноуэ (род. 1948 г.) - автор японских популярных песен

9

Перевод С.М.Соловьева

10

Тюоринкан - часть города Ямато префектуры Канагава.

11

«Железный человек № 28» - популярный персонаж «манга» и анимационных фильмов.

12

Людвиг Витгенштейн (1889-1951) - австрийско-английский философ, один из основателей аналитической философии.

13

Мугиатама - ячменный колосок.

14

Фукуске - бог счастья в образе куклы с большой головой и короткими ногами.

15

Татами - циновка из рисовой соломы, площадью 1,5х2м.

16

Дзамудза - персонаж из книги с рисунками в стиле «манга».

17

Онаси - большая груша.

18

Нагамими - длинноухий.

19

Дзидзо - буддийское божество, покровитель детей и путников.

20

Кю Сакамото (1941-1981) - известный японский актер и певец.

21

Фамилия Кавана записывается двумя иероглифами.

22

Тории - ворота на пути в синтоистский храм.

23

Агонаси - безбородый.

24

На самом деле над дверью в «Башни» есть такая надпись на латыни: «*Philomenis sacrum*

- *Fausti poenitentia* », т.е.« Гибель Филомена - раскаяние Фауста ».

А над дверью семейного дома Юнга в городе Кюснахте высечены такие слова: «*Vocatus atque non vocatus, Deus aderit* », т.е.« Назван или не назван, Бог здесь есть », которые в переводе на английский язык - «*Called or not called, God is present*» - близкие по звучанию к высказыванию: «*Cold or not cold, God is present*» («Холодный или не холодный, Бог здесь есть»).

25

Примерно 10 тысяч долларов США.